

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)

ISSN 2313-6871 (online)

Russia as a Laboratory for European Projects

The Algebra of Happiness: Utopia in Russia
during the Stalin Era

Peter the Great's Swedish Prisoners of War

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

2015 № 4

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg,
Russia

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

«Quaestio Rossica» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области культуры, искусства, истории, археологии, лингвистики и литературы России. Задача журнала – расширить представления о российском гуманитарном дискурсе в пространстве мировой науки. Приоритет отдается публикациям, в которых исследуются новые исторические и литературные источники, выполняются требования академизма и научной объективности, историографической полноты и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. По решению редакции часть статей переводится с иностранного языка на русский, часть – с русского на английский. Основанием является возможность расширения читательской аудитории. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed academic journal focusing on the study of Russia’s culture, art, history, archaeology, literature and linguistics. The journal aims to broaden the idea of Russian studies within discourse in the humanities to encompass an international community of scholars. Priority is given to articles that consider new historical and literary sources, that observe rules of academic writing and objectivity, and that are characterized not only by their critical approach but also their historiographic completeness. The journal publishes articles in Russian, English, German and French. The Editorial Board may decide to translate an article from a foreign language into Russian or from Russian into English which is explained by the need to reach a wider reading public. A full-text version of the journal is available free-of-charge on the journal’s website and is published in the database of the Russian Science Citation Index of the Russian Universal Scientific Electronic Library. For more information on the journal and about article submissions, please consult the journal’s website: <http://qr.urfu.ru>

Журнал индексируется в *Web of Science*.

The journal is indexed by *Web of Science*.

Подписка на журнал осуществляется по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс издания 43166.

Адрес редакции: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Россия, 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 262
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Office 262, 51 Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Staff

Editor-in-Chief: Prof. **F.-D. Liechtenhan** (France, Paris-Sorbonne University; French National Centre for Scientific Research); Section Editors: *Historical Studies* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS), *Cultural Studies and Philology* – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Reviews Section Editor: Prof. **Maria Litovskaya**, Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Lead Translator: Dr **Tatiana Kuznetsova** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Executive Secretary Associate: Dr **Konstantin Bugrov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Elena Berezovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **Matthew Binney** (USA, Seattle, Eastern Washington University); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Natalia Kupina** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Oleg Leybovich** (Russia, Perm State Academy of Art and Culture); PhD **Jordan Lyutskanov** (Bulgaria, Sofia, Bulgarian Academy of Sciences); PhD **Graham H. Roberts** (France, Paris West University Nanterre La Defense); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Dmitry Serov** (Russia, Novosibirsk State University of Economics and Management); PhD **Michel Tissier** (France, University of Rennes 2); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, Saint Petersburg Institute of History of RAS); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples “L’Orientale”); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, National Research University – Higher School of Economics); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A & M University); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford); PhD **Andrey Keller** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Dr **Sergey Nefedov** (Russia, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, The Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration); Dr **Igor’ Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Dr hab. **Yakub Sadovski** (Poland, Krakow, Pontifical University of John Paul II); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS)

Редакционная коллегия

Главный редактор: проф. **Ф.-Д. Лиштенан** (Франция, Париж, Сорбонна; Национальный центр научных исследований); ответственные редакторы: *по историческим наукам* – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН), *по культурологии, искусствоведению и филологии* – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); отдел рецензий: проф. **М. А. Литовская** (Россия, Екатеринбург, УрФУ), доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); редактор перевода: доц. **Т. С. Кузнецова** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); ответственный секретарь: к. и. н. **К. Д. Бугров** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Е. Л. Березович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **М. Бинне** (США, Сизтл, Университет Восточного Вашингтона); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Н. А. Купина** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **О. Л. Лейбович** (Россия, Пермская государственная академия искусства и культуры); PhD **Йордан Люцканов** (Болгария, София, Институт литературы БАН); PhD **Г. Робертс** (Франция, Университет Западный Париж-Нантер-ля-Дефанс); проф. **Д. О. Серов** (Россия, Новосибирский государственный университет экономики и управления); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); PhD **М. Тиссье** (Франция, Ренн, Университет Ренн 2); проф. **Д. Уо** (США, Сизтл, Университет Вашингтона)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербург, Институт истории РАН); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); PhD **А. В. Келлер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинки университет); д. и. н. **С. А. Нефедов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Российская академия народного хозяйства и государственной службы); д. и. н. **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); д. и. н. **Я. Садовский** (Польша, Краков, Папский университет Иоанна Павла II); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

Truth and Fantasy behind the Soviet Utopia [in English, in Russian] 7	Truth and Fantasy behind the Soviet Utopia [in English, in Russian] 7
---	---

Problema voluminis

Утопии тоталитаризма: текст надежды и отчаяния	Utopias of Totalitarianism: A Text of Hope and Despair
<i>Giovanni Maniscalco Basile.</i> The Algebra of Happiness: Yevgeny Zamyatin's <i>We</i> 19	<i>Giovanni Maniscalco Basile.</i> The Algebra of Happiness: Yevgeny Zamyatin's <i>We</i> 19
<i>Alla Vronskaya.</i> The Utopia of Personality: Moisei Ginzburg's Project for the Moscow Park of Culture and Leisure 40	<i>Alla Vronskaya.</i> The Utopia of Personality: Moisei Ginzburg's Project for the Moscow Park of Culture and Leisure 40
<i>Елена Ефремова.</i> «Здесь будет город-сад»: утопический образ города в заводской газете Уралмаша 57	<i>Elena Efremova.</i> Here will be a Garden-city Utopian Image of a City in the Uralmash Plant Newspaper 57
<i>Евгений Алексеев.</i> «Звучание тишины»: контрасты и пара- доксы сталинской эпохи в газетной графике 83	<i>Yevgeny Alekseev.</i> The Sound of Silence: The Contrasts and Paradoxes of Stalin's Era in Newspaper Graphics 83
<i>Наталья Граматчикова, Лидия Енина.</i> Книга о любви и верности: реконструкция образа отца-коммуниста в воспоминаниях дочери 109	<i>Natalia Gramatchikova, Lidia Yenina.</i> A Book of Love and Devotion: A Communist Father's Image Reconstruction in the Daughter's Memoirs 109
Иностранные инвестиции в России: идеи, технологии, финансы	Foreign Investments in Russia: Ideas, Technologies and Finance
<i>Даниэль К. Уо.</i> Распространение новостей в России XVII в.: эпистолярный опыт Патрика Гордона 130	<i>Daniel C. Waugh.</i> Communication in Russia in the 17 th Century: the Evidence in Patrick Gordon's Correspondence 130
<i>Svetlana Kuzmina.</i> <i>Syndicat des affaires russes</i> et son rôle dans la formation du complexe militaro- industriel de la Russie à la veille Première Guerre Mondiale 145	<i>Svetlana Kuzmina.</i> <i>Syndicat des Affaires Russes</i> and Its Role in the Military-Industrial Complex of Russia on the Eve of World War I. 145

<i>Thierry Claeys. Les investissements français en Russie de 1857 à 1914: conseils, expertises et stratégies</i> 163	<i>Thierry Claeys. French Investments in Russia between 1857 and 1914: Councils, Expertise and Strategies.</i> 163
<i>Roberto Cantoni. Breach of Faith? Italian-Soviet Cold War Trading and ENI's International Oil Scandal.</i> 180	<i>Roberto Cantoni. Breach of Faith? Italian-Soviet Cold War Trading and ENI's International Oil Scandal.</i> 180
<i>Falk Flade. Ein glänzendes Zeugnis des sozialistischen Internationalismus – Planung und Bau der Erdgasleitung Sojuz (1974–1979)</i> 199	<i>Falk Flade. A Vivid Example of Socialist Internationalism: The Design and Construction of the Soyuz Gas Pipeline (1974–1979).</i> 199

Disputatio

<i>Елена Главацкая, Гуннар Торвальдсен. Сибирский Вавилон: шведские узники в начале XVIII в.</i> 215	<i>Elena Glavatskaya, Gunnar Thorvaldsen. Siberian Babylon: Swedish Prisoners of War in the Early 18th Century</i> 215
<i>Евгений Пчелов. Символика даров семье хана Кучума</i> 241	<i>Yevgeny Pchelov. The Symbolism of Gifts to the Family of Kuchum Khan.</i> 241

Heritage

Nomina et scholae

<i>Natalia Shirobokova. A Tribute to Elizaveta Ubryatova: Professional Life and Personal Destiny</i> 251	<i>Natalia Shirobokova. A Tribute to Elizaveta Ubryatova: Professional Life and Personal Destiny</i> 251
--	--

Critica

<i>Константин Бугров. Этот поезд в огне: хорошие и плохие революции Мартина Малиа.</i> 267	<i>Konstantin Bugrov. This Train Is On Fire: Good and Bad Revolutions of Martin Malia.</i> 267
<i>Владимир Аракчеев, Дмитрий Редин, Юлия Русина. Не объяснить, а понять.</i> 277	<i>Vladimir Arakcheev, Dmitry Redin, Yulya Rusina. To Understand Rather than Explain</i> 277
Сокращения 296	Abbreviations 296

VOX REDACTORIS

DOI 10.15826/QR.2015.4.123

TRUTH AND FANTASY BEHIND THE SOVIET UTOPIA

Messieurs, lorsqu'en vain notre sphère
Du bonheur cherche le chemin,
Honneur au fou qui ferait faire
Un rêve heureux au genre humain!

P.-J. de Béranger. Les Fous. 1833

We were born to make the fantasy come true...

P. German. The March of the [Soviet] Aviators. 1923

A famous fragment of Béranger's poem, devoted to utopian socialist ideas that were rooted in the French Revolution, acquires a distinctive meaning in Russian culture. In Maxim Gorky's *The Lower Depths* (1902), the 'happy dream' inverts to become its own grim opposite.

Gorky's play does not answer why the 'fool' in the play 'has spoiled the song', but it introduces a recurrent motif in Soviet life, the theme of utopia, which dramatically shaped all aspects of culture, especially during the Stalinist period. The fourth issue of *Quaestio Rossica* for 2015 contemplates a very particular type of utopia that seemingly changes what constitutes utopian elements in culture. Indeed, the inter-war (can we call it Stalinist?) Soviet Union became an *inverted utopia*, and this issue of *QR*, which is entitled 'Totalitarian Utopia: the Text of Hope and Despair', delineates the theme's major categories. We have to clarify that 'text' should be understood broadly, in terms of classical literature and confessional writing, as well as architectural projects and newspaper graphics.

The current issue's main theme unfolds in the article by Professor *Giovanni Maniscalco Basile* (Università di Roma III), who uncovers the 'algebra of happiness' in Yevgeny Zamyatin's classic, *We* (1921). G. Basile analyzes this famous anti-utopia in terms of certain 'formulas' of happiness that not only establish common principles for all individuals but also transform the category of 'happiness' into a mechanism of oppression.

Alla Vronskaya (PhD student, at the Swiss Federal Institute of Technology in Zürich) examines the project for architecture and landscape for the Central Park of Culture and Leisure in Moscow, which was designed in 1931 by Moisey Ginzburg. A. Vronsky argues that Ginzburg followed a city-planning principle of ‘deurbanization’, which took the individual, as opposed to the collective, for society’s basic unit. Accordingly, the city park became not merely a space for recreation but also the embodiment of ‘personal Utopia’, thereby creating a space for social transformation. Both of these ideas impeded its realization in the Stalinist state. The article’s visual artifacts contain original blueprints and designs that demonstrate Ginzburg’s progress with the project, and these documents were generously shared by the A. V. Shchusev State Museum of Architecture in Moscow.

Two articles relate the history of socialist utopia in the legendary Urals Plant for Heavy Machinery (Uralsmash), one of the world’s largest heavy machinery plants located in Ekaterinburg, Russia. Uralsmash’s construction began during the First Five-Year Plan, and was completed in 1933 along with a socialist city for workers, which was erected out of ‘nothingness’.

Dr. *Elena Efremova* (the Sverdlovsk Regional Universal Scientific Library) analyzes the newly-born, socialist town’s utopian imagery, which appeared in the plant’s newspaper, *Za tyazheloe mashinostroenie* (*For Heavy Machinery*). At the time, a writer and journalist, Leopold Averbach, served as the plant’s First Secretary of the Regional Committee of the Communist Party. According to the author, Averbach created the plant’s newspaper and enthusiastically invented the image of the never-before-seen ‘city of Sergo [Ordzhonikidze]’, ‘Uralsmash-the-Handsome’. Later the newspaper appeared to create for the town a peculiar type of identity, which survived the decline of socialism and the demolition of the plant itself. The newspaper’s utopian ideas reach their peak in a letter to Herbert Wells, which evokes science fiction writers of the time by using bold and vivid descriptions, offering a remarkable vision of a futuristic, 1950s Uralsmash.

Continuing with the same Uralsmash newspaper, Dr. *Yevgeny Alekseev* (Ural Federal University, Ekaterinburg) examines its illustrated material. Various placards, drawings and cartoons accompanied articles and described the manufacturing process; they created a recognizable and influential ‘Soviet newspaper style’, infusing energy and dynamics within the Soviet utopia. Along with utopian imagery, the newspaper featured caricatures, which exposed ‘enemies of the people’ and ‘World Capitalism’.

An article, co-authored by Dr. *Natalia Gramatchikova* (Institute of History and Archaeology of UB RAS, Ekaterinburg) and Dr. *Lydia Yenina* (Ural Federal University, Ekaterinburg), studies the documentary

novella, 'Life of a Soviet family in the 30s and 40s of the 20th century' by Stalda Navarska. Navarska's father, Boris Stepanov, is the central character, and his biography appears to invert the utopia of Stalin's Soviet Union. The young and vigorous secretary of the regional Communist Party in Berezov was tortured in the 1937 repressions but later rehabilitated and restored within the Party; during the first days of WWII, he went to the frontlines and then died in a hospital during a 1942 bombing. In her father's memoir, Stalda Navarska generally follows the logical order of his diary entries (extremely interesting in their own right); however, she carefully constructs an idealized image, while banning reflective contemplation and reinventing certain dramatic events in her family's history. N. Gramatchikova's study convincingly reveals how a family's historical narrative offers complex and contradictory mechanics that appear to 'grow through the cracks and gaps of family memory.'

This issue of *Quaestio Rossica* contains a follow-up to the previous discussion on the history of foreign investment in Russia (see: *Quaestio Rossica*, 2015, nr. 3). Russia's introduction to prospective ideas and technologies and their further modifications under new conditions continues in the article by Professor *Daniel Waugh* (University of Washington, Seattle). Waugh examines the postal service's organization in Russia from the end of the 17th to the beginning of the 18th century by examining the diary and correspondence of Patrick Gordon, a general and rear admiral of Scottish origin, who served in Peter the Great's army. Peter the Great sought to attract foreign professionals to regulate the postal service and to accelerate the delivery of personal and official information from Europe. This article concludes the author's examination of Russia's postal service, which started in the previous issue of *QR*.

The article by PhD student, *Svetlana Kuzmina* (Sorbonne IV, Paris), acknowledges that after World War I military objectives not only accelerated technological development but also offered a means for cooperation with the Franco-Belgian financial group, 'Syndicat des Affaires russes'. Drawing from archival materials, the author argues that Russian experts skillfully used their European connections and benefited from the success of the syndicate; such success overturns the myth that Russia was unprepared for war.

The article by Dr. *Thierry Claeys* (University of Paris – Sorbonne) scrutinizes the strategy and dynamics of French investments in Russia between 1857 and 1914. Drawing from archival data, the author demonstrates how French investments in railway development in southern Russia changed the region's economic outlook and how efforts of engineers, bankers and diplomats made French investments a significant factor for Russia's economic development in the early 1870s.

Dr. *Roberto Cantoni* (LATTS – Ecole des Ponts, Paris) in ‘Breach of Faith? Italian-Soviet Cold War Trading and ENI’s “International Oil Scandal”’ examines conflicting economic and political interests in Europe during the Cold War. The economic necessity for Italy to purchase Russian oil resulted in strong opposition from other participants in the European Economic Community. The author attentively considers the big oil scandal, which became a test for defending Italy’s interests.

Dr. *Falk Flade* (European University Viadrina, Frankfurt am Oder) outlines the difficulties that persisted between COMECON countries during the construction of the ‘Soyuz’ gas pipeline between 1974 and 1979. Financial difficulties compelled the Soviet Union to seek aid from countries with more financial stability.

Our traditional *Disputatio* Section features an article by Professors *Elena Glavatskaya* (Ural Federal University, Ekaterinburg) and *Gunnar Thorvaldsen* (University of Tromsø, Norway), who discuss materials from Russian and Swedish archives. Research demonstrates the fate of Swedish prisoners, who were brought to Russia after Peter the Great’s victory at the Battle of Poltava. Apart from offering new information on biographical history, the article explores how the prisoners adapted to overcome humiliation and to survive; they sought to simultaneously maintain their ethnic and religious identity and manage their coexistence with the local population of Siberian Babylon, Tobolsk. The article’s research alludes to the migration of new ideas and skills into Russia, especially as images and ideas of other cultures by force of circumstances influenced the culture.

The article by Dr. *Yevgeny Pchelov* (Russian State Humanitarian University, Moscow) provides a glimpse of everyday life for Siberian Tatars. Pages from historical documents vividly describe gifts made over a period of time to the Kuchum family. The article depicts a colorful world of everyday objects and illustrates the Russian ambassadors’ careful and considerate approach, as they brought gifts, which were sensitive to local traditions and values, to the master of 16th-century Siberia. Apart from listing the gifts, the article outlines their symbolic meaning.

In the *Heritage. Nomina et scholae* Section, Dr. *Natalia Shirobokova* (Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk) writes about her teacher, a specialist in northern languages, Elizaveta Ivanovna Ubriatova. Her interest in the languages of indigenous minority groups was predicated not merely by scientific quest but also by her deep belief that language preserves culture. Ubriatova concerned herself with the fate of people for whom preserving their native language was equal to preserving their national identity.

In the *Critica* Section of *Quaestio Rossica*, Dr. *Konstantin Bugrov* (Institute of History and Archaeology, UB RAS, Ekaterinburg) reviews M. Malia’s

Locomotives of History. Revolution and the Making of the Modern World. The reviewer carefully considers *pro et contra* of the author's argument about the systematization of revolution and reveals strengths and weaknesses in Malia's comparative approach. It is clear that the American historian's work will continue to evoke stimulating and ambiguous responses.

The second review, authored by Professor *Dmitry Redin* (Institute of History and Archaeology, UB RAS, Ekaterinburg), Professor *Vladimir Arakcheev* and Assistant Professor *Julia Rusina* (both of Ural Federal University, Ekaterinburg), highlights a new textbook on Source Studies, written by a collection of authors and published by the Higher School of Economics in 2015. The reviewers assess the authors' theoretical basis, classification of historical documents and methods for analysis. These exhaustive notes on professionals in the field will positively contribute to the improvement of source documents and the education of future, qualified historians.

The Editorial Board hopes to focus the reader's attention on the variety of materials in *Quaestio Rossica* and promote their further inclusion into bibliographies dealing with the relevant topics.

L. Soboleva, K. Bugrov
Translated by *Anna Dergacheva*

Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не умеет —
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!
П.-Ж. Беранже. Безумцы. 1833

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...
П. Д. Герман. Марш авиаторов. 1923

Знаменитый фрагмент стихотворения Беранже, посвященного социалистам-утопистам, чьи идеи стали основой для французской революции, в российской культуре воспринимается особо, а в контексте пьесы Максима Горького «На дне», напоминающей о способности «золотого сна» оборачиваться своей драматической противоположностью, полемично. И рядом с «золотым сном», который цитирует у Горького Актер, неизменно слышны высказывания Сатина после самоубийства персонажа: «Эх... Испортил песню... дурак!»

Почему «дурак» смертью своей испортил песню, ответа окончательного и единственного пьеса не дает. Но тема утопии для советской действительности становится важнейшей константой, определяющей пространство культуры особенно драматично в сталинский период. Четвертый за 2015 г. номер журнала *Quaestio Rossica* поднимает тему утопии, причем вполне конкретной – той, которая навсегда изменила манеру обсуждения утопического начала. Ведь межвоенный – можно ли сказать «сталинский»? – Советский Союз стал примером инверсии утопии, которую журнал выразил в формулировке главной темы: «Утопии тоталитаризма: текст надежды и отчаяния». Причем «текст» здесь понимается предельно широко, речь идет и о классической и наивной литературе (воспоминания), и об архитектурных проектах, и о газетной графике.

Начало рассмотрению темы кладет статья профессора *Джованни Манискалко Базиле* (Университет Рим III), посвященная «алгебре счастья» в классическом тексте Евгения Замятина – романе «Мы». Дж. Базиле выстраивает анализ антиутопии вокруг своеобразных «формул» счастья, которые, объясняя единые принципы жизни для каждого, тем самым превращали категорию счастья в механизм подавления личности.

Докторант *Алла Вронская* (Цюрих, Швейцарский федеральный технологический институт) рассматривает проект Центрального парка культуры и отдыха в Москве, подготовленный знаменитым архитектором Моисеем Гинзбургом в 1931 г. По мнению А. Вронской, Гинзбург следовал градостроительным принципам «дезурбанизма», считая индивида (но не коллектив!) базовой единицей общества. Соответственно, парк, по его проекту, должен был стать не просто рекреационной зоной, но воплощенной «утопией личности», механизмом социальной трансформации, что и предопределило отказ от его воплощения в сталинском государстве. Особый интерес представляют приводимые в статье визуальные материалы, любезно предоставленные Государственным музеем архитектуры имени А. В. Шусева, – схемы и чертежи, отражающие принципы работы Гинзбурга над проектом парка.

Две статьи посвящены истории социалистической утопии, которая нашла свое воплощение в Екатеринбурге, – легендарному Уралмашу. Возведение Уральского завода тяжелого машиностроения развернулось в первую пятилетку; завод был пущен в 1933 г., а рядом с ним на пустом месте поднялся соцгород Уралмаш. Кандидат филологических наук *Елена Ефремова* (Екатеринбург, Свердловская областная универсальная научная библиотека имени В. Г. Белинского) детально анализирует утопические образы уралмашевского соцгорода в материалах заводской газеты «За тяжелое машиностроение».

Первым секретарем райкома партии на Уралмаше был в то время известный публицист и литератор Леопольд Авербах. Именно он, по обоснованному мнению автора, был непосредственно причастен к выпуску заводской газеты, старательно формировавшей образ небывалого «города Серго», «красавца Уралмаша», и в конечном счете внесшей определяющий вклад в становление особой идентичности, пережившей распад не только социалистического строя, но и самого завода-гиганта. Своего рода кульминацией утопических воззрений стало письмо Герберту Уэллсу, где в деталях, достойных пера писателей-фантастов, рисовался Уралмаш 1950-х гг.

В фокусе внимания кандидата искусствоведения *Евгения Алексева* (Екатеринбург, Уральский федеральный университет) находится газетная графика этого уралмашевского издания. Освещение производственного процесса сопровождалось публикацией разнообразных плакатов, рисунков, карикатур, формировавших узнаваемый и влиятельный «советский газетный стиль», придавший советской утопии энергию и динамику. Рядом с утопическим миром в графике представлены разоблачительные карикатуры на врагов народа и мировой капитализм.

Статья *Натальи Граматчиковой* (Екатеринбург, Институт истории и археологии РАН) и *Лидии Ениной* (Екатеринбург, Уральский федеральный университет) посвящена анализу документальной повести Стальды Наварской «Жизнь одной советской семьи в 30-е и 40-е годы 20 века». Центральной фигурой повествования является ее отец Борис Степанов. Его биография словно воплощает инверсию утопического в сталинском СССР: энергичный молодой секретарь парторганизации в Березове попал в 1937 г. под каток репрессий, подвергся пыткам, затем был реабилитирован и восстановлен в партии, ушел на фронт с первых дней войны и погиб в госпитале при бомбежке в 1942 г. Вспоминая об отце, Стальда Наварская в целом следует за логикой его дневниковых записей (которые сами по себе чрезвычайно интересны), тщательно создавая идеальный образ, табуируя рефлексии и одновременно на свой лад переосмысливая драматические повороты в истории своей семьи. Анализ Н. Граматчиковой последовательно раскрывает сложную, противоречивую механику нарратива семейной истории, который «прорастает из разломов и лакун семейной памяти».

В данном номере *Quaestio Rossica* продолжается обсуждение истории иностранных инвестиций в России, начатое в третьем выпуске журнала за 2015 г. Приобщение России к перспективным идеям и технологиям и их дальнейшим модификациям в новых условиях актуализировано в статье профессора *Даниэля Уо* (Сиэтл, Вашингтонский университет). На основании анализа дневника Патрика Гордона и его

переписки рассматривается организация почтовой связи в России конца XVII – начала XVIII в. Петр Великий активно привлекал иностранных специалистов, стремясь усовершенствовать и сделать регулярными почтовые сообщения и ускорить получение из европейских стран информации как личного характера, так и официального плана. Статья завершает разработку темы почтовой службы в России, начатую автором в предыдущем номере (см.: *Quaestio Rossica*. 2015. № 3).

Признание того, что военные задачи вызывают усиленное развитие технологий, и анализ уникального опыта взаимодействия в организации франко-бельгийской финансовой группы *Syndicat des Affaires russes* перед Первой мировой войной звучат в статье докторанта *Светланы Кузьминой* (Париж, Сорбонна IV). Умело и вполне успешно российские специалисты использовали европейские возможности. Архивные материалы свидетельствуют о плодотворной деятельности синдиката и развенчивают миф о тотальной неподготовленности России к войне.

Динамика стратегии французских инвестиций в Россию между 1857 и 1914 г. подробно проанализирована в материалах *Тьерри Клайса* (Франция, университет Париж-Сорбонна). Используя новые архивные данные, автор показал, как французские инвестиции в развитие железных дорог на юге России изменили состояние региона, и благодаря усилиям инженеров, банкиров и дипломатов французские инвестиции стали одним из важнейших факторов российского экономического развития начиная с 1870-х гг.

Доктор наук *Роберто Кантони* (Париж, LATTS – Ecole des Ponts) рассматривает в своей статье конфликт экономических и политических интересов в Европе периода холодной войны. Необходимость и экономическая целесообразность покупки российской нефти Италией вызвали резкое противодействие других стран Европы, входивших в состав Европейского экономического сообщества. Автор подробно рассматривает различные стороны этого нефтяного скандала, ставшего для Италии своеобразной проверкой на прочность в отстаивании ею собственных интересов.

В статье доктора *Фалька Фладе* (Франкфурт-на-Одере, Европейский университет) анализируются противоречия, возникшие между странами СЭВ при строительстве газопровода «Союз» (1974—1979). Финансовые трудности привели к обращению Советского Союза к странам, более стабильным в финансовом отношении.

Традиционная рубрика *Disputatio* («Исследования») представлена статьей профессоров *Гуннара Торвальдсена* (Норвегия, университет Тромсё) и *Елены Главацкой* (Екатеринбург, Уральский федеральный университет). В ней на основании российских и шведских архивов

рассматривается судьба шведских пленных, попавших в Россию после Полтавской победы Петра Первого. Помимо новых исторических фактов, в статье выявляются адаптивные механизмы, «включающиеся» в условиях непростой ситуации, когда необходимо преодолеть унижение и выжить, сохранить национальную и религиозную идентичность и выстроить корректные отношения с местным населением «сибирского Вавилона» – Тобольска. Косвенным образом материал статьи связывается с темой миграции в Россию новых идей и навыков, а образы иной культуры становятся важной составляющей картины мира как тех, кто силой обстоятельств очутился в инокультурном пространстве, так и тех, кто контактировал с пришлыми.

В статье кандидата исторических наук *Евгения Пчелова* (Москва, Российский государственный гуманитарный университет) приводятся важные факты повседневной жизни сибирских татар, которые живописно рисуются на страницах исторических документов, описывающих подарки семье хана Кучума. В статье представлен многоцветный и предметно разнообразный мир, показывающий, насколько внимательно и адекватно по отношению к местным традициям и ценностям вели себя русские посланники, привозя подарки властному хозяину Сибири XVI в. Помимо предметной сути, в статье раскрывается символический смысл подарков.

В рубрике *Heritage. Nomina et scholae* («Наследие. Имена и школы») доктор филологических наук *Наталья Ширококова* (Новосибирск, Институт филологии СО РАН) пишет о своем учителе, специалисте в сфере языков народов Севера Елизавете Ивановне Убрятовой. Ее занятия языками малых народов диктовалось не только научными интересами, но и поддерживалось убеждением, что язык – главный хранитель культуры. Убрятову волновала судьба народов, для которых сохранение родного языка приравнивалось к сохранению идентичности.

В рубрике *Critica* освещается монография М. Малиа «Локомотивы истории. Революции и становление современного мира». Автор рецензии кандидат исторических наук *Константин Бугров* (Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН) последовательно рассматривает pro et contra аргументации автора в определении феномена революции, выявляет слабые и сильные стороны компаративистского подхода Малиа. Для него несомненно то, что работа американского историка еще будет вызывать различные и, что конструктивно, неоднозначные мнения.

Вторая рецензия трех авторов – профессоров *Дмитрия Редина* и *Владимира Аракчеева* (Екатеринбург, Институт истории и археологии РАН) и доцента *Юлии Русиной* (Екатеринбург, Уральский фе-

деральный университет) посвящена новому учебному пособию «Источниковедение», созданному авторским коллективом и изданному Высшей школой экономики в 2015 г. Рецензенты подробно и последовательно рассматривают теоретические положения авторов учебника, классификацию документов и предложенные методики анализа. Замечания профессионалов будут способствовать главному – совершенствованию работы с документами, оптимизации формирования исторической квалификации у студентов.

Редколлегия надеется на внимание читателей к материалам журнала и их дальнейшее включение в современную библиографию по поставленным проблемам.

Л. Соболева, К. Бугров

Problema voluminis

Utopias of Totalitarianism: A Text of Hope and Despair
Foreign Investments in Russia: Ideas, Technologies and Finance

Problema voluminis

Утопии тоталитаризма: текст надежды и отчаяния

Иностранные инвестиции в России: идеи, технологии, финансы

UTOPIAS OF TOTALITARIANISM: A TEXT OF HOPE AND DESPAIR

DOI 10.15826/QR.2015.4.124

УДК 821.161.1 Замятин-3+14

Giovanni Maniscalco Basile

THE ALGEBRA OF HAPPINESS: YEVGENY ZAMYATIN'S *WE*

To Darko Suvin, friend and fellow dystopian

A thing of beauty is a joy for ever.
J. Keats. Endymion

Beauty is truth and truth is beauty –
this is all ye know on earth, and all ye need
to know.

J. Keats. Ode to a Grecian Urn

Ah! tempo più non vè!
L. Da Ponte – W. A. Mozart. Don Giovanni

Yevgeny Zamyatin's novel *We* is one of the most important "Utopian-Dystopian" novels of the first half of the 20th century and was originally considered a criticism of the Communism established in Russia after the Bolshevik Revolution, during the so-called War Communism, with the loss of revolutionary thrust and new stifling social rules. As a result, critics have seen *We* as a dystopian novel, in part inspired by Dostoevsky's *Poem of the Great Inquisitor*.

Dostoevsky's opposition between freedom and happiness is in fact deeply reflected in the mirror of Zamyatin's *We* as the happiness of the Only State, which is really what people experiment in passively obeying the often unwritten laws issued by the Great Benefactor, is opposed to the burden of choice: the same freedom which the Great Inquisitor saves mankind from with the strict allegiance to the Church laws that, while betraying the message of the Gospel, frees mankind from sin, transferring it to the Church itself.

However, it is possible to find a different interpretation of the opposition happiness/freedom that hinges on the idea of beauty weaved into the fabric of Zamyatin's novel. In Zamyatin's novel, beauty takes on a redeeming role which, although totally unfree – like the dance the Author writes about at the beginning of the novel – is not subject to any kind of external constraints. This interpretation makes *We* no longer a dystopia, but a utopia of time, following the pattern about which Zamyatin had written in his essay *Skythians?* The model

of a Scythian who rides along the steppe, who does not know where he comes from, nor where he is going to and whose happiness lies in the journey, in his horse, and in the endless steppe.

The idea of beauty as an endless ride therefore transforms a dystopia into a different model in which Utopia is “here and now” forever: a Utopia of time.

Keywords: Utopia; Dystopia; Zamyatin; Beauty and Happiness.

В статье с парадоксальным названием «Алгебра счастья: “Мы” Евгения Замятина» автор – известный итальянский славист – обращается к наиболее значительному тексту писателя. Роман Евгения Замятина «Мы», один из важнейших романов первой половины XX в., написанный в жанре антиутопии/утопии, первоначально трактовался как критика коммунизма, установившегося в России после Октябрьской революции во времена так называемого военного коммунизма, связанного с потерей революционного подъема и новым удушающим общественным порядком. Вследствие этого критики рассматривают «Мы» как роман-антиутопию, отчасти вдохновленный притчей Достоевского «Великий инквизитор». Противопоставление свободы счастью у Достоевского переключается с представлением о счастье в Едином Государстве в произведении Замятина, с тем, что люди испытывают, безучастно повинувшись неписаным законам, принятым Благодетелем. Этому чувству противопоставлено бремя выбора – та же свобода, от которой Великий Инквизитор спасает человечество при помощи полного подчинения законам церкви, «исправившей» суть Евангелия и освободившей человечество от греха, взяв его на себя.

Однако можно найти и другое толкование оппозиции счастье/свобода, которое основывается на идее красоты, вплетенной в полотно замятинского повествования. В романе Замятина красота играет роль искупительной жертвы, и, хотя она совершенно лишена свободы, она подобна танцу, который автор описывает в начале романа, и не скована никакими внешними условностями. В рамках этой трактовки «Мы» уже не антиутопия, но утопия времени, и выражает идеи, подобные тем, что звучат в статье Замятина «Скифы ли?». Образ скифа, скачущего верхом по степи, не знающего, откуда он и куда направляется, счастье которого – в самой вечной скачке, в коне, в бескрайней степи, становится для писателя знаковым.

Представление о красоте как о бесконечном пути, таким образом, преобразует антиутопию в другой жанр, в котором утопия всегда трактуется «здесь и сейчас», то есть как утопия времени.

Ключевые слова: утопия; антиутопия; Замятин; красота и счастье.

In the first of his Norton Lectures (Eco), Umberto Eco painstakingly reconstructs the topographical details given by Alexandre Dumas in *The Three Musketeers* about the routes D'Artagnan, Athos, Porthos and Aramis took from the house of Monsieur de Tréville to their homes, and from one home to the other, concluding that in 17th-century Paris no road existed leading to the house of the most enigmatic of the four Musketeers, Aramis.

The Musketeer, who shall reappear at the end of *The Viscount of Bragelonne* as the Duke of Alameda and the General of the Jesuits, has a home no road leads to. Despite Dumas' richness of details, his Paris does not coincide completely with the one in which, if they had existed, his Musketeers would have strolled, and it has somewhat more mystery than the real one.

This applies more or less to most of the cities and to the places where literary works are set. The diaphanous glow of Dostoevsky's *White Nights* is a little more diaphanous than the one which the Petersburgers of his time would have observed walking along the embankment of the Fontanka. The same happens to the garrison where Pyotr Andreyevich Grinëv falls in love with *The Captain's Daughter* and to the Caucasian village where Tolstoy set his short novel *The Cossacks*.

Each of the topographic or geographical anomalies, generally, is not haphazard, but stresses a point in the narrative structure of the work: the mystery of the house of Aramis and its elusive ambiguity; the almost unnatural clarity of the white nights which shows the subtext of the tale and later the tragedy of the love between the "dreamer" and Nastenka; the "naturalness" of life in the Cossack village, which reveals the illusions of the young Tolstoy. The subtle mismatch between the real and the imaginary places has therefore a precise narrative value and it is an element that must be kept in mind in the literary analysis.

Sometimes the separation between real and narrative places is more definite and the distance between them is wider. Sometimes, in fact, the real place does not exist at all except as a term of an implicit comparison. This is the case of the many non-places that populate the literary genre stemmed from Thomas More's *Utopia*¹.

The distance is more evident and at the same time more deceptive for the non-places which populate the genre, opposite and mysteriously similar, of dystopia. From a certain point of view, it might seem that a dystopia is nothing but a utopia turned upside down. In it, the perfection of the happy island seems to take the shape of a lethal immobility and of a prison built by a coercive and ruthless power. Instead, it is a much more complex narrative paradigm.

The difficulties in classifying dystopias within the canonical utopian sub-genres have given rise to many and often contradictory studies. After many years during which critics went on coining and abandoning different names and definitions, we are now approaching a common language [Suvin, 2010; Dark horizons; Maniscalco Basile, Suvin; Jameson]: dystopia could be seen as a subset of the utopian genre to which all the examples of narratives which build a "radically less perfect" world (*kakotopia*) belong and to which in turn two distinct sub-subsets of narratives belong [Suvin, 2010, pp. 381–382]. The first one includes examples of worlds which of worlds that claim to be a utopia, but instead they are a horror (anti-utopias); the second one

---

¹ In More's novel, in fact – as in many other instances of the genre – the reader knows quite well which real place the Utopian writer utopian intends to allude to: it is quite clear, in fact, the place where "sheep eat men", which Hythloday, T. More's navigator, speaks about: the England of the enclosures period.

includes the examples of worlds which are "radically less perfect" *tout court* (dystopias in the strict sense)².

In these studies, one element remains relatively in the shade: the idea that, as Utopia is another place, and Science Fiction speaks (also) of another time, dystopia is a continuum in which all four dimensions of space-time have an internal consistency and which has a disturbing connection with the writer and the reader's present "space-time."

The time of utopia, in particular, in the systematization made by Dar-ko Suvin of the dimensions of utopia (Locus, Horizon and Orientation³), is significant only when Locus and Horizon (the Utopian structure and its goals) coincide, as in the static, "closed," and 'dogmatic' utopia [Suvin, 2010, p. 18] like, for instance, *The City of Sun* by Tommaso Campanella.

In 'classical' dystopias instead – such as *1984* by G. Orwell or *We* by Ye. Zamyatin – the time takes the stead of the place, or rather the non-time (*u-cronos* or *pan-cronos*) takes the stead of the non-place (*u-topos*).

In fact, in the structure of the dystopian novels of the first half of the 20th century as well as in some American Science-Fiction novels of the second half of the 20th century, there is no trip to Utopia [Baccolini et al.]. The place where the action of the novel is carried out is indeterminate or total: it is not an island, but a continent, or the whole Earth. Therefore, the *topos* is not significant, nor is the historical time. The dystopian story is not necessarily set in the future: in the majority of cases it is so only for narrative needs and its setting in the future more often than not is a mere literary tool.

In fact, dystopia does not describe an elsewhere and an else-when, but a "here and now." As a result, in contrast to what has often been said, dystopia is not the opposite of a utopia of space, but of distortion of a utopia of time: rather it takes the shape a perverse variant of the Millenarian's New Advent.⁴

When it has a role in utopian narration, time is typically seen as a different kind of "place," far or near, which is *other* with respect to the author's and the reader's present. As the unreachable and happy island of Utopia is but a narrative instrument used to describe a "radically better world," the utopian time assumes an analogous connotation.

In 20th-century dystopia instead, time is not an 'accident' of the story, but an integral part of the fabric of its philosophical background and also the main key to its interpretation.

² Just after its publication, *We* was seen by most critics as a tragic parody of the Soviet State [Voronsky, p. 43; Mikhailov, p. 52]. On the possible influence of Jerome K. Jerome (*The New Utopia*) on *We*, see: [Sternbock-Fermor, p. 173]. Jerome's novel has been known in Russia since 1912. About the possible derivation of some of the narrative elements of *We* from *Krasnaya Zvezda* by A. A. Bogdanov, see: [Lewis, Weber, p. 186].

³ In Suvin's classification, the Locus is the panorama of space and time in which the narrative action takes place, the Horizon is the fate which the action of protagonists of the story draws them to, and Orientation is the direction of their actions [Suvin, 2010, p. 18; Suvin, 2004; Gregg].

⁴ The difficulty to classify dystopias within the 'canonical' subgenres of utopia [Mannheim] has given rise to a rich debate and to many studies [Dark horizons; Maniscalco Basile, Suvin; Jameson; more recently, cf. Suvin, 2010]. The debate has been particularly rich and interesting about the two more important twentieth-century dystopias that have established the model of the genre, Ye. Zamyatin's *We* and G. Orwell's *1984*.

Zamyatin's novel, in particular, reflects this feature in a deep and ambiguous way, and the way in which new and old motives mingle makes it quite likely that it is the mine which a good deal of twentieth-century dystopias have drawn materials and ideas from.

In the critical tradition, *We* was seen above all as a fruit of the tree of the *Poem of the Great Inquisitor* about which Ivan Karamazov speaks to his brother Alyosha in a tavern after having expounded the reasons that exclude the existence of an infinitely good God and of His "providential" plan [Dostoevsky; De Michelis].

According to the Great Inquisitor, who arrests Jesus Christ returned on Earth in order to reaffirm the principles of His preaching distorted by His Church, mankind is not able to bear the burden of freedom. The uncertainty of free choice deprives him of the happiness that can only be obtained by means of his "deliverance" from the need to choose. For this reason the Church had taken mankind's sins upon itself, freeing it from the need to follow a conscience which would but haunt it. Thus, obeying an iron law and in an totally unfree environment, mankind could find even on Earth the happiness that should be experimented only in Heaven.

In Zamyatin's novel the Benefactor is the guarantor of this pathway.

But this is only the beginning. If the dilemma between happiness and freedom, distorted and turned into a gruesome destiny, was at the base of Orwell's *1984*, in Zamyatin's *We* it is only a part of the conceptual structure of the narration. Another idea, in fact, flows through *We*, woven into the frame of the story, in a weft and in a warp far removed from those of Dostoyevsky's *Great Inquisitor*: the idea that in a "totalitarian" state beauty is more revolutionary than freedom⁵.

Happiness and Freedom

1984

That beauty is subversive is an idea definitely present in Orwell's novel, in which, however, it is rather kept in the background; actually, in *1984* the dilemma happiness/freedom is the main point⁶.

Sex is the origin of Winston Smith's "conversion" and is central to the entire structure of the narrative. The act by which Julia rips off her clothes and throws them away is "the same magnificent gesture by which a whole civilization seemed to be annihilated..." [Orwell, p. 131].

In the context of the novel, "love" between Winston and Julia is a political rather than a 'sexual' act. Julia has sex in a secluded but public place, where one can, but must not, be seen, under penalty of the inexorable punishment

⁵ *We* was translated into English in 1924 and the motives of Zamyatin's novel, although incomplete and simplified, can be found also in *1984*. Orwell had certainly read it and he had written a critical article published as a foreword in a French translation of the novel (1946). See also the interview to Kurt Vonnegut [Vonnegut].

⁶ The quotations from *1984* are from [Orwell]; those from *We* are from [Замятин, 2003–2004]. The translations from Russian are mine. For a more recent edition of the novel, see: [Замятин, 2011].

inflicted on illegitimate lovers by the IngSoc (English Socialism). In the sexual relationship between Winston and Julia there is no passion, but only rebellion. In Julia's description, sex is satisfied desire, after which every other energy, for the Party, for Big Brother, for the Two Minutes Hate, is spent.

When you make love you're using up energy; and afterwards you feel happy and don't give a damn for anything. They can't bear you to feel like that. They want you to be bursting with energy all the time. All this marching up and down and cheering and waving flags is simply sex gone sour. If you're happy inside yourself, why should you get excited about Big Brother and the Three-Year Plans and the Two Minutes Hate and all the rest of their bloody rot?

[Orwell, p. 139].

The "time" of the rebellion, therefore, is but a moment, and not even a moment of exclusive possession. Julia confesses to Winston she has had sex many times, and therefore she has had many more "moments" with other men and even with members of the Internal Party. So, the cry "Do it to her!" by Winston Smith while surrendering to his inquisitor, O'Brien, can hardly be considered as a betrayal, but is instead a spontaneous and uncontrollable impulse: no moment of no-Doublethink⁷ can compensate for the terror of Room 101, the place where the worst fears of a "thought-criminal", in the case of Winston Smith a cage full of hungry rats ready to devour his eyes and tongue, become real.

In George Orwell's novel, during the interrogation which leads Winston Smith to the abjuration of his "love" for Julia, the happiness promised by IngSoc shows its vicious nature while O'Brien explains to his "revolutionary" victim who is more equal to whom.

O'Brien's speech, which concludes the revolutionary parabola of Winston Smith, has as its center a "value" that includes in itself both freedom and happiness: power. The power of the jailer over the recluse, of the absolute ruler, the Party, over its powerless subjects. The power of those who aspire to empty the spirit of all of them:

We shall squeeze you empty, and then we shall fill you with ourselves.

[Ibid, p. 279].

and to fill it with that of the few who will hold the heel of their boots on the face of the many.

Power is not a means, it is an end, O'Brien says.

---

⁷ In Orwell's novel, Doublethink is the logical trick that turns an unpleasant reality into its opposite: the Ministry of the Repression of Dissent becomes the Ministry of Love, the Ministry of War is transformed into the Ministry of Peace, the Ministry of Propaganda into the Ministry of Truth, etc.

One does not establish a dictatorship in order to safeguard a revolution; one makes the revolution in order to establish dictatorship. The object of persecution is persecution. The object of torture is torture. The object of power is power.

<...>

How does one man assert his power over another, Winston? <...> By making him suffer. Obedience is not enough. Unless he is suffering, how can you be sure that he is obeying your will and not his own? Power is in inflicting pain and humiliation.

<...>

If you want a picture of the future, imagine a boot stamping on a human face – forever.¹⁸

[Orwell, p. 280].

Orwell's "paradox" of power is certainly the central theme of *1984*: he who has power, in fact, can be assured that obedience is a consequence of its exercise only if the commands he issues causes the most undesirable consequences to whoever must obey, or better – as O'Brien points out – the most horrendous ones.

In a distorted and terrible way, then, happiness does exist in the world of Big Brother, but it is reserved strictly for him and for his acolytes, who share the joy of torture and of oppression of everyone else. And their triumph is not complete until – and this occurs at the very end – Winston Smith and his lover betray their ideals and their love, and until Smith comes to sincerely believe that $2 + 2 = 5$.⁸

We

In Zamyatin's novel the opposition happiness/freedom has some much more articulate and complex levels of stratification based on an unusual use of the Second Principle of Thermodynamics.

Here! There are two forces in the world, entropy and energy. The first one leads to a calm peace and to a happy balance. The second one to the destruction of balance and an endless tormenting movement. Your ancestors, or rather ours, the Christians, bowed first to entropy, to a God.

[Ibid, p. 328].

A few years before writing *We*, in an article of 1918, *Skify li?*, Zamyatin pointed out in a few sentences the center of gravity of his political thought: the ride of the Scythian.

По зеленой степи одиноко мчится дикий всадник с веющими волосами – скиф. Куда мчится? Никуда. Зачем? Низачем. Просто потому мчит-

---

⁸ This unusual mathematical operation is inspired by F. Dostoevsky, *Zapiski iz Podpolya* [Dostoevsky; Shane; Maniscalco Basile, 2004b].

ся, что он скиф, потому, что он сросся с конем, потому, что он кентавр, и дороже всего ему воля, одиночество, конь, широкая степь.

[Замятин, 2010, с. 285].

(In the green steppe a wild knight rides with his hair in the wind, he is a Scythian. Where does he go? Nowhere. To what end? None. He simply rides, because he is a Scythian, because he is at one with his horse, because he is a centaur and he loves freedom, solitude, the horse and the wide steppe).

Almost at the end of *We*, however, an irreconcilable contradiction appears: a terrible truth revealed to D-503 by a chance neighbor in a public bathhouse.

...Бесконечности нет. Если мир бесконечен, то средняя плотность материи в нем должна быть равна нулю. А так как она не нуль – это мы знаем, – то, следовательно, Вселенная – конечна...

[Замятин, 2003, с. 366].

(...There is no infinite. If the world were infinite then the average density of matter should be equal to zero. But since it is not zero – that we know – then, as a result, the universe is finite...)⁹

And an excruciating question:

Слушайте, – дергал я соседа. – Да слушайте же, говорю вам! Вы должны – вы должны мне ответить: а там, где кончается ваша конечная Вселенная? Что там – дальше?

[Там же].

(Listen – I took the neighbor by his collar – listen to me, I say! You must, you must answer; there, where your finite universe ends. What lies beyond?)

But if the universe is finite, what about the space of the steppe in which the Scythian rides, what about the green ocean where his ride can last forever? A run and an excruciating circular motion without an end in a finite world? Or beyond the Columns of Hercules?

I-330¹⁰, the woman who tries to involve the protagonist of the novel in the attempt to steal the Integral in order to escape from the Only State objects to D-503, who asserts that the Only State is the result of the Last Revolution and that, as there is no last number, no Last Revolution is conceivable.¹¹

⁹ Density (ρ) equals mass (m) divided by volume (V): i. e. $\rho = m/V$; if volume is infinite ($V = \infty$) then density equals 0: ($\rho = m/V = 0$). On the mathematical contribution to the construction of *We*: [Brett Cooke; White].

¹⁰ In the novel masculine names begin with a consonant followed by a number, while feminine ones begin with a vowel also followed by a number.

¹¹ «Революция социальная – только одно из бесчисленных чисел» [Замятин, 2004, т. 3., с. 173] (“Social revolution is only one of the infinite number of numbers”).

But in a finite universe a Last Revolution must exist.

The parabola of the protagonist's feelings spans from the enthusiasm for the upcoming launch of the Integral, the spatial ship that should bring the power of the Only State and of the Benefactor to the whole universe, in order to:

...Предстоит благодетельному игу разума подчинить неведомые существа, обитающие на иных планетах – быть может, еще в диком состоянии свободы. Если они не поймут, что мы несем им математически безошибочное счастье, наш долг – заставить их быть счастливыми.

[Замятин, 2003, с. 211]

(“Force into the yoke of reason other unknown beings that inhabit other planets-perhaps still in a wild state of freedom”), to the confusion that takes possession of D-503 after his first meeting with I-330 behind closed curtains,¹² to final despair and resignation, which ends with the Great Operation that produces the removal of the protagonist's fantasy.

More levels, therefore, are intertwined in the structure of the novel.

The first level of analysis leads to seeing *We* as a criticism of the Soviet State (i.e., no longer a Bolshevik and revolutionary State, but crystallized in a Church as a result of the Proletarian [Last] Revolution), in which happiness is mandatory but crushes the individual under its heel. From this perspective, *We* is a pure anti-utopia.¹³

Happiness and Beauty

However, there is a second level of analysis which explores a different aspect of the history that ill combines with dystopia: beauty, which in 1984 is an element to stamp out forever along with freedom.

There will be no distinction between beauty and ugliness. There will be no curiosity, no enjoyment of the process of life.

[Orwell, p. 280].

The key to the “mystery” of *We* is in the first pages of the novel.

---

¹² In the Only State, sexual activities are allowed, but they require a previous reservation and the exhibition to the guardian on duty of the pink ticket that authorizes the “numbers” to lower the curtains of their glass homes, which are otherwise always open.

¹³ “*Anti-utopia* is a significantly different locus which is explicitly designed to refute a currently proposed *eutopia*. It is a pretended *eutopia* – a community whose hegemonic principles pretend to its being more perfectly organized than any thinkable alternative, while our representative “camera eye” and value-monger finds out it is significantly less perfect, a polemic nightmare. Thus, it finally also turns out to be a dystopia. “*Simple*” *Dystopia* (so called to avoid inventing yet another prefix to “topia”) is a straightforward dystopia, that is, one which is not also an anti-utopia” [Suvin, 2010, p. 385; Maniscalco Basile, Suvin, p. 15; Suvin, 1977; Suvin, 1979; Dark horizons].

И дальше – сам с собою: почему красиво? Почему танец – красив? Ответ: потому что это несвободное движение, потому что весь глубокий смысл танца именно в абсолютной эстетической подчиненности, идеальной несвободе.

[Замятин, 2003, с. 213].

(Then, between me and me, a question: Why beautiful? Why is dance beautiful? Reply: because it is an unfree movement, because the deep meaning of dance is its aesthetic, absolute subordination to an ideal unfreedom...)

In this passage, Zamyatin adds a third parameter to the dichotomy freedom/happiness.

The reason why the idea of beauty makes its entrance into the canvas woven by Dostoevsky in the *Poem of the Great Inquisitor* is because – but Zamyatin does not openly say this – beauty and happiness are two faces of the same coin: i. e., they complete (and explain) one another.

The word “happiness” appears for the first time in the proclamation, published in the State Newspaper in the first page of the novel [Замятин, 2003, с. 211], in which it extolls the construction of the Integral, the spaceship that shall reach distant worlds and will ensure that the unknown beings of other planets are happy about the same infallible mathematical happiness that the Only State imposes on the entire globe.

And, as is evident, that depends directly on the power of the Only State. The happiness Zamyatin writes about seems then directly related to the one described in Dostoevsky’s *Poem of the Great Inquisitor*: a happiness that stems from the ‘beneficial’ inability of mankind to choose the course of its own actions, and from the fact that someone else chooses its destiny on its behalf: in this case, the Benefactor.

The idea of beauty is introduced immediately afterwards, it is closely linked to, the idea of freedom (or to that of its absence) and is introduced in a context far removed from the proclamation of the Only State: in dance, i.e. in the most strictly “bound” of all the activities of man. In “beautiful” dance everything happens with a wonderful absence of freedom, like the movement of the gears of the machines that build the Integral and move in perfect coordination with the sound of inaudible music.

...[Если] наши предки отдавались танцу в самые вдохновенные моменты своей жизни... то это значит только одно: инстинкт несвободы издревле органически присущ человеку...

[Замятин, 2003, с. 213].

(...Our ancestors abandoned themselves to dance in the most inspired moments of their lives... this may mean only one thing: that the instinct of unfreedom has been inherent in man since the most remote times.)

But if beauty is not free, what sets it apart from the infallible mathematical happiness of the Only State? The word *krasivy* (beautiful) appears only four times in the novel: twice related to dance, once to the sharp, white teeth of I-330, the woman who seduces D-503 towards the new Revolution; once again to her large, dark eyes, when the woman is placed under the Pneumatic Bell in order to be tortured.

Эта женщина упорно молчала и улыбалась. Я заметил, что у ней острые и очень белые зубы, и что это красиво.

Затем ее ввели под Колокол. У нее стало очень белое лицо, а так как глаза у нее темные и большие, то это было очень красиво.

[Замятин, 2003, с. 367].

(That woman was stubbornly silent and smiling. I noticed that she had sharp, white teeth, and that this was beautiful. Then they led her under the Bell. Her face was very white, and since she had large, dark eyes that also was very beautiful.)

The word "beauty" (*krasota*) appears most often, but always referring to the mathematics that D-503 sees as the underlying order of the Only State, in the mathematical ballet of machines; in the square; in the integers, numbers that have an "exact beauty;" in music. If in 1984 beauty is one of the elements of "humanity" that Big Brother will stamp out under IngSoc's boots, in *We* it weaves an underground canvas of hope, buried inside a benevolent tyranny and a failed rebellion.

Beauty

The idea of beauty appears at the beginning and at the end of *We* and it gives a frame to D-503's delirium, which shifts from the enthusiasm for the Only State and its achievements to confusion and resignation. But this is a case in which the frame shapes the painting as a whole. At the center, a mathematical formula gives the sign of the permutation between beauty and happiness that Zamyatin poses at the base of his "dystopia."

Но не ясно ли: блаженство и зависть – это числитель и знаменатель дроби, именуемой счастьем.

[Замятин 2003, с. 225].

(Is it not clear? Bliss and envy are the numerator and the denominator of the fraction that is called happiness.)

After this statement, D-503 points out the human sufferings that led to the emergence of the Only State, and then to its conquests: the removal of hunger and the elimination of love with the Lex Sexualis, on the basis

of which: «всякий из нумеров имеет право – как на сексуальный продукт – на любой нумер» [Замятин, 2003, с. 225]. (“Each number has a right towards every other number as a sex object”).

The conclusion is obvious.

Ясно: поводов для зависти – нет уже никаких, знаменатель дроби счастья приведен к нулю – дробь превращается в великолепную бесконечность.

[Замятин, 2003, с. 225].

(It is clear: now there are no more reasons for envy – made equal to zero the denominator of the fraction of happiness, the fraction takes the value of a beautiful infinity.)¹⁴

Having amputated the most elementary vital stimuli of mankind, hunger and the impulse to reproduce, and eliminated with them the competition for food and sex, “there are no more reasons for envy” and happiness is infinite.

Infinity

We know that Zamyatin feared the hypertrophy of the State and it would be easy to look at *We* as a prophecy of the ever growing presence of the State in the life of individuals¹⁵. And for sure there is no shortage of elements in the novel that justify this interpretation, but a closer look at them shows that there are other tracks leading the reader deeper and deeper into the fabric of the novel.

The *Lex Sexualis* and its relationship with the vicissitudes of the protagonists of the novel show a deep imbalance. The love quadrangle that involves D-503, O-90 (the woman who loves D-503), R-13 and I-330 generates between its vertices strong tensions, incompatible with the sexual pacification that the law had imposed. O-90 desires the exclusive possession of D-503 to the point of wishing to generate a son with him (against the rules of the Only State); D-503, instead, while he has no difficulty in sharing her with R-13, in turn desires the exclusive possession of I-330. At the

---

¹⁴ As it is known, the value of a fraction is the larger, the smaller is its denominator. So, if the equation of happiness can be expressed as $\text{happiness} = \frac{\text{bliss}}{\text{envy}}$, it is evident that the smaller is envy, the greater is happiness; and if envy were equal 0, the equation would be: $\text{happiness} = \frac{\text{bliss}}{\text{envy}(0)} = \infty$.

It is the inverse equation of that which demonstrates the finiteness of the universe: in that, the division by ∞ ($\rho = \frac{m}{V} = \frac{m}{\infty} \rightarrow m = 0$) shows the absurdity of the conception of an infinite universe. In this, the division by 0 leads to the certainty of the absolute happiness of the Only State.

¹⁵ Cf. the interview to f. L'efevre in “Les Nouvelles Litteraires” in 1926, n. 497.

center of the quadrangle, then, where the two diagonals cross, live jealousy and envy: in a word, passion.

Then, in the system of total equality that reigns in the Only State, some are more equal than others, from the sinister and serpentine S-4711, a controller who appears in different clothes and occasions and has apparently “power” over D-503 to the Benefactor, who is duly re-elected on every Day of the Unanimity. If hunger no longer exists as the Only State distributes everybody with the food needed to survive, power is not shared but is firmly in the hands of an invisible élite.

As in the *Poem of the Great Inquisitor*, someone must ensure everybody else's happiness and has the power to impose it, by means of Inquisition stakes or Pneumatic Bells. Then, the happiness of the Only State is based on a falsehood (ideological in the mannheimian sense of the word). From this point of view, *We* would not be an anti-utopia, but a true dystopia.

A passage of *We*, however, provides a different image of Zamyatin's construction: precisely the passage about dance.

It is certainly not by chance that beauty was banned from many of the other dystopian novels after *We*. Beauty, in fact, cannot be possessed, does not exclude anyone and does not distinguish between its users: no one, for example, in a concert hall in which one of Beethoven's Symphonies is performed enjoys less its beauty because other people are enjoying it too. If anything, just the opposite. When we admire a painting or we read a poem, our pleasure (or better, the happiness generated by their beauty) does not hinder nor restricts the pleasure of anyone else: beauty is a good of which it is not possible to be envious, because when beauty reveals itself, it does not do so just for one person but for all those who, at that time, are its spectators and, as John Keats writes, it lasts forever.

Beauty then is the answer to D-503's frenzied question: “What is there beyond?”

In the ride of the Scythian there is all and nothing beyond. The wild knight does not want anything other than his ride along the steppe, without origin and without any destination: his ride is “infinite,” and he lives it one moment at a time. Zamyatin's dance, therefore, expresses fully the qualities of the ride of the Scythian. His ride reflects a total, although unfree, order, but not an order imposed by a Benefactor or by a Big Brother: it is made by the nature of movement itself, and in order to generate happiness it must have in itself the reasons of its existence, as the sound of hooves of the Scythian's horse galloping through the infinite steppe has.

But in the “beautiful” dance another and deeper level of meaning is hidden.

Above and inside dance lives the music that guides the gestures of the dancers and it is the most abstract and perhaps the mother of all human activities that ‘produce’ beauty. Music – and more clearly in the music Zamyatin had known it before the revolution that sprang from Expressionism – is a thread of time, crisscrossed by tensions and distensions, by dissonances and resolutions, by melodic and harmonic

elaborations and by “allusions” to already known musical material, by “cadences” that complete and conclude a musical piece with the return “home:” that is the tonic chord. Music indeed – if one wishes to follow the extreme abstractness of musical analysis by Heinrich Schenker – is but the tonic chord, “prolonged” by passing notes [Schenker; Drabkin].

A musical piece, although it does not describe anything, represents a home from which one moves away following along the thread of time and to which one always returns just before the music is over. Music, therefore, gives its listeners the image of a journey, studded with dangers and obstacles (modulations away from the tonic, dissonances¹⁶), which – like every fairy tale worth listening to – ends up with “And they lived happily ever after.”

Dance fills this journey with gestures and makes it more engaging, adding other senses (sight, touch) to the fairy tale of music. Dance, therefore, involves the body and the mind of man in a ‘dream’ in which every evil is vanquished, every obstacle is safely jumped over and in which eventually home opens its doors to the traveller. In the departure, in the return and above all in the journey (in anticipation of the return) lie the power of music (and of dance) and its beauty.

In the sound of the hooves of the Scythian’s horse and in the music generated by the movement of dance is an order which – moment by moment, i. e., “here and now” – is infinite.

Nevertheless beauty, which appears as an enemy to be defeated in *1984* and in that novel is the rather undefined opposite of “ugliness,” in *We* is more precisely described and identified. Beautiful is dance, beautiful is the mathematics that underlie the construction of the Integral, beautiful is the algebra of the integers, beautiful is the contrast between I-330’s black eyes and black hair and her white skin (as beautiful as the simple relationship between 1 and 0). Ugly is the controller S-4711 creeping in the shadows of the Only State, horrid is $\sqrt{-1}$, a number *contra rationem*; and from these elements we can extrapolate not only the conception of beauty that imbues Zamyatin’s novel, but also its function.

The idea that beauty and truth are somehow connected is quite widespread in the world of twentieth-century natural sciences. Einstein’s theory of general relativity (1916) was accepted by the scientific community because of its beauty, well before Arthur Eddington experimentally proved its correctness in 1919 and, as a further example, the strings theory – not experimentally proved – fascinates many theoretical physicists [Greene, 1999; Greene, 2005; Susskind].

¹⁶ J.-P. Changeux has shown that inside the “tonal” system a dissonance is the neuronal equivalent of a nonsense (for instance: “*pizza is too hot. . . to drink*”) and it renders the perception of the musical composition unclear until it “resolves” itself on a consonant chord [Changeux, p. 52]. Nevertheless, the musical structure of expectations and resolution is present in all or nearly all European tonal and non-European non-tonal musical expressions. From Indian *Raga* to Balinese *Gamelan*, accompanying *wayang* puppet performances, to Chinese and Japanese classical music, to Karlheinz Stockhausen’s *Carr’e*, to Arnold Schoenberg’s *Moses und Aron* and to Anton Webern’s *String quartet*, all of them obey to the principle of the creation of a “pattern” of tone, melody and rhythm which is more or less easily recognizable by the listener and that, once enounced, shall reappear sooner or later in the musical fabric, building the structure of expectation/resolution even out of the rules of Western “tonal” system.

In a first approximation, the beauty of a theory resides in its ability to explain complex phenomena in a simple and concise way. The equation of Paul A. M. Dirac, combining quantum physics and relativity

$$i \cdot \delta\psi = m\psi$$

has this quality, and beauty assumes a rigorous methodological function in his work [Dirac]: to show that what is beautiful is also true.

Vincenzo Barone synthesizes this principle in the equation:

$$BEAUTY = \textit{unity} + \textit{necessity} + \textit{simplicity}$$

in which the law of the "explanation" of a phenomenon combines in one expression the multiplicity of its elements, it excludes any other possible explanation and is significantly more "simple" than the description of each of its single component elements [Barone]. For example, the expression 10^{89} is much simpler (and more beautiful) than 10 followed by 89 zeros. In the same way, a theory describing a phenomenon that cannot be described in any other 'reasonable' way has the quality of "necessity".

The beauty of a physical theory, from this point of view, is independent from its 'trialability': experimental proof shall probably follow sooner or later, but meanwhile the beauty-truth assumes, so to speak, an anti-Galilean, or more precisely, a Platonic character.

This is exactly the idea of beauty that inhabits Zamyatin's novel. Except that, instead of applying it to a relatively simple portion of the physical nature of things, destined to be even more simplified, in which the interactions of its components are many but finite in number, Zamyatin lets them meander between the folds of *We* as if the social system he describes were as simple, 'limited' and predictable as a physical system. But every social system – even the smallest – works as a series of mirrors that reflect one another and whose reflections are endless as the feedback produced by the actions of its members is.

However, as beauty points to the 'truth' and also the 'just' [Scarry], in a social system it represents a way of escaping from the non-measurable number of interactions that make it unpredictable and not liable to be simplified [Maniscalco Basile, 2004a], and its flow suggests instead that men inhabiting it are capable of 'prophecies' rather than of forecasts of statistical trends. Because of these elements, the structure of the novel shows completely different features from those of a tragic parody of a totalitarian state and it is far removed from an anti-utopia: it takes the shape, instead, of a utopia of time¹⁷.

The idea of the beauty of the dance Zamyatin speaks about is very similar to that expounded in Plato's in *Hippias Major*, where "beautiful" and

¹⁷ Beauty – paradoxically – could also be the root of a dystopia: see, for example, Jacques Sternberg's *La Sortie au fond de l'Espace* [Sternberg], in which some alien people decide to exterminate all the humans because they are ugly.

(ethical) “good” are not clearly distinguishable. But above all, the simplicity of the dance echoes the perfection of a Platonic form which is devoid of all the complexities that its earthly reflections manifest. To see beauty in the dance, therefore, is equivalent to the turning of the head of the man in the cave and to his finally seeing the form of which up to then he knew only the shadow; and what he sees is not only is the absolute “beauty,” but also – as all Platonic knowledge – the absolute “good” and the absolute “just.”¹⁸

Zamyatin is very conscious of the complexity of the world [Richards, p. 62] and of the entropy that permeates it. The question “What is there beyond?” does manifest not only the fear of the narrowness of the space at whose border the Scythian would be forced to halt his run, but also that of the narrowness of time. Or more precisely, it shows the fear of a future that in a complex world is not predictable¹⁹; while in the world of dance and of beauty all is predictable and its time, moment by moment, lasts forever.

From this point of view, even the endless run of the Scythian acquires a new value. His gallop along the steppe follows a straight line, which is the simplest, yet at the same time the most complex of geometric figures: complex because it is infinite, simple because every moment along its path is just a point, even if it belongs to a sequence of an infinite number of points. That tells us about the freedom of the Scythian, but also of the beauty (= simplicity) of his run.

The Gateway to Beauty

In Zamyatin’s novel a narrow gateway opens onto beauty, onto happiness, which is also freedom, and onto utopia.

An obvious weakness of the apparent centrality of the dilemma happiness/freedom in Zamyatin’s *We* is the deep meaning of his idea of freedom. What for the Only State is “wild,” and a revolutionary ideal for I-330 and her companions, for D-503 is a nightmare.

Any violation of the order, from lagging behind the times established for any official event to each non-participation in the occasions of collective consensus, becomes for D-503 an unforgivable transgression or even the symptom of a disease. The idea of subverting the Only State turns into a kind of delirium that has its center in the desire of the protagonist to “possess” I-330. As that is not possible under the empire of the *Lex Sexualis*, D-503 agrees without enthusiasm to be a revolutionary and only for the

¹⁸ Cf. Plato, *Hippias Major*, 286d, 287c, 289d, 292c, 294th, 297B. Many other passages in Plato associate a form with beauty: *Cratylus* 439c; *Euthydemus* 301a; *Laws* 655c; *Phaedo* 65d, 75d, 100b; *Phaedrus* 254b; *Parmenides* 130b; *Philebus* 15a; *Republic* 476b, 493e, 507b [Plato]. See also [Pappas].

¹⁹ Even if Gödel’s Theorem had not yet undermined David Hilbert’s ‘contradictions free’ mathematical system when *We* was written, Zamyatin was conscious of the irreducibility of modern mathematics to the Pythagorean system of integers upon which the Only State was built. D-503’s horror for numbers like $i = \sqrt{-1}$, which the writer calls “irrationals” in order to keep the simile with *ratio* (in Latin in the novel) – and which is an imaginary number rather than an “irrational” one (and not a “complex number” as Philip Wegner says in [Wegner, p. 157]; a “complex number” in fact has a real part and an imaginary one, like $a + ib$).

shaky prospects of love that the revolution apparently opens up to him.

If in 1984 'transgressive sex' is accepted with joy and as a challenge, and is the beginning of Winston Smith's rebellion as well as its epilogue – the cry "Do it to her!" which establishes his renunciation of love and of revolution – in *We* it is part, natural and denied, of the "Horizon" of utopia.

The pale and pointed beauty of I-330 is an ideal that has in itself an irremediable contradiction: in order to "possess", D-503 must surrender to freedom: but freedom confuses and disturbs him.

The "Horizon" of *We*, therefore, is a world in which happiness is intertwined with a natural unfreedom that nobody imposes on anyone else: a different freedom from the one with which the Great Inquisitor protects mankind: a paradoxical freedom in which there is no "power" if not in the nature of things, in music, in dance and in the harmony of mathematics.

In 1984, this door is blocked because the conception of power fills up all the space of individual and collective freedom.

In Zamyatin's novel dance is limited movement; the beauty of the rhythmical harmony of its movements and the happiness it produces are open to all; it has no leaders and nobody inside it exercises power. Conversely in 1984 harmony and order have rather the appearance of a Virgin of Nuremberg, with its inward protruding nails placed at regular intervals. During the twentieth century, the utopian Horizon is therefore displaced and it tightens around individuals like a vise until, for all of them, $2 + 2 = 5$.

In Zamyatin's novel time takes then the stead of place or, perhaps, a non-time (u-cronos) of a non-place (u-topos).

Utopia, in More's and his fellow travellers' vision, is the future. A wonderful place where man should one day dwell, but the world of dystopia is a world of the present. Not necessarily different, in essence, from the utopian world. In it there is equality (Big Brother and acolytes apart), freedom from want and order: ultimately, happiness in the Dostoyevskian sense of the word; and, just as in the parable of the Great Inquisitor, total immobility in a falsely perfect present.

So, against the Only State that imposes a motionless and false order and an incomplete and illusory happiness, Zamyatin envisages a different utopia of "here and now:" a "here and now" as infinite as the ocean of the steppe. In fact, only within the "here and now" of beauty may the equation of happiness be considered fully verified:

$$happiness = \frac{bliss}{envy(0)} = \infty$$

Dystopia takes then the shape of a utopia of time in which not the perfection of Utopia, but its time and place are reversed; in which Locus and Horizon coincide, and the Orientation vector is equal to zero²⁰.

$$\xrightarrow{\text{Orientation}} = 0$$

²⁰ Cf. D. Suvin, *Locus, Horizon and Orientation: The Concept of Possible World as a Key to Utopian Studies*, in: [Suvin, 2010, p. 111].

But in Zamyatin's novel the two perspectives, the utopian present-future and the dystopian "here and now", are inextricably intertwined.

The immovable Horizon of the Only State, which has its crystallisation in the Great Operation D-503 eventually undergoes and that will deprive him of his imagination and of his creative skills, mixes with the Horizon of beauty, accessible and earthly, which permeates the darkest moments of the novel. The Redeemer-liberator (D-503),²¹ who does not believe in being such, ends up on the cross but, somehow, in the narrative fiction, he shows the way. We, therefore, instead of being the "mother" of all dystopias, appears to be a utopia in which time (here and now) and place (the Only State, all the Earth, the oecumene, whose boundaries are defined by the horizon of the last man who keeps watch from the house at the farthest edge of the inhabited earth) are fused in a continuum that has no borders: a Chiliastic Utopia that revives in the modern world, the revolutionary energy of the Anabaptists of Thomas Müntzer [Mannheim].

Список литературы

- Достоевский Ф. М.* Записки из подполья // Эпоха. 1864. № 1–2, 4.
- Замятин Е. И.* Мы // Замятин Е. И. Собр. соч. : в 5 т. / под ред. Т. И. Киреевой. М. : Русская книга, 2003. Т. 2. Русь. 592 с.
- Замятин Е. И.* О литературе, революции, энтропии и прочем // Замятин Е. И. Собр. соч. : в 5 т. / под ред. Т. И. Киреевой. М. : Рус. книга, 2004. 608 с. Т. 3. Лица. С. 173–180.
- Замятин Е. И.* Скифы ли? // Замятин Е. И. Собр. соч. : в 5 т. Т. 4. Лица / под ред. Т. И. Киреевой. М. : Рус. книга, 2010. Т. 4. Лица. С. 285–295.
- Замятин Е. И.* Мы : Текст и материалы к творческой истории романа / сост., подг. текста, публ., коммент. и ст. М. Ю. Любимовой и Дж. Куртис. СПб. : Мир, 2011. 608 с.
- Ланин Б. А.* Русская литературная антиутопия. М., 1993. 199 с.
- Viaggi in Utopia* / ed. by R. Baccolini, V. Fortunati, and N. Minerva. Ravenna : Longo Ed., 1993.
- Barone V.* L'ordine del mondo: le simmetrie in fisica da Aristotele a Higgs. Bollati Boringhieri, Kindle Ed., 2013.
- Brett Cooke L.* Ancient and Modern Mathematics in Zamyatin's "We" // Zamyatin's We. A collection of Critical Essays / ed. by G. Kern. Ann Arbor : Ardis Publ., 1988.
- Changeux J.-P.* Du vrai, du beau, du bien : Une nouvelle approche neuronale. Odile Jacob, 2008.
- Dark Horizons: Science Fiction and the Dystopian Imagination* / ed. by R. Baccolini and T. Moylan. N. Y. : Routledge, 2003. 264 p.
- De Michelis C. G.* I Nomi dell'Avversario : Il "Papa Anticristo" nella cultura russa. Torino : Albert Meynier, 1995.
- Dirac P. A. M.* La bellezza come metodo / ed. by V. Barone. Milano : Indiana, 2013.
- Drabkin W.* Prolongation // Grove Music Online. Oxford Music Online 2. 2011. URL: <http://www.oxfordmusiconline.com/subscriber/article/grove/music/22408> (mode of access: 25.05.2015).
- Eco U.* Sei passeggiate nei boschi narrativi; Harvard University, Norton Lectures 1992–1993. Milano : Bompiani, 1994.
- Greene B.* The Elegant Universe : Superstrings, Hidden Dimensions, and the Quest for the Ultimate Theory. L. : Jonathan Cape, 1999.

²¹ Many times Evangelic references in Zamyatin's novel have been looked for, and maybe found. From D-503's age (33) to his near-folly (40 days in the desert), to the character of Mary Magdalene (I-330) [Ланин, с 33; Suvin, 2010, p. 327]. Suvin recognizes in *We* a parallel narrative structure to J. Milton's *Paradise Lost*.

- Greene B. *The Fabric of the Cosmos: Space, Time, and the Texture of Reality*. L. : Penguin, 2005.
- Gregg R. *Two Adams and Eve in the Crystal Palace // Zamyatin's We : A collection of Critical Essays* / ed. by G. Kern. Ann Arbor : Ardis Publ., 1988.
- Jameson F. *Archeologies of the Future : The desire called Utopia and Other Science Fictions*. L. ; N. Y. : Verso, 2005.
- Lewis K., Weber H. *Zamyatin's We, The Proletarian Poets and Bogdanov's Red Star // Zamyatin's We : A collection of Critical Essays* / ed. by G. Kern. Ann Arbor : Ardis Publ., 1988.
- Maniscalco Basile G. *Due tigris e una fragola*. Roma : Monolite, 2004a.
- Maniscalco Basile G. *La solitudine delle dodici note // Nuovissime mappe dell'inferno*. Roma : Monolite, 2004b.
- Maniscalco Basile G., Suvin D. *Nuovissime mappe dell'inferno*. Roma : Monolite, 2004.
- Mannheim K. *Ideology and Utopia*. L. : Routledge and Kegan Paul, 2003.
- Mikhailov O. N. *Zamyatin // Zamyatin's We : A Collection of Critical Essays* / ed. by G. Kern. Ann Arbor : Ardis Publishers, 1988.
- Orwell G. 1984. L. : Penguin, 2008.
- Pappas N. *Plato's Aesthetics // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2015 Edition)* / ed. by E. N. Zalta. URL: <http://www.e-booksdirectory.com/details.php?ebook=8293> (mode of access: 25.05.2015).
- Plato. In *Twelve Volumes*. W. Heinemann ; Harvard University Press, 1968.
- Richards D. J. *Zamyatin, a Soviet Heretic*. N. Y. : Hillary House, 1962.
- Scarry E. *On Beauty and Being Just*. Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 1999.
- Schenker H. *Der freie Satz. Neue Musikalische Theorien und Phan-tasien*. Wien : Universal Ed., 1935.
- Shane A. *The Life and Works of Evgeny Zamyatin*. Berkeley : Un. of California Press, 1968.
- Sternberg J. *La Sortie au fond de l'Espace*. Denol, 1956.
- Sternbock-Fermor E. *A Neglected Source of Zamyatin's We : Addendum // Zamyatin's We : A collection of Critical Essays* / ed. by G. Kern. Ann Arbor : Ardis Publ., 1988.
- Susskind L. *The Cosmic Landscape : String Theory and the Illusion of Intelligent Design*. N. Y. : Little Brown, 2014.
- Suvin D. *A Tractate on Dystopia 2001 // Defined by a Hollow : Essays on Utopia, Science Fiction and Political Epistemology*. Peter Lang Verlagsgruppe, 2010. P. 381–411.
- Suvin D. *Trenta tesi sulla distopia 2001 // Nuovissime mappe dell'inferno*. Roma : Monolite, 2004.
- Suvin D. *Metamorphoses of science fiction: on the poetics and history of a literary genre*. N. Haven : Yale University Press, 1979.
- Suvin D. *et al.* H. G. Wells and modern science fiction / ed. by D. Suvin and Philmus R. M. L. : Bocknell University Press, 1977.
- Vonnegut K. *Conversations with Kurt Vonnegut // Playboy*. 1973.
- Voronsky A. *Yevgeny Zamyatin // Zamyatin's We: A collection of Critical Essays* / ed. by G. Kern. Ann Arbor : Ardis Publ., 1988.
- Wegner P. *Imaginary Communities*. University of California Press, 2002.
- White J. J. *Mathematical Imagery in Musil's Young Trless and Zamyatin's We // Zamyatin's We : A Collection of Critical Essays* / ed. by G. Kern. Ann Arbor: Ardis Publ., 1988.

References

- Baccolini, R. et al. (R. Baccolini, V. Fortunati, N. Minerva, Eds.). (1993). *Viaggi in Utopia*. Ravenna, Longo Editore.
- Baccolini, R. & Moylan, T. (Eds.). (2003). *Dark horizons: science fiction and the dystopian imagination*. 264 p. N. Y., Routledge.
- Barone, V. (2013). *L'ordine del mondo: le simmetrie in fisica da Aristotele a Higgs*. Bollati Boringhieri, Kindle edition.
- Brett Cooke, L. (1988). *Ancient and Modern Mathematics in Zamyatin's "We"*. In Kern, G. (Ed.). *Zamyatin's We. A collection of Critical Essays*. Ann Arbor, Ardis Publishers.

- Changeux, J.-P. (2008). *Du vrai, du beau, du bien. Une nouvelle approche neuronale*. Odile Jacob, 2008.
- De Michelis, C. G. (1995). *I Nomi dell'Avversario. Il "Papa Anticristo" nella cultura russa*. Torino, Albert Meynier.
- Dirac, P. A. M. (V. Barone, Ed.). (2013). *La bellezza come metodo*. Milano, Indiana.
- Dostoevsky, F. M. (1984). Zapiski iz podpol'ya [Notes from Underground]. In *Epokha*. № 1–2, 4.
- Drabkin, W. Prolongation. In *Grove Music Online*. Oxford Music Online 2. 2011. Available at: URL: <http://www.oxfordmusiconline.com/subscriber/article/grove/music/22408> (mode of access: 25.05.2015).
- Eco, U. (1994). *Sei passeggiate nei boschi narrativi; Harvard University, Norton Lectures 1992–1993*. Milano, Bompiani.
- Greene, B. (1999). *The elegant universe: superstrings, hidden dimensions, and the quest for the ultimate theory*. London, Jonathan Cape.
- Greene, B. (2005). *The fabric of the cosmos: space, time, and the texture of reality*. London, Penguin.
- Gregg, R. (1988). Two Adams and Eve in the Crystal Palace. In Kern, G. (Ed.). *Zamyatin's We. A collection of Critical Essays*. Ann Arbor, Ardis Publishers.
- Jameson, F. (2005). *Archeologies of the Future. The desire called Utopia and Other Science Fictions*. London ; New York, Verso.
- Lanin, B. A. (1993). *Russkaya literaturnaya antiutopiya*. Moscow. 199 p.
- Lewis, K. & Weber, H. (1988). Zamyatin's We. The Proletarian Poets and Bogdanov's Red Star. In Kern, G. (Ed.). *Zamyatin's We. A collection of Critical Essays*. Ann Arbor, Ardis Publishers.
- Maniscalco Basile, G. (2004a). *Due tigri e una fragola*. Roma, Monolite.
- Maniscalco Basile, G. (2004b). La solitudine delle dodici note. In *Nuovissime mappe dell'inferno*. Roma, Monolite.
- Maniscalco Basile, G. & Suvin, D. (2004). *Nuovissime mappe dell'inferno*. Roma, Monolite.
- Mannheim, K. (2003). *Ideology and Utopia*. London, digital edition, Routledge and Kegan Paul.
- Michajlov, O. N. (1988). Zamyatin. In Kern, G. (Ed.). *Zamyatin's We. A collection of Critical Essays*. Ann Arbor, Ardis Publishers.
- Orwell, G. (2008). *1984*. London, Penguin.
- Pappas, N. (2015). Plato's Aesthetics. In Zalta, E. N. (Ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2015 Edition). URL: <http://www.e-booksdirectory.com/details.php?ebook=8293> (mode of access: 25.05.2015).
- Plato (1968). In *Twelve Volumes*. W. Heinemann, Harvard University Press.
- Richards, D. J. (1962). *Zamyatin, a Soviet Heretic*. New York, Hillary House.
- Scarry, E. (1999). *On Beauty and Being Just*. Princeton and Oxford, Princeton University Press.
- Schenker, H. (1935). *Der freie Satz. Neue Musikalische Theorien und Phantasien*. Wien, Universal Edition.
- Shane, A. (1968). *The Life and Works of Evgeny Zamyatin*. Berkeley, Un. of California Press.
- Sternberg, J. (1956). *La Sortie au fond de l'Espace*. Denol.
- Sternbock-Fermor, E. (1988). A Neglected Source of Zamyatin's We. Addendum. In Kern, G. (Ed.). *Zamyatin's We. A collection of Critical Essays*. Ann Arbor, Ardis Publishers.
- Susskind, L. (2014). *The Cosmic Landscape: String Theory and the Illusion of Intelligent Design*. New York, Little Brown.
- Suvin, D. (2010). A Tractate on Dystopia 2001. In *Defined by a Hollow: Essays on Utopia, Science Fiction and Political Epistemology* (p. 381–411). Peter Lang Verlagsgruppe.
- Suvin, D. (2004). Trenta tesi sulla distopia 2001. In *Nuovissime mappe dell'inferno*. Roma, Monolite.
- Suvin, D. (1979). *Metamorphoses of science fiction: on the poetics and history of a literary genre*. New Haven, Yale University Press.
- Suvin, D. et al. (D. Suvin, R. M. Philmus, Eds.). (1977). *H. G. Wells and modern science fiction*. London, Bocknell Un. Press.
- Vonnegut, K. (1973). Conversations with Kurt Vonnegut. In *Playboy*.
- Voronsky, A. (1988). Yevgeny Zamyatin. In G. Kern (Ed.). *Zamyatin's We. A collection of Critical Essays*. Ann Arbor, Ardis Publishers.

- Wegner, P. (2002). *Imaginary Communities*. University of California Press.
- White, J. J. (1988). Mathematical Imagery in Musil's *Young Trless* and Zamyatin's *We*. In Kern, G. (Ed.). *Zamyatin's We. A collection of Critical Essays*. Ann Arbor, Ardis Publishers.
- Zamyatin, E. I. (T. I. Kireeva, Ed.). (2003). *Мы [We]*. In Zamyatin, E. I. *Sobranie sochinenij v pyati tomah*. Vol. 2. Rus'. 592 p. Moscow, Russkaya kniga.
- Zamyatin, E. I. (T. I. Kireeva, Ed.). (2004). *O literature, revolyucii, entropii i prochem* [On Literature, Revolution, Entropy, and Other Matters]. In Zamyatin, E. I. *Sobranie sochinenij v pyati tomah*. Vol. 3. Lica (pp. 173–180). 608 p. Moscow, Russkaya kniga.
- Zamyatin, E. I. (T. I. Kireeva, Ed.). (2011). *Skify' li?* [Scythians?]. In Zamyatin, E. I. *Sobranie sochinenij v pyati tomah*. Vol. 4. Lica (pp. 285–295). Moscow, Russkaya kniga.
- Zamyatin, E. I. (M. Yu. Lyubimova, Dzh. Kurtis, Comp.). (2011). *Мы. Tekst i materialy' k tvorcheskoj istorii romana* [We. Text and Materials for the Creative History of the Novel]. Sankt Petersburg, Mir. 608 p.

The article was submitted on 05.06.2015

Джованни Манискалко Базиле,
профессор,
Италия, Университет Рим III
gianni.maniscalco@gmail.com

Giovanni Maniscalco Basile,
Professor,
Italy, Third Rome University
gianni.maniscalco@gmail.com

DOI 10.15826/QR.2015.4.125
УДК 721.01(470.25)+911(470.25)

Alla Vronskaya

**THE UTOPIA OF PERSONALITY:
MOISEI GINZBURG'S PROJECT FOR THE MOSCOW PARK
OF CULTURE AND LEISURE***

This article focuses on Moisei Ginzburg's competition entry for the Central Park of Culture and Leisure in Moscow (1931), assessing its nature as a utopian landscape. It demonstrates how the program of the project emerged from the debates on modernist town planning as an attempt to adapt ideas developed in the course of these debates to existing urban context. Emerging prior to the rest of the modernist urban environment, the park assumed the role of representing the settlement of the future within the city of the past, while simultaneously forming a part and parcel of the urban system to come. It was both inscribed into the modernist system of the zonal division of the city as the recreation zone and itself divided into separate zones, becoming a miniature model of an ideal modernist city of the future. The project was based on the principles of "disurbanism," an approach to town planning, which Ginzburg earlier developed in his project of the Green City near Moscow (1930). Following the theoretician of disurbanism Mikhail Okhitovich, Ginzburg declared the individual (rather than the family or the group) the basic unit of society, and consequently, personal development became the major mission that his park was to perform. As a result, the Park of Culture and Leisure became not a site, but a mechanism of personal and urban transformation.

Keywords: Moisei Ginzburg, disurbanism, Moscow Central Park of Culture and Leisure, urban planning, landscape architecture, public parks, social condenser, Green City, modernism, utopia, zoning.

Статья посвящена заявке Моисея Гинзбурга на конкурс проектов Центрального парка культуры и отдыха в Москве (1931), рассматривавшей природу как утопический ландшафт. Автор показывает, каким образом программа проекта возникла в дебатах о современном планировании городов в качестве попытки применить идеи, развитые в ходе этих дебатов, к существующему городскому контексту. Возникнув прежде окружающей современной городской среды, парк принимал роль представителя поселения будущего внутри города прошлого, одновременно формируя

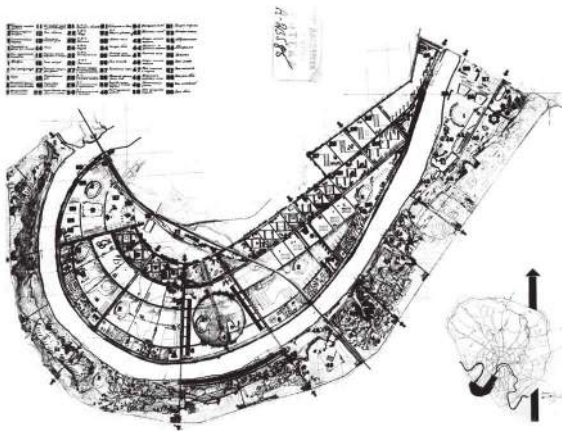
---

* The images published in this article are provided courtesy of Shchusev State Museum of Architecture (MUAR) and OMA respectively.

частицу грядущей городской системы. Он вписывался в рамки модернистской системы зонирования города как рекреационная зона и одновременно сам дробился на меньшие зоны, сделавшись миниатюрной моделью идеального модернистского города будущего. Проект опирался на принципы дезурбанизма – подхода к планированию городов, который Гинзбург ранее применил в проекте Зеленого Города под Москвой (1930). Следуя теории дезурбанизма Михаила Охитовича, Гинзбург провозгласил индивида (но не семью или группу) базовой единицей общества, и, следовательно, развитие личности сделалось основной миссией, которую парк должен был исполнить. В результате парк культуры и отдыха должен был стать не местом, но механизмом персонального и городского преобразования.

Ключевые слова: Моисей Гинзбург; дезурбанизм; Московский центральный парк культуры и отдыха; городское планирование; ландшафтная архитектура; общественные парки; социальный конденсатор; Зеленый Город; модернизм; утопия; зонирование.

In 1931, architect Moisei Ginzburg (1892–1946), the leading theoretician of Constructivism, submitted an entry to the competition for the redesign of the Central Park of Culture and Leisure in Moscow (Fig. 1). Opened three years earlier on the grounds of the former All-Russian Agricultural Exposition, on the Vorobëvy Gory south-west of the city center, it was to become the major public park in the country and a prototype for socialist public parks of the future. The design had to transform the Park of Culture and Leisure into “a powerful cultural complex [kul'turnyi kombinat], which would combine political, scientific-popular, art-spectacle, and physical-cultural and health-related work

1. M. Ginzburg. Central Park of Culture and Leisure. Moscow. General Plan. 1931 // Image courtesy of Shchusev State Museum of Architecture (MUAR)

with the masses, and which intends to attract tens and hundreds of thousands of workers throughout the year” [Цит. по: План, с. 3]. A total of ten ambitious projects were submitted by major Soviet architectural organizations, and several more were prepared as diploma projects by students who

were graduating from Moscow VKhUTEIN in 1929¹. However, no winner was selected in the 1931 competition, and none of the submitted projects were realized, with the exception of the entrance parterre that formed a part of the project of Konstantin Melnikov, the chief architect of the park. If all the submitted projects were, one could say, utopian–unrealizable in their giant scale and unprecedented ambition – it was, perhaps, because of the competition brief, which called for a park that could host 150,000 people daily. In this article, I focus on Ginzburg’s competition entry in order to assess its nature as a utopian landscape and demonstrate how its program emerged from the debates on modernist town planning as an attempt to adapt ideas developed in the course of these debates to existing urban situation.

Landscape, Urbanism, Utopia

In popular interpretations of landscape traditions as distant as medieval Persia and eighteenth-century Britain, parks and gardens have often been elevated from the level of the mundane and connected to the world of fantasy and dream. A microcosm or even a sacred space, the garden has been a classic example of what Michel Foucault defined as a heterotopia – a real space (as opposed to the unreal utopia) that was essentially different from all other [Foucault, p. 22–27]. In modern Western society, the enjoyment of garden heterotopias remained a privilege of the elite, and when nineteenth-century philanthropists developed a model for a park for the masses, it became pragmatically delineated as a space of hygiene and entertainment, which complemented rather than opposed workers’ everyday lives. Not a counter-place, the nineteenth-century public park was equally distant from a no-place, or utopia. For philosophers from Plato to Thomas More and on, the concept of a utopia suggested a model of ideal societal organization, which in the nineteenth century, following the development of capitalism and the accompanying growth of proletariat, acquired a distinctively critical character and was transformed into a tool of class and ideological struggle. In contrast, nineteenth-century *Volkspark*s attempted to mitigate the brutality of early capitalism by offering spaces for physical and moral recuperation of workers. Rather than a model of a different social or urban system, a *Volkspark* functioned as a bandage on the sick body of the modern metropolis.

¹ The projects were submitted by Scientific-Technical Society of Construction Workers (NTO Stroitelei): L. E. Birykov, L. B. Velikovskiy, N. S. Zarubin); ARU: V. P. Kalmykov, V. I. Fidman; The Brigade of Central Park of Culture and Leisure: L. S. Zaleskaya, I. P. Kychakov, M. I. Prokhorova; ASNOVA: T. N. Varentsov, S. A. Geldfeld, A. I. Repkin, S. B. Bekker; VOPRA: P. I. Goldenberg and V. I. Dolganov; ASI: A. V. Natalchenko, P. P. Reviakin, K. Ia. Rogov; SASS (Sector of Architects of Socialist Construction, *Sektor Arkhitektorov Sotsialisticheskogo Stroitel'stva*, as OSA was renamed in 1930): I. U. Bronshtein; Moisei Ginzburg; Konstantin Melnikov; I. I. Klang and A. S. Korobov. Most of the students who chose the Park of Culture and Leisure as the subject of their diploma projects studied in the workshop of Nikolai Ladovsky. Among them were: Lyubov Zaleskaya, Vitaly Dolganov, Mikael Mazmonian, Karo Alabian, Ivan Bolbashevskiy, Oganess Balian, and Sergei Matorin. Mikhail Zhironov studied under Aleksandr Vesnin.

Whereas nineteenth-century public parks were designed in opposition to the concept of utopia, modernist town planning embraced it as a viable model. The boundary between early modernist urbanist theory and the idea of utopia was often imperceptible, making it impossible to neatly assign such projects as Ebenezer Howard's *Garden City* or Le Corbusier's *Ville radieuse* to one or the other. Having emerged as an alternative, radical – utopian – response to the infamous filthy slums of the industrial city, modernist town planning placed the problem of hygiene at the very heart of its program. Little wonder, then, that public parks were not to be seen on most of these projects: there was no need for them in the picture of ideal green, clean, and hygienic modernist settlements, hovering above forests and meadows.

However, the potential of public parks as large open spaces capable of hosting thousands of people was soon noticed and appreciated by modernist architects. Parks turned into spaces of recreation and of leisure – understood both in the broad sense of the term as time spent outside of work and in the narrow sense as active satisfaction of one's intellectual and creative ambitions². This new role of public parks became part of CIAM's doctrine of urbanism, which was created with the active participation of Ginzburg, the Soviet representative in CIAM from 1928 to 1932. Codified in the Athens Charter, published by Le Corbusier only in 1943 but incorporating materials from the 1933 CIAM IV conference (which was initially scheduled to take place in Moscow) as well as the experience of designing public parks in the USSR, this doctrine proclaimed that parks and gardens had to become a sort of social infrastructure: "The new green areas must serve clearly defined purposes, namely, to contain the kindergartens, schools, youth centers, and all other buildings for community use, closely linked to housing" [Le Corbusier, 1973, p. 69]. Public parks supplemented functionalist housing, making it livable and thereby preventing modernist utopia from degrading into a dehumanizing dystopia.

No longer trying to solve the problem presented by the old metropolis, the park, although still physically located within it, addressed itself to theoretical (and often utopian) modernist models of town planning. In post-revolutionary USSR, where radicalism was normalized on all levels of discourse, the utopianism of these models was uncompromising, provoking Ginzburg famously to accuse Le Corbusier of not being consistent enough in his destruction of the old city:

You, the best of surgeons of the contemporary city, you want to cure it by all means. This is why you elevate the city on poles wishing to solve the unsolvable problem of movement in a metropolis, a movement in the absence of space.

---

² The potential of leisure for creativity had been part of the Marxist tradition, exemplified by, among other texts, William Morris's utopian *News from Nowhere* (1890). In Russia, it was explored most notably by the Soviet minister of culture and education (*narkom prosveshchenia*) Anatoly Lunacharsky, who stood behind the concept of the park of culture and leisure [Луначарский, с. 26–27].

You create magnificent gardens on the roofs of multi-story buildings wishing to give people an extra bit of greenery, you create charming villas, giving their inhabitants ideal conveniences, peace and comfort. But you create all that because you wish to **cure** the city, [you] attempt to essentially **preserve** it the way it was created by capitalism. <...> We diagnose the contemporary city. We say: yes, it is ill, mortally ill. But we do not want to cure it. We prefer to destroy it and want to start working on the creation of a new type of human settlement, which would be devoid of internal contradictions and which we could call socialist [Гинзбург, 1930а, с. 61]³.

Addressing itself to this “new type of human settlement,” the park was to become part and parcel of its structure, acquiring a particular function within the new urban system. At the same time, emerging prior to the rest of it, the park assumed the role of representing the settlement of the future within the city of the past. If it were realized, it would become both a utopia – a model of the urbanism yet to come – and a heterotopia – a material counter-space.

Modernist Urbanism and the Park of Culture and Leisure

The term “park of culture and leisure” was an invention of Soviet bureaucrats. It reflected the dual task that new public parks had to perform: on the one hand, to provide facilities for rest and recreation while, on the other hand, to become spaces of propaganda and education – the latter within the framework of the “culturedness” (*kul'turnost'*) campaign that aimed to adapt new townfolk to life in a metropolis (on the notion of *kul'turnost'* see: [Kucher, 48–68; Volkov, 1996; Volkov, 1999; Kelly, Volkov, 291–313]). A space where one could spend hours or days (a hotel was provided for out-of-town guests), in its scale and complexity the proposed Moscow Park of Culture and Leisure presaged post-war Western theme parks. The competition brief, announced by *Mossovet* (Moscow Soviet of the Working People's Deputies, the municipality of Moscow) in 1931, specified a list of required zones and facilities:

1. **The Main House**, the administrative center of the park.
2. **Children's Village**: a). nursery, b). kindergarten... with a kitchen-garden and a flower-bed, c). Children's Club, with a gym, a theater, a library, and a space for games... Also there has to be a pond for sailing, tracks for running competitions, a stage for performances and music.
3. **Physical Education Base**... with winter gyms, a sports library, a swimming pool, resting rooms, etc. The building has to be surrounded by open sports grounds and a bicycle track; a station for river swimming... has to be nearby; a site has to be determined for a skating rink and for skiing in the winter.

---

³ For the debate between Ginzburg and Le Corbusier and the latter's position in Soviet debate on urban planning, see: [Cohen, 1992].

4. **Club Base**, a club with an auditorium, a library... rooms for chess and checkers, table tennis, billiards... bowling ... a tearoom, etc. Around the house, spaces for summer outside rest with flowerbeds, lawns and stages.

5. **Military Village** for getting theoretical and practical military knowledge... For summer use, there also has to be a network of tents and barracks, and a site for military engineering works.

6. **Artistic-Performative Sector** includes: a). drama and opera theaters for five to six thousand spectators each; b). children's theater for three thousand spectators, c). open-air theater for ten to fifteen thousand spectators, d). circus for ten to fifteen thousand spectators, e). cinema for four to five thousand spectators, f). various attractions on the ground and water for both summer and winter periods, g). ...stages for mobile troupes and concerts.

7. **Food Facilities**. ...Several permanent restaurant-cafeterias, tearooms and cafes, kiosks and pavilions near the sites of mass gatherings.

8. **[Exhibition] Corners**-ethnographic... zoological, botanical, regional studies...

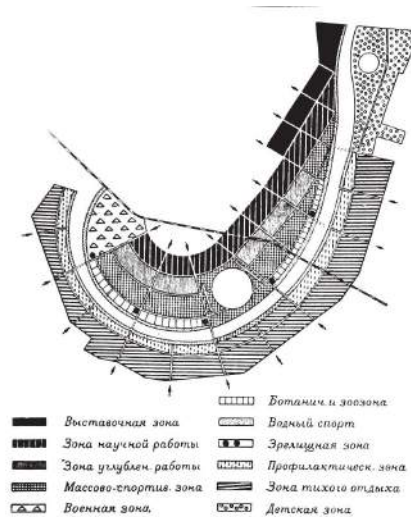
9. **Spaces for Rest**... for those who wish to have quiet rest.

10. **Exhibition Hall**... for periodical exhibitions.

11. **Residential Houses**... for the employees of the park... [and] since the park is going to become a resort zone in its own right, a hotel for visitors.

[Лавров, с. 14–16].

Responding to this program, Ginzburg's project presented a sequence of linear functional zones. Although showing basic routes and some terrain relief, the general layout of the plan was highly diagrammatic, representing each zone symbolically rather than topographically: instead of depicting the design of different segments of the botanical zone, for instance, he only included schematic drawings of grasses and palm trees. Ginzburg further developed this principle of economy of representational means, bracketing all topographic and architectural information, in the zonal division map, which was sometimes used to represent the project in press instead of the general plan [Луниц, 1935, с. 212; Луниц, 1932, с. 28–29] (Fig. 2). All that was left here was a schematic diagram of the park's zones and the circulation of visitors, superimposed upon the contours of the park. Quite an unusual representational technique in landscape architecture, this diagram

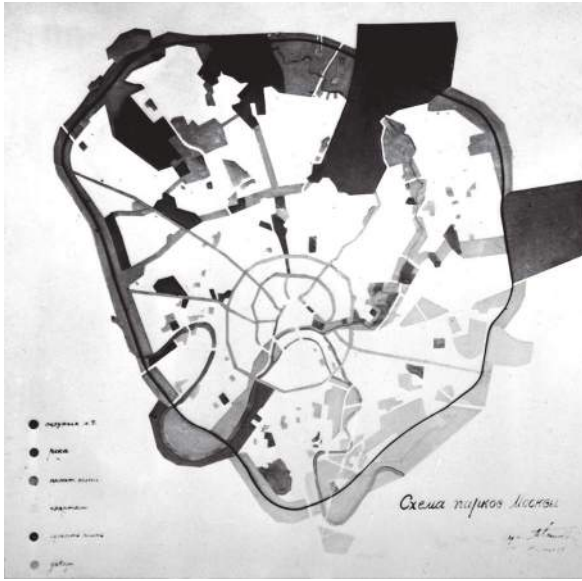

2. M. Ginzburg. Zonal Division Diagram for the Central Park of Culture and Leisure. Moscow. 1931 [Луниц, 1935]

style resembled contemporaneous urban planning projects, such as Ivan Leonidov's design for Magnitogorsk, underscoring that for Ginzburg, the park of culture and leisure fell within the discipline of urban planning – a discipline that had its own goals, tasks and methods, very different from those of landscape architecture. Within the discourse of CIAM, urban planning emerged as a subfield of architecture that was, first and foremost, capable of solving the social challenges that it faced, and as such acquired a predominant importance.⁴

Supplementing Ginzburg's general plan, a proposal for the "Park System of Moscow" demonstrated the role of the park within the urban context of Moscow (Fig. 3). The Park of Culture and Leisure emerged as a key part of

3. M. Ginzburg. Park System of Moscow. 1931 // Shchusev State Museum of Architecture (MUAR)

the green belt, which embraced the city using the grounds of the circular railway created around Moscow in the 1900s. The railroad enabled movement within the park and connected the park to the city, at the same time protecting residential areas from transport noise and pollution. Although similar to nineteenth-century urban greenbelts, such as the Vienna Ringstraße and the Boston Emerald Necklace, but, most importantly, comple-

menting the Moscow Garden and Boulevard rings (which appeared after the demolition of military fortifications during the late eighteenth and early nineteenth centuries), Ginzburg's project placed the railroad in the center of the urban greenbelt, merging the traditional concept with such recognized examples of advanced, modern infrastructure as contemporaneous American and Canadian parkways and railway landscapes and, of course, Howard's *Garden City*, also surrounded by a circular railroad (on the role of railroads in modern landscape imagination, see [Davis; Lam]).

⁴ The *Congrès internationaux d'architecture moderne* (CIAM, 1928–1959) was an international organization that united radical modernist architects. Among its founding members were Le Corbusier, Sigfried Giedion, André Lurçat, Ernst May, Hannes Meyer, Hans Schmidt, and Mart Stam. The Soviet Union was to be represented by E. I. Lissitzky, N. Kolli and M. Ginzburg.

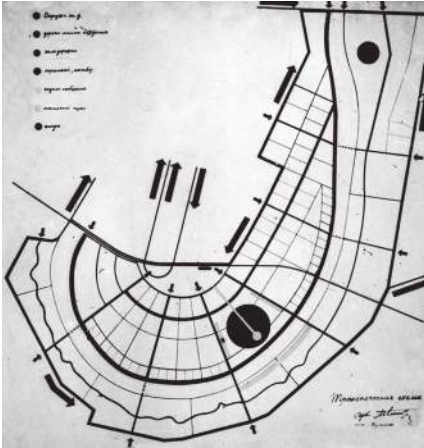
A more radical – perhaps, utopian – proposal was made by Mikhail Zhironov, a member of the OSA and a student of Alexander Vesnin in VKhUTEIN, where he defended it as a diploma project in 1929 [Жиров, с. 172–175]. Published in *Sovremennaiia Arkhitektura* (*Contemporary Architecture*), the journal of architectural Constructivism edited by Ginzburg, Zhironov's project interpreted the park as a two-kilometer-wide series of circular zones that surrounded the city center. The first internal circle was allocated for government offices; the second was devoted to physical culture and children's villages; the third was to be occupied by gardens and scientific centers; while the fourth peripheral circle encompassed existing fields and kitchen gardens. Several round "park-cities" – giant parks that swallowed whole areas of Moscow, in particular those already rich in vegetation – were beaded on the thread of this multi-layered ring. Adapting the ideal scheme to Moscow's concrete situation, this scheme, in which rings and circles of parks were superimposed upon the urban texture, looked as if Howard's *Garden City* was turned inside out.

Comprising the core of Moscow's recreational zone, Ginzburg's and Zhironov's projects for the Park of Culture and Leisure endowed it with a central importance within the CIAM-promoted segregation of four functional areas within a city: living, working, recreation, and circulation. Furthermore, the park itself was subdivided into several sub-zones: the exhibition zone, science zone, "advanced work zone," mass-sportive zone, military zone, botanical and zoological zones, zone of water sports, spectacle zone, preventive medicine zone, zone of quiet rest, and children's zone followed each other as a series of narrow, gently curving stripes. Repeating the curve of the Moscow river in their semi-circular outline, the zones radiated from the invisible center – a preexisting railway station left beyond the boundaries of the park. They were sliced by perpendicular walking alleys, which allowed the visitors, depending on their goals and expectations, to either explore one zone in detail or receive an experience across all of the zones.

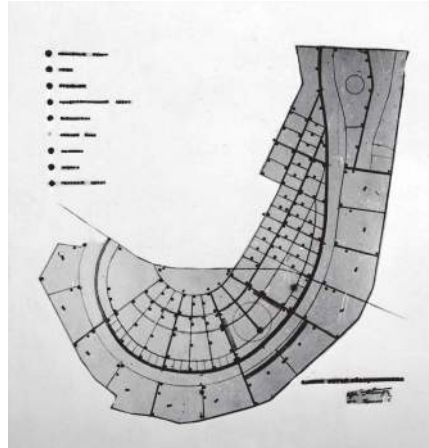
In the CIAM theory of urbanism, living, working, and recreation were to be separated not only functionally, but also spatially, and subsequently reconnected via a circulation zone. Transformed into the blood artery of the city and enabling zonal division, circulation, which had previously been neglected by architects and town planners, acquired a central importance for modernist urbanism and architecture. "Circulation is a word I applied unceasingly in Moscow to explain myself, so often that it finished by making some representatives to the Supreme Soviet nervous. I maintained my point of view. A second outrageous fundamental proposition: *architecture is circulation*," Le Corbusier argued, recalling how he defended the concept of his *Tsentrosoiuz* building [Le Corbusier, 1991, p. 47; Cohen, 1981, p. 96–99]. Perhaps as a result of Le Corbusier's sermons, the idea of architecture as circulation firmly asserted its place within Soviet architectural theory, and Ginzburg expanded it to architecture's other subfields. "Landscape is circulation," he could have said in relationship to his project for the Park of Culture and Leisure. In two supplementary drawings demonstrating the Park's

transportation system and facilities network, cafes and dining halls, libraries and sports bases were concentrated along an extremely diverse system of communication lines: the railroad, pedestrian and bicycle paths, street-car and bus routes, water transport, and even a “tank way” for military pa-

4. M. Ginzburg. Central Park of Culture and Leisure. Moscow. Transportation Scheme. 1931 // Shchusev State Museum of Architecture (MUAR)

5. M. Ginzburg. Central Park of Culture and Leisure. Moscow. Facilities Network. 1931 // Shchusev State Museum of Architecture (MUAR)

rades (Figs. 4, 5). In the absence of a distinctive center (the “Main House” requirement of the program was ignored by the architect), this preexisting railroad, which partly bound and partly traversed the Park, became its true heart, the meeting point of all the radial paths.

The two cornerstones of modernist urbanism, circulation and zoning informed the emerging modernist approach to public landscapes and, in particular, to the Moscow Park of Culture and Leisure as a prototype of a socialist park. In Ginzburg’s project, the park was both inscribed into the system of the zonal division of the city as the recreation zone and itself divided into separate zones, becoming a miniature model of an ideal modernist city of the future.

The Green City and Disurbanism

As the symbol of modernity and promise of social change through technological development, the railroad attracted modernists and more traditional social reformers alike. Shortly after the publication of Howard’s *To-morrow: a Peaceful Path to Real Reform* in 1898 (which due to its emphasized social mission was well familiar to Russian readers) Russian architect and town planner Vladimir Semenov set out to develop a garden city for the workers of the Moscow-Kazan’ railroad society near Prozorovskaya station to the southeast of Moscow. Although its

implementation was interrupted by the revolution of 1917, a significant part of the project was realized, and the construction was widely publicized in Russian architectural press. Similar to Ginzburg's later Park of Culture and Leisure, Prozorovskaia was to acquire the shape of an ideal circle radiating from the train station – its functional and symbolic center, which reminded the residents of the meaning and significance of their work, promised a better, modernized future, and connected the village to Moscow. Semenov continued to enjoy a prolific architectural career after the revolution, acting as the chief architect of Moscow from 1932 to 1934, and his model of a garden city that existed in symbiosis with the railroad informed much of Soviet modernist town planning even though it was often accused of responding to the conditions of the old capitalist society.

The competition for the “Green City,” which was announced in 1929, aimed to adapt Semenov's idea to the new political situation. Four leading architects – Melnikov, Ginzburg (together with his student and frequent collaborator Mikhail Barshch), Nikolai Ladovsky, and Daniil Fridman – were invited to participate. According to the competition brief, the Green City was to become a major short-term vacation resort connected to Moscow by a preexisting railroad line (and thus also available for weekend visits), which would house as many as one hundred thousand residents at a time. The challenge that the architects faced was how to provide the visitors with a rural, green, and hygienic environment while preserving the protected forest that occupied the major bulk of the city's territory.

Similar to the Park of Culture and Leisure, the Green City was to be divided into several zones: those for culture, physical education, residence, preventive medicine, children, personnel housing, communal services, and a model agricultural farm that would employ five thousand people and supply the city with fresh produce. The Green City was not intended to merely mitigate Moscow's detrimental effects upon workers' health, but also to become a model for urban development of the future.

The competition became an opportunity for the participating architects to make statements of their positions within the discussion on modernist town planning. The challenge lay in the need to combine the utopian statement with a viable solution for the practical task posed by the organizers. Referring to the garden city concept, Ginzburg suggested making the Green City Moscow's first “satellite,” but his ambition went further: to transform all of Moscow, which he believed ought to become a giant park of culture and leisure. To this end, he proposed three radical measures: remove all administrative, industrial, and higher educational institutions from the city; relocate the remaining population along the lines of transportation connecting Moscow to nearby cities; and ban all new construction in Moscow, consistently planting over all territories vacated as a result of the natural destruction of houses [Барщ, Гинзбург, с. 17–18].

This utopian part of Ginzburg's proposal aimed to illustrate his embrace of “disurbanism,” one of the two conflicting approaches in Soviet modernist town planning thought at the time. The so-called “discussion of socialist

settlement,” which revolved around the interpretation of Marx’s claim that communism would eliminate the distinction between the town and the country, split the previously united camp of modernist architects into two hostile factions. The urbanists, led by Leonid Sabsovich, proposed the creation of a network of small towns connected to each other by roads, which would replace old capitalist agglomerations. Big apartment blocks, where every worker would receive at least one furnished room, would replace individual housing in these new towns, allowing for the collective satisfaction of mundane needs through a creation of large factory-kitchens and centralized factory-laundries. On the opposite side of the divide, disurbanists, whose major spokesman was Soviet economist and sociologist Mikhail Okhitovich (1896–1937), were convinced that the development of individual transportation was a death sentence for the old city as agglomeration, and prophesied the creation of settlements according to the principle of maximum liberty: individual houses connected by highways and a developed network of distribution centers could, they believed, provide a more hygienic and efficient infrastructure for living.

Famously disagreeing with their idol Le Corbusier, who aligned himself with the urbanists, the Constructivists adopted the disurbanist program. Starting with the premise that, unlike production, *consumption* was always individual, Okhitovich developed a theory of individuality as a product of socialist proto-consumer society. Since basic consumer needs (which Okhitovich identified with physiological functions: being born, eating, sleeping, making oneself warm) could be satisfied only individually, Okhitovich believed that individual consumption led to the development of individuality, and more complicated and sophisticated consumption produced better, more developed personalities. Thus the goal of socialist society was, according to him, the satisfaction of the consumer – and since consumption was best satisfied through individual housing and networks of small distribution centers, these formed the core of his disurbanist program [ОХИТОВИЧ, с. 7–16].

Ginzburg further developed Okhitovich’s idea. Small individual houses (42 square meters of living space) in his Green City each consisted of one room with toilet and shower cabin. Attached to one another, the units created a 90-kilometer-long and potentially endless structure that presaged Constant’s *New Babylon* and Superstudio’s *Continuous Monument*. Interrupted only by firewalls between every several units (to make houses cheap and easy to construct it was proposed to make them of wood), it followed existing highways and thoroughfares, cutting through villages and towns and transforming their social character along its way. A 250-meter-wide strip of greenery separated the line of housing from the highway, whereas the other side was occupied by a vast park with freely scattered “cultural” and educational institutions. To provide access between the two sides of the strip, the houses were elevated on *pilotis* [ГИНЗБУРГ, 1930а, с. 14–20; Барщ, ГИНЗБУРГ, с. 20–36].

A characteristic – yet unexpected, given the communist convictions of its creator – feature of Ginzburg’s Green City project was the complete iso-

lation in which it placed its residents. Even spouses were placed in adjacent but separate units, divided by soundproof walls. "Let the husband and wife live next to each other in two adjacent [living] cells. Between them is the door, through which they can communicate. But the presence of separate entrances in each of the cells guarantees that they also can **not communicate** if they do not want to," Ginzburg argued [Гинзбург, 19306, с. 18]. Used by Ginzburg in relation to this and other projects, the use of the term "cell" [*yacheika*] to describe individual apartments resembles the definition of a family as the cell of society, which was proposed by Auguste Comte and widely used by Marxist sociologists. At the same time, working from Engels's idea that in a capitalist society family created the basic framework for the exploitation of women and children by men, Ginzburg called for the dissolution of family and for the basic social unit instead to be the individual.

Social Condenser

This isolation at home, exacerbated by the suburban character of the settlement ribbon, necessitated the design of special spaces for communication within the city. It was just that function that the Park of Culture and Leisure acquired in Ginzburg's thought. In the Green City, the park, which also assumed a ribbon shape, housed the town's administrative institutions as well as facilities for sports and education: two sports centers, a stadium, two auditoriums, "the central base of socialist education," "the center of cultural provision," and, last but not least, exhibitions of consumer objects, the differences between which, Ginzburg clarified, helped to develop the individuality of the consumer [Гинзбург, 19306, с. 14–15]. This complicated system of exhibition, educational, and sportive zones of the Park of Culture and Leisure became an agent of personal development, and, perhaps not coincidentally, in 1931 the park in Moscow received the name of Maxim Gor'ky – the author of *The Destruction of Personality* (1908), a Romantic ode to the new, fuller and richer, individual that the socialist society was to produce.

In his surprising desire for the individual, rather than the family or the group, to be the basic social unit, Ginzburg relied on the thinking of Okhitevich, who argued that neither the collective nor the individual could be dominant in a socialist society and proclaimed the individual "not an arithmetic, but a social unit": "...An individual is a product of technological, not social, division of labor. Not accepting the collective while proclaiming *the individual*, as Max Stirner does, would be admiring a result while despising its reason. Exalting the collective while ignoring the individual would be [the same as] praising Russian language while prohibiting using Russian words. This is what is done by our contemporary Stirnerians turned inside out, the adherents of a special branch of Proudhonian communalism. Individuality cannot be juxtaposed to the collective, and vice versa" [ОХИТОВИЧ, с. 13].

Since in Russian, the notions of the individual and personality share the same word (*lichnost'*), Okhitovich's statement can also be read as pertaining to personality. Not individualism, but the uniqueness of talents, abilities, and tastes were to be developed by individuals within the collective.

This preoccupation with issues of collectivity and personal development, demonstrated by the project for the Park of Culture and Leisure, was also characteristic of Ginzburg's other designs and concepts, most notably, for his notion of the social condenser, which became seminal for subsequent Western architectural theory. In 1927, he argued that "the purpose [that a] Soviet architect [faces lies] in the creation of social condensers of our epoch, the purpose that distinguishes our constructivism from all leftist movements and groups of Western Europe and America" [Гинзбург, 1927, с. 111]. This concept is often associated with Ginzburg's work on the so-called "house-commune" of the Soviet ministry of finance (*Narkomfin*), completed in Moscow in 1932 as a prototype for standardized mass-produced housing. In fact, Ginzburg and his team developed the *Narkomfin* not as a house where all activities of daily life were collectivized – a "house-commune" proper – but as a "house of transitory type," in which plentiful public space and small individual units were complemented by larger, more traditional, apartments for families with children not yet ready to dissolve within the collective. Similarly, the Park of Culture and Leisure with its segregated and reconnected functional zones could be seen as another example of a social condenser. As Zhiron explained in regards to his project, unlike the old, "aristocratic" or "bourgeois" parks, the Soviet park of culture and leisure did not offer a means of glorification of a king's power or a solipsistic escape from society; instead, its prime function was the meaningful and creative interaction of the masses:

Park of a feudal society, e. g., in Ancient Egypt. The palace, vineyards and the shrine are major means of the organization of the enslavement of the people; all paths and alleys lead to these centers, there are no spaces for a free organization of the masses. In the Modern period: "the Bois de Boulogne" in Paris – a park, accommodating up to 200,000 people. Here there are no elements encouraging the unification and collective creativity of the masses, and everything is intentionally entangled in narrow paths. The squares are accommodated for racing and other recreations of just one social class. In both cases, the class character of the park's organization is clearly pronounced [Жиров, с. 173].

The potential of Ginzburg's Park of Culture and Leisure for becoming a social condenser was understood by architect Rem Koolhaas, who used Ginzburg's project as a model for his contribution to the 1982 Parc de la Villette competition, a similarly ambitious, large-scale, socially oriented, and state-funded project (Fig. 6). Koolhaas referred to his project as a "social condenser," which he defined as "programmatic layering upon vacant terrain to encourage dynamic coexistence of activities and

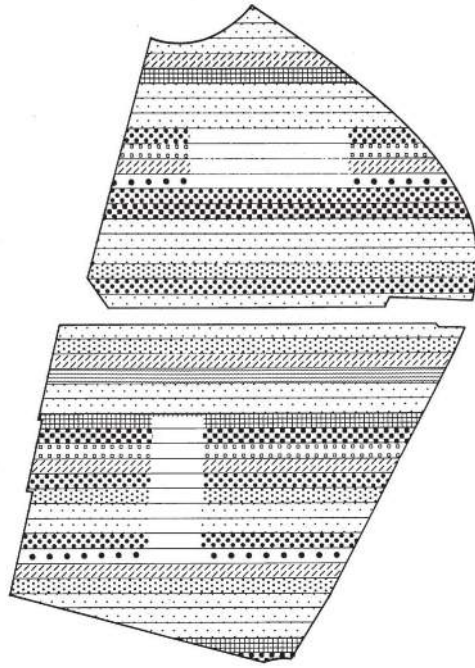

to generate, through their interference, unprecedented events" [Universal Modernization Patent, p. 73]. Formal similarities between the two projects are hard to miss: both comprised a diagrammatically represented sequence of narrow horizontal zones to be traversed by visitors. In each project, the horizontal division of the plan allowed for a certain democracy of planning: in the absence of a central alley or a prescribed route, the park could be crossed via any of the multiple possible trajectories.

Unlike Koolhaas, Ginzburg did not aim to provoke novel, unexpected events and activities. Instead, the modernist architect created

infrastructure for events that were carefully controlled and orchestrated. Moreover, if activities in Koolhaas's Parc de la Villette were small in scale (engaging groups, but not masses of people), the activities envisioned by Ginzburg brought together thousands of people. To host these mass events – parades and spectacles – the project transformed the landscape of the site, turning a steep bank of the Moscow river into an open amphitheater of a giant stadium. This complex and uneasy amalgamation of a dystopian program of militaristic physical preparation and political propaganda on the one hand, and utopian development of individual talent and personality on the other became the major practical task that the Park of Culture and Leisure was to perform in contemporary and future Moscow.

In addition to the mass scale of events and their programmed character, another feature distinguished Ginzburg's project from that of Koolhaas. Koolhaas's Parc de la Villette was connected neither to the transportation system of Paris nor to the topography or history of the site. According to Koolhaas, it occupied a "vacant terrain" – in other words, it was, quite literally, a u-topia. To assert its utopian status, Koolhaas straightened the curves of Ginzburg's plan, transforming them into ideal straight lines. In contrast, Ginzburg's Park of Culture and Leisure was tightly connected to the materiality of its site on Vorobyovy Gory

6. OMA. Parc de la Villette. Paris. "The Stripes" diagram. 1982. Image courtesy OMA

and the social geography of Moscow. A product of a unique political, historical, and geographical situation, it did not intend to transcend its context, but on the contrary, fully embraced its position in time and place, connecting to it by means of a diverse system of transportation lines. Not a utopia of social activity like Koolhaas's Parc de la Villette, which it inspired, it was equally far from the utopia of an efficient and hygienic urbanism to which it responded. Designed not as a place but as a process of the development of individual personality and its urban context, Ginzburg's Park of Culture and Leisure, instead, became the mechanism of *change* – an ephemeral moment of transformation from the past into the future.

Список литературы

- Барц М. О., Гинзбург М. Я.* Зеленый город // Современная архитектура. 1930. № 1–2. С. 17–38.
- Волков В. В.* Концепция культурности. 1935–1938 годы : Советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социол. журн. 1996. № 1–2. С. 194–213.
- Гинзбург М.* Ответ Ле Корбюзье // Современная архитектура. 1930а. № 1–2. С. 61–62.
- Гинзбург М.* Современная архитектура десятилетия Октября : Итоги и перспективы // Современная архитектура. 1927. № 4–5. С. 111–118.
- Гинзбург М. Я.* Зеленый Город – опыт социалистического расселения // Строительство Москвы. 1930б. № 3. С. 14–20.
- Глан Б.* За социалистический парк // За социалистический парк: обзор проектов генерального плана Центрального парка культуры и отдыха Моссовета. М. : Изд-во Мособлисполкома, 1932.
- Жиров М.* Парк культуры и отдыха // Современная архитектура. 1929. № 5. С. 172–175.
- Лавров В.* Парк культуры и отдыха в Москве по проектам дипломников ВХУТЕИНа // Строительство Москвы. 1929. № 10. С. 13–18.
- Луначарский А. В.* Основы позитивной эстетики. М. ; П. : Госиздат, 1923. 134 с.
- Луниц Л.* Описание проектов генерального плана Центрального парка культуры и отдыха Моссовета // За социалистический парк: обзор проектов генерального плана Центрального парка культуры и отдыха Моссовета. М. : Изд-во Мособлисполкома, 1932. С. 28–29.
- Луниц Л. Б.* Парки культуры и отдыха. М. : Госстройиздат, 1935. 519 с.
- Охитович М.* Заметки по теории расселения // Современная архитектура. 1930. № 1–2. С. 7–16.
- Cohen J.-L.* Le Corbusier and the Mystique of the U. S. S. R. // Oppositions. 1981. № 23. P. 84–121.
- Cohen J.-L.* Le Corbusier and the Mystique of the USSR : Theories and Projects for Moscow 1928–1936. Princeton ; N. Y. : Princeton University Press, 1992. 254 p.
- Davis T.* The rise and decline of the American parkway // The World Beyond the Windshield : Roads and Landscapes in the United States and Europe. Columbus : Ohio University Press, 2008. P. 35–58.
- Foucault M.* Of Other Spaces // Diacritics. Vol. 16. № 1 (Spring 1986). P. 22–27.
- Kelly C., Volkov V. V.* Directed Desires : Kul'turnost' and Consumption / Constructing Russian Culture in the Age of Revolution, 1881–1940. Oxford : Oxford University Press, 1998. P. 291–313.
- Kucher K.* Der Gorki-Park : Freizeitkultur im Stalinismus 1928–1941. Köln : Böhlau, 2007. 330 p.
- Lam E.* Wilderness Nation: Building Canada's Railway Landscapes, 1885–1929. PhD. dissertation, Columbia University, 2011. 505 p.
- Le Corbusier.* Precisions : On the present state of architecture and city planning. Cambridge, MA : MIT Press, 1991. 284 p.

- Le Corbusier. The Athens Charter.* N. Y. : Grossman, 1973. 111 p.
 Universal Modernisation Patent "Social Condenser" (1982) // Content. Köln : Taschen, 2004. P. 73.
- Volkov V. V. The Concept of kul'turnost' : Notes on Stalinist Civilising Process // Everyday Stalinism : Ordinary Life in Extraordinary Times : Soviet Russia in the 1930s.* N. Y. : Oxford University Press, 1999. P. 210–230.

References

- Barshch, M. O. & Ginzburg, M. Ya. (1930). "Zelenyi gorod" ["Green City"]. In *Sovremennaya Arkhitektura*, 1–2, pp. 17–38.
- Cohen, J.-L. (1981). Le Corbusier and the Mystique of the U. S. S. R. In *Oppositions*, 23, pp. 84–121.
- Cohen, J.-L. (1992). *Le Corbusier and the Mystique of the USSR: Theories and Projects for Moscow 1928–1936.* 254 p. Princeton, N. J., Princeton University Press.
- Davis, T. (2008). The rise and decline of the American parkway. In *The World Beyond the Windshield : Roads and Landscapes in the United States and Europe* (pp. 35–58). Columbus, Ohio University Press.
- Foucault, M. (1986). Of Other Spaces. In *Diacritics*, 16/1 (Spring), pp. 22–27.
- Ginzburg, M. Ia. (1930b). *Zelenyi Gorod – opyt sotsialisticheskogo rasselenia* [Green City. Socialist Separation Experience]. In *Stroitel'stvo Moskvy*, 3, pp. 14–20.
- Ginzburg, M. (1930a). *Otvet Le Corbuzye* [The response to Le Corbusier]. In *Sovremennaya Arkhitektura*, 1–2, pp. 61–62.
- Ginzburg, M. (1927). *Sovremennaya arkhitektura desyatiletuyu oktyabrya : Itogi i perspektivy* [For the Tenth Anniversary of the October Revolution : Results and Prospects]. In *Sovremennaya arkhitektura*, 4–5, pp. 111–118.
- Glan, B. (1932). *Za sotsialisticheskii park* [For a Socialist Park]. In *Za Sotsialisticheskii Park: Obzor Proektov General'nogo Plana Tsentral'nogo Parka Kul'tury I Otdykha Mossoveta.* Moscow, Izd-vo Mosoblispolkoma.
- Kelly, C., Volkov, V. V. (1998). Directed Desires: Kul'turnost' and Consumption. In *Constructing Russian Culture in the Age of Revolution, 1881–1940* (pp. 291–313). Oxford, Oxford University Press.
- Kucher, K. (2007). *Der Gorki-Park: Freizeitkulturim Stalinismus 1928–1941.* 330 p. Köln, Böhlau.
- Lam, E. (2011). *Wilderness Nation: Building Canada's Railway Landscapes, 1885–1929.* [PhD. dissertation]. 505 p. Columbia University.
- Lavrov, V. (1929). *Park kultury i otdykha v Moskve po proektam diplomnikov VKhUTEINa* [Moscow Park of Culture and Rest in the Diploma Projects of VKhUTEIN Students]. In *Stroitel'stvo Moskvy*, 10, pp. 13–18.
- Le Corbusier (1991). *Precisions: On the present state of architecture and city planning.* 284 p. Cambridge, MA, MIT Press.
- Le Corbusier (1973). *The Athens Charter.* 111 p. N. Y., Grossman.
- Lunacharskii, A. V. (1923). *Osnovy pozitivnoi estetiki* [Foundations of Positive Aesthetics]. 134 p. Moscow, Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
- Lunts, L. (1932). *Opisanye proektov general'nogo plana tsentral'nogo parka kul'tury i otdykha Mossoveta* [A Description of Projects of the General Plan of the Central Park of Culture and Leisure of Mossoveta]. In *Za Sotsialisticheskii Park: Obzor Proektov General'nogo Plana Tsentral'nogo Parka Kul'tury I Otdykha Mossoveta* (pp. 28–29). Moscow, Izd-vo Mosoblispolkoma.
- Lunts, L. B. (1935). *Parki kultury i otdykha* [Parks of Culture and Rest]. 519 p. Moscow, Gosstroizdat.
- Okhitovich, M. (1930). *Zametki po teorii rasseleniya* [Notes on the Theory of Separation]. In *Sovremennaya Arkhitektura*, 1–2, pp. 7–16.
- Universal Modernization Patent "Social Condenser" (1982). (2004). In *Content* (p. 73). Köln, Taschen.

Volkov, V. V. (1999). The Concept of kul'turnost': Notes on Stalinist Civilising Process. In *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s* (pp. 210–230). N. Y., Oxford University Press.

Volkov, V. V. (1996). *Kontsepsiya kul'turnosti. 1935–1938 gody. Sovetskaya tsivilizatsiya i povsednevnost' stalinskogo vremeni* [The Concept of Kul'turnost'. 1935–1938. Soviet Civilization and the Everyday Life of Stalin's Time]. In *Sotsiologicheskii zhurnal*, 1–2, pp. 194–213.

Zhirov, M. (1929). *Park kul'tury i otdykha* [Park of Culture and Leisure]. In *Sovremennaya Arkhitektura*, 5, pp. 172–175.

The article was submitted on 01.07.2015

Алла Генриховна Вронская,
кандидат искусствоведения,
Государственный институт
искусствознания,
Москва, Россия;
Швейцарский федеральный
технологический институт,
Цюрих, Швейцария
alla.vronskaya@gta.arch.ethz.ch

Alla Vronskaya, Dr.,
State Institute of Art Studies,
Moscow, Russia,
and Swiss Federal Institute of
Technology (ETH),
Zurich, Switzerland
alla.vronskaya@gta.arch.ethz.ch

DOI 10.15826/QR.2015.4.126

УДК 070.23(1-37):316.334.56+621)

(470.54-25)(091

Елена Ефремова

**«ЗДЕСЬ БУДЕТ ГОРОД-САД»: УТОПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ
ГОРОДА В ЗАВОДСКОЙ ГАЗЕТЕ УРАЛМАША**

Elena Efremova

***HERE WILL BE A GARDEN-CITY: UTOPIAN IMAGE
OF A CITY IN THE URALMASH PLANT NEWSPAPER***

The article introduces the previously unstudied heavy engineering Uralmash Plant newspaper *Za Tyazheloye Mashinostroyeniye* published between 1934 and 1937; the newspaper is studied as a meta-text and a historical literary source where the editors and party leaders created a utopian image of an ideal city. During the period in question, L. L. Averbakh was secretary of the plant party committee and later secretary of the Ordzhonikidze district committee of Sverdlovsk, and partook in creative writing and literary criticism. The author analyzes the stylistic peculiarities of the key text underlying utopianism in the newspaper, *To Herbert G. Wells. My Country and Uralmash in 1950* that creates an image of a future city based on the comparison of an imaginative future with the most urgent issues of reality. The author makes a supposition that it was L. L. Averbakh who authored the article as he had a substantial experience of editorial work and enthusiastically participated in the newspaper publication process. The article describes the main methods the Editorial Board used to create the image of a socialist city of the future and its introduction to the reader as one existing in reality. The fact that the editors of the newspaper perceived the Uralmash Plant as a single unity is proved by the choice of lexical means employed to characterize it, namely, “the socialist city”, “our city”, “the city of Uralmash”, “the city of Soviet machines”, “the city of happiness”, “Sergo-City”, “beautiful Uralmash”. The article explores the role the Editorial Board assigned to the dwellers of Uralmash district; provided they observed the limits, they were allowed to criticize certain shortcomings, while the authors of articles used a multitude of grammar means (such as plural forms of first person proper pronouns and verbs) to create an illusion of conjoint actions. Together with the image of a new city of happiness, the newspaper of the Plant created a new calendar based on the date the Uralmash was launched which also manifested itself through other memorable dates. The shift to a new calendar is also emphasized by the constant contrast of the old world and the new one as well as the creation of an image of people of a new era. The author analyzes the image

of the inhabitants of the utopian city who are described by means of constant metonymies *gold* and *currency fund*, and reveals the special everyday life canon of the first developers of the plant and determines the role the newspaper played in the process of Uralmash district population formation with them starting to realize their being a special group of people, standing higher than others up the social ladder. Additionally, the article explores the theme of childhood and the succession of generations in newspaper articles: it was children that were meant to become the lofty aim of the future for whose sake the constructors of the socialist city had to overcome so many hardships. The author singles out a number of lexical units recurrent in the articles such as *happiness, joy, rejoicement* used in different grammar forms to create the emotional tone of the newspaper. It turning to books published during the 1950s and devoted to the history of the Uralmash plant and to the memoirs of the inhabitants of the district leads the author to conclude that the basic elements of utopia one finds in the newspaper *Za Tyazheloye Mashinostroyeniye* got deeply rooted in the district's inhabitants' minds and formed their identity.

Keywords: utopia; Uralmash; UZTM; socialist city; garden-city; plant newspaper; factory newspaper; *Za Tyazheloye Mashinostroyeniye*; L. L. Averbakh.

Заводская газета Уральского завода тяжелого машиностроения «За тяжелое машиностроение» за 1934–1937 гг. впервые вводится как историко-литературный источник в научный оборот и рассматривается как метатекст, в котором усилиями редакции и партийного руководства создается утопический образ идеального города. В это время секретарем парткома завода, а затем секретарем Орджоникидзевского райкома партии г. Свердловска был Л. Л. Авербах, причастный к писательскому творчеству и литературной критике. Автор анализирует стилистические особенности ключевого для реализации утопии текста «Мистеру Герберту Дж. Уэльсу. Моя страна и Уралмаш в 1950 г.», в котором образ будущего города создается на основе сопоставления фантастического будущего с решением наиболее острых проблем современности. Делается предположение о возможном авторстве Л. Л. Авербаха, имевшего большой опыт редакторской работы и активно участвовавшего в создании заводской газеты. Выделяются основные приемы, использовавшиеся редакцией для создания образа социалистического города будущего и презентации его читателям как реально существующего. Тот факт, что Уралмаш осознавался в эти годы создателями газеты именно как отдельная единица, подтверждается прежде всего выбором лексических средств для его наименования: «социалистический город», «наш город», «город УЗТМ», «город Уралмаша», «город советских машин», «город счастья», «город-Серго», «красавец Уралмаш». Рассматривается, какую роль в процессе создания газеты отводила редакция самим жителям Уралмаша: в рамках дозволенного они могли критиковать конкретные недостатки, а авторы статей активно использовали грамматические средства языка (форму множественного числа личных местоимений и глаголов), чтобы создать иллю-

зию совместного действия. Наряду с образом нового города-счастья, на страницах газеты ЗТМ создается новое летоисчисление, берущее начало с момента пуска завода, но проявляющееся и в других «памятных» датах. Переход к новому времени подчеркивается и постоянно используемым на страницах газеты приемом противопоставления нового мира старому, созданием образа «новых людей новой эпохи». Анализируется образ жителей утопического города, по отношению к которым используются ставшие постоянными метонимии «золотой» и «валютный» фонд, является своеобразный «житийный» канон первых строителей завода, определяется роль заводской газеты в процессе формирования идентичности населения Уралмаша, начинавшего осознавать свою принадлежность к особенной группе людей, стоящей на более высокой ступеньке общественной лестницы. Рассматривается репрезентация темы детства и преемственности поколений в газетных статьях: именно дети должны были стать той высокой целью в будущем, ради которой строители социалистического города преодолевали столько трудностей. Выделяется постоянный повтор таких лексических единиц, как «счастье», «веселье» и «радость», используемых в разных грамматических формах, благодаря которым создается эмоциональный фон газеты. Обращение к книгам, вышедшим в 1950-е гг. и посвященным истории Уралмаша, и к воспоминаниям жителей этого района позволяет констатировать, что основные элементы утопии, представляемые на страницах газеты «За тяжелое машиностроение» как осуществляющееся на глазах действие, прочно закрепились в сознании уралмашевцев и сформировали их идентичность.

Ключевые слова: утопия; Уралмаш; УЗТМ; социалистический город; город-сад; заводская газета; многотиражная газета; «За тяжелое машиностроение»; Л. Л. Авербах.

В стихотворении В. В. Маяковского «Екатеринбург – Свердловск» впервые появляется образ «новорожденного города», который отказался от прошлого («У этого города нету традиций, / Бульвара, дворца, фонтана и неги»), не имеет настоящего («У нас на глазах городище родится / Из воли Урала, труда и энергии»), но весь устремлен к созданию будущего: «как будто у города нет “сегодня”, / А только – “завтра” или “вчера”» [Маяковский]. Это стихотворение было написано на основе личных впечатлений и беседы с председателем окружного исполкома Парамоновым после посещения поэтом Свердловска 26–30 января 1928 г.⁵ Но в еще большей степени в этом тексте воплотился первый этап создания социалистического города Уралмаша, который сначала позиционировался властью как новый город и действительно словно не имел прошлого, так как строился на неосвоенной территории в нескольких километрах к северу от Екатеринбурга. Летом 1926 г. на строительной площадке начали вырубать лес, строилась железно-

---

⁵ Подробнее о разговоре Маяковского с Парамоновым и обстоятельствах создания стихотворения см.: [Земсков, с. 132–133].

дорожная ветка, хотя точное место строительства было определено только в сентябре 1927 г. [Неизвестный Уралмаш, с. 11]. Торжественная закладка первого камня в фундамент цеха металлоконструкций состоялась 15 июля 1928 г. [Там же, с. 14], однако вполне вероятно, что В. В. Маяковский мог знать о грандиозных планах из разговоров с руководителями города. В этих планах, обсуждавшихся с лета 1927 г., Уралмаш должен был стать претворенной в жизнь утопией – идеальным социалистическим городом.

Утопия власти

Утопия как воплощение идеального общественного строя или проекта социальных преобразований ассоциируется прежде всего с созданием идеала всеобщего, равного для всех счастливого будущего. Вера в возможность ее воплощения становится стимулом к свержению существующего строя, формируя механизм подавления: «всякая революция – это соединение утопии и традиции на гребне человеческих надежд и отчаяния» [Булдаков, с. 720]. Анализируя преимущественно документы личного характера, большую часть которых занимают письма, поступавшие Сталину, В. П. Булдаков заключает, что уже в 1920-е гг. будущее системы «зависело от способности выработать своего рода управленческий опиум, базирующийся на способности верхов адекватно реагировать на любые, включая самые болезненные психосоциальные импульсы, исходящие снизу» [Там же, с. 722]. Спасти от тотального взаимного недоверия и внутренней войны, как считает автор исследования, могло «лишь ощущение "осажденной крепости"», что и «обеспечило движение от "власти утопии" к "утопии власти"» [Там же, с. 723]. Как иронично отмечает Д. Шушарин в комментариях к сатирическому журналу «Крокодил», «главный вопрос любой революции вовсе не о власти», которую берет тот, кто успел первым: «Утро революционного похмелья начинается с вопроса "за что боролись?"» [История глазами Крокодила, с. 36]. Ответ наглядно демонстрируют журнальные иллюстрации: «Первое, что пришло в голову имиджмейкерам нового мира, – строка из "Интернационала": "...мы наш, мы новый мир построим"», причем новый мир виделся где-то в далекой перспективе, а в настоящем – общий тяжелый труд на стройках, оправданный высокой целью [Там же]. «Утопия власти» формулируется прежде всего как строительство нового мира, наглядным образом которого становится индустриальный пейзаж с миниатюрными фигурками людей на фоне гигантских строений, причем размер изображенных объектов должен помочь зрителю расставить приоритеты.

Реализация утопии, заключающаяся в строительстве городов будущего, была инициирована властью, а не архитекторами: «В реальности эти установки как обоснование для появления в конце 1920-х – начале 1930-х гг. проектов домов-коммун, жилкомбинатов, жилых комплексов

и прочих предложений по новой организации быта... были порождены в недрах партгосаппарата и разрабатывались, судя по словам одного из авторов концепции “казарменных соцгородов” Л. Сабсовича, по заказу ВСНХ» [Меерович, Конышева, Хмельницкий, с. 19]. Однако в тот момент, когда градостроительные идеи были сформулированы архитекторами и изложены на страницах профессиональной печати, власть отвергла как урбанистические, так и дезурбанистические теории, поскольку в них не решалась основная задача – использовать жилище «как мощное и эффективное средство управления людьми» [Меерович, с. 5]. Как полагают исследователи, окончанием дискуссии архитекторов можно считать опубликованное в «Правде» постановление Оргбюро, официально представленное как постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» от 16 мая 1930 г., в котором порицались попытки Сабсовича и других архитекторов исключительно за счет государства обобществить все стороны быта трудящихся, включая питание, жилье, воспитание детей отдельно от родителей, запретить индивидуальный прием пищи и т. п.: «Проведение этих вредных утопических начинаний, не учитывающих материальных ресурсов страны и степени подготовленности населения, привело бы к громадной растрате средств и жестокой дискредитации самой идеи социалистического быта» [Меерович, Конышева, Хмельницкий, с. 186]. Все силы и ресурсы должны были сосредоточиться на возведении индустриальных объектов, и только потом, по остаточному принципу, вокруг них должны были создаваться жилищные условия для работающих на этих предприятиях: «Руководство страной видело предназначение архитекторов... не в том, чтобы формировать полноценную и красивую среду обитания людей, а в том, чтобы в как можно более короткие сроки обеспечивать руководство промышленных ведомств проектной документацией для размещения необходимых ему трудовых масс» [Конышева, с. 218]. Исключением можно считать строительство первых станций московского метрополитена, роскошное убранство которых должно было подчеркнуть, особенно для иностранных гостей города, что это не просто вершина технического прогресса, а воплощенная в жизнь мечта: «Метрополитен при этом все же не был простым отблеском далекой утопии, но служил реальным прообразом скорого наступления светлого будущего» [Нойтатц, с. 655]. В качестве подтверждения этой мысли исследователь цитирует речь Кагановича, произнесенную 14 мая 1935 г.: «Не случайно метро любят не только москвичи, но и люди всей страны. Делегаты съезда Советов и съезда колхозников, проехавшие на метро, увидели в нем олицетворение своего недалекого будущего. Они не завидуют, что в Москве возведено такое сооружение, но говорят: если наше рабоче-крестьянское правительство смогло создать под землей такое сооружение, то оно сможет повести нас в других городах и колхозной деревне к зажиточной и культурной жизни» [Там же]. Также выбивается из общего принципа экономии на строительстве неиндустриальных объектов в соцгородах возведение некоторых других объектов: комплекса

домов для заводской элиты в районе площади Первой пятилетки на Уралмаше, который в народе стали называть «дворянским гнездом»; женского общежития, неофициально именовавшегося «Мадридом» и изначально проектировавшегося как гостиница для приезжающих на завод специалистов – пятиэтажного дома с балконами и лоджиями, украшенного колоннами и лепниной; первого в Свердловске звукового кинотеатра «Темп»; громадного стадиона, на тот момент четвертого в СССР по количеству мест для болельщиков.

В отличие от архитектурной утопии, предполагающей большие материальные и человеческие ресурсы для воплощения мечты, литература требует гораздо меньших затрат, чтобы создавать образы нового счастливого мира¹. В. В. Маяковский, продолжая тему рождения идеального города, впервые прозвучавшую в Свердловске, в 1929 г. пишет стихотворение о Кузнецкстрое, в котором рефреном повторяются строки: «Через четыре года здесь будет город-сад». Этот лексический повтор и безапелляционная уверенность в будущем, передаваемая также анафорой: «Я знаю – город будет, / Я знаю – саду цвезть», должны полностью затмить описание всех тягот строительства нового мира, когда «вода и под и над», «сливеют губы с холода», «светла промозглость корчею» и т. п. [Маяковский, 1958, с. 128–129]. Атрибуты города-сада – шахта стоугольного «Гиганта», стены строек, гудки, сотни солнц мартенов и... дом хороший и «ситный без пайка». Вот тот предел мечтаний строителей идеального города будущего, ради которого они без усталости работают в нечеловеческих условиях.

Ответ Герберту Уэллсу

Масштабно и планомерно утопический образ идеального города начинает создаваться в заводской многотиражной газете «За тяжелое машиностроение» (далее – «ЗТМ»), издававшейся на Уралмаше². Если объединить все выпуски газеты в единый метатекст, то он будет полностью соответствовать поэтике классической утопии, основной задачей которой было «не изображение характеров и обстоятельств, а сообщение читателю максимума информации о социальном устройстве вымышленного мира» [Ковтун, с. 89]. 7 ноября 1935 г. в газете «ЗТМ» было опубликовано открытое письмо слесаря чугунолитейного цеха Уралмашзавода Н. Д. Вольхина «Мистеру Герберту Дж. Уэллсу», с подзаголовком «Моя страна и Уралмаш в 1950 г.».

¹ В 1923 г. выходит роман А. Толстого «Аэлита», в котором местом действия для реализации утопии о новом мире выбран Марс, а через год – фильм с одноименным названием. Однако создание городов будущего даже только в виде художественных образов реализуется не позднее первой половины 1930-х гг., пока власть не выбрала другие приоритеты для писателей и поэтов. В 1937–1939 гг. «Аэлита» переиздается несколько раз в адаптированном для детей виде, а все последующие издания выходят только начиная с 1955 г., окончательно потеряв актуальность.

² Издавалась на Уралмаше с июля 1932 г. под названием «За уральский блюминг», с июля 1934 г. – «За тяжелое машиностроение».

Хотя события, описываемые в нем, должны будут произойти только через 15 лет, что заведомо придает фантастический колорит повествованию, образ будущего города создается в нем не на основе вымышленных фактов, а на примере демонстрации наиболее злободневных современных проблем³. Автор пишет о том, что на Уралмаше появилась своя Красная площадь, окруженная зеленым парком и дворцом с мраморными лестницами, за стадионом – аэропорт, при котором организованы курсы по изучению «ракетного корабля дедушки Циолковского для того, чтобы достичь Луны, Марса», около завода – фруктовый сад, в котором растут виноград и яблоки; на улицах работают газоуловители и специальные пылесосы; огромный проспект, по которому мчатся красивые и удобные троллейбусы, автобусы, автомобили, соединил район и город; утром рабочие отправляются в цеха на собственных автомобилях не по заводскому гудку, а по сигналу встроенного в каждой квартире автоматического звонка; начальник цеха общается с мастерами при помощи специального стекла на стене, на котором появляется изображение говорящего и слышен его голос. Завершают картину фантастического будущего «грандиозный карнавал и первый полет ракетного корабля на Марс».

О проблемах, которые должны были решать городские власти буквально за полтора года до публикации этой статьи, можно узнать из постановления бюро Свердловского обкома ВКП(б) от 11 марта 1934 г. «О мерах борьбы с хулиганством на Уралмашзаводе»: для борьбы с «хулиганскими действиями деклассированного элемента» партийные органы планировали «ввести постоянную систему» лекций, концертов, вечеров самодеятельности, «ставя задачей охват всего свободного времени рабочих», «развернуть массовую физкультурно-оздоровительную работу», построить стадион, однодневный дом отдыха для рабочих, организовать регулярное движение транспорта между Уралмашем и городом, осветить все окраины; для «борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью» открыть общую и детскую библиотеки, построить ледяные горки, качели и т. п., «способствующие удержанию детей от разлагающего влияния улицы», организовать летнюю оздоровительную кампанию, отправляя детей в лагерь [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 12. Д. 33. Л. 29–31]. Таким образом, по мысли создателя утопического обра-

³ Подобный прием уже использовался для создания фантастического образа Екатеринбурга как города будущего. 5 января 1898 г. в газете «Урал» был опубликован рассказ «Через сто лет. (Новогодние иллюзии)», в котором главный герой, уснув в новогоднюю ночь, видит, что в Екатеринбурге спустя столетие появились изящно одетые вежливые извозчики; прогноз погоды усовершенствован настолько, что с точностью до минуты показывает появление на горизонте небольшого облачка; улицы, заасфальтированные по краям и зацементированные по центру, освещены электрическими фонарями и застроены шести- и восьмизэтажными домами; спиртные напитки употребляют только больные по рецепту врача; о домах трудолюбия и ночлежных приютах никто не помнит и т. п. Причем изменились именно те стороны жизни, которые не раз неоднократно критически освещались на страницах местной прессы.

за Уралмаша, такие приметы реальной жизни, как преступность, беспризорность, отсутствие нормальных жилищных условий и городской инфраструктуры, должны были вскоре уйти в прошлое, а на смену им должна была прийти тщательно организованная с точностью до минуты жизнь в благоустроенном городе, соединенном транспортом как с другими городами, так и, в перспективе, с космосом.

Открытому письму, адресованному Г. Уэллсу, предшествует небольшая, содержащая в основном биографические сведения статья о Николае Даниловиче Вольхине, который, как следует из публикации, и написал это письмо. Из нее можно узнать, что Вольхин большую часть жизни был батраком, имея на иждивении жену и восьмерых детей, и «думал тогда только о куске хлеба»; в возрасте 67 лет перебрался из Березовки (сейчас – г. Березовский) на строительство Уралмаша. К моменту написания статьи ему исполнилось 72 года; о его образовании, любви к чтению, особенно зарубежной фантастики, в тексте не упоминается. Однако идеологам газеты «ЗТМ» настолько важно было создать образ утопического города счастья, возведенного неграмотными, измученными непосильным трудом людьми, что они пренебрегли явными несоответствиями между реальной биографией и тем образом автора, который создается в письме к писателю-фантасту. Человек, написавший это письмо, не только хорошо знаком с творчеством Г. Уэллса, но и свободно цитирует его высказывания из «России во мгле»⁴, беседы со Сталиным в 1934 г. Более того, он настолько хорошо владеет родным языком, что в его речь очень органично вплетаются языковые средства художественной выразительности. Автор активно использует риторические обращения и вопросы, анафоры, сравнительные и деепричастные обороты, антитезы и параллелизм конструкций, ряды однородных членов, сложноподчиненные предложения. Кроме того, в тексте присутствуют эпитеты, метафоры, фразеологизмы, метонимии. Значение включенных в текст для создания утопии эпитетов усиливается их многократными повторами и синонимичностью: «огромный» (9 раз), «большой» (2), «гигантский» и «грандиозный»; «новый» (9); «великий» (4) и «могучий» (2); «счастливый» (4), «любимый», «прекрасный». В то же время эпитеты, характеризующие прошлое, употребляются не более одного-двух раз и имеют ярко выраженную негативную окраску: «голодный» (2), «измученный», «зловонный», «разрушенный», «разваленный», «допотопный». Эффект кольцевой композиции создается благодаря использованию развернутой метафоры в начале и в конце описания нового мира: «Сталин... сквозь бурю, ненастье и шквалы провел нашу страну к счастливой жизни» и «Сталин... провел нас через бури и борьбу к новой жизни». Анализ стилистических особенностей

⁴ В 1921 г. была издана в Болгарии, в 1922 г. – три издания, но на Украине.

текста позволяет предположить, что автором этого письма мог быть и сам Л. Авербах, принимавший активное участие как в редактировании газеты, так и в создании сборника «Стахановцы Уралмаша» (1936)⁵.

Город счастья

Вплоть до 1937 г., пока секретарем Орджоникидзевского райкома ВКП(б) был Л. Авербах, на страницах газеты «ЗТМ» создается утопический образ цветущего города счастья. Уралмаш осознается создателями газеты именно как город, а не район Свердловска, что проявляется прежде всего в выборе лексических единиц для его наименования: «социалистический город», «наш город», «город УЗТМ», «город Уралмаша», «город советских машин», «город счастья», «город-сад», «город Серго», «красавец Уралмаш». Эти названия полностью исчезают со страниц газеты в 1937 г., когда Л. Авербах был отстранен от работы, только в праздничном ноябрьском номере в комментарии к фотографии города сохранились остатки прежней риторики: «По воле партии и правительства усилиями строителей на месте сплешного леса вырос замечательный перве-

⁵ Авербах Леопольд Леонидович (1903–1937) – литературный критик, племянник Я. Свердлова. В 1918 г. – редактор первой комсомольской газеты «Юношеская правда»; в 1922 г. – ответственный редактор журнала «Молодая гвардия», тогда же вышла его книга «Ленин и юношеское движение»; в 1926–1932 гг. – генеральный секретарь Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей и редактор журнала «На литературном посту» [Между молотом и наковальней, с. 40]. В 1930 г. становится ответственным редактором смоленской газеты «Рабочий путь» (при его участии вышли № 52–178) [Горький и Л. Авербах, с. 571]. В 1932 г. утвержден секретарем редакции «Истории фабрик и заводов» [Там же, с. 572]. Как отмечает автор публикации переписки М. Горького и Л. Авербаха, «помимо организаторских способностей, Горький ценил в молодом критике умение прислушиваться к замечаниям и учиться настоящему литературному делу» [Там же, с. 571]. «Я многократно говорил Вам, что Ваше дело – литература. Учитесь, Леопольд», – писал ему Горький [Там же, с. 631]. Н. Мандельштам в своих воспоминаниях писала о том, что Авербах был «типичнейшим человеком первого революционного десятилетия. Так думали, рассуждали и говорили все адепты новой религии во всех областях. В их речах чувствовался задор – они любили поучать и ошеломлять. Они взяли на себя роль свержения кумиров, то есть старых ценностных понятий» [Цит. по: там же]. С марта 1934 г. по май 1935 г. Авербах работает в Свердловске секретарем парткома УЗТМ, затем секретарем Орджоникидзевского райкома ВКП(б). В начале апреля 1934 г. он пишет Горькому из Свердловска о том, как складывается его день на заводе, сожалеет, что на Уралмаше сочетаются «изумительные здания, последние в мировой технике станки, дьявольски смелый размах проектировки и мучительные просчеты, и держащие нас за горло диспропорции мощности цехов и некомплектность оборудования, и уже грязь, и уже сквозь плохие крыши течет вода на машины, за которые страна платила тысячи золотом, и варварская нехватка жилья, прачешных, ни одного клуба, ни одной библиотеки!» [Там же, 629]. Он привычно повторяет фразу, постоянно в разных вариациях звучащую на страницах заводской газеты: «А ведь Уралмаш – это новый город, на площадке которого еще совсем недавно впервые застучали топоры по соснам» [Там же]. Однако уралмашевцы не оценили его вторжение в местную жизнь: «Изгнанный из большой литературы, Авербах заполнял своими пустыми и трескучими статьями страницы заводской газет» [Неизвестный Уралмаш, с. 205]. «Праздником души стал для него процесс над так называемыми “поджигателями” кузнечно-прессового цеха, где общественный обвинитель Авербах произнес необычайно напыщенную, но совершенно пустую речь, избобилующую цитатами, как правило, совершенно не к месту, из романов Стендаля и Бальзака» [Там же, с. 206]. Авербах был арестован 4 апреля 1937 г. по обвинению в создании троцкистской группы в литературе, связи с врагом народа Г. Ягодой (мужем его сестры), а также «спаивании» сына М. Горького [Горький и Л. Авербах, с. 576].

нец сталинских пятилеток – Уралмашзавод и социалистический город – Уралмаш» (1937, 7 ноября)⁶, но буквально за месяц до выхода этого номера появляется словосочетание «наш социалистический городок», одним суффиксом разрушающее тщательно создаваемую утопию (1937, 3 октября). В статье «Наш город должен быть цветущим садом» объясняется цель создания этой утопии: «Лучший в мире завод должен иметь лучший по оформлению соцгород», а также создаются два контрастных образа «чужого» и «нашего» города: «Грязные рабочие кварталы, вонь помойных ям, чахлая зелень редких сквериков – спутники капиталистических заводов» и «красивейшие деревья страны, аромат садов и парков, цветы, кустарники, зеленые чистые улицы – спутники социалистических городов» (1934, 1 сентября). Тема «цветущего города» продолжается в заголовках и лозунгах следующих номеров: «Городом-садом должен стать город УЗТМ», «В каждую квартиру – цветы! Каждую улицу – в зелень!», «Шефствуйте над деревьями!», «Мы и зимой должны жить среди цветов» (1934, 29 сентября), «Озеленим город!» (1935, 23 марта). Даже в традиционном для тех лет вызове на социалистическое соревнование те же «цветущие» образы: «Борясь за превращение города Уралмаша в цветущий сад, мы, уралмашевцы, проводим сейчас осеннее озеленение города» (1934, 6 октября).

О том, что идея актуализации на страницах газеты образа города-счастья принадлежала именно Авербаху, свидетельствует факт ее реализации прежде всего в тех текстах, автором которых указан он. Так, например, свою речь на открытии конференции он завершает призывом: «Для этого мы наших людей должны... вовлечь в культурный поход, чтобы наш город был культурным, передовым городом, стал счастливым городом тысяч рабочих Уралмаш-завода» (1934, 20 ноября). Именно Авербах на заседании завкома УЗТМ предлагает ввести «значок Уралмаша для поощрения лучших людей завода», дающий право на ряд льгот и привилегий (1935, 9 марта). В репортаже с партийной конференции дорожного отдела также цитируются слова Л. Авербаха, который «указал строителям на очередные практические вопросы благоустройства нашего социалистического завода и города», объясняя это тем, что «наши дороги, скверы, газоны должны быть достойными завода-гиганта с мировой техникой» (1935, 27 марта). Роль газеты в преображении города подчеркивается и в других текстах: «Мы видели, что в этой организации масс на борьбу за переделку крупнейшую роль сыграла наша газета “ЗТМ”. Газета систематически показывала людей, газета систематически организовывала людей на борьбу за культуру» (1934, 20 ноября). Изменения в облике города также фиксируются на газетных страницах: «Сейчас, когда Уралмаш принимает образ города, когда его мощные улицы все дальше оттесняют лесные массивы,

⁶ Здесь и далее ссылки на публикации в газете «ЗТМ» даются в круглых скобках с указанием даты выхода номера.

вспоминается старое житье-бытье» (1935, 18 марта), «На наших глазах растет социалистический город Уралмашзавода» (1936, 5 октября). Весь номер за 12 марта 1935 г. посвящен достижениям строителей: открывается он статьей «Меняется лицо нашего города», посвященной завершению строительства торгового корпуса фабрики-кухни и завершающейся призывом «по-социалистически строить социалистический город», продолжает тему заметка уралмашевских архитекторов «Мы можем и должны строить лучше», а также статьи с фотографиями, посвященные только что введенным в эксплуатацию новостройкам (1935, 12 марта).

Однако буквально в следующем номере под заголовком «Очистим город!» в утопической картине строящегося соцгорода появляются фрагменты реальной жизни барачных поселков, в которых проводится очистка уборных от нечистот: «Все уборные разгромлены, стены у уборных сломаны, полы разворочены» (1935, 14 марта).

Критика «временных недостатков»

Вместе с тем, благодаря газете жители Уралмаша имели возможность критиковать конкретные недостатки и (в рамках дозволенного) указывать начальству на недоработки. Цензурные органы не всегда могли уловить ту грань, до которой могли доходить критические замечания, публикуемые в газетах, что, к примеру, отмечалось в докладной записке Свердловского обллита о работе райлитов за 1935 г.: «...имеются отдельные случаи, когда работники райлитов вследствие недостаточной квалификации и политической грамотности и сами допускают перегибы, снимая материал, могущий быть опубликованным в печати» [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 443. Л. 90]. В качестве одного из примеров упоминается и заводская газета на Уралмаше: «Бывший уполномоченный при УЗТМ тов. Шавкунов снял из газеты “За тяжелое машиностроение” статью “Принудительное развлечение”, в которой указывалось о недостатках в области культурного обслуживания рабочих (сохраняем написание оригинала. – Е. Е.)» [Там же].

В реализации утопии в газетной риторике активно участвуют сами уралмашевцы, что достигается использованием личных («мы») и притяжательных («наш») местоимений и личных форм глаголов первого лица множественно числа в газетных заголовках-лозунгах («Будем растить и беречь *наш* город», «В каждом уголке города *водворим* культуру, заботу о насущных нуждах трудящихся», «По докладу о культурно-бытовом обслуживании *слово имеют* жильцы города Уралмаша» (1935, 18 марта), «*Мы* еще *строим* чересчур дорого» (1935, 21 марта), «Хорошие дороги нужны *нашему* городу» (1935, 27 марта) и подписях к фотографиям: «Вот он, *наш* город, выстроенный ударниками городского строительства» (1935, 26 марта), «*Наш* город три года тому назад» (1935, 10 сентября), «*Наш* город» (1935, 16 сентября), «Чисты и

благоустроены улицы *нашего* города» (1936, 15 ноября) и т. п. В текстах газеты появляется мотив завода как родины: «Уралмаш является родиной» для тех, кто с первых дней был вовлечен в его строительство (1935, 18 марта), а также для тех юных жителей, которые здесь родились («Их родина – Уралмаш» (1935, 1 мая)). Кроме того, создатели утопии находят «покровителя» для нового города-счастья, имя которого постоянно появляется на страницах газеты в заголовках («В городе Серго», «В городе Серго не должно быть ”забытых поселков”» (1935, 6 июля), «День города имени Серго» (1935, 30 сентября)), подписях под фотографиями («Растет и ширится город Серго» (1935, 11 сентября), «Улица города Серго» (1935, 20 сентября)) и просто в текстах статей: «...мы поселились в городе Серго» (1935, 4 июня), «Выйди на улицу, пролетарий города Серго!» (1935, 6 июля). Административная подчиненность Уралмаша городу Свердловску и его районный статус практически не упоминаются в газете, в сознании ее читателей укореняется мысль, что они живут в городе Серго, зеленом и цветущем городе-саде, городе-счастье, в центре которого – завод заводов УЗТМ.

Уверенность в том, что вокруг завода строится новый социалистический город, жители которого вправе претендовать на лучшие условия работы и жизни, проявляется и в том, что целый ряд статей в эти годы посвящен озвучиванию требований уралмашевцев строить не только комфортное жилье, но и культурные и социально значимые объекты: больницы и санатории, стадион и цирк, кинотеатры, клубы и библиотеки и т. п. Воплощение утопии в жизнь кажется в эти годы настолько реальным, что в этот же перечень неотложных нужд попадают, например, строительство аэродрома («На Уралмаше должен быть оборудован аэродром, и Уралмаш должен иметь свой самолет!»⁷ (1935, 28 октября)) и открытие «вечерней музыкальной школы для взрослых» и «вечерней рабочей консерватории на Уралмаше по классу пения, рояля, скрипки и виолончели»⁸ (1936, 3 июня). Сообщая о приезде на Уралмаш С. Прокофьева, редакция при помощи лексического повтора в подзаголовке акцентирует внимание на соразмерности величин: «Посещение *большим* композитором *большого* завода» (1935, 29 марта). Непреклонность этих заявлений подчеркивается выбранной в большинстве случаев для

⁷ Это требование не прихоть и не странная фантазия замечтавшихся уралмашевцев. В 1920–1930-е гг. призыв «Строй самолеты!» звучит повсюду: «В мае 1923 г. британский министр лорд Керзон зачем-то лезет к РСФСР со своей суровой нотой. А наши ему отвечают дальнейшим строительством огромного военно-воздушного флота. Теперь самолет вообще везде. В газете. В кино. На платье. Часто у него вместо пропеллера кукиш. <...> В каждом парке культуры и отдыха появляется парашютная вышка – любимое развлечение молодежи. Учись летать! Готовься к труду и обороне! И сдавай деньги на самолеты – тебе с них прыгать!» [История глазами Крокодила, с. 115].

⁸ Приобщение к классической музыке становится для советского человека доказательством, прежде всего самому себе, высокого уровня жизни: «– Замечательно вчера пастух играл. / – На дудке? / – Да нет, на рояле, ноктюрн Шопена» – и собственных способностей не только к тяжелому физическому труду: «Симфония Бетховена исполняется здесь недурно. Но не слишком ли это сложно для колхозников? / Да вы спросите у самих колхозников, когда они кончат ее играть» [[История глазами Крокодила, с. 92, 97].

заголовков статей формой инфинитива или повелительного наклонения глагола: «*Не смейте откладывать* в долгий ящик строительство стадиона» (1934, 17 июля), «*Создать* широкую сеть культурных, работающих по-советски магазинов» (1934, 27 июля), «Уралмаш *должен иметь* образцовый аэроклуб» (1935, 11 ноября), «Уралмаш *должен иметь* детскую поликлинику» (1935, 16 ноября), «Нам *нужен* свой клуб» (1936, 15 апреля), «*Создать* авиационную базу на Уралмаше» (1936, 3 августа), «*Создать* бассейн на Уралмаше» (1936, 28 августа), «*Продолжить* работу цирка на осень» (1936, 8 сентября), «*Сделать* здание кинотеатра красивым» (1936, 15 октября). Использование в заголовках вопросительных предложений также позволяет создать эффект звучащих голосов самих уралмашевцев, передать их эмоциональный настрой: «*Когда ж наконец* на Уралмаше будет ночной санаторий?» (1935, 1 апреля). Помимо перечисления обязательных, с точки зрения редакции «ЗТМ», элементов социалистического города, авторы газеты включают в статьи размышления о том, насколько важно организовать свободное время рабочих: «После гудка в сумерки молодые стахановцы, помимо театров и кино, группами уходят в лес на лыжах, группами на коньках катаются по льду катка, а наутро с новыми силами свежими, бодрыми и жизнерадостными приходят на смену к своим станкам и агрегатам» (1935, 8 декабря). Публикуя на страницах газеты тексты советских песен и занимательные факты, редакция газеты обрамляет их призывами: «*Пойте и веселитесь*» (в начале полосы), «*А завтра выйдем на работу с новой силой и энергией*» (в завершение полосы) (1936, 24 июля). В этих «подсказках» читателю наиболее отчетливо проявляется роль газеты в реализации социалистической утопии.

Новое летоисчисление Уралмаша

Наряду с образом нового города-счастья, на страницах газеты «ЗТМ» создается новое летоисчисление, берущее начало с момента пуска завода. Номер за 15 июля 1934 г. предваряют лозунг «Вступаем во второй год освоения» и две даты в рамках, выделенные красным цветом и расположенные по бокам от заголовка газеты: «1933 г. 15 июля. Пуск завода» и «1934 г. 15 июля. Годовщина пуска». Помимо простой констатации праздника, в статье «Трезвость и непримиримая страстность» представлена попытка осмыслить эту дату и подсказать читателю, как он должен относиться к «годовщине пуска завода» («мы встречаем ее с противоречивыми чувствами»), как расшифровывать его аббревиатуру: «Буквы УЗТМ на воротах, привычные и буднично каждодневные, начали читаться со свежестью нового ощущения завода, гордостью, счастливым волнением», однако «ко всему этому присоединяется чувство горечи» (1934, 15 июля). Следуя логике автора статьи, уралмашевцы должны были гордиться тем, что всего за пять лет на месте леса был построен завод заводов, который будет впервые на

территории Советского Союза производить «десятки типов машин», что сделает страну свободной «от какой-либо технико-экономической зависимости от капиталистических стран», и сожалеть о том, что можно было «дать больше машин», «осваивать завод быстрее», «учиться лучше» (Там же). Отсчет времени с момента пуска завода продолжается и в следующих номерах газеты: «Два года назад, 15 июля 1933 года, вступил в строй действующих гигантов социалистической промышленности наш Уральский завод тяжелого машиностроения имени Серго Орджоникидзе». Причем читателям по-прежнему не дают забыть про внутреннюю «противоречивость» этой даты: «Мы должны стране гораздо больше, чем дали ей» (1935, 15 июля). Статья «Три года», посвященная «вступлению в четвертый год освоения своей первоклассной и могучей техники», уже привычно завершается призывом «не зазнаваться, не успокаиваться, а смело и уверенно идти вперед к овладению высотами техники» (1936, 15 июля). Характерно, что в 1937 г. на страницах газеты отмечается четвертая годовщина со дня пуска завода, однако семантика праздника меняется кардинальным образом: в статье перечисляются достижения в машиностроении, но нет упоминания о социалистическом городе (1937, 15 июля). Стремление к новому летоисчислению проявляется и в других памятных датах, которые появляются в газете: «Прошел год со дня выхода первого номера нашей заводской технической газеты "Уралмаш"» (1935, 16 ноября); 9 апреля 1936 г. редакция «ЗТМ» принимает на своих страницах поздравления с выходом своего тысячного номера; «школа ФЗУ Уралмаша... открылась 15 марта 1931 г. и сегодня празднует свой пятилетний юбилей»⁹ (1936, 5 июля). Кульминацией нового летоисчисления становится «Календарь большевистских побед», опубликованный 12 августа 1936 г., в котором все даты с 1928 по 1933 г. связаны с началом строительства цехов или какими-либо техническими достижениями в них.

Переход к новому времени подчеркивается и постоянно используемым на страницах газеты приемом противопоставления нового мира старому. В статье, посвященной годовщине пуска завода, акцент на этом контрасте делается посредством эпитетов и лексического повтора в рамках одного предложения: «Но *завтрашний* день принадлежит нам – это наш замечательный красавец Уралмаш выстроен и оборудован по плану людей страны, *нового мира*, отбирающих только лучшее и самое *современное* для того, чтобы заводы этих людей, этой страны, этого *нового мира* были бы лучшими...» (1934, 15 июля). Описывая поездку советского инженера на стажировку в германскую машиностроительную фирму «Деаг», автор статьи настолько увлечен критикой капиталистического (для него это синоним слову «старый») мира, что не замечает, насколько абсурдно в данном контексте выглядит его ирония:

---

⁹ Здание школы ФЗУ было заложено в мае 1930 г., а в марте 1931 г. закончено ее строительство. Однако юбилей отмечается 5 июля: весь номер газеты «ЗТМ» за это число посвящен школе ФЗУ.

«Молодого советского инженера обступили пожилые конструктора капиталистической фирмы и с удивлением людей *старого мира к миру новому* спрашивали...» (1934, 15 июля). Эпитет «новый» переносится и на самих уралмашевцев, представляющих этот мир: «В короткой, яркой речи секретарь парткома завода тов. Авербах рассказал о том, как выковываются *новые* люди на Уралмаше...» (1934, 10 ноября). Для появления новых людей, как полагает один из авторов газеты С. Бубенщиков, достаточно шести лет, так как «в этот срок вырастают не только *новые* заводы, социалистические города, но на этих заводах и в этих городах вырастают прекрасные кадры – инженеры, техники, летчики, парашютисты, *новые* люди *новой* эпохи» (1935, 24 августа). Несмотря на ярко выраженную устремленность всех материалов газеты вперед, в будущее, ее создатели боялись не успеть за движением общественной мысли, отстать от времени, что было характерно и для других редакций, работавших в 1930-х гг.¹⁰ В опубликованном под заголовком «Мы должны смотреть вперед» выступлении Елизарова на стахановской конференции¹¹, помимо гордости за то, как «мы быстро двигаемся вперед» по сравнению

¹⁰ Еще в 1930 г. участники первого пленума редакционного совета Уральской советской энциклопедии обсуждали вопрос, который уже тогда казался им «щекотливым» и «болезненным»: будет ли редакция энциклопедии успевать за теми изменениями, которые происходят в стране? Один из участников пленума сформулировал эту проблему образно: «...в течение двух лет мы далеко шагнем, и первые буквы будут написаны в условиях Средневековья, что ли, а последние буквы – в условиях вхождения в социализм» [ГАСО. Ф. 292. Оп. 1. Д. 2. Л. 49, 54].

¹¹ Елизаров Николай Владимирович (наст. имя – Цзян Цзинго, 1910–1988) родился в Китае, сын Чан Кайши. Фамилию Елизаров взял, когда поселился в Москве, в семье сестры В. И. Ленина А. И. Елизаровой-Ульяновой. В автобиографии, написанной по случаю вступления в партию, указан 1909 г. р. [ЦДООСО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 120. Л. 3]. В конце 1925 г. «по рекомендации и путевке ЦК Китайской коммунистической партии» приехал в СССР, с 1925 по 1927 г. «учился в Московском коммунистическом университете трудящихся Китая»; в начале 1927 г. «послан на учебу в военную школу особого назначения, после окончания которой «поступил учиться в военно-политическую академию РККА им. Толмачева в Ленинграде» [Там же]. В 1927 г. в открытом письме к отцу, опубликованном в советских и зарубежных газетах, «открыто и твердо заявил о прекращении всякой связи с Чан Кайши и объявил его злейшим врагом народа» [Там же, л. 4]. Окончив в 1930 г. академию, был на заводе рядовым рабочим, затем в колхозе «работал председателем и вместе с колхозниками выполнял полевую работу» [Там же, л. 3]. В 1932 г. послан ЦК ВКП(б) в распоряжение Уральского обкома ВКП(б), который, в свою очередь, направил его на Уралмашзавод, где «2 года работал помощником начальника механического цеха № 1 и 2 года работал в редакции “За тяжелое машиностроение”» [Там же, л. 4]. С 16 сентября 1935 г. стал исполняющим обязанности ответственного редактора заводской газеты. После ареста Авербаха был вынужден перейти на работу в Свердловский горисполком и работал там до ареста секретарей городского и областного комитетов ВКП(б) М. В. Кузнецова и И. Д. Кабакова. В 1937 г. был обменен на советских разведчиков, приговоренных к тюремному заключению в Китае, и отправлен вместе с женой и сыном (женится в 1935 г. на уралмашевке Фаине Ипатьевне Вахревой, в 1936 г. родился сын Эрик) на родину «воздействовать на отца» [Неизвестный Уралмаш, с. 229]. В Китае он стал губернатором административного района Ганнань провинции Цзянси, в 1945 г. возглавил отдел иностранных связей военно-политической администрации Северо-Восточного Китая, руководил молодежным движением Гоминьдан. Затем, уже на Тайване, стал министром обороны и национальной безопасности, а после смерти отца в 1975 г. – Президентом Республики Китай (Тайвань) [Там же, с. 227–230].

с вчерашним днем, явно прочитывается страх опоздать («Вместе с тем мы видим еще большую опасность всякого отставания хотя бы на один час» (1936, 3 июня)) и вызвать смех у окружающих: «И если некоторые хозяйственники нашего завода не хотят, чтобы года через два люди смеялись над ними так же, как мы сегодня смеемся над Городновым, то они должны понять, что больше нельзя работать так, как они работали сегодня». Если они не хотят «идти не только в ногу, но и во главе стахановцев», то «будут заменены передовыми стахановцами, и... движение будет идти вперед без этих обозников...» (Там же). Слова Елизарова оказались пророческими прежде всего для руководства газеты.

Жители утопического города

Особое внимание на страницах газеты уделялось жителям Уралмаша, для которых, с одной стороны, создавался образ утопического города и которые, с другой стороны, должны были стать его неотъемлемой частью. Эпитет «золотой», который неоднократно использовал в своих выступлениях и статьях Л. Авербах по отношению к рабочим, и сравнение их с валютным фондом подчеркивает ту роль, которую он отводил именно человеческому ресурсу: «Вы не должны забывать, что старые кадровые рабочие Уралмаша – это наша гордость, наш *золотой фонд*, самое дорогое на нашем заводе» (1934, 14 октября): «Мне хочется обратить ваше основное внимание на тех, которые работают свыше трех лет здесь на заводе, на эту *главную валюту*, на этот главный *золотой капитал*, который мы собрали» (1935, 2 апреля). В статье «Главное – это люди», автор которой не указан, утверждается та же идея Л. Авербаха: «Пора понять, что кадровые рабочие – это *золотой фонд* завода. Кадры есть *самый ценный капитал*» (1936, 4 сентября). Редакция газеты постоянно публиковала так называемые «личные истории» уралмашевцев, сюжеты которых, несмотря на все многообразие имен и фамилий, чаще всего строились по одной схеме: описание тяжелой жизни рабочего или батрака, известие о строительстве фантастического города-завода, приезд и обретение счастья на Уралмаше, этапы роста, реализуемого в получении профессии и повышении квалификации, вступление в ряды стахановцев или сочувствующих партии. Наиболее репрезентативно эта жизненная канва воплощена в истории Ивана Федоровича Батуева. В прошлом – батрак, кузнец, в 1932 г. он узнал из писем друзей «о большом заводе... под Свердловском», на котором «выстроили большую кузню» («стоят в этой кузне огромные молоты, прессы, работают сами, только управлять ими нужно»), за три года освоил работу на пятитонном молоте, стал стахановцем и готовится вступить в члены партии (1935, 20 декабря). Совершенно иные биографические данные, но та же событийная канва читается в истории жизни уже упоминавшегося «автора» письма Г. Уэллсу: узнав из дошедших до Березовки слухов, что «в Свердловске началось строительство гигантского завода», Николай

Данилович Вольхин, до революции бывший батраком, перебрался на Уралмаш, возглавил бригаду слесарей по монтажу электроотопительной станции Уралмашзавода и, «седея, помолодел»: в возрасте 72 лет «он по-прежнему бодрый, жизнерадостный» (1935, 7 ноября). Таким образом, анализ событийного ряда в биографических статьях позволяет говорить о создании своеобразного житийного канона первых жителей Уралмаша¹². Кроме того, в газете определяется та цель, к которой они должны стремиться: «От копировальщика к конструктору – творцу машин» (1935, 28 марта), «Стать творцом машины» (1936, 30 мая). Номер газеты за 24 февраля 1935 г. выходит под лозунгом «Любовно выращивать людей, овладевших техникой!», что позволяет подчеркнуть отводящуюся уралмашевцем роль творцов технического прогресса.

Иногда в личных историях уралмашевцев появляется мотив ошибки главного героя, решившего оставить Уралмаш, но вскоре, благодаря вмешательству семьи или редакции газеты, прозревающего и начинающего любить Уралмаш еще сильнее. Так, под общим заголовком «Хочу быть уралмашевцем!» было опубликовано письмо модельщика Евгения Федоровича Тимофеева «Разрешите мне остаться на Уралмаше», в котором он признавался, что из-за пьянства хотел бросить Уралмаш и «поехать за длинным рублем», и письмо его детей «Никуда не поедет отсюда», в котором они отказывались бросать хорошую школу и обещали перевоспитать отца (1936, 30 марта). Редакция газеты, комментируя эти письма, подчеркивала роль семьи в «борьбе с текучестью рабочей силы на нашем заводе»: «Евгений Федорович решил уехать из нашего заводского города *искать, где лучше*». <...> Но жена и дети проявили *большой заводской патриотизм* (курсив редакции газеты. – Е. Е.), большую любовь к Уралмашу, становящемуся для них родным местом, чем отец» (Там же). Иногда роль «наставника» для заблуждающегося героя, покидавшего Уралмаш, выполняла сама газета. Например, публикуя в статье «Нет, я не уйду с завода!» письмо строгальщика Пospelова и свои комментарии к нему, редакция газеты стремилась показать читателям, что любые бытовые проблемы (низкий разряд и, как следствие, маленькая зарплата, отсутствие места в яслях для ребенка и работы для жены) могут быть решены, а равноценной замены Уралмашу не найти: «И вот я хочу посоветовать всем товарищам, которые сомневаются и не верят в наш завод, – надо крепко подумать, чтобы уехать с Уралмаша» (1936, 11 августа). Постепенно акцент в этих историях смещается: ошибается уже не сам герой, собирающийся оставить Уралмаш, а те руководители,

¹² Д. Нойтатц, анализируя стенографию автобиографических рассказов первых метростроевцев Москвы, отмечает, что это «не столько пересказанная реальность, сколько специфический литературный жанр, разновидность советского "учебного романа"», когда, осознанно или нет, интервьюируемые создают историю, соответствующую ожиданиям интервьюеров [Нойтатц, с. 297]. Так, «биографии комсомольцев излагались по основополагающей схеме большевистской истории успеха, согласно которой происходило превращение эксплуатируемого, необразованного и политически незрелого батрака в начитанного, идеологически сознательного и культурного передовика производства, который не только постоянно "работает над собой", но и положительно влияет на свое окружение в духе политики партии» [Там же].

что не создали должных условий для жизни. Так, под рубрикой «Заботой и вниманием окружим каждого работника» редакция публикует несколько писем рабочих, в которых, наряду с признанием в любви к Уралмашу, гордостью за свою работу на заводе и перечислением своих достижений, содержится не прямой шантаж: «Или, может быть, мне сделать так, как делают некоторые работники нашего завода, то есть взять расчет и уехать на другое место?» (1936, 4 сентября). Правильный ответ тут же дают сами авторы писем: «Нет, я не хочу уходить с Уралмаша, потому что я его люблю»; «Я считаю себя настоящим уралмашевцем, я сроднился с заводом, и никогда мне в голову не приходит мысль уехать отсюда»; «Мы требуем от администрации... чуткого отношения... Перепелкин должен получить квартиру»; «Мне трудно оставлять завод» (Там же). Так постепенно формировалась идентичность уралмашевцев, осознававших себя как особую категорию достойных людей¹³. Наиболее репрезентативно процесс самоидентификации представлен в статье «Я – уралмашевец!»: в ней фрезеровщик модельного цеха Семушин вспоминает начало строительства, даты пуска цехов, выпуск первой продукции, он гордится встречей с приехавшими на Уралмаш Молотовым, Ворошиловым, Бубновым, называет завод «сгустком мировой техники» (1936, 16 августа). «И трудно верится, что когда-то там, где стоит сейчас мой цех, я однажды поймал зайца», – удивляется автор воспоминаний и завершает их безапелляционным утверждением: «Я – уралмашевец! Я горжусь этим званием и с честью ношу его» (Там же). Таким образом, поставленная Л. Авербахом в статье «За сколачивание и сплочение уралмашевского коллектива» цель воспитать «у всех работающих чувство гордости» и желание «с честью работать на Уралмаше» реализуется практически мгновенно (1936, 11 августа). В этой же статье Авербах определяет основные средства влияния на рабочих – «общественное воздействие, общественное презрение, общественное мнение коллектива», которые он и использует на страницах газеты для создания особого самосознания уралмашевцев, жителей города-счастья.

Причастность каждого жителя к строительству и обустройству утопического города подчеркивается постоянной публикацией статей о роли самых отдаленных от этого процесса, как может показаться на первый взгляд, слоев населения: домохозяек и жен работников ИТР, уборщиц и дворников. Их значимость подчеркивается в первую очередь высоким статусом мероприятий, которые проходят с их участием и освещаются на страницах газеты. Так, в заметке «Пленум уборщиц» сообщается о состоявшемся «совещании поломоек, убор-

---

¹³ Формирование особой идентичности происходит и на других «стройках века». Д. Нойтатц, отмечая, что «трудовой коллектив Метростроя не был единодушным сообществом гордых метростроевцев», все же приходит к выводу, что «рабочие смогли развить идентичность „метростроевца“» [Там же, с. 369]. Исследователю представляется убедительным объяснение особой исключительности метростроевцев, данное уполномоченным по кадровым вопросам Метростроя сотрудником ОГПУ Кузнецовым, побывавшем на множестве заводов и строек и считавшим, что «строителям метро был присущ больший энтузиазм, чем другим рабочим», потому что «метростроевцы ощущали „исключительность стройки“ и значение метрополитена» [Там же, с. 370].

щиц, посудниц» (1934, 17 августа). Результатом «этого своеобразного пленума» стало решение «каждую пятницу проводить генеральную уборку столовых», но для его участников намного важнее чувствовать свою приобщенность к «пленуму» и читать о себе в газете, чем сам итог мероприятия (Там же). Редакция информирует о прошедшей в клубе «конференции работниц, жен рабочих, ИТР и служащих механического цеха» (1936, 6 марта), о предстоящей «конференции покупателей по вопросу обслуживания покупателей, улучшения и увеличения ассортимента товаров и устранения имеющихся недостатков» (1936, 23 марта), чтобы создать в сознании читателей иллюзию непосредственного участия каждого уралмашевца, независимо от его социального статуса, в строительстве города-счастья. Поэтому вполне убедительно звучат завершающие письмо жены мастера слова: «Дело за нами – домохозяйками» (1935, 1 мая). Благодаря газете меняется образ домохозяйки: из «неграмотной, вечно всем и всеми недовольной, распространяющей всякие нелепости и сплетни» она превращается в женщину, занимающуюся «вопросами государственной важности, решает дела о благополучии области, края, республики», что подтверждается публикацией писем самих домохозяек, рассказывающих о своих достижениях (1936, 16 января). В праздничном номере, посвященном Международному женскому дню, целая полоса газеты с «простыми рассказами о себе» женщин Уралмаша выходит под лозунгом: «Работницы и домохозяйки учатся управлять государством и овладевать техникой» (1936, 8 марта). Чтобы «каждая домохозяйка, жена рабочего, знала о своем заводе, который для нас так мил и дорог, о его работе, о работе своего мужа, как он работает и чем ему можно помочь в выполнении производственной программы, создавая условия в домашнем быту», организуются экскурсии по цехам завода, о чем также сообщается в газете (1936, 9 февраля, 16 марта). Не менее значимую роль в общественной жизни Уралмаша играют и дворники. В публикации под названием «Доклад дворника» именно дворник определяется как «заботливый *хозяин* нашего социалистического *города*» (1936, 30 июня), а под фотографией Ф. Т. Смирных в фуражке с надписью крупными буквами «Дворник» сделана подпись: «На снимке: лучший дворник Уралмаша, участник хора [стариков]» (1936, 8 октября). Поставленная Л. Авербахом задача сплотить жителей социалистического города решалась на страницах газеты благодаря этим публикациям, объединявшим людей, работавших на станках, и тех, кто готовили для них обеды и подметали улицы, ведущие к заводу.

«Здесь рождается будущее»: образ счастливого детства

Особое внимание редакция «ЗТМ» уделяла освещению темы детей и детства на Уралмаше, преемственности поколений. В газете размещалась информация не только о строительстве и работе детских

учреждений, которые должны были стать лучшими или, по крайней мере, образцовыми: «Дети Уралмаша будут иметь свою библиотеку» (1934, 17 июля), «Уралмаш должен иметь детскую поликлинику» (1935, 16 ноября), «День в родильном отделении Уралмаша» (1936, 12 апреля), «За образцовое родильное отделение» (1936, 16 июня), «О детских садах Уралмаша» (1936, 1 июня), «Дети в санатории» (1936, 16 июля), «Школьное строительство на Уралмаше» (1936, 17 июля), «Построим на Уралмаше образцовый родильный дом» (1936, 8 октября), «Новые ясли» (1936, 17 октября). Публиковались детские письма, создавались страницы для детей, полностью посвященные жизни школьников (1936, 6 марта, 1 апреля, 18 октября), 7 ноября 1935 г. вышел первый номер приложения к газете «Уралмашские ребята», который планировалось издавать еженедельно (1935, 30 октября). Одна из детских страниц была полностью посвящена творчеству детей дома «Пила»¹⁴, рассказывавших «о своей жизни, желаниях и обидах» (1936, 24 мая). В комментариях к материалам из жизни юных уралмашевцев редакция отмечала: «Они [школьники] готовятся стать всесторонне развитыми и культурными рабочими» (1935, 12 декабря). Та же идея преемственности поколений звучит в стихотворении Н. Николаева «Ровесники Уралмаша»: «Растите скорей, малыши, / Вы встанете рядом с отцами / У топок, станков и машин» (1936, 15 июля). «Дети еще были в пеленках, когда я начинал работу... Вырастут большие – передам им свою любовь к Уралмашу, пусть продолжают то, что начал их отец», – вспоминал один из первых строителей (1935, 21 октября). Именно дети должны были стать той высокой целью в будущем, ради которой строители города-счастья претерпевали столько трудностей в настоящем, что подчеркивается заголовком статьи о работе акушерского отделения поликлиники в 1934 г.: «Здесь рождается будущее» (1935, 1 февраля). Для детей, родившихся на Уралмаше, завод должен был дать ощущение родового гнезда, с которым связано множество детских воспоминаний и которое невозможно оставить.

«Письмо о счастье»: язык газетной утопии

Эмоциональный фон газеты создается благодаря постоянному повтору таких лексических единиц, как «счастье», «веселье» и «радость». О каких бы событиях на Уралмаше ни сообщалось в газете, все они происходят «весело» и «радостно»: «Дети рабочих Уралмаша *радостно* начали учебный год» (1934, 3 сентября), «Я с *радостью* переходил к поковкам болванок от 13 до 25 тонн. <...> Но *самые радостные* дни и для меня, и для моей бригады наступили тогда, когда нам поручили первую поковку в 60 тонн» (1935, 8 июля), «Семья Брусковых умеет хорошо и *весело* отдыхать» (1936, 28 марта), «*Радост-*

¹⁴ Дом по пр. Орджоникидзе, 12, построенный из шести корпусов, расположенных под углом в 90 градусов друг к другу.

но и весело мы встречаем международный пролетарский праздник 1 мая» (1936, 28 апреля) и т. п. Более того, сама «радость» становится событием, вокруг которого формируется новость: на Уралмаше проходит «Митинг радости», на котором иностранный рабочий Пирх, проработавший на заводе пять лет, признается, что нашел здесь «свою настоящую родину» (1936, 15 июня). В заголовке к статье, посвященной митингу в день утверждения новой конституции, редакция, не задумываясь над лексической сочетаемостью слов, использует словосочетание «Колонны радости» (1936, 8 декабря). Постоянным употреблением слов «счастье», «счастливым» на страницах газеты создается образ счастливого жителя социалистического города, что также способствует укоренению в сознании читателей осознания того, что утопическая мечта реализуется на их глазах, и они являются непосредственными участниками процесса. Под лозунгом «Советская женщина – самая счастливая в мире!» выходит праздничный мартовский номер газеты, в котором публикуются личные истории женщин, так или иначе связанных с обретением счастья на Уралмаше: «Вот почему я самая счастливая», «Радостные и счастливые встречаем мы женский праздник» (1936, 8 марта) и др. В этом же номере отдельная полоса посвящена судьбе женщины в царской России: публикуя специально подобранные отрывки из очерков В. Короленко, «Воспоминаний» А. Панаевой, стихотворений Н. Некрасова и Т. Шевченко, пословицы из словаря В. Даля, «жуткие цифры» о «торговле женщинами» в дореволюционной России, редакция создает контраст, который еще больше подчеркивает счастье советской женщины, особенно на Уралмаше. Не менее выразительно противопоставление счастливых работниц Уралмаша «самым несчастным» женщинам капиталистических стран, которому посвящен весь номер газеты за 5 июня 1936 г., вышедший под лозунгом «В тисках кровавого фашизма без радости и счастья» (1936, 5 июня). Информация об отсутствии тетрадей и мела в школе для неграмотных не мешает публиковать заметку под названием «Я счастлива, что стала грамотной», поскольку основная цель публикации – напомнить о том, что все происходящее вокруг нужно воспринимать как проявление счастья (1936, 10 мая). «Велико наше счастье!» – лозунг полосы, посвященной проекту постановления правительства о запрещении аборт (1936, 27 мая). Под заголовком «Самая счастливая» публикуется история о том, как одна из жительниц Уралмаша сначала сама «научилась немного писать и читать», потом организовала кружок ликбеза в своем доме, после чего стала депутатом, вступила в ряды сочувствующих, и это «огромное счастье еще больше вдохновило» ее продолжить учебу в партшколе для малограмотных (1936, 28 мая). Заканчивается эта счастливая история безапелляционным утверждением: «Наша жизнь самая радостная, самая счастливая в мире. И она будет еще счастливее, еще ярче» (Там же). История об избавлении от воспаления легких работницы завода А. Бессоновой, чему способствовала полученная на

Уралмаше путевка в санаторий, также называется «Письмо о счастье» (1936, 15 августа). Не меньше, чем женщины, счастливы уралмашевские дети: по случаю окончания учебного года планируется провести «праздник счастливого детства», после посещения парка культуры и отдыха пионеры пишут письмо «Мы пели от счастья» (1936, 18 июня, 15 августа). Через многократное повторение мысль о том, что уралмашевцы – самые счастливые люди, в любой ситуации действующие весело и радостно, внедрялась в подсознание читателей газеты и уже не требовала логических доказательств.

Заключение

О том, насколько успешно была выбрана редакционная политика, направленная на формирование утопического сознания читателей газеты «ЗТМ», свидетельствуют вышедшие в 1950-е гг., то есть через поколение, книги, посвященные истории Уралмаша. В них основные элементы утопии, представлявшиеся в газете как осуществлявшееся на глазах действие, в котором нередко желаемое выдавалось за действительное (цветущий город-сад с развитой инфраструктурой и организованной культурной жизнью, расположенный вокруг сгустка мировой техники – завода, ведущего свое летоисчисление и имеющего свою историю, населенного самыми счастливыми людьми, обретшими здесь настоящую родину), представлены как констатация закономерно свершившихся фактов. В подготовленном в 1958 г., спустя 25 лет после пуска завода, издании «ЗТМ» утопия представлена как реализованная: «Бывшие грабари и коновозчики управляют сегодня сложными станками в просторных и светлых цеховых корпусах. А как живут они, мечтавшие о светлом будущем? Вокруг завода раскинулся город-сад». В комментариях к фотографиям и рисункам он везде назван городом: «Район Свердловска... – это настоящий город»; «Разве не о таком городе мечтали первые уралмашевцы!»; «Таково лицо социалистического города уральских машиностроителей» [Уральский..., л. 54–55 об.]. В сборнике рассказов уралмашевцев о своем заводе, опубликованном в том же году, авторы с ностальгией вспоминают о том, как приехали на Уралмаш, нашли свое счастье и построили город-сад, то есть буквально воспроизводят заданные газетой четверть века назад схемы повествования и стереотипы о том, как нужно писать историю Уралмаша. И даже сейчас в воспоминаниях уралмашевцев этот период строительства и становления социалистического города отмечается особо: «До сих пор ощущаю свою кровную принадлежность к Уралмашу, который в 30–50-х годах как-то объединял и работавших на заводе людей, и их детей» [Непридуманные истории..., с. 95]. «Я особенно ценю звание “Почетный уралмашевец”, – отметил в интервью корреспонденту «Областной газеты» Н. И. Рыжков, четверть века проработавший на УЗТМ. – Здесь

я состоялся как инженер, и если бы не школа Уралмаша, моя дальнейшая жизнь была бы совершенно иной» [Рыжков].

В то же время люди, не испытывавшие на себе влияние газеты, способные отстраненно воспринимать происходившее в 1930-е гг. на Уралмаше, не склонны к восторженным воспоминаниям. Так, направленный в 1931 г. по заданию журнала «Наши достижения» на строительство УЗТМ писатель М. М. Пришвин писал в своих дневниках, что «оглушен окаянной жизнью Свердловска, что потерял способность отдавать себе в виденном отчет, правда, ведь и не с чем сравнить этот ужас» [Пришвин, с. 340]. Отстраненность от происходящих событий позволяет Пришвину по-иному воспринимать окружающее: «То, что я увидел на Урале, существует, конечно, и в Москве, но я не могу это в Москве видеть, потому что я хорошо помню вид филипповских калачей, расстегаев» [Там же, с. 332]. Именно отстраненность помогает ему увидеть, как на смену «делу» (так он называет купеческий быт, поведение «деловых» людей, выбившихся из низов в миллионеры) приходит «не-дело», «утопия» [Там же].

До сих пор в памяти людей, всю жизнь трудившихся на Уралмаше и живших в этом районе, сохраняется осознание своей исключительности, оппозиционности городу в целом, и основы этого самосознания были заложены в первые годы существования газеты «ЗТМ».

Список литературы

- Булдаков В. П.* Утопия, агрессия, власть : Психосоциальная динамика постреволюционного времени : Россия. 1920–1930 гг. М. : РОССПЭН, 2012. 759 с.
- Горький и Л. Авербах : Неизвестная переписка / публ. О. В. Быстровой // Горький и его корреспонденты. М. : ИМЛИ РАН, 2005. С. 564–650.
- Земсков В.* Маяковский на Урале: по новым материалам // Урал. 1958. № 7. С. 130–138.
- История глазами Крокодила. XX век. События. 1922–1937. М. : XX Сенчури Крокодайл, 2014. 271 с.
- Ковтун Е. Н.* Художественный вымысел в литературе XX века. М. : Высш. школа, 2008. 405 с.
- Коньшева Е. В., Меерович М. Г.* Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска). М. : URSS, 2012. 224 с.
- Маяковский В. В.* Екатеринбург – Свердловск // Урал. рабочий. 1928. 29 янв.
- Маяковский В. В.* Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка // Маяковский В. В. Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Худож. лит., 1955–1961. Т. 10. 1958. С. 128–131.
- Меерович М. Г.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М. : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2008. 303 с.
- Меерович М. Г., Коньшева Е. В., Хмельницкий Д. С.* Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). М. : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 270 с.
- Между молотом и наковальней : Союз советских писателей СССР : документы и комментарии. Т. 1. 1925 – июнь 1941 г. М. : РОССПЭН, 2011. 1023 с.
- Неизвестный Уралмаш : История и судьбы / сост. С. Агеев, Ю. Бриль. Екатеринбург : Урал. лит. агентство, 2003. 499 с.
- Непридуманные истории, подсказанные людской памятью: 30, 40, 50-е годы XX столетия в воспоминаниях детей, давно ставших взрослыми / сост. И. Н. Демченко. Екатеринбург : Автограф, 2013. 200 с.

Нойтатц Д. Московское метро: от первых планов до великой стройки сталинизма (1897–1935). М. : РОССПЭН, 2013. 783 с.

Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. СПб. : Росток, 2006. 704 с.

Рыжков Н. И. «Я особенно ценю звание “Почетный уралмашевец”» // Обл. газ. 2014. 27 сент.

Уральский ордена Ленина, ордена Красного Знамени, ордена Трудового Красного Знамени завод тяжелого машиностроения имени Серго Орджоникидзе. Свердловск : Свердл. книж. изд-во, 1958. [93 л.].

Уралмаш : Рассказы уралмашевцев о своем заводе. Свердловск : Свердл. книж. изд-во, 1958. 168 с.

References

Ageev, S. & Bril', Yu. (Comp.). (2003). *Neizvestni'y Uralmash: Istoriya i sud'by'* [Unknown Uralmash: History and Lives]. 499 p. Yekaterinburg, Ural'skoe literaturnoe agentstvo.

Buldakov, V. P. (2012). *Utopiya, agressiya, vlast'. Psihosocial'naya dinamika postrevolyucionnogo vremeni: Rossiya. 1920–1930 gg.* [Utopia, Aggression, Power. Psychosocial dynamics of post-revolutionary time: Russia. 1920–1930]. 759 p. Moscow, ROSSPEN.

By'strova, O. V. (Comp.). (2005). *Gor'kiy i L. Averbah : Neizvestnaya perezpiska* [Gorky and L. Averbakh: Unknown Letters]. In *Gor'kiy i ego korrespondenty'* (pp. 564–650). Moscow, IMLI RAN.

Demchenko, I. N. (2013). (Comp.). *Nepridumannyye istorii, podskazannyye lyudskoy pamyat'yu: 30, 40, 50-e gody' XX stoletiya v vospominaniyah detej, davno stavshih vzrosly'mi* [True-Life Stories Prompted by People's Memory: The 1930s, 1940s, 1950s according to Children Who Have Long Been Adults]. 200 p. Yekaterinburg, Avtograf.

Istoriya glazami Krokodila. XX vek. Soby'tiya. 1922–1937. [History as Viewed by Krokodil. The 20th Century. Events. 1922–1937]. (2014). 271 p. Moscow, XX Senchuri Krokodajl.

Kony'sheva, E. V. & Meerovich, M. G. (2012). *E'rnst Maj i proektirovanie socgorodov v gody' pervy'h pyatiletok (na primere Magnitogorska)* [Ernst May and Socialist City Planning during the First Five-Year Plans (with Reference to Magnitogorsk)]. 224 p. Moscow, URSS.

Kovtun, E. N. (2008). *Hudozhestvenni'y vy'my'sel v literature XX veka* [Artistic Fiction in 20th Century Literature]. 405 p. Moscow, Vy'sshaya shkola.

Mayakovskij, V. V. (1928). *Ekaterinburg – Sverdlovsk* [Yekaterinburg – Sverdlovsk]. In *Ural'skij rabochij, January 29.*

Mayakovskij, V. V. (1958). *Rasskaz Hrenova o Kuzneckstroie i o lyudyah Kuznecka* [Khrenov's Story about Kuznetskstroy and Kuznetsk's People]. In Mayakovskij, V. V. *Poln. sobr. soch.* (Vols. 1–13). (Vol. 10, pp. 128–131). Moscow, Hudozhestvennaya literatura.

Meerovich, M. G. (2008). *Nakazanie zhilishhem: zhilishhnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi. 1917–1937* [Accommodation as Punishment: The USSR Housing Policy as a Means to Control People. 1917–1937]. 303 p. Moscow, ROSSPEN, Fond «Prezidentskij centr B. N. El'cina».

Meerovich, M. G., Kony'sheva, E. V. & Hmel'nickij, D. S. (2011). *Kladbishhe socgorodov: gradostroitel'naya politika v SSSR (1928–1932 gg.)* [A Socialist Cities Cemetery: City-Planning Policy in the USSR (1928–1932)]. 270 p. Moscow, ROSSPEN, Fond «Prezidentskij centr B. N. El'cina».

Mezhdru molotom i nakoval'nej : Soyuz sovetskikh pisatelej SSSR : dokumenty' i kommentarii [Between the Hammer and the Anvil: The USSR Union of Soviet Writers: Documents and Commentaries]. (2011). (Vol 1. 1925 – June 1941). 1023 p. Moscow, ROSSPEN.

Nojtatc, D. (2013). *Moskovskoe metro: ot pervy'h planov do velikoj strojki stalinizma (1897–1935)* [The Moscow Metro: From the First Plans to the Great Stalinist Construction (1897–1935)]. 783 p. Moscow, ROSSPEN.

Prishvin, M. M. (2006). *Dnevniki. 1930–1931 zz.* [Diaries. 1930–1931]. 704 p. Sankt Petersburg, Rostok.

Ry'zhkov, N. I. (2014). «Ya osobenno cenyu zvanie “Pochetnyy uralmashevec”» [«I Especially Value the Title of an “Honorary Uralmash Worker”»]. In *Oblastnaya gazeta*, September 27.

Ural'skiy ordena Lenina, ordena Krasnogo Znameni, ordena Trudovogo Krasnogo Znameni zavod tyazhelogo mashinostroeniya imeni Sergo Ordzhonikidze [Sergo Ordzhonikidze Ural Heavy Machine Building Plant Awarded with the Order of Lenin and the Order of the Red Banner]. (1958). Sverdlovsk, Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Uralmash : Rasskazy' uralmashevec o svoem zavode [Uralmash: Uralmash Workers' Stories about Their Plant]. (1958). 168 p. Sverdlovsk, Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Zemskov, V. (1958). *Mayakovskiy na Urale: po novy'm materialam* [Mayakovskiy in the Urals: Based on New Sources]. In *Ural*, 7, pp. 130–138.

The article was submitted 11.05.2015

Елена Николаевна Ефремова,
кандидат филологических наук,
Свердловская областная
универсальная научная
библиотека
имени В. Г. Белинского,
Екатеринбург, Россия
Efremova.eln@gmail.com

Elena Efremova, Dr.,
Sverdlovsk Regional Universal
Library named after V. G. Belinsky,
Yekaterinburg, Russia
Efremova.eln@gmail.com

DOI 10.15826/QR.2015.4.127

УДК 070.23(1-37):769.2+621

Евгений Алексеев

(470.54-25)(091)

**«ЗВУЧАНИЕ ТИШИНЫ»:
КОНТРАСТЫ И ПАРАДОКСЫ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ
В ГАЗЕТНОЙ ГРАФИКЕ**

Yevgeny Alekseev

***THE SOUND OF SILENCE: THE CONTRASTS
AND PARADOXES OF THE STALIN ERA
IN NEWSPAPER GRAPHICS***

The 1930s Soviet press is full of inner paradoxes not only due to the rapidly changing criteria applied to the evaluation of events and personalities, but also due to the drastic change in the usual worldview. Though relying heavily on everyday details, the ideological tools are far away from reality and consider it from a superior position. The paradoxes of newspaper information are illustrated by means of visual images that are meant to support the text and solve propaganda tasks, attack political adversaries, mock at household hardships as well as unconscious citizens. Being ideologically tuned, approved by certain structures and double-checked, cartoons, drawings and posters did not repeat the text of the article but provided it with a new meaning and uncovered the implications of events.

The *Za Tyazheloje Mashinostroyeniye* (“For Heavy Engineering Industry”) newspaper that for many years was the main media organization of the Ural Heavy Engineering Plant (Uralmash Plant) was following the uniform informational policy. The Editorial Board’s independence is most evident in the production coverage and the most academically attractive material is connected with the life of Uralmash and the depiction of local events and people. The cartoon here is an essential tool for castigating vice; for this reason, the antagonists produce a stronger impression than the stale and inarticulate depiction of pacesetters and heroes. The system of graphics in the newspaper, i. e. the poster with its relative language and its longing for extreme situations, the drawing aiming at nature and everyday realia, the cartoon with its pronounced punitive function, does not only turn out to be uncoordinated but internally inconsequential. The emphasized simplicity of drawings, noticeable carelessness and clumsiness seem intentional and one may even speak about a certain Soviet newspaper style characterized by a syncretism of images and the

printed word. However defective, the visual language turned out to be more truthful than newspaper language, unwillingly disclosing the mechanisms of manipulation proper. The casualness, glibness, dynamicity and expressiveness as well as aggressiveness of drawings correspond to the intensive life of the Soviet state, the swift and heroic changes and bravura of the epoch; on the other hand, once can recognize in them the deadly petrification of plaster giants and the appalling recurring hypnotic sleep. These all make an impression of oppressive silence. Unwillingly, in their words newspaper artists reflected the contradictory character of the epoch that claimed victory over time and found itself coming to a moral dead-end of social stagnation.

Keywords: Soviet graphics of the 1930s; *Za Tyazheloye Mashinostroyeniye* Newspaper; Uralmash; cartoon; poster.

Советская пресса 1930-х гг. полна внутренних парадоксов не только по причине стремительно меняющихся критериев в оценке событий и личностей – кардинально трансформируется привычная картина мира. Идеологический инструментарий, при всей приверженности к бытовым деталям, по сути, оказывается отстранен от реальности, которую показывает с некой «высшей точки». Парадоксальность газетной информации раскрывается в визуальных образах, призванных иллюстрировать текст, решать агитационные задачи, уязвлять политических врагов, высмеивать недостатки быта и конкретных несознательных граждан. Идеологически выверенные, согласованные и перепроверенные рисунки, плакаты и карикатуры при полном отсутствии личной позиции автора не только не дублировали текст, но придавали ему несколько иное звучание, а порой раскрывали скрытую суть явлений.

Газета «За тяжелое машиностроение», на протяжении многих лет являвшаяся главным печатным органом Уральского завода тяжёлого машиностроения (УЗТМ), развивалась в русле единой информационной политики. Самостоятельность редакции проявляется в производственной тематике, и наиболее интересный для исследователя материал связан с жизнью Уралмаша, с изображением местных событий и людей. Карикатура здесь важнейший инструмент для «бичевания пороков», поэтому галерея отрицательных персонажей производит большее впечатление, чем скучные и невнятные изображения передовиков и героев. Сама система графического оформления газеты – плакат с его условным языком и жадной экстремальной ситуации, рисунок, ориентированный на натуру и бытовые реалии, карикатура с ее подчеркнуто грубой «карательной функцией» – оказывается не только разобщенной, но и внутренне непоследовательной. Подчеркнутая простота рисунков, заметная небрежность и корявость кажутся неслучайными, и можно даже говорить о некоем «советском газетном стиле», который предполагает подобный синтез изображения и печатного слова. Визуальный язык при всей своей ущербности оказался все же более правдивым, чем газетный текст, невольно раскрывая и сам механизм манипуляции. Внешняя непосредственность, бойкость, динамика, экспрессия, агрессия рисунков соответствуют бурной жизнедеятельности

Страны Советов, стремительным преобразованиям, героическим свершениям и бравурным маршам эпохи, но в них же можно отметить мертвенную застылость гипсовых истуканов и повторяющийся с пугающей периодичностью «гипнотический сон». Именно это порождает впечатление тягостного безмолвия. Газетные художники невольно отразили в своих «творениях» противоречивость эпохи, заявлявшей о победе над временем и оказавшейся в духовном тупике безвременья.

Ключевые слова: советская графика 1930-х гг., газета «За тяжелое машиностроение», Уралмаш, карикатура, плакат.

Искусствовед А. И. Морозов, полагая, что без особой оговорки сложно понять специфику отечественной культуры 1930-х гг., писал: «Хрестоматийное выражение “время, вперед!” даже не вполне точно выражает пафос эпохи первых пятилеток. Поэтическое воображение той поры склонно не то чтобы “просто” ускорять динамику времени, оно силится снять саму протяженность времени как физическую категорию, сплошь да рядом представляя “сейчас” в виде светлой бесконечности искомого “там” или “завтра”. <...> В искусстве, замешанном на мифе и на утопии, действует императив стремительного обновления. Время “прыгает” от одной ослепительной трансформации к другой, поражая читателя, зрителя или слушателя...» [Морозов, с. 88, 108]. Стремительность «ослепительных трансформаций», несомненно, заметна у видных творцов соцреализма, но при всем желании они не могли поспеть за безумным ритмом, который задавался средствами массовой информации.

Советская газета была призвана не только бесстрастно фиксировать документальные факты, но и демонстрировать постоянное мощное влияние на описываемые события, а значит, и свою власть над временем. Газета – причудливая смесь «высокого» и «низкого»: помпезные лозунги, четкие директивы, подробные программы и инструкции, восторженные описания побед социализма и славословия в адрес вождей сочетаются в ней с бытовыми зарисовками, скучными отчетами местных чиновников, информацией об урожае или о кампании борьбы со вшами в бараках.

Периодическое печатное издание, изначально предполагающее полифонию мнений и позиций, оказывалось отражением бюрократического мироустройства с однозначными идеологическими задачами. В глубинах газетного текста скрыты цинизм и презрение к слабому человеку (слабость его именно в том, что он не может меняться так же стремительно, как печатный орган).

Парадоксальность газетной информации раскрывается в визуальных образах, призванных иллюстрировать текст, решать агитационные задачи, уязвлять политических врагов, высмеивать недостатки быта и конкретных несознательных граждан. Идеологически выверенные, согласованные и перепроверенные рисунки, плакаты и ка-

рикатуры при полном отсутствии личной позиции автора не только не дублировали текст, но вносили дополнительную семантику, порой раскрывая сокрытые смыслы.

Важно понять сам механизм рождения визуальных образов, их соотношение с текстом в отражении жизненных реалий и в выполнении пропагандистских задач, а возможно, и некой «тайной миссии». И хотя для историка искусства эта тема может показаться малопривлекательной из-за качества материала, особенно в провинциальном издании, но именно серость и художественная невыразительность большинства рисунков, как и анонимность газетных поденщиков, наряду с набором разнообразных штампов раскрывают суть подобного проявления агитационно-массового искусства, а шире – роль, которая отводилась художнику в советской системе. Внимание к визуализации в современных историко-культурных исследованиях распространяется на предлагаемый материал, который является непревзойденным источником формирования пропагандистского дискурса [Мазур ; библиографию вопроса см.: там же].

Плакат производства

Газета «За тяжелое машиностроение»¹⁵, являвшаяся главным печатным органом Уралмашзавода¹⁶, начала выходить в свет в 1933 г. Всесоюзная известность УЗТМ и амбиции руководства в совокупности с экономической поддержкой позволили заводской газете быстро перерасти рамки информационного бюллетеня и конкурировать по разнообразию материала и графическому оформлению с областными периодическими печатными изданиями. В отдельных номерах, связанных с праздничными датами, были представлены цветные плакаты (в одну или две краски), как правило, во всю газетную страницу, броские и заметно более тщательно проработанные, чем повседневные зарисовки и карикатуры. Пионер с горном, воин на страже, ударник с отбойным молотком и другие привычные типажи агитационного искусства были призваны подчеркнуть героический дух эпохи. Вместе с тем заметна и общая тенденция – ограниченность плакатного языка оформительскими задачами. Декоративность и тяга к геральдичности демонстрируют кризис плаката, который, по мнению Я. А. Тугендхольда, в это время потерял свою «революционную эмоциональность», и даже интересные опыты конструктивистов,

¹⁵ Газета начала выходить в свет 2 июля 1932 г. под названием «За уральский блюминг», с 15 июля 1934 по 1990 г. называлась «За тяжелое машиностроение», с 1991 по 2000 г. – «Ритм», с 15 июля 2001 г. по настоящее время – «За тяжелое машиностроение».

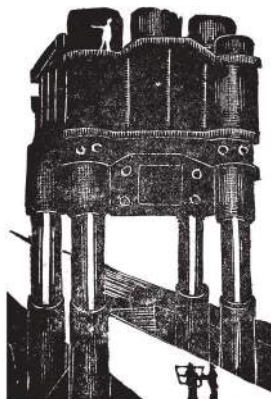
¹⁶ Уральский завод тяжёлого машиностроения (УЗТМ) начал работу 15 июля 1933 г. Завод специализировался на выпуске экскаваторов, дробилок, доменного и сталеплавильного оборудования, блюмингов, прокатных станов, гидравлических прессов и др. Процесс строительства и работы УЗТМ курировал лично нарком тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе. В 1930-х гг. предприятие посещали В. В. Куйбышев, К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, а также многие советские писатели, поэты и художники.

применение фотомонтажа и необычных композиций не исправили положения. Художественный критик замечает, что плакату нужна экстремальная ситуация (революция, война), именно в период сильнейших катаклизмов плакат с его лаконизмом и обобщенностью работает, захватывает, потрясает [Тугендхольд, 1930, с. 188].

Газета развивается в русле единой информационной политики, постоянно подчеркивая свою ориентацию на центральные издания и регулярно перепечатывая материалы из «Правды» и «Известий». Самостоятельность редакции проявляется в производственной тематике, и связь газеты с заводом и жизнью заводчан создает ощущение оригинальности издания.

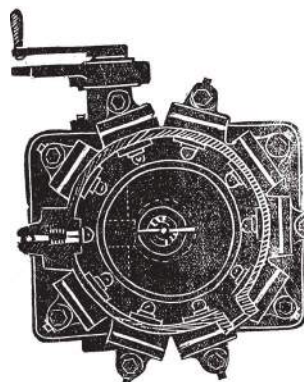
В газете часто появляется информация о том, как работает Уралмаш, публикуются различные отчеты и схемы (например, схема организации центрального инструментального склада), материалы о технологиях отливки, формовки, сварки (статья «Деревянные подшипники в прокатных клетях» (1934, 10 марта), популярные просветительские очерки («Что такое агломерация?» (1934, 20 мая)), предложения изобретателей и рационализаторов. Эти тексты иллюстрируются фотографиями и рисунками с видами заводских корпусов, интерьерами отдельных цехов и помещений. Часто публикуются макеты и эскизы промышленных и жилых комплексов, планы и карты, объединенные темой «Так будет выглядеть наш заводской город». Графические композиции демонстрируют открытость завода миру: вот уникальный пресс в десять тысяч тонн, вот поперечный разрез-схема ценного изобретения, рядом – сцены заводского производства (ил. 1, 2). Но заводские «тайны» умело дозировались, превращаясь в своеобразный производственный (технологический) плакат, в котором некоторая точность (порой весьма приблизительная) объединялась с ясным графическим знаком, близким языку чертежников и инженеров-конструкторов. Так мощный пресс и смазочный аппарат становились символами ин-

дустриализации. В их изображениях чувствуется любованье геометрической правильностью, в которой людям, не посвященным в секреты производства, чудится могущественная сила. «Правильность» подчеркивается и в опубликованном плане

Таки выглядит пресс в 10 000 тонн.

1. Пресс в десять тысяч тонн. 1935. 24 марта

Поперечный разрез смазочного аппарата «Эксцентрик» изобретенного т Насатиным

2. Поперечный разрез смазочного аппарата. 1934. 23 сент.

строящегося соцгорода (1934, 15 сентября): простой и ясный геометрический узор улиц должен был убедить обывателя в разумности и продуманности, а главное, реалистичности государственных планов.

Язык ретуши

Посредственное качество печати требовало серьезной обработки фотографий, и художники-ретушеры были востребованы в любой газете. Корректорская правка навязчиво лезет в глаза, создавая ощущение неловкой маскировки либо явной подмены, порой трудно понять, является ли конкретное изображение рисунком, выполненным по фото, или грубо отретушированной фотографией (ил. 3). В отдельных

3. Портреты ударников УЗТМ. 1934

случаях возникает ощущение таинственности: тени под глазами, резкие скулы, подведенные глаза – индивидуальные черты исчезают под слоями грима. Незнание и непонимание анатомии приводит к примитивности и причудливым искажениям форм (здесь нельзя говорить о стилизации, процессе всегда осмысленном). Лица ударников труда (в газете регулярно публикуются их портреты) плоские, асимметричные, с резкими складками и косящими глазами, поэтому люди кажутся растерянными, застигнутыми врасплох. Заметен акцент на форме носа, вследствие этого в облике персонажей появляется что-то птичье (клюв у пернатых всегда привлекает внимание и служит для узнавания). Герои производства предстают то нахохлившимися, то взъерошенными, они невольно втягивали голову в плечи перед объективом фотоаппарата, старательно смотрели не мигая, осознавая серьезность момента. Перевод фото в рисунок лишь усиливает эту напряженность, и люди выглядят уставшими, надломленными (глубокие морщины, мешки под глазами, складки вокруг рта) и отстраненными, растерянными. Практически нет лиц с радостными улыбками, с живым выражением лица, скорее всего, смеющиеся лица под рукой ретушера обретали неприятный оскал или отталкивающую гримасу. Можно отметить символичность самого процесса: фотографирование, ретуширование – и человек превращается в некую схему под названием «ударник труда», подобно схеме смазочного аппарата или заводского механизма.

случаях возникает ощущение таинственности: тени под глазами, резкие скулы, подведенные глаза – индивидуальные черты исчезают под слоями грима. Незнание и непонимание анатомии приводит к примитивности и причудливым искажениям форм (здесь нельзя говорить о стилизации, процессе

Не избегают подобного искажения и государственные личности. Так, рядом с важной информацией о приглашении СССР вступить в Лигу Наций представлена погрудная фигура наркома иностранных дел страны Максима Литвинова (ил. 4). Нарком изображен иронично-добродушным, обращают на себя внимание только его разной величины глаза под стеклами очков. Здесь явно не предусматривалась насмешка над государственным деятелем и, тем более, намек на

4. Портрет М. Литвинова.
1934. 18 сент.

Тов. Авербах

5. Портрет Л. Авербаха.
1934. 17 апр.

6. Портрет
С. Орджоникидзе.
1934. 24 сент.

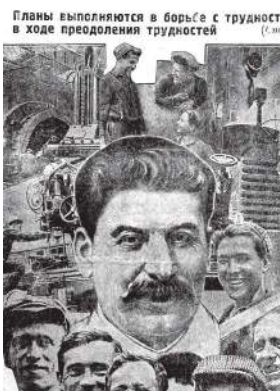
некую политическую интригу, скорее всего, художник основывался в своем графическом рисунке на конкретной фотографии, в которой толстые линзы и ракурс головы создали подобную забавную асимметрию. Если же на фотографии лицо представлено в резком ракурсе, асимметричность и диспропорция черт усиливаются еще больше, что бросается в глаза в изображении Леопольда Авербаха¹⁷ (ил. 5). Литературный критик наклонился вперед, его голова словно вросла в плечи, а взгляд, усиленный очертаниями оправы очков и кругами теней, кажется зловеще-напряженным. В лицах советских государственных деятелей и чиновников можно усмотреть немало странного, жутковатого и подозрительного. Невольная деформация порождает и невольную экспрессию и намек на некий психологизм, словно художник не механически-однообразно делал свою ремесленную работу, а сопереживал герою либо пытался сообщить о нем нечто важное.

При тщательной прорисовке лицо обретало плакатную красоту, но и условность (см. портрет С. Орджоникидзе, ил. 6), а неудачный акцент на какой-либо детали внешности грозил обернуться карикатурностью, как произошло с изображением М. Горького, чьи «моржовые» усы под рукой газетного художника превратились в жутковатые клыки (ил. 7).

¹⁷ Подробно о нем см. в статье Е. Ефремовой «Уралмаш довоенного времени: утопический образ идеального города в заводской газете», публикуемой в этом же номере журнала. С. 66.

7. Портрет М. Горького.
1934. 24 авг.

8. Сталин и ударники
УЗТМ. Коллаж.
1934. 15 июля

Фотоколлаж еще встречается на страницах газеты, но его художественный уровень заметно слабее, чем в столичных изданиях, и дело здесь не только в отсутствии талантливых мастеров. Эстетика авангарда уходит в прошлое, ее жизнерадостная задорность кажется подозрительной, да и вырезать и компоновать головы и фигуры партийных вождей кажется уже предосудительным.

Бесхитростная композиция «Сталин и ударники УЗТМ» создавалась, очевидно, спонтанно и по расхожему шаблону «вождь и народ» – голова генерального секретаря облеплена маленькими головками ударников труда и передовиков производства (ил. 8). Художник, правда, не учел, что композиция, на которой спокойно-торжественный плакатный лик вождя окружен простодушно смеющимися, далеко не молодыми и внешне не привлекательными людьми (усы, залысины, щербатые улыбки), создает больше комическое ощущение.

Визуальное доказательство вины

Взаимоотношения текста и визуального изображения в газете порой противоречивы: персонажи, поданные в статьях как положительные, представлены подозрительно помятыми и неприглядными графическими масками, без конкретной подписи уже невозможно сказать, кто перед нами – сознательный коммунист, честный труженик или коварный враг, пособник врага, злостный вредитель, бракодел или рядовой прогульщик (ил. 9).

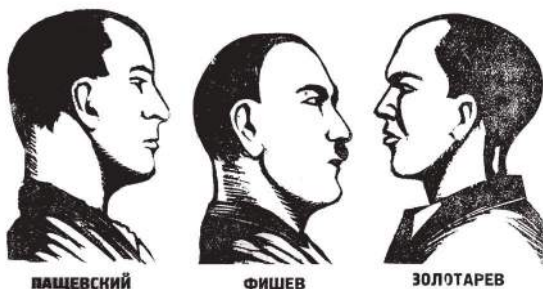
9. Портреты прогульщиков и бракоделов. 1933

Открытые процессы над вредителями – привычное дело для уралмашевской действительности 1930-х гг., но изображения конкретных врагов встречаются нечасто и подаются

с полным набором осуждающих подписей. Так, под крупным заголовком «Поджигатели выполняли волю иностранных капиталистов» дан более мелкий «Они хотели подорвать обороноспособность Советской страны», ниже – броские названия рубрик: «Враг с комсомольским

В р е д и т е л и :

10. Портреты вредителей. 1934. 27 июля

билетом», «Кулак ломал газопровод», «Маскировщик поджога», «Не отвертеться!», и наконец внизу газетной полосы – портреты вредителей (ил. 10). Члены контрреволюционной организации представлены в профиль и, по мысли редакции, должны соответствовать четким характеристикам: Пашчевский «мелок, гадлив и омерзительен», Фишев «перед судом мнется, пытается спрятать свою омерзительную кулацкую рожу», но вина его несомненна: Фишев «долго колотил обрубок по отросткам газопровода у печей, чтобы расширить в них швы, усилить приток генераторного газа, содействующего быстрому распространению огня» (1934, 27 июля). Не менее противен по описаниям и Золотарев, но визуально «злодеи» выглядят нейтрально и лишь удивительно похоже друг на друга. Рядом с «кулацкими рожами» в полный рост изображен милиционер с саблей наголо – ясно, что приговор пролетарского суда врагам-поджигателям будет суров. Тут же для непонятливых – лозунг: «Ударники Уралмаша требуют сурового приговора». В газетном тексте подчеркивается мелкость, ущербность «гаденьких» поджигателей, но в их портретах если и есть нечто отличное от ударников труда, так только изображение в профиль. Заманчиво увидеть в этом невольную близость к иконописной традиции¹⁸, но скорее всего, это отражение обыденной практики следственных мероприятий – фото в фас и в профиль необходимы для точной фиксации внешности преступника. Поэтому персонажи, изображенные в три четверти, могут восприниматься как личности благонадежные, государство еще позволяет им быть не столь узнаваемыми. Внешняя невыразительность, незаметность в этом случае оказываются своеобразной наградой.

¹⁸ Для сравнения: «...в определенных случаях профильность изображения может использоваться как прием, передающий незначительность изображаемой фигуры или же отрицательное к ней отношение; особенно показательны в этом отношении изображения бесов, а также изображение Иуды в композициях “Тайной вечери”: Иуда обычно единственный из апостолов, который изображается в профиль» [Успенский, с. 221].

Образы внешнего мира

Визуальная информация о международных делах в советских средствах массовой информации представлена по большей части в карикатурах. Это отмечали все исследователи сатирической графики предвоенного десятилетия: «В листовках ли, плакатах, лубочных картинках на печатном поле газетных полос, карикатура всегда четко и ясно разрешала тот или иной политический момент даже

Лицо империалистической войны

11. Лицо империалистической войны. 1934. 3 авг.

перед теми, кто менее всего посвящен в события политического дня. Масса знакомится с политическим моментом еще до прочтения передовицы, до отдельных статей на определенную тему» [Варшавский, с. 9]. Моду на карикатурные сюжеты и образы диктовали художники столичных газет, наделенные доверием власти и статусом «бойцов идеологического фронта». Наиболее удачные (с идеологической точки зрения) широко копировались и варьировались в провинциальных изданиях, реже встречались перепечатки рисунков из иностранных журналов. В заводской газете УЗТМ находим комбинации из примитивного набора символов: череп, скелет, змей, пузатый буржуй в цилиндре, стволы артиллерийских орудий и мешки со множеством нулей. Подписи уточняют, о чем, собственно, речь: «Лицо империалистической войны», «Нынешняя Германия как она есть» (свастика превращается в виселицу с повешенными, рядом восседает германский орел-стервятник), «Гитлер заботится об Австрии» (скелет со свастикой на рукаве и с кинжалом вскидывает левую руку в нацистском приветствии), «Парад фашистов в Нюрнберге» (жирные фашисты маршируют с топорами и виселицей на плечах), «Закон фашистского правосудия» (палач с топором восседает на черепе) (ил. 11).

12. Антивоенная карикатура. 1934. 23 сент.

Интересно отметить значительный перебор в изображении страданий иностранных пролетариев – на гротескных рисунках их душат, расстреливают, пронзают штыками, избивают дубинками, разрубают топором. Да и выглядят они часто жалко, а порой уродливо: дистрофичные фигурки и туповатые физиономии вызывают невольные улыбки (ил. 12). Отдельные рисунки снабжены подписью «с фотографии», призванной подтвердить, что подобный факт насилия имел место, однако то ли сам «исходник» был невыразителен, то

ли в процессе перерисовки произошло искажение, но сцены издевательства над пролетариями не до конца ясны. Лишь подпись объясняет, что, собственно, происходит, к примеру, полиция избивает безработного, а не забирает пьяного в участок. Лицо пострадавшего, как и лица мучителей, «не читаются», то есть сводятся к размытым пятнам, фигуры статичны, жесты невыразительны. О насилии можно догадаться лишь по коленопреклоненной позе несчастного безработного (вот оно, унижительное положение пролетариата в капиталистических странах!), но именно безропотность «избиваемого» вызывает скорее чувство протеста, чем сочувствие или сострадание (ил. 13).

13. Полиция избивает безработного. 1934. 5 авг.

Подобного рода неувязки по отношению к «заграничным товарищам» возникали, скорее всего, невольно, в силу того, что карикатура утрачивает само понимание «карикатурности» как откровенно смешного, нелепого искажения действительности. Для большинства обывателей карикатура приравнивалась к правдоподобному образу западного мира: «...любые официальные сообщения, газетные статьи или радиопередачи о современной жизни за рубежом очень часто вызывали зрительные ассоциации именно с карикатурами, которые публиковались в прессе, составляли часть привычной повседневности и, что немаловажно, с точки зрения содержания практически повторяли основные темы и сюжеты советской пропаганды. И поэтому образ мира, в первую очередь Запада, для значительной части советского общества приобретал явно выраженные карикатурные, гротескные черты» [Голубев, с. 273–274].

О повседневной работе художника-карикатуриста находим выразительный пассаж у И. Ильфа и Е. Петрова в романе «Двенадцать стульев» (1927). Как известно, соавторы являлись сотрудниками газеты «Гудок», писали для «Правды» и «Литературной газеты» и прекрасно знали все детали повседневного «творческого процесса» в периодических изданиях.

Пришел художник.

– Ага, – сказал секретарь, – очень хорошо. Есть тема для карикатуры в связи с последними телеграммами из Германии.

– Я думаю так, – проговорил художник. – Стальной шлем и общее положение Германии...

– Хорошо. Так вы как-нибудь скомбинируйте, а потом мне покажете.

Художник пошел в свой отдел. Он взял квадратик ватманской бумаги и набросал карандашом худого пса. На псиную голову он надел германскую

каску с пикой. А затем принялся делать надписи. На туловище животного он написал печатными буквами слово «Германия», на витом хвосте – «Данцигский коридор», на челюсти – «Мечты о реванше», на ошейнике – «План Дауэса» и на высунутом языке – «Штреземан». Перед собакой художник поставил Пуанкаре, державшего в руке кусок мяса. На мясе художник тоже замыслил сделать надпись, но кусок был мал, и надпись не помещалась. Человек менее сообразительный, чем газетный карикатурист, растерялся бы, но художник, не задумываясь, пририсовал к мясу подобие привязанного к шейке бутылки рецепта и уже на нем написал крохотными буквами: «Французские предложения о гарантиях безопасности».

В представленном отрывке процесс создания политической карикатуры показан как привычная для газетного художника халтура. Набор штампов и соответствующие политическому моменту подписи определяли суть подобной продукции. Но важно отметить, что писатели не только уловили специфику советской политической карикатуры, но и точно раскрыли один из механизмов ее реализации. Неприятный и отталкивающий внешне объект (в данном случае худой пес, а часто встречались ободранный лев, тучная свинья, кривляющаяся обезьяна) получает ясный символ конкретной страны (это либо традиционный военный (национальный) головной убор – германская каска, турецкая феска, польская конфедератка, сомбреро, чалма, либо предмет, ассоциирующийся с конкретной культурой или государственным строем – самурайский меч, ятаган, свастика, денежная купюра с долларовым знаком, а порой просто государственный флаг). Объект получает не только общее название, его части при необходимости также обретают наименования географических пунктов, политических доктрин или конкретных лиц. Прimitив-

... Те, которые попытаются напасть на нашу страну, — получат сокрушительный отпор, чтобы впредь неоправданно было ни сойти свое севное рыло в наш советский огород.
И. СТАЛИН.

14. Антивоенная карикатура.
1935. 1 авг.

ный механизм позволяет легко комбинировать вышеназванные приемы для создания «актуального» рисунка на злобу дня, иллюстрации политического лозунга или фразы вождя (ил. 14). Существовал подобный «торжественный комплект» расхожих штампов для механического сочинения шаржей, карикатур, юмористических рисунков и на внутренние темы. Как сетовал Б. Ефимов: «Для набившего себе руку карикатуриста-подражателя не представляет никакого труда смастерить очередную карикатуру из готовых частей и деталей, заимствованных в чужих работах, даже не очень давних» [Ефимов, с. 57]. Известный сатирик, правда, не уточняет, что все дело в самой системе требований к политической карикатуре: «бородатые» анекдоты, об-

жесткий механизм позволяет легко комбинировать вышеназванные приемы для создания «актуального» рисунка на злобу дня, иллюстрации политического лозунга или фразы вождя (ил. 14). Существовал подобный «торжественный комплект» расхожих штампов для механического сочинения шаржей, карикатур, юмористических рисунков и на внутренние темы. Как сетовал Б. Ефимов: «Для набившего себе

разы и детали вольно перетасовывались и вполне устраивали заказчика, другое дело – оригинальная трактовка и необычные решения, они вызывали невольное подозрение и отторжение.

**«Карикатурист предоставлен собственной интуиции»:
качества газетного художника**

Оценивая развитие изобразительного искусства в первое советское десятилетие, искусствовед и художественный критик Я. А. Тугендхольд ставил на первое место графику, заявляя, что происходит «расширение недавно еще узкой группы наших графиков до целого художественного отряда, все более и более пополняемого молодыми силами. Мы можем говорить уже о целой новой советской плеяде рисовальщиков и граверов – о целом графическом или, вернее, “полиграфическом” фронте нашего изобразительного искусства» [Тугендхольд, 1987, с. 246]. Военная терминология пользовалась в те годы популярностью, а если учесть особо пристальное внимание руководства страны к агитационно-массовому искусству, к плакату, карикатуре и в целом к газетно-журнальной графике, то сравнение художественного процесса с театром военных действий не покажется случайным. Власть благосклонно относится к мастерам агитационного искусства, работы Д. Моора, В. Дени, Ю. Ганфа, Л. Бродаты, К. Ротова, Б. Ефимова, Кукрыниксов пользуются популярностью и ставятся в пример художникам провинциальных газет. Правда, слава большинства карикатуристов у обывателя оказывалась быстротечной, слишком значительным и внешне однообразным был поток «обличительных картинок», да и сами сюжеты менялись порой так стремительно, что уследить за всеми трансформациями политических моментов было положительно невозможно. Карикатурист становился чаще «бойцом невидимого фронта», и только его гибкость и беспринципность, его готовность выполнять любые указания свыше и художественная нейтральность могли обеспечить ему длинный век.

Художники газеты «За тяжелое машиностроение» и в 1930-е гг. были мало известны широкой публике, да, пожалуй, и не особо желали общественного признания. Значительная часть графических композиций безымянна, лишь в отдельных работах указан автор. Наиболее часто упоминаются Н. Михайлов (художник-фотограф, в газете публиковались и его фотографии) и Н. Горский (его отмечают как художника завода, работы подписывал Н. Г.) [Пешкова]. Изредка упоминаются Н. Семенов, О. Коровин, А. Вязников – свердловские художники, предлагавшие газете свои композиции, городские зарисовки и сатирические рисунки.

Б. Ефимов припоминал, что никаких предварительных обсуждений карикатур редколлегией не было и в помине: «Художник-газетчик – сам себе и “темист”, и консультант, и художественный совет.

<...> Карикатурист предоставлен собственной интуиции, смекалке и опыту», оговорившись, правда, что перед сдачей номера в печать редактор все же принимает решение о судьбе рисунка [Ефимов, с. 50–51]. Если это так, то опытный карикатурист «шкурой» чувствовал, что от него требуется, и шел от предыдущих наработок, обращаясь к проверенным штампам. Подобная работа с оглядкой не требовала от создателя серьезных навыков рисунка и композиции, личных творческих установок и индивидуального художественного языка, порой самодетельные и откровенно плохо рисующие карикатуристы добивались признания. В профессиональном сообществе отношение к карикатуристам было нейтрально-сдержанным, и даже самым прославленным сатирикам Б. Ефимову и Кукрыниксам (героям социалистического труда и лауреатам многочисленных государственных премий) приходилось доказывать свою состоятельность, обращаясь к книжной графике или живописи.

Уральский художник Виталий Волович, вспоминая о деятельности Свердловского Союза художников, характеризует его главу А. Г. Вязникова, человека бесцеремонного и агрессивного по отношению к любому инакомыслию, коротким эпизодом:

Вязников часто говорил:

– Я двадцать лет прослужил в армейской газете. Вы знаете, что это такое?

Мы догадывались [Волович, с. 214].

«В щелях заводились они, как клопы»: необычайная действенность карикатур

Наиболее интересные артефакты графического оформления связаны с изображением событий и людей Уралмаша. Карикатура и здесь важнейший инструмент для «бичевания пороков», поэтому галерея отрицательных персонажей производит большее впечатление, чем скучные и невнятные изображения передовиков и героев. Привлекательна сама строгая классификация «уродов» и «уродливых явлений», естественно, критерии для подобной системы были заданы идеологией, но местный колорит оживляет ее и вносит немало забавных особенностей и неувязок. Художники заводской газеты могли проявить себя в полную силу, продемонстрировать важность своей работы и своеобразную власть над обывателем и бюрократией. Роль сатирических рисунков особо подчеркивает искусствовед Б. В. Павловский: «В графике свердловских художников 1930-х годов примечательно то, что ведущее место в ней занял оперативный газетный рисунок. <...> Художники не давали проходу самым, казалось бы, мелким недостаткам в быту. <...> Действенность карикатур... была необычайной: недостатки, отмеченные карандашом карикатуристов,

быстро исправлялись» [Павловский, с. 43–44]. Действительно, на заводе организовывались рейды «легкой кавалерии» (так их именовали рабкоры), во время которых выискивались недостатки и назывались виновные. Так, рабкор Бабаев сообщил: мастер механического цеха Цукерман, работая в третью смену, спал в конторе. Эта информация и оперативно созданная карикатура были немедленно опубликованы (ил. 15). Лентяй зеваает во весь рот, его сжатые кулаки и сморщенная физиономия убеждают читателей, что он презирает любой труд.

Действенность карикатур, которой так восхищался Б. Павловский, объясняется тем, что

публичной насмешкой наказание не ограничивалось, и провинившиеся подвергались различным взысканиям и репрессиям. Доставалось и руководителям, недостаточно тщательно контролировавшим своих подчиненных. В рубрике «По следам наших карикатур» публикуется информация о принятых мерах, о наказаниях за проступки и награждениях за проявленное усердие. Газетный художник становится частью карательной системы и четко следует указаниям свыше, регулярно отчитываясь за проделанную работу.

Лодыри, прогульщики, тунеядцы, бракоделы, болтуны, бездельники – мелкие «грешники», которых активно пропесочивали и над которыми можно было всласть поиздеваться (к следующей категории – вредителям и саботажникам – в газетной графике относятся строже и менее изобретательно). Они изображаются подчеркнуто условно и однотипно, об их провинностях сообщает прилагаемый текст. Вот рвач – огромная вывернутая голова, глаза-спирали да широко открытый рот, все это вкупе с протянутой вверх за парящим рублем рукой – ясный символ жадности (ил. 16). Но текст под незамысловатой карикатурой посвящен конкретному гражданину: «На досуге потомство займет вопрос – / Судили рвача. Какого такого? / В назиданье потомству во весь рост / Рисуем портрет Щербакова». Далее объясняется, что рвач «вкрадчивый, тихий, невзрачный на вид, / Поди, раскуси его!», и необходимо сделать самые строгие оргвыводы, ведь подобных Щербакову личностей множество: «В щелях заводились они, как клопы, / Там, где мы бдительность растеряли...» (1934, 18 сентября).

15. Лодырь.
Карикатура на
Цукермана. 1936.
14 марта

16. Рвач.
Карикатура на
Щербакова. 1934.
18 сент.

Рябов: «Что мне комвуз
я и так все знаю»

17. Зазнайство.
Карикатура на Рябова.
1934. 26 авг.

Поводом для публичной «порки» могла стать даже ненароком сказанная фраза, которую бдительные товарищи расценили как «проявление вредной тенденции». Член партии Рябов изображен карликом на томе с надписью «Высокие материи», он плюет на партийную учебу (ил. 20). Из текста заметки: «Рябов заявил: “Что мне ваш комвуз, я больше комвуза знаю, если хотите, я пойду и сразу сдам зачеты за 2-й курс”» (1934, 26 августа).

Подчеркнуто уродлив саботажник Лукиных, ковыряющий пальцем в огромном носу (ил. 21). Текст под карикатурой: «Тов. Лукиных – спокойный человек, / Нервная система работает на отлично. / Лежат чертежи в столе целый век, / А он спокоен... Ему безразлично...» (1934, 8 сентября).

Сатирики не обходят стороной и заводских руководителей. Начальник механического цеха № 1 обвинен в бесхозяйственности – по его распоряжению на свалку отправлено много ценных деталей, и рядом с разгромными статьями помещена «оригинальная» графическая композиция – гора из заводских инструментов и механизмов завершается фотографией обвиняемого. Подпись под «надгробным памятником» гласит: «От “благодарных” заказчиков угробленного оборудования... тов. Гусеву». В судьбе обвиненного в бесхозяйственности начальника этот «памятник» мог стать роковым. Чиновников вообще не жалуют, их регулярно обвиняют в волокитстве, бюрократизме и безыдейности. Под бдительным присмотром оказываются инженеры, конструкторы, изобретатели и контролеры ОТК, им ставят в вину нерасторопность, очковительство и отрыв от трудовых масс.

Особо достается расхитителям государственной собственности. Рядом со статьями под общим заголовком «Оградить продукты от расхитителей» (1934, 1 августа) представлена небольшая карикатура, на которой коротконогие человечки бегут из общественного здания, прихватив с собой поросенка, различные мешки и свертки. В текстах же называются конкретные фамилии бухгалтеров, агрономов и других работников заготовительных трестов, которых подозревают в воровстве. Правда, в заметке «Судить воров!» отмечено, что виновные еще не привлечены к ответственности, то есть вина их еще не доказана, но после газетной публикации это уже простая формальность, общественность требует:

18. Саботажник.
Карикатура на
Лукиных. 1934.
8 сент.

«Виновные в хищении социалистической собственности должны быть сурово наказаны!»

«Преодолевать нездоровые привычки»: забота о рядовых гражданах

В статьях заводской газеты регулярно подчеркивается забота партии и правительства о рядовых гражданах. Рабкоры демонстрируют суматошную неутомимость, описывая многочисленные бытовые проблемы работников Уралмаша и одноименного соцгорода. Руководство рапортует в газете о принятых мерах, рабочие комиссии проверяют и перепроверяют неприглядные факты, трудящиеся жалуются и требуют навести порядок. Но у рисунков под многочисленными статьями о жизненных проблемах людей своя логика и своя визуальная заостренность, демонстрирующая действительность совсем в ином ключе, нежели он представлен в газетных текстах.

Так, под письменным обращением трудящихся о проблемах очередей за продуктами (перебои с хлебом, людям приходится по многу часов стоять в очереди) представлена карикатура, которая, как ни странно, рисует в комичном свете самих пострадавших: фигуры непропорциональны, лица откровенно уродливы, поэтому люди, измученные безрезультатным стоянием за хлебом, напоминают мешочников-спекулянтов (как изображали их на карикатурах) и не вызывают особого сочувствия (ил. 19).

19. Очередь за хлебом.
1934. 28 авг.

С насмешкой представлена и проблема антисанитарии, в частности, обилие клопов и вшей в рабочих бараках. Огромное насекомое терзает вопящую жертву, которая комично размахивает подушкой и ботинком (ил. 20). Текст поясняет, что жильцы сами виноваты, так как «вместо того, чтобы регулярно раз в пятидневку шпарить клопов кипятком, Коршунов и его жена предпочитают на ночь обкладываться вонючими мокрыми тряпками. <...> Кто виноват, что квартира Коршунова грязная, что в ней клопы, нечистоты? Он сам и никто кроме» (1934, 8 сентября). В другой статье «Бабин – друг клопам» отмечается, что жилец барака Бабин «создает все условия для разведения» крово-

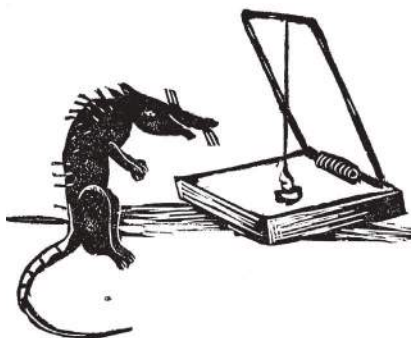
«Неравная»
борьба...

20. Борьба с клопами.
1934. 8 сент.

сосов (1934, 15 сентября). Возникает подозрение, что карикатуристу доставляет особое удовольствие изображать, как люди барахтаются в нечистотах, задыхаются от грязи и вони. В отдельных композициях появляется особая изощренность в демонстрации неприглядной действительности. Чего только стоит один натюрморт с подробным описанием: «Грязной калошей прикрыт борщ... Над плитой сушатся грязные тряпки... Вонь, мусор, копать!» (1934, 4 октября).

Наверное, тут нет преувеличения, в рабочих бараках, судя по правдивым высказываниям, жизнь была тяжелая, и грязи хватало, но стоит отметить четкую установку – люди сами виноваты в своих бедах, и все их претензии к руководству безосновательны.

Художники питают особую слабость к изображению насекомых: клопы, вши, тараканы и пауки встречаются в их рисунках с регулярной периодичностью, они буквально издеваются над трудящимися, терроризируя несчастных. Еще одна напасть – крысы: омерзительные

21. Борьба с крысами.
1934. 17 сент.

твари смеются над безуспешными попытками извести их с помощью примитивных мышеловок или зачитывают благодарственное письмо чиновникам «за чуткое отношение» к грызунам (ил. 21). Обилие подобной визуальной информации создает отталкивающее впечатление, хотя можно предположить, что черный юмор был призван показать населению, что все эти беды – ерунда, мелочи «реконструктивного периода», и относиться к ним стоит с улыбкой. Действительно,

на фоне «жуткой жизни» иностранных рабочих (подробно представленной в советских карикатурах) клопы и крысы не выглядят столь уж устрашающими.

Рисунок к статье «Крепкую любовь и заботу детям советской страны» представляет двоих детей: один изображен со спины, другой – на четвереньках с низко опущенной головой, детских лиц не видно, и особого интереса к судьбе юных граждан не возникает (ил. 22). Странный рисунок сопровождает статью «Детвора завода проводит каникулы», в котором приземистые фигуры застыли в неестественных позах. Можно догадаться, что детвора катается на санках с горки, но радости от детских забав не ощущается, да и само действие пронизано мрачной тяжестью, словно маленьких уралмашевцев принудили к непосильному труду (ил. 23).

Среди сатирических картинок на бытовые темы немало таких, в которых забавный момент возникает не благодаря юмористическому содержанию или гротескному рисунку, а за счет подписи. На одной карикатуре изображена витрина магазина с объявлениями «Получены

и полосатом галстуке. Рядом он же представлен в одной набедренной повязке, что по замыслу автора рисунка, вероятно, должно демонстрировать ущербность его личности (ил. 25). Композиция в целом оригинальна для газетных рисунков того времени (только в 1950-х гг. тема стилига станет популярной у сатириков) и гораздо интересней, нежели пресное описание «вульгарного поведения». В газетной заметке «Растет самодеятельность» отмечается: «Вот в коридоре клуба стоят несколько молодых парней и девочек. Они шутят, разговаривают, смеются. Но шутки их очень грубы, вульгарны. Парень, которого мы знаем по фамилии Ратнер, работает в сталльцехе, надел женское пальто и кривляется, остальные одобрительно смеются. Девчата в грубости не уступают парням. Они почти все с крашеными бровями, напудренные, одетые в модные, безвкусно сшитые платья. Сегодня в клубе с 10 часов вечера танцы, и эта молодежь с нетерпением дожидается начала, чтобы делать многозначительные па» (1935, 18 октября).

Юмористические рисунки (в которых никого не обвиняют и ни к чему не призывают) встречаются редко, но и они смотрятся в общем контексте как намек на обвинение и скрытый призыв. В качестве примера можно привести забавные композиции, посвященные вышедшей на широкий экран джаз-комедии «Веселые ребята»: «прошло два месяца», и героиня Любви Орловой с козой выглядит уже не столь жизнерадостно-беспечно рядом с заметками «Чистка партии» и информацией о суде над убийцами Кирова (1934, 28 декабря).

«Их отвратительные рожи налиты предательской кровью»: визуальный язык газетного стиля

Подчеркнутая грубоватость рисунков, заметная небрежность и корявость кажутся неслучайными, и можно даже говорить о некоем «советском газетном стиле», который предполагает подобный синтез изображения и печатного слова. Для газетной лексики 1930-х гг. грубость и цинизм по отношению к отдельным гражданам, а также вульгарность в описании конкретных событий не редкость. В период «большого террора» эмоциональная агрессия становится нормой: словосочетания «подлые последыши», «охвостья издыхающей антипартийной группировки», «скопища мрази», «мерзостная падаль» и т. п. бранные эпитеты кочуют из номера в номер, то исчезая на время, то вновь обрушиваясь на читателя. Невольно возникает чувство, что чем активнее идет борьба за чистоту рядов партии, тем более затхлым становится воздух, вонь от «нечистых» затрудняет дыхание, от всепроникающего смрада невозможно избавиться, тошнота становится привычным состоянием населения.

Газетный язык всегда был напичкан бюрократическими штампами, но в довоенное десятилетие замусоренность языка, невнятность и шероховатость текстов вряд ли можно объяснить только малогра-

мотностью журналистов и рабкоров. Возникает ощущение, что подобная корявость является нарочитой. Возможно, она была неосознанной формой самозащиты и следствием желания подстроиться под простонародный «бесхитростный» язык.

Подчеркнутой безграмотностью отличаются многочисленные письма трудящихся, в которых бюрократические штампы переплетаются с просторечными выражениями. Образчик такого стиля: «Ставя вопрос о контрреволюционной диверсионной организации и этой кучки наемников капитала, вредившей на нашем заводе, цеховые первичные комсомольские организации в ответ на вылазку бывшего комсомольца Пащевского, оказавшегося вредителем, ответили подъемом производственного энтузиазма» (1934, 27 июля). Не менее примечательный пример: «Презренные гады, лакеи кровавого бандита Троцкого, пойманы с поличным. Мерзавцы сидят на скамье подсудимых, их отвратительные рожи налиты предательской кровью» (1937, 29 января). Заданный градус ненависти необходимо было не только поддерживать, но и усиливать, развивать, что приводило порой к комическому перебору: «Да все они – от Троцкого до Арнольди – кровопийцы и вампиры. <...> Но не со всяким зверем их можно сравнивать, а только с самыми коварными, кровожадными и трусливыми зверями. <...> Будь прокляты они во веки веков!» (1937, 29 января). Отголоски привычного: «...и ныне, и присно, и во веки веков, аминь!» звучат странно на страницах коммунистической прессы, впрочем, в тот период была востребована самая причудливая эклектика.

Но если в текстах все сводилось к напыщенной тавтологии («кровавые кровопийцы и вампиры»), то в визуальном образе сумма повторений невозможна и любая карикатура обречена на двусмысленность, поэтому соревнование в агрессивности и грубой брани художники неизменно проигрывали. Вряд ли вообще графики прониклись газетным языком и пытались визуальным образом осмыслить его в своих рисунках. Тут, возможно, играла роль редакционная среда, как и в целом атмосфера «полиграфического фронта» с его бесцеремонностью, четкими указаниями и не терпящим возражений контролем. А если прибавить к этому вечный аврал, бюрократические и партийные проработки, то становится ясно, что в головах у художников было лишь желание быстро сдать работу и не получить взбучки.

Визуальные образы дольше сохраняются в памяти, нежели незримо переменчивые словесные описания и оценки. Поэтому оказалось невозможным изобразить разоблачение «матерого бандита» Авербаха, чей портрет еще сравнительно недавно украшал главную полосу газеты, и сделать карикатуру на ее редактора Елизарова: «Елизаров, будучи врид редактора “ЗТМ”, по указанию Авербаха зажимал критику и самокритику, покрывал врагов народа... и открывал в газете травлю против честных коммунистов» (1936, 29 июля). Остаются без иллюстраций материалы показательных процессов, обличение врагов народа и требования сурового приговора. В статьях сетуют, что

«вражеские дела на Уралмаше троцкистско-правых двурушников, изменников, вредителей и шпионов еще до конца не распутаны. Многие пособники, прихвостни и подхалимы врагов народа еще полностью не разоблачены и не привлечены к ответственности...», а мастера рисунка оказываются в стороне от столь животрепещущей темы, они не получают заказов на репортажные зарисовки или карикатуры, визуализация происходящего явно нежелательна. На это есть причины.

Рисунок «Митинг ненависти к врагам партии» был помещен на странице рядом с заголовками-призывами «Раздавить гадину!», «Расстрелять!», «Не может быть пощады!», «Выкорчевать без остатка!» (ил. 26). В черном прямоугольнике – белые линии, штрихи и пятна складываются в лица, головные уборы и складки одежды, но композиция настолько условна, что будь она вырвана из газетного поля, трудно было бы понять, что делают все эти люди – стоят ли они в очереди у магазина или ожидают автобуса. Подпись «На митинге в сталелитейном цехе слушают сообщение об обвинительном заключении по делу об убийстве тов. Кирова» снимает формальные вопросы, но не объясняет суть представленного сюжета. Толпа с белыми лицами-пятнами (белыми дырами вместо лиц) производит отталкивающее впечатление, уродливость фигур бросается в глаза, как и полная разобщенность людей, смотрящих в разные стороны. Контраст черного и белого усиливает зловещую атмосферу неясной, но неизбежной опасности. Возникает и ощущение фотонегатива, когда черное и белое меняются местами, как и понятия о справедливости, чести, добре и зле.

МИТИНГ НЕНАВИСТИ К ВРАГАМ ПАРТИИ

26. Митинг ненависти к врагам партии. 1934. 28 дек.

Основанная на подлинном наблюдении или на конкретной фотографии, выполненная явно поспешно, композиция кажется примитивной и невыразительной, но чувствуется в ней и общая нервозность, и в то же время растерянность. Так безымянный художник невольно правдиво передал атмосферу всеобщей подозрительности и агрессивности среды.

Несомненно, руководством были сделаны выводы, и подобные рисунки впредь не появятся. Напротив, в газетном оформлении 1936–1938 гг. все чаще встречаются ранее не востребованные декоративные композиции – венки, гирлянды, букеты цветов. Они отражают новую установку властей для «полиграфического фронта». Заметно больше стано-

вится развлекательной информации: рождение львят в Тифлисском зоопарке, бал-маскарад в клубе УЗТМ, рассказы о новинках отечественного кинопроизводства. Больше внимания уделяется спортивным мероприятиям, местным и всесоюзным. В газете появляется рубрика-страничка для детей «В часы досуга» и даже юмористические рисунки без политической или социальной подоплеки. Среди прочего газета сообщает, что рабочие механического цеха № 1 готовят оригинальный портрет Сталина: «Портрет будет натуральной величины и изготовлен из цветной стружки (бронза, латунь)» (1936, 26 апреля).

Экспрессивная грубоватость карикатур и гротескная ретушь уходят в прошлое. Фотографии воспроизводят более качественно, а любое вмешательство художника-корректора становится почти незаметным. В графических работах конца 1930-х гг. можно отметить иллюстративную дробность и оптимистическую приподнятость (ил. 27). Хотя и эта «чистенькая», прилизанная манера, быстро выродившаяся в манерность, о многом может поведать.

27. Спасибо Сталину
за счастливую жизнь!
1935. 5 сент.

Иррациональная неизбежность

«Столкновение с иррациональной силой, иррациональной неизбежностью, иррациональным ужасом резко изменило нашу психику. Многие из нас поверили в неизбежность, а другие – в целесообразность происходящего... Я утверждаю, что все мы, город в большей степени, чем деревня, находились в состоянии, близком к гипнотиче-

скому сну. Нам действительно внушили, что мы вошли в новую эру, и нам остается только подчиняться исторической необходимости, которая, кстати, совпадает с мечтами лучших людей и борцов за человеческое счастье», – писала впоследствии Надежда Мандельштам [Мандельштам, с. 82].

Силу этого внушения можно почувствовать и сегодня, погружившись в изучение прессы довоенного десятилетия. Держать читателя в постоянном напряжении, сбивать его с толку, подавлять, ошеломлять сообщениями (героическими или трагическими), делать его сопричастным к беспощадной борьбе за будущее – вот призвание и цель периодических изданий той эпохи. Газетные художники без рассуждений выполняли возложенные на них обязанности, поэтому не их вина, что в визуальной системе информации многое проявлялось спонтанно. Сама система графического оформления газеты – плакат с его условным языком и жадной экстремальной ситуацией, рисунок, ориентированный на натуру и бытовые реалии, карикатура с ее подчеркнута грубой «карательной функцией» – оказывается не только лишенной внутреннего единства, но и внутренне противоречивой. То, что основная масса читателей безоговорочно принимала любую визуальную информацию, усиливало парадоксальность ситуации. Плакатный язык, набивший оскомину, превращался в набор декоративных элементов, графический портрет – в невыразительную схему, а карикатура (которая была призвана разить наповал) – в примитивную комбинацию скучных приемов. Полное отсутствие индивидуальной позиции художника, его нравственной оценки, отход от авторской выразительности, иронии и самоиронии приводили к постепенному падению интереса к «газетным картинкам». Но удивительное дело: и скомпрометировавший себя визуальный язык при всей своей ущербности оказался все же более правдивым, чем газетный текст, поскольку он невольно раскрывал сам механизм манипуляции.

По мнению А. И. Морозова, художественное переживание времени в 1930-х гг. наиболее выразительно представлено в музыке Дмитрия Шостаковича: «Разумеется, не случайно мотивы марша претерпевают столь символические превращения в симфониях Шостаковича, где упругое радостное движение неумолимо срывается в фортиссимо “медленной части” оркестра. Не менее важно и то, что за этими ошеломляющими, поистине адскими кульминациями следуют фрагменты музыкального текста, которые пораженный слушатель воспринимает как “звучание тишины”, как дыхание неподвижности...» [Морозов, с. 181]. Это «звучание тишины» необычайно остро ощущается и в газетной графике 1930-х гг., как провинциальной, так и столичной, независимо от дарований конкретных художников и редакторов. Внешняя непосредственность, бойкость, динамика, экспрессия, агрессия рисунков соответствуют бурной жизнедеятельности страны Советов, стремительным преобразованиям, героическим свершениям и бравурным маршам эпохи, но в них же ощущаются и мертвенная застылость гипсовых исту-

канов, и повторяющийся с пугающей периодичностью «гипнотический сон». Именно это порождает впечатление тягостного безмолвия.

Несопоставимые по таланту с Шостаковичем газетные художники, безропотные ремесленники, поденщики, вынужденные халтурщики невольно отразили в своих «творениях» парадоксальность эпохи, громко заявлявшей о победе над временем и оказавшейся в духовном тупике безвременья.

Список литературы

Варшавский Л. П. Наша политическая карикатура. М. : Худож.-издат. акц. общ-во АХР, 1930. 112 с.

Волович В. М. Мастерская : Записки художника. М. : Кучково поле, 2008. 528 с.

Голубев А. В. Образ Европы в советской карикатуре 20–30-х годов // Тр. Ин-та рос. истории. Вып. 5 / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории ; отв. ред. А. Н. Сахаров. М. : Наука, 2005. С. 273–299.

Ефимов Б. Е. Основы понимания карикатуры. М. : Изд-во Акад. художеств СССР, 1961. 72 с.

Мазур Л. Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 160–178. DOI 10.15826/qr.2015.3.117.

Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М. : Книга, 1989. 478 с.

Морозов А. И. Конец утопии : Из истории искусства в СССР 1930-х годов. М. : Галарт, 1995. 224 с.

Павловский Б. В. Художники Свердловска. Л. : Художник РСФСР, 1960. 108 с.

Пешкова И. Репортаж из Манычского переулка, в котором представлена большая жизнь скульптора Каслея Николая Горского. Екатеринбург : журнал «Урал», 2008. 112 с.

Степанов Борис Африканович // Ханты-мансийский автономный округ – Югра [сайт] URL: http://www.arhivugra.admhmao.ru/wps/wcm/connect/Web+Content/hmao-departments/archive/world-war-archives/voina/memory/world-war-archives-vospominaniya-navarskoistaldy-borisovny-ob-ottze-stepanove-borise-afrikanoviche?presentationtemplate=Web+Content%2Fpt_print (mode of access: 12.09.2015).

Тугендхольд Я. А. Искусство Октябрьской эпохи. Л. : Academia, 1930. 198 с.

Тугендхольд Я. А. Гравюра и графика // Тугендхольд Я. А. Из истории западноевропейского, русского и советского искусства : избр. ст. и очерки. М. : Сов. художник, 1987. 320 с.

Успенский Б. А. Семиотика искусства. М. : Языки рус. культуры, 1995. 360 с.

References

Efimov, B. E. (1961). *Osnovy ponimaniya karikatury* [Bases of Understanding of a Caricature]. 72 p. Moscow, Izdatel'stvo Akademii hudozhestv SSSR.

Golubev, A. V. (2005). *Obraz Evropy' v sovetskoj karikature 20–30-h godov* [Image of Europe in the Soviet Caricature of the 20–30s]. In Saharov, A. N. (Ed.) *Trudy' Instituta rossijskoj istorii* (Vol. 5, pp. 273–299). Moscow, Nauka.

Mazur, L. *Vizualizatsiya istorii: novyy povorot v razvitiu istoricheskogo poznaniya* [Visualization of History: New Turn in Development of Historical Knowledge] // *Quaestio Rossica*. 2015. N 3. С. 160–178. DOI 10.15826/qr.2015.3.117v

Mandelstam, N. Ya. (1989). *Vospominaniya* [Memoirs]. 478 p. Moscow, Kniga.

Morozov, A. I. (1995). *Konec utopii. Iz istorii iskusstva v SSSR 1930-h godov* [End of a Utopia. From Art History in the USSR of the 1930s]. 224 p. Moscow, Galart.

Pavlovsky, B. V. (1960). *Hudozhniki Sverdlovsk* [Artists of Sverdlovsk]. 108 p. Leningrad, Hudozhnik RSFSR.

Peshkova, I. (2008). *Reportazh iz Manyichskogo pereulka, v kotorom predstavlena bolshaya zhizn skulptora Kasley Nikolaya Gorskogo* [The reporting from Manychsky Lane in which big life of the sculptor Kasley Nikolay Gorsky is presented]. Yekaterinburg: zhurnal «Ural», 2008. 112 s.

Tugendhold, Ya. A. (1930). *Iskusstvo Oktyabrskoj epohi* [Art of the October Era]. 198 p. Leningrad, Academia.

Tugendhold, Ya. A. (1987). Gravyura i grafika [Engraving and Graphics]. In Tugendhol'd, Ya. A. *Iz istorii zapadnoevropejskogo, russkogo i sovetskogo iskusstva. Izbranny'e stat'i i ocherki*. [From history of the West European, Russian and Soviet art. Chosen articles and sketches] 320 p. Moscow, Sovetskiy hudozhnik.

Uspensky, B. A. (1995). *Semiotika iskusstva* [Art Semiotics]. 360 p. Moscow, Yazy'ki russkoj kul'tury'.

Varshavsky, L. R. (1930). *Nasha politicheskaya karikatura* [Our Political Caricature]. 112 p. Moscow, Hudozhestvennoe izdat. Akc. o-vo AHR.

Volovich, V. M. (2008). *Masterskaya. Zapiski hudozhnika* [Workshop. Artist's Notes]. 528 p. Moscow, Kuchkovo pole.

The article was submitted on 10.06.2015

Евгений Павлович Алексеев,
кандидат искусствоведения,
Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург, Россия
ev-alex@yandex.ru

Evgeny Alekseyev, Dr.,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia
ev-alex@yandex.ru

DOI 10.15826/QR.2015.4.128
УДК 821.161.1-94+929(470)

Наталья Граматчикова
Лидия Енина

**КНИГА О ЛЮБВИ И ВЕРНОСТИ:
РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБРАЗА ОТЦА-КОММУНИСТА
В ВОСПОМИНАНИЯХ ДОЧЕРИ**

**Natalia Gramatchikova
Lydia Yenina**

**A BOOK OF LOVE AND DEVOTION: A COMMUNIST
FATHER'S IMAGE RECONSTRUCTION IN THE
DAUGHTER'S MEMOIRS**

The article is based on S. B. Navarskaya's documentary story *The Life of a Soviet Family between the 1930s and 1940s*. Stalda Borisovna Navarskaya (1932–2013) calls her narrative a *genealogy* as it combines seven autobiographies (including her own one and that of her husband). This previously unstudied text came to being because of the writer's need to tell her grandchildren and great-grandchildren about the hard and decent life of their ancestors and was published on the *Calameo* website shortly before the author of the genealogy deceased. The narration of S. B. Navarskaya, a famous Uralmash engineer and constructor, head of the constructor group for the designing and introduction of the *Malyutka* small-sized washing-machine only becomes possible and necessary at the time when the bitter lot of the family (exiles, arrests, deaths of starvation, etc.) may become public and perceived as other heroic texts.

The central figure of S. Navarskaya's family and personal history is her father, Boris Stepanov, and the chapter about him is subtitled *A Life of a Communist*. The article considers an intertwining of a number of discourses that are part of the autobiographic narrative of her father: they are excerpts of her father's diary and his poems chosen by Navarskaya, a number of documents of the epoch (letters, orders, statements, certificates, deeds, etc.), his daughter's frank and sharp language representing her father as a real communist, an ideal father and husband, and also concealed and more often than not unconscious means enabling Navarskaya to keep an idealized image of her own father. Among them is the tabooed reflection of well-known historical events, the interiorization of her father's view of events, etc. The article describes the cultural code of the text introduced into the family history and her daughter's narrative by Navarskaya's mother: the events are commented on by means of poetic quotations and contain allusions to literary works.

The author analyzes the combination of the writer's father's words about himself and people like him and the peculiarities of his transformation in the biographic narrative authored by his daughter. For Navarskaya the text about her father becomes one about herself too, and may be regarded as the work of an autobiographic memory that lasts as long as its owner's life. The contrast of two types of narrative – that of a father about himself and that of his daughter about him – turn out to be a powerful deconstructing mechanism of the text that tells more than the author initially meant. The text is complete compositionally, as it opens with a pathetic *overture* for a grave mourning where the possibility of a catharsis is inherently opposed to loyalty and is thus rejected for the sake of the father's memory as understood by the author of the *genealogy*.

Keywords: family history; communist; scenario; naive author; Berezovo; Kazym rebellion.

Статья написана на материале документальной повести С. Б. Наварской «Жизнь одной советской семьи в 30-е и 40-е годы 20 века». Стальда Борисовна Наварская (1932–2013) называет свое повествование «родословной», объединяя в нем семь биографических текстов (включая собственную автобиографию и автобиографию мужа). Этот текст, не исследованный ранее, появился благодаря ее желанию рассказать внукам и правнукам «о тяжелой и достойной жизни их предков» и был размещен на сайте *Calameo* незадолго до ухода из жизни автора «родословной». Повествование С. Б. Наварской, известного уралмашевского инженера-конструктора, главы конструкторской группы по разработке и внедрению малогабаритной стиральной машины «Малютка», становится возможным и необходимым в тот момент, когда горькая изнанка семейной истории (ссылки, аресты, смерти от голода и др.) может быть предана огласке и принята наравне с героическими страницами.

Центральной фигурой семейной и личной истории С. Наварской является ее отец Борис Степанов, глава о котором имеет подзаголовок «Жизнь коммуниста». В статье рассматривается переплетение нескольких дискурсов, содержащихся в биографическом нарративе об отце: это фрагменты отцовского дневника и его стихи, отобранные Наварской, документы эпохи (письма, приказы, заявления, справки, акты и др.), открытое публицистически-заостренное слово дочери, позиционирующей отца как «настоящего коммуниста», идеального отца и мужа, а также более скрытые, частью бессознательные техники, позволяющие самой Наварской сохранить идеализированное представление о собственном отце. К числу последних относятся табуирование рефлексии относительно известных исторических событий, интериоризация отцовского взгляда на события и др. Раскрывается «культурный код» текста, привнесенный в историю семьи и в нарратив дочери матерью Наварской: события комментируются стихотворными цитатами или содержат аллюзии литературных произведений.

В статье анализируется сочетание отцовского слова «о себе и себе подобных» и специфика его преобразования в биографическом нарративе, написанном дочерью. Текст повествования об отце становится у Наварской и рассказом о себе и может быть рассмотрен как результат работы авто-

биографической памяти, продолжающейся в течение всей жизни ее носителя. Соположение двух типов высказываний – отцовского слова о себе и дочернего слова о нем – оказывается мощным деконструирующим механизмом текста, рассказывающим больше, чем хотел сказать автор. Текст имеет завершенную композиционную структуру, разворачивающуюся от патетической «увертюры» к намогильному плачу, где возможность катарсиса оказывается внутренне противопоставленной верности, а потому отвергается ради памяти отца, как ее понимает автор «родословной».

Ключевые слова: семейная история, образ коммуниста, жизненный сценарий, наивный автор, Березово, Казымское восстание.

Книга биографических воспоминаний Стальды Борисовны Наварской (1932–2013) вызвана к жизни ее желанием передать внукам и правнукам историю своей семьи («одной советской семьи», как уточняет она в названии).

Главная фигура документально-биографического нарратива Наварской – ее отец Борис Африканович Степанов (1907–1942), повествование о котором занимает половину книги. Вторую половину «делят» биографии шести человек: матери Стальды, бабушки и деда по материнской линии, самой Стальды, тетки по отцу и мужа Стальды Юрия Наварского. Фигура отца имеет конструирующее значение для всего личного мира Наварской, хотя он погиб, когда ей было девять лет, и из них более двух лет отсутствовал, будучи под следствием, а позднее – на фронте. Все время отсутствия отца дома семью спасали женщины – мать и бабушка.

В главе, которую Наварская озаглавила «Жизнь коммуниста», звучат два голоса. Один принадлежит самому Борису Степанову (его составляют предоставленные Наварской эго-документы – избранные цитаты из отцовского дневника, фотографии, его стихи и рисунки, списки прочитанной литературы, письма, записки, заявления, приказы и др.), другой – его дочери Стальде. Анализ взаимодействий этих двух нарративов в конструировании образа «идеального коммуниста» и будет составлять нашу задачу.

Особенности композиции: от «увертюры» к плачу

Биографический текст Наварской об отце выстроен хронологически, части композиции – это «главы семейной биографии», выстроенные в соответствии со сменой места жительства, что глубоко типично для советского дискурса. Она выделяет три периода отцовской биографии: начало карьеры и «конструирования себя» (Тюмень), вершина карьерной лестницы (должность секретаря Березовского районного комитета ВКП(б)) и «падение» (арест, следствие, гибель на фронте). Драматургия отцовской судьбы у Стальды Наварской во многом от-

Б. А. Степанов. 1931

ражает драматургию эпохи с ее счастливыми и трагическими случайностями: отец – выходец из крестьянской среды, выдвигенец, активно делающий карьеру «по партийной линии», счастливо женатый, арестованный по доносу, освобожденный после следствия и пыток, подвергнутый остракизму со стороны партии, ушедший добровольцем на фронт и погибший в Ленинграде.

Глава об отце открывается своеобразной «увертюрой», где задается основная интонация повествования. Отец для Наварской – основание родительской семьи, идеал мужчины, отца и мужа («Папа – это воплощение мужественной красоты, верности, честности, надежности

и любви!» [Наварская, с. 4]¹⁹; жизнь с ним – возвращение в рай детства («Папа – это освобождение от забот, горя, голода, маминых слез и надежда на возвращение к беззаботной, мирной и счастливой жизни!» (с. 4)), утрата отца – утрата счастья, происходящая дважды: сначала арест и полтора года тюрьмы, потом гибель на войне через девять месяцев после мобилизации. Рассказ об отце имеет завершенную рефреном структуру, где Наварская дважды – в начале и в конце текста – говорит о магической притягательности отцовского имени: «...Всю жизнь для меня это имя звучит как *мучительно-сладкая музыка*» (выделения в цитатах здесь и далее наши. – Л. Е., Н. Г.) (там же). Биография отца у Наварской становится рассказом о главной в ее жизни любви. Ее подзаголовок – «Жизнь коммуниста» – помещает образ семейной истории в широкий исторический контекст, задавая масштаб изображения отца как фигуры типической, характерной для 1930–1940-х гг., и продолжая заданную заглавием всей книги обобщающую тенденцию (семейная история типологизируется у Наварской маркером «одной советской семьи»). Стальда Наварская видит отца глазами дочери-жены-матери с доминирующей женской позицией. Такого же эмоционального накала, как в начале, текст Наварской достигнет только в финале при описании посещения ею отцовской могилы на Пискаревском кладбище, куда она впервые смогла приехать в 1958 г. Все, что предшествует этому событию – долгая дорога с пересадками, навязчивые воспоминания о матери и ее недавней смерти, мысли о любви родителей и горе – передано у Наварской тем языком физиологии аффектов, на котором в европейской литературе первой о чувствах заговорила Сапфо. «Нервная дрожь», «свинцовая тяжесть в душе», «неудержимое стремление к могиле

¹⁹ Далее цитаты из повести С. Б. Наварской даются по этому изданию в круглых скобках с указанием страниц.

отца», «маниакальный порыв» – напряжение, доходящее до аффекта, разрешается у Стальды Наварской в рыданиях на могиле отца. Определяющим для нее становится глагол «пала», в котором она находит полное соответствие своим чувствам, соотнося свое поведение с тем, как, ей казалось, вели себя настоящие русские бабы:

Длинные бугры, заросшие засохшими сохряками, и никого кругом, только низкое тоскливое небо. Я с каким-то облегчением пала, именно пала (хорошее русское слово) на первый же из бесконечных холмов и не из горла, а из груди, из сердца вырвался громкий вопль (выделено С. Наварской. – Н. Г.). Я не осознавала свое поведение, просто в эту минуту проявилась моя русская бабья генетика и заставила меня обнимать эту сырую промерзшую землю и выть, как раненый зверь. Наверное, и мертвым, и живым необходимо такое бурное выражение горя. Оно снимает накопившуюся мучительную боль и облегчает душу (с. 72).

Именно на кладбище находит свое завершение роман Стальды Наварской с отцом, который был в этот момент оплакан ею и как отец, и как муж, и как сын от имени всех поколений женщин ее семьи.

Далее рассказ С. Б. Наварской о каждом из этапов жизни отца предвзятая большой цитатой из дневников самого Бориса Степанова.

Дневник Бориса Степанова

Тюмень: «Хотел встретить волков, твердо веря в револьвер и нож»

Первые фрагменты дневника Степанова датируются январем 1933 г., когда он как ответственный секретарь Тюменского горсовета объезжал с партийным инструктажом райкомы, контролируя план хлебозаготовок в Тюменской области. По складу характера это был боец и спринтер («был стремителен и горяч» (с. 11)). В семейной истории работоспособность отца и его жажда жизни объясняются предчувствием ранней смерти:

Мама говорила, что он, видимо, чувствовал, что ему предстоит короткая жизнь, и торопился сделать как можно больше полезных дел, экономя время на сне, отдыхе и даже еде (с. 11).

Самый выразительный в языковом отношении фрагмент дневника 1933 г. посвящен 10-дневной инспекционной поездке. В том варианте описания поездки, какой публикует Наварская, отцом подсчитаны пройденные километры, перечислены населенные пункты, но нет ни одной образной зарисовки тех, с кем общался Борис Степанов, не описано ни одного реального разговора. Все пространство общения с людьми заполнено бюрократическим, «не-своим» словом:

Руководители хозяйств довольны инструктажом, жалуются, что к ним по этой работе до сих пор никто не приезжал. С моими выводами согласились. Поездкой и своей работой остался доволен, познакомился с хорошими коммунистами. Несколько партийных руководителей за их бездеятельность рекомендовал к снятию (с. 17).

«Собственный» язык у Бориса Степанова появляется в описании ночного бега за санями (бежал, чтобы не отморозить ноги), когда «очень светлой ночью с режущим холодом» «по твердой дороге мои пимы стучали, как железные» (с. 16). Его пытаются остановить («по дорогам много волков, и сама дорога плохая»).

...Но едва ли что-нибудь могло остановить меня. Я отказался. Переобулся. Перевернул стельки и сухим концом перемотал мокрые портянки. Но ноги все равно не согрел. Загнал в свой браунинг восемь патронов, прицепил к боку финку и поехал. *Хотел встретить волков, твердо веря в револьвер и нож.* Меня подмывало любопытство. Тщетно мы с ящиком озирались по сторонам, но никакой четвероногий дурак не вышел навстречу (Там же).

В нарративе коммуниста-инспектора «волчья» (=«разбойничья») семантика переходит и на действия самого проверяющего: стремительное появление ночью, из «режущего холода», проверка руководителей и дальнейший бег без возможности поменять одежду, почти без сна. Холод и голод даже усиливают азарт: «Полуторасуточная голодовка укрепляет пищеварение» (Там же). Ассоциативный ряд может быть продолжен вплоть до известных выражений «волка ноги кормят» и «медвежий угол». Степанов олицетворяет собой ступок энергии и воли, который движется вперед, когда «пимы отказываются, деньги – тоже». Однако результат «инспекционного набега» выражен на удивление бюрократическим языком, а драматические коллизии скорее угадываются, нежели прочувствованы автором:

Хлеба, готового к отправке, накопилось более ста тонн, и дальнейшая его задержка является преступлением. На расторопность директора рассчитывать не приходится. Его как проявляющего оппортунизм уже вывели из состава бюро Исетского райкома партии (Там же).

Высокая уверенность в себе коммуниста Степанова не предполагает рефлексии о «рекомендованных к снятию». Явно, телесно, он борется прежде всего со стихийными и природными силами – холодом, бураном, расстоянием, временем (которое нужно тратить на сон и еду), голодом, вшами, волками. Он ищет врага и сопротивляющуюся среду даже там, где можно было бы избежать противостояния и агона (как нападения волков ночью). Природа – активный участник противостояния, косвенно влияющий и на поведение инспектируемых:

«Буря портит дорогу, разжижает мозги руководителей» (с. 17). Тем интереснее, что руководители хозяйств оказываются как бы вне этой борьбы: они «жалуются», «соглашаются», «просят», «проявляют оппортунизм», поэтому агональность Степанова фактически не затрагивает, и он не вносит «ничего личного» в их отношения.

Село Березово: «Я полюбил эту могилу»

Получив должность секретаря райкома партии в Березове, отправившись в «горячую точку», где «трудно и опасно» (с. 18), Борис Степанов открывает «звездную страницу» своей карьеры. В эти годы (1934–1937) Борис упорно занимается «строительством себя». Для самообразования он использует разные источники: Наварская сканирует страницы дневника со списками прочитанных книг, ее отцом подсчитаны пройденные километры, описаны модели самолетов, на которых он летал, и др. С ними соседствуют рисунки оружия и портреты вождей. Принцип каталогизации, своеобразного бухгалтерского подсчета в сочетании с энциклопедичностью в ее схоластическом варианте фиксирует наполнение культурного багажа Бориса Степанова, его искреннюю тягу к всестороннему освоению мира. Новые модели поведения нередко строятся по литературным образцам, при этом новые сценарии соседствуют с более привычными, маркируя воспитание в себе самом «нового человека». Запись 1933 г.: «Постоянное пребывание на улице разжигает во мне желание согреться водкой. Но пока это желание так желанием и остается» (с. 16); запись 1934 года: «...Купил газет, а остальное время слонялся по палубе. Купить бы водки да сидеть в каюте и попивать. Но почему-то не хочется» (там же)). Поиски новых поведенческих моделей могут быть инициированы окружением. Так, страстная влюбленность в Нину Попову (его будущую жену) вызывает в дневнике поток любовных образов литературного генезиса, где он примеряет к своим отношениям с Ниной роли Гайаваты и «Зомбарды милой», «холодного создателя», «матери дочери моей», сравнивая свою служебную машину с пирогой, их жилище – с вигвамом и др. (с. 12). Язык литературных образов – это культурный код, свойственный прежде всего Нине, и лирика Б. Степанова есть в значительной степени способ демонстрации его освоения. Для него умение читать равнозначно умению писать (стихи либо прозу), что свидетельствует и о его авторской наивности, и о степени уверенности в себе. При этом внутренняя жизнь мыслится им, очевидно, как пространство, заполненное «культурным», понимаемым как реально бывшее, типовое и клишированное. Из записей 1933 г.: «В один из моментов раздумья мне пришла мысль написать какой-либо рассказ о себе или о себе подобных» (с. 16).

Жизнь на Севере для Бориса Степанова – время раздумий. Семейное счастье резко контрастирует с драматическими обстоятельствами, сопровождающими его назначение в село Березово (до 1926 г. – город), известное по ссылке в него А. Меншикова и А. Долгорукова, находящееся, по северным меркам, в непосредственной близости от озера

Нумто, где в декабре 1933 г. произошли трагические события, вошедшие в историю как Казымский мятеж. Для Бориса Степанова произошедшее восстание – не результат трагической глухоты новой власти к культурным особенностям коренного населения этих мест, но подлое и вероломное убийство семерых коммунистов, вызывающее об отмщении. *Тема мести* входит в его стихи и закрепляется в домашнем быту именем лайки Нумто. Особо тяжелое впечатление на Б. Степанова производит поведение некоторых районных коммунистов, прямо обвиняемых им в трусости. В дневнике он многократно называет их фамилии, и Стальда указывает этих людей на photographиях из отцовского архива. Вообще количество сохраненных в семейном архиве (и Бориса Степанова, и Сталды) имен с «негативной историей» принципиально доминирует над именами «хороших людей» и даже именами «хороших коммунистов». Вслед за «трусом и предателем» семерых убитых коммунистов эго-документы архива перечисляют фамилии тех, по чьей воле и доносам, по мнению Степановых, оказывается под следствием сам Борис, а также тех, кто оставляет без ответа его письма и заявления.

Раздумья о судьбе погибших и примеривание к себе той же участи выражаются у Бориса Степанова в ночных посещениях места их погребения:

По ночам часто хожу на могилу «семи», смотрю на нее, а мысль забегает далеко-далеко, туда, в Казым, на озеро Нумто, где они нашли свой конец. ...Я полюбил эту могилу, она будет вдохновлять меня, когда я устану... (с. 19).

Чувство тревоги в его агональной картине мира находит выход в ненависти к трусам-предателям и к навязываемой ситуацией жизненной стратегии:

Я также готов, как и они, работать и умереть, но *не как теленок* отдать свою жизнь! В этом я учту их ошибку. Но я им, *умершим без сопротивления*, клянусь! ...Идейное и огнестрельное оружие надо держать готовым (с. 19).

«Животный страх», в котором Степанов обвиняет трусивших партийцев (особый стыд вызывает то, что хоронили погибших спецпереселенцы, а не соратники), выражается и в предельной эмоциональности записей 1934 г., и во вновь возникшей «волчьей» образности (в противовес «телячьей» жертвенности): «Сквозь зубы, нутром выпирается классовая месть!» (там же).

Обращение на этих страницах дневника к жене («Нинка! Я тебя этим предупреждаю, что и впредь в опасностях и трудностях я буду первым и этого места никому не уступлю» (с. 11)) ставит вопрос о согласованности сценариев преждевременной смерти и семейного

счастья. В ситуации завещания фраза «я тебя предупреждаю» звучит скорее как угроза, очевидно, потому, что возможность ранней смерти уже осмыслена адресантом. Семейное счастье мыслится возможным только как вторичное по отношению к работе, готовность к смерти становится «простой и страшной истиной», с которой надо «ужиться», так как, «может, с Севера придется возвращаться только одному из нас» (с. 37). Растущая устремленность к последней схватке парадоксальным образом сочетается с отсутствием каких-либо профессиональных коллизий в дневнике (сама Наварская описывает отцовскую работу как поездки в остояцкие стойбища с «повседневной активной агитацией за Советскую власть»). Несмотря на удлиняющиеся списки книг и увеличение количества километров, смерть рядом, она обнаруживает себя в *обостренном ощущении хода времени*, связанном для Бориса Степанова с особым чувством ответственности на занимаемой им должности, что вызывает невольное любование собой, которое он стремится скрыть под нарочитой грубостью:

Смотрю на свою физиономию. От роду 27 лет, а уже как сорокалетний. Суровость поста губит молодость тела. Мой пост обычно занят людьми на десятка два старше. Вчера исполнилось мне 27 лет. Молодо и старо. Молодо по годам, старо по работе. Мне дают 30–32 года. По роже похоже (Там же).

Напрашивается вопрос о целях и результатах работы, проделываемой столь дорогой ценой, тем более что Борис Степанов жаждет результатов «каждый день, каждый час» – «на Севере это возможно» (Там же). Персонаж дневника Степанова живет на износ на предельно суженном временном горизонте. Глубина изучения им прошлого района – не более пяти лет (с. 36), будущее же «сказочной территории» для Степанова описывается формулируемым им планом. В плане – с помощью рычагов управления (связь, «жилищное и культурное строительство», куда входят «туземный дом» и клуб, «куда бы могли приезжать туземцы, учиться чистоте, гигиене, культуре») и ресурсов (людей «надо таких, которые могут работать самостоятельно») «преодолеть дикость» района. Чаемый результат преобразований в дневнике вновь выражен бюрократическим языком:

Разрешив указанные три вопроса, я беру на себя смелость заявить, что район мы перевернем и выведем в образцовые по области. Так я ставлю лично перед собой. Так буду работать (с. 37).

В каком-то смысле следование Бориса Степанова идее, заложенной во фразе «И как один умрем в борьбе за это» ошеломляет «до словным» воспроизведением заключенного в ней смысла в его судьбе, с непроясненным для него самого «этим», за которое он борется и готов умереть. В публикуемых фрагментах дневника нет никаких

упоминаний о конкретных изменениях реальной жизни, которые бы секретарь Березовского райкома хотел оставить после себя. Возникает зловещее соседство бюрократической «борьбы за показатели» с ограниченным горизонтом планирования и ежедневными мыслями о смерти, к которым Борису приходится приучать себя. В дневнике он останавливает размышления на тезисе, «что мы вечно жить не можем», поэтому «надо быть безразличным к форме смерти и времени ее» (с. 38). Жизнь покажет обратное: в Советском Союзе время и обстоятельства смерти родителя радикальным образом определяли будущее семьи. Дочь Стальда опровергнет умозаключение отца, сравнивая свою печальную судьбу как дочери погибшего на фронте с худшей участью дочери «врага народа», умершего в тюрьме:

Страшно подумать, что было бы с нами, если бы он остался в тюрьме во время войны: не было бы даже мизерной пенсии мне как дочери погибшего на фронте. Пенсия была 217 рублей, в то время как булка хлеба стоила на рынке 400–500 рублей. Не было бы редко-редко, но все-таки выдаваемых бирок на дополнительные продукты и обувь (с. 61).

Арест и тюрьма: «Жизнь под уклон пошла...»

Не «дикость Севера» становится причиной крушения карьеры и семейного счастья. Арест Бориса Степанова в октябре 1936 г. происходит по доносу одного из «друзей-партийцев». Вообще энергия сопротивления негативным обстоятельствам в полной мере была свойственна обоим родителям Наварской. Так, отец болезненно воспринимал известия об арестах друзей и написал не меньше десятка писем Сталину. Мать, по словам Стальды, была в ужасе от его попыток (не прекратившихся и после освобождения из тюрьмы) и даже пыталась рвать и выбрасывать письма. Борис Степанов буквально переживает *драму депривации*, ощущая себя *преданным сыном партии*, лишенным ее любви и благосклонности (с. 38). В сохранившемся черновике письма соседствуют уверения в любви и прямые обвинения и упреки вождю:

Мы знамя партии... И я люблю тебя. ...Все говорят, что ты был прав всюду. Я же хочу сказать, что ты был и виноват. ...Я у тебя учился принципиальности. Она не только обеспечивает правильность решений вопроса, но и является главным основным положением в жизни каждого человека. Я не хочу быть моральным и политическим уродом перед людьми и собой (с. 39).

Активное «ты» в переписке принято Степановым как знак единства и равенства всех «настоящих коммунистов»; вместе с тем, оно не позволяет считать Бориса Степанова жертвой системы, а утверждает его сотворчество собственной судьбе. Сочетание несомненной активности его как деятеля и одновременно высокой зависимости от

штампов и стереотипов эпохи придает не только живость и многомерность образу отца у Наварской, но и дает возможность его интерпретации в парадигме «святости» и «юродства», что частично и осуществляется дочерью.

Первоначально условия его содержания были сносны (в камере – шахматы, учебник немецкого, стихи и новые книги). Это время обостренной рефлексии – единственное в своем роде в дневнике. Сомнения как таковые переживаются Борисом Степановым крайне болезненно, воспринимаясь как симптом умирания. В его стихах этого периода раздвоенность, «борьба в себе самом» ощущаются как мучительное нарастание смерти в себе, еще живом и полном сил. Усилия мужа, направленные на доказательство собственной невиновности, поддерживает на воле жена, которую здесь впервые в дневнике Борис называет Ниночкой, предостерегая, как и сокамерников, от негодования как «проявления индивидуализма и отшельничества». Однако самые горячие лирические строки его обращены к партии и к Сталину: это и «бессловесные песни о социализме», куда вкладываются все чувства, призывания, призыв, гордость, радость» (с. 46), и лирика:

Ты поверишь мне, партия, снова,
Сын я верный тебе, а не враг,
За пазуху камень не ложил,
Жизнь и сердце тебе я отдал!
(с. 50).

Рассказывая об этом периоде отцовской жизни, Наварская занимает материнскую позицию, понимая всю наивность отцовских надежд и тщетность усилий, но принимая и любя его таким, каким он был. Лирику отца она никогда не комментирует.

После этапирования из Березова условия содержания изменились разительно: начались многодневные допросы без сна, сопровождавшиеся издевательствами и пытками (отметим, что тема «фашистских зверств» в отделах ОГПУ и НКВД прямо озвучена в письмах Нины Степановой уже в 1938 г.). Чувство опасности рождает у Степанова потребность в концентрации усилий, но точка приложения их вновь оказывается иллюзорной: он готовился к суду, а его не было, вместо этого он под пытками подписал протоколы допросов, содержащих самооговор и клевету на других партийцев. Несмотря на последовавший затем его отказ от показаний, вероятно, донос был пущен в дело.

Весь контекст документов, относящихся к этому периоду жизни Бориса Степанова, производит гнетущее впечатление. И дело даже не столько в методах ведения следствия, о которых известно и по другим источникам, но в ощущении атмосферы тотального взаимного недоверия и неприязни. Так, позже Степановы в заявлениях опишут «действия работников Березовского РК ВКП(б) и следователей по отношению ко мне и моей семье за время моего ареста», назовут фамилии

следователей и милиционеров и «методы их работы», укажут на заинтересованность доносчика (секретаря РК ВЛКСМ) в получении квартиры Степановых и, следовательно, в выселении семьи, которое последовало сразу за арестом (с. 53–54). Но и сам Борис Степанов не остается в долгу, активно участвует в процессе разоблачения и до, и после тюрьмы, сообщая, например, что его недруг, начальник РК ВКП(б) Сполохов, «в прошлом белогвардеец» (с. 53).

Последние два года жизни Бориса Степанова подтверждают трактовку его поведения Наварской как «надлома», однако это было связано не столько с чувством вины, сколько с невозможностью вернуться к партийной работе. Разрешением этой ситуации для Бориса Степанова стала война.

Свердловск: «неполноценный коммунист»

Борису Степанову повезло: он вышел на свободу («за прекращением дела»), восстановился в партии, но на «передовую идеологической борьбы» и на Север путь был закрыт. Степанов активно протестует против клейма «неполноценного коммуниста», которое, по его ощущению, наложено на него, он чувствует, что обречен носить «до гроба, как позорное пятно» «исключение и арест, пережитые... по воле некоторых людей» (заявление на имя Маленкова от 27 июля 1939 г.) (с. 60); вновь актуализируется тема возраста («неужели я уже негодный человек, когда мне только 32 года» (там же)). Борис предпринимает многократные попытки вернуться на Север, прописывая мотивировочную часть и сохраняя прежние приоритеты «работа – семья» («имею семью» – «могу ехать один»)*. Однако Север был закрыт для него, а в Тюмени оставаться было сложно, приходилось заново все переживать, «встречаясь с людьми, которые его предали, а некоторые и пытали». В результате семья Степановых переезжает в Свердловск, где надежды на получение высшего образования не оправдываются, и Борису удается устроиться только слесарем на Уралмашзавод. В первые же дни войны он уходит добровольцем (политруком) на фронт. Вероятно, Стальда Наварская во многом права, когда оценивает начало войны для отца как «избавление от мучительных дум». Враг был очевиден, и все накопившееся отчаяние отец перенес на него. Здесь он вплотную подошел к смерти и, получив за полгода семь ранений, погиб при бомбежке в ленинградском военном госпитале (с. 68). После гибели отца в жизни Степановых начинается новый драматически-тяжелый период жизни.

---

* Вот характерный текст заявления в ЦК ВКП(б) от 14.12.1939 (копия – в Главное управление Северного морского пути): «Мотивирую заявление следующим: 1. Знаю Север. За 3 с половиной года привык к его условиям и люблю их. 2. То, что я был увезен с Севера этапом, под штыком, от работы, которую любил и которой отдавал все, что мог отдать сильный человек, связало меня с Севером, и я обязан вернуться туда. 3. До сих пор справлялся со всеми работами, которые мне поручала партия. Если нужно испытание как бывшему “тюремщику” – могу работать грузчиком в Березово или Игарке. Имею семью: жену и дочь 7 лет. Могу ехать один» (с. 63).

Образ отца: практика реконструкции

Биография отца у Наварской, во-первых, мыслится как *типологи-зирующая* (о чем говорит и подзаголовок «Жизнь коммуниста»), а во-вторых, она открыто публицистична, предельно эмоциональна и наполнена чувством восхищения, преданности и любви. Преклонение перед личностью и биографией отца в соединении с горечью утраты являются основными установками повествования. Поколению первых коммунистов С. Наварская приписывает самые чистые помыслы и патриотические деяния. Она многократно сравнивает отца и все поколение «первых настоящих коммунистов» с «современными чиновниками», у которых «и комфортабельные иномарки, и штат верных прислужников, и бани с девочками, и банкеты с обильными возлияниями, и разнообразные взятки. Честность, порядочность у всех начальников от мала до велика нынче не в моде!» (с. 17). Идеализация образа отца логически приводит к тому, что те, чей жизненный путь был менее драматичным, оказываются недостойными ее признания и уважения: «В горниле 30-х годов, во время кровавой битвы с фашизмом, практически все настоящие коммунисты погибли, и на смену им пришли отсидевшиеся в тылу мелкие душонки» (Там же).

Наварская активно использует *практику умолчаний* либо *коррекции нежелательных* для нее *деталей*, то есть находится в позиции активного *редактирования* части сохраненных документов. Об умолчаниях свидетельствуют избранные страницы дневника, а также лакуны в описании биографий других родственников. Впрочем, возможно, тексты Наварской создавались в разное время, и их неточность и несогласованность есть родовое свойство мемуаров. К примеру, она дважды цитирует фрагменты отцовского дневника, посвященные отказу от алкогольных напитков, и отмечает, что «не помнит, чтобы на столе было спиртное» в Березове, однако в рассказе о дне начала Великой Отечественной войны без каких-либо дополнительных комментариев упоминает, что была одна, так как «отец с мамой ушли в киоск за пивом» (с. 65). В данном случае, разумеется, речь идет об используемых автором техниках педалирования положительных качеств и затушевывания нежелательных, применяемых Наварской-нарратором, а не о том, употреблял ли ее отец спиртное.

Однако в биографии Бориса Степанова есть ряд эпизодов, где коррекция означала бы переосмысление всей роли партии, а значит, и отцовской в происходивших событиях. В таких случаях Стальда Наварская как бы «блокирует» *рефлексию*, оставаясь верной *своей детской памяти и ее вечно длящемуся настоящему*, передавая отцовский взгляд на события как собственный. В этом случае для нее «вчера» и «сегодня» совпадают полностью, они сливаются в некоем мифологическом вневременном локусе. Особенно ярко это видно в трактовке

Казымского мятежа. Ее характеристика событий, произошедших на озере Нумто в 1934 г., безусловно, соответствует отцовскому восприятию (мать и двухлетняя дочь ничего не знали о трагедии до своего приезда в Березово). Между тем, неоднозначность ситуации вполне явственна из текста самой Наварской:

Когда мы в марте прибыли в Березов, повстанцы были подавлены и рассеяны по тундре. Но опасность еще присутствовала. С запада, из Коми-Пермяцкого округа восставшим могли оказать помощь *многочисленные репрессированные и раскулаченные, сосланные в лагеря*. Обстановка готова была взорваться в любой момент! (с. 20).

Изменения в отношении к «раскулаченным и репрессированным», доступность более полной информации о событиях тех лет здесь явно игнорируются дочерью «истинного коммуниста».

Более сложные техники в повествовании Наварской возникают тогда, когда взаимодействуют и чередуются два основных для нее «культурных кода» – отцовский и материнский. Как мы уже видели, нарратив отца состоит в значительной мере из идеологических и бюрократических клише эпохи. Для матери первостепенное значение имеют герои и сюжеты литературных произведений (Нина Попова была художественно и артистически одарена, заведовала библиотекой, ее жизнеописание снабжено ее рисунками, в которых виден острый взгляд сатирика). Спор между отцовской и материнской стратегиями впервые ярко проявляется в ситуации имянаречения дочери.

Мама предлагала заморские имена, вычитанные из мировой классики: Ия, Берта, Дора и др. У отца был совсем другой подход к выбору имени. В это удивительное время множество детей наградили именами Революция, Трактор, Вилена (Владимир Ленин), Станислав и др. Отец нашел имя, которое, по его словам, «носит в себе художественность, результат борьбы всех нас на сегодня и цель на завтра. Это имя СТАЛЬДА!» (с. 15).

Несколько экзальтированная благодарность дочери («Спасибо тебе, папа, за звучное и необыкновенное имя! Оно всю жизнь обязывало меня носить его достойно!» (с. 15)) носит оттенок вызова. Это подтверждение уже принесенной клятвы в верности отцу и его идеалам, руководствуясь которыми, тот выбирал имя. О его точной расшифровке мы можем только догадываться. Здесь интонация Наварской заставляет вспомнить другую клятву в верности – цветаевские строки «Я с вызовом ношу его кольцо!», посвященные С. Э. (Сергею Эфрону). Это стихотворение никак не актуализировано в тексте Наварской, хотя в повествовании о бабушке, например, она прямо обращается к одноименному тексту Цветаевой. У Наварской присутствует похожий комплекс мотивов: верность тому, от кого соблазнительно отречься, апелляция к вечному в противовес «бумажному» и временному;

любование внешностью, роковой характер гибельной эпохи, «стансы» и «плаха», на которую обречен подобный человеческий типаж. В книге обнаруживается и еще одна любопытная перекличка с людьми из «лебединой стаи»: оказавшись в тюрьме, Борис Степанов просит жену принести ему «Иллиаду» (так!) (с. 38). Вполне возможно, это просто следующий текст в «списке книг для самообразования». Но выбор знаковый, ведь в его ситуации каждая книга могла стать последней. Как известно, ранее «Илиада» в тюрьме стала завершающим штрихом биографии и личного мифотворчества Н. Гумилева, который не расставался с этой поэмой всю жизнь и тоже погиб в 35 лет. Перекличка двух разных судеб здесь не вполне случайна, как не случайна тяга к эпическому батальному полотну у двух этих людей – борцов по натуре, принадлежавших к разным политическим и социальным лагерям. Через поколение после офицеров «белой гвардии» очередь читать «Иллиаду» в тюрьме пришла к их противникам.

Наибольшее влияние на характер репрезентации образа отца в повествовании Наварской оказал кинематограф. И внешне, и по характеру отца более всего ей напоминает главный персонаж фильма Ю. Райзмана «Коммунист» (1958). Образ, созданный Евгением Урбанским, был по-своему новаторским и принес актеру всенародную славу и любовь. Неудивительно, что при определенном внешнем сходстве и принадлежности к одному поколению «первых», «настоящих» коммунистов персонаж фильма частично скорректировал детскую память Наварской, которая нередко прямо объединяет героя фильма с отцом: «Такие личности, как герой Урбанского и мой отец, ушли из жизни, потому что они были бойцами, не щадили себя и отдали свои жизни ради счастливого будущего своего народа» (с. 17). Кроме того, фильм вышел на экраны, когда Стальде было 26 лет, и она увидела «своего отца» почти как ровесника (в ее воспоминаниях этот аспект отношений явственно выражен).

Влияние фигуры Е. Урбанского на курс воспоминаний об отце глубже и многограннее, чем кажется на первый взгляд. Евгений Урбанский (1931 г. р.) – человек одного поколения со Стальдой и схожей с ней судьбы: его отец, «настоящий коммунист», как называл его Евгений, также был репрессирован и потом выпущен на свободу, но умер рано (как отец Стальды) от рака (как мать Наварской) (ил. 2). Таким образом, и в актере, и в персонаже Урбанского Наварская могла видеть близкого ей по духу и времени, а также очень привлекательно внешне и по темпераменту мужчину. Как известно, Евгений Урбанский погиб

Е. Урбанский. 1957

в 33 года (Борис Степанов – в 35 лет), живя именно так, как Наварская описывает стиль жизни своего отца – широко, жадно, ничего не откладывая на потом. Это самое поверхностное биографическое сходство. При этом беглый анализ воспоминаний современников Урбанского обнаруживает в качестве ведущей его черты то, чего полностью лишен биографический текст Бориса Степанова – невероятное разнообразие поступков, совершенных ради человеческих отношений. Друзья и близкие вспоминают, что Урбанский любил женщин, эффектно за ними ухаживал, был способен на чудачество, геройство, подвиг и поступок; мог выбежать на крик о помощи ночью, в мороз, босиком, влезть на третий этаж по водосточной трубе к любимой и др. Именно этого «человеческого измерения» начисто лишен как текст дневника Бориса Степанова, так и рассказ дочери о нем. Не оспаривая слова Стальды Борисовны, что «при внешней суровости, сухости, требовательности и деловитости он был нежным, ранимым, заботливо любящим мужем и отцом» (с. 17), можно заметить, что этому нет подтверждений в тексте. Декларируемая доброта и человечность Бориса Степанова не воплощены практически ни в одном конкретном примере, за исключением ближайшего семейного круга, где его поведение «хорошего отца» описывается стереотипно. Образ актера Урбанского в какой-то мере служит заместителем отсутствующих в тексте Бориса Степанова качеств человечности и способствует идеализации отца.

Жизненные сценарии

Самый драматичный момент, касающийся отца, в воспоминаниях Наварской связан с его арестом и катастрофическим изменением жизни семьи. Эту ситуацию она описывает, пользуясь цитатами и аллюзиями.

Дом в Березове – это место утраченного счастья, в повествовании о нем преобладают описания вкусных запахов, тепла и еды – всего того, чего будет не хватать все остальное время взросления Стальды Наварской (ее сознательная биография, включенная в «родословную», это борьба с холодом и голодом). Большой гостеприимный дом, огромная русская печь, в которой «расшаперивались» душистые кедровые шишки, сотни пельменей из оленины, которые готовили и морозили обе бабушки, самовар и мама, «оживленная от восторженных взглядов летчиков, остроумная, красивая, нарядная». Свет, смех, любовь и флирт, гости, музыка, «веселые голоса беззаботных счастливых людей» (с. 28) драматургически предшествуют резкому слову повествования – аресту и изгнанию из дома. Наварская обращается к цитате из Лермонтова:

Но не со стороны врагов партии надо было ждать беды, она пришла не оттуда, а от друзей-партийцев, которые ели и пили в нашем гостеприимном доме. И вот на «беззаботную семью, как бич, упала Божья кара», сказал бы М. Ю. Лермонтов. Наступил 1937 год (Там же).

Заметим, что цитата передана с искажением. У Лермонтова в поэме «Демон» читаем:

На беззаботную семью,
Как гром, слетела Божья кара!

Оценочная память Наварской «утяжеляет» лермонтовскую образность, меняя «природный» гром на «падающий бич», акцентируя семантику наказания от высших сил. Какая кара имеется в виду? С одной стороны, обозначен роковой характер 1937 г., но, с другой, в целом религиозный дискурс не свойственен Наварской, и вопрос о каре остается открытым. Вероятно, один из возможных ответов – в подспудном признании той доли «трагической вины», которую ощущает Стальда Наварская, на сознательном уровне постоянно транслирует идеологемы отца без «ревизии» и рефлексии, поскольку для нее это равносильно отказу от благодарной памяти о нем.

Второй сценарий перипетии, пережитой семьей Степановых, не озвучен в тексте, но может быть достроен, исходя из заявленного концепта «Божьей кары» и эпохи. Это сценарий известной сказки С. Маршака «Кошкин дом» (1947). Несмотря на неожиданный поворот, рассмотрение семейно-биографического текста с этого ракурса дает интересные результаты. Как мы помним, одним из главных мотивов доноса на Бориса Степанова и он, и его жена, считали зависть однопартийцев. И действительно, в тексте Наварской есть множество деталей, размывающих образ отца-бессребреника. В Березове это уже не голодный инспектор в мокрых замерзших пимах, но глава большой семьи, принявший в самый большой в городе дом семерых родственников, обеспеченный жильем и провизией. Нравы северного городка Наварская не идеализирует: «Березов был маленьким городишком, где отца – секретаря райкома партии – все знали, и многие завидовали моей симпатичной, нарядной и кокетливой маме» (с. 40). Благополучие семьи остается в тени, но из дальнейшего ясно, что у матери много красивой одежды, которую она после ареста меняет на продукты, пытаясь прокормить себя и дочь после увольнения с работы, да и странствия за арестованным отцом по пересыльным тюрьмам Остяко-Вогульска, Тобольска, Тюмени, Омска требуют средств.

Сказка С. Маршака, как и сказки К. Чуковского, дает возможность разнообразных, в том числе и политических проекций в духе времени. Красивая и богатая хозяйка-кошка во время пожара в одночасье теряет все, оказываясь на улице. Бывшие гости-друзья отворачиваются, и приют она вместе с верным слугой-дворником находит только у бедных племянников. Восприятие пожара в народной традиции амбивалентно: это и проявление Божьей воли («Божья кара»), и зло, которое можно оста-

новить молитвой. После ареста Бориса Степанова его жену, дочь и тещу выгоняют из дома. Они знают «правила игры» и принимают мгновенно возникший круг отчуждения: «Идти было некуда. В дом к друзьям – завтра арестуют и их» (с. 40). Только в избушке кладбищенского сторожа находят они приют. Показательна трактовка мотивов действий старика-сторожа:

Кто пустит на порог «врагов народа»? Мы дошли до окраины Березова и увидели вдали огонек. Это была избушка кладбищенского сторожа, который не спал и *встретил нас с радостью. Ему-то нечего было терять, кроме того, считалось, что этот старичок был немного не в себе.* Сторож оживленно захопотапал вокруг нас, напоил жиденьким чаем без сахара, уступил свою кровать (с. 40).

Интересно, что эти редкие человеческие качества – радость непрощеным гостям, желание поделиться всем, что имеет (кровом, чаем, теплом) – немного стоят для Стальды Наварской, ведь сторож находился на дне социальной иерархии, и «ему-то нечего было терять». Имени этого человека семейная история не сохранила, несмотря на то, что осиротевшие женщины жили у него несколько месяцев. Холод и голод, теснота и отчуждение, завистники и темнота сменяют бывшее царство смеха, тепла и звуков, дружбы и любви. Смысл сказки С. Маршака заключается в том катарсисе, который переживает бывшая заносчивая богачка, обращаясь к ценностям «простой жизни» среди любящей семьи, где в финале происходит переоценка социальных и личных ценностей.

Семейной пьесе Степановых суждено продолжение, но катарсической концовки она будет лишена, придя к тому же финалу через два года после освобождения отца. Характерно продолжение сцены на кладбище, к которой мы уже обращались. Воспоминания Наварской содержат детали, в художественной прозе, несомненно, получившие бы символическую нагрузку: поднявшись с могилы отца, она вновь оказывается в кладбищенской сторожке, где ее жалеют, утешают, поят чаем и предлагают помощь от отца Бориса (!) (местного священника). Однако это фиксируется ею лишь как детали реальной истории и не получает развития в тексте. Сексуальный подтекст встречи с отцом на кладбище продолжает звучать и в описаниях повторных визитов, теперь уже как «минус-прием»: позднее на благоустроенном, ставшем официальным и чужим Пискаревском кладбище она «такого взрыва чувств уже не испытывала». «Навязчивая музыка», «равнодушные туристы» с фотокамерами, «выстроенные в ряд, выровненные, засаженные цветами могилы уже не вызвали того острого чувства отчаяния и горя» (с. 72). Эмоции отчаяния и горя нуждались в выражении и разрядке: «Я скорбно молча постояла около могилы, чуть всплакнула. Я не ощутила чувства облегчения, как при первом посещении, и уходила с кладбища *печально неудовлетворенная*» (Там же).

Итак, текст Стальды Наварской об отце хранит абсолютную верность его памяти, идеализируя и пересоздавая тот облик коммуниста 1930-х гг., который выстраивается из его собственных текстов, рисунков и стихов. Попытки рефлексии в данном тексте табуируются автором-дочерью как посягательство на ценность памяти об отце, как опасная ревизия семейной истории. И вместе с тем текст «документальной повести» Наварской сложнее, чем ее открытая публицистическая позиция, ибо настоящая повесть о взаимоотношениях отца и дочери рождается на стыке их нарративов, прорастает из разломов и лакун семейной памяти, что делает текст чрезвычайно интересным. В нем очевидны не только результат влияния эпохи на человека через заполнение его «не-своим» словом, но и обратное – вполне сознательная циклизация, отождествление благодарной памяти и повторения, трансляции прежних установок, поэтому выход из замкнутого круга повтора становится невозможным.

Список литературы

Адоньева С. Б. Ритуальные площадки // Русский фольклор в современных записях. URL: http://www.folk.ru/Research/adonyeva_ritual_plostch.php?rubr=Research-articles (дата обращения: 12.09.2015).

Быкова С. И. Дневники 1930-х годов : Terra sovietica incognita // История в эго-документах : Исследования и источники. Екатеринбург : АСПУр, 2014. С. 117–138.

Воспоминания работницы М. Н. Колтаковой «Как я прожила жизнь» / подгот. текста, предисл., коммент. Б. И. Осипова. Омск, 1997.

Гинзбург Е. С. Крутой маршрут: хроника времен культа личности. М. : Советский писатель, 1990. 608 с. Гл. 13. Тараканище. URL: https://www.litmir.co/br/?b=10188&p=158#section_99 (дата обращения: 12.09.2015).

Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург : УрО РАН, 1995. 607 с.

Дашкевич Л., Ларионова М. и др. Повседневная жизнь провинциального имения: дневник слуги уральских помещиков Голубцовых // Quaestio Rossica. 2015. № 1. С. 255–274. URL: <http://journals.urfu.ru/index.php/QR/article/view/090> (дата обращения: 12.09.2015).

Дневник священника / подгот. публ. : В. И. Байдин, С. В. Голикова и др. // Урал. историч. вестн. 1995. № 2. С. 114–143.

Ерныхова О. Д. Казымский мятеж : Об истории Казымского восстания 1933–1934 гг. Новосибирск : Сибир. хронограф, 2003. 160 с.

Левитан Л., Разумовская Л. Записки медсестры. Хадера, 2001.

Литовская М. А. Жанр документальной истории семьи как эго-документ: проблема имплицитного читателя // История в эго-документах : Исследования и источники. Екатеринбург : АСПУр, 2014. С. 55–66.

Наварская С. Б. Жизнь одной советской семьи в 30-е и 40-е годы 20 века : Родословная одной ветви семейств Наварских, Вайсов, Запорожцев : документальная повесть. URL: <http://ru.calameo.com/books/0022066590bc0d68273cc> (дата обращения: 12.09.2015).

Новикова В. Пьеса с отточенными коготками // Новая газета. 2014. № 48. 11 дек. Рязанский выпуск. URL: http://novgaz-rzn.ru/nomer11122014_48/1947.html (дата обращения: 12.09.2015).

Новоселов А. Е. Памятная А. Е. Новоселова : Дневник дмитровского купца. М., 2013. 157 с.

Пржиборовская Г. А. Лариса Рейснер. М. : Молодая гвардия, 2008. 496 с. (Сер. Жизнь замечательных людей).

Сандомирская И. Книга о Родине : Опыт анализа дискурсивных практик. Wien : Wiener Slavistischer Almanach, 2001. 286 с.

Степанов Борис Африканович // Ханты-Мансийский автономный округ – Югра : единый официальный сайт государственных органов. URL: http://www.arhivugra.admhmao.ru/wps/wcm/connect/Web+Content/hmao-departments/archive/world-war-archives/voina/memory/world-war-archives-voipominaniya-navarskoi-staldy-borisovny-ob-ottze-stepanove-borise-afrikanoviche?presentationtemplate=Web+Content%2Fpt_print (дата обращения: 12.09.2015).

Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой : в 3 т. М. : Время, 2013. Т. 3. 1963–1966. 608 с. С. 400.

References

Adon'eva, S. B. *Ritualnye ploshchadki* [Ritual Sites]. In *Russkiy folklor v sovremennyh zapisyah*. Available at: URL: http://www.folk.ru/Research/adonyeva_ritual_ploshchadki.php?rubr=Research-articles (mode of access: 12.09.2015).

Baydin, V. I., Golikova, S. V., Dashkevich, L. A. & Nechaeva, M. Yu. (Eds.). (1995). *Dnevnik svyashchennika* [Diary of a Priest]. In *Ural'skiy istoricheskij vestnik*, 2, pp. 114–143.

Bykova, S. I. (2014). *Dnevniki 1930-h godov. Terra sovietica incognita* [Diaries of the 1930s. Terra Sovietica Incognita]. In *Istoriya v ego-dokumentah: Issledovaniya i istochniki* (pp. 117–138). Ekaterinburg, AsPUr.

Chukovskaya, L. K. (2013). *Zapiski ob Anne Akhmatovoy* [Notes on Anna Akhmatova]. (Vols. 1–3). (Vol. 3. 1963–1966). 608 p, ill. P. 400. Moscow, Vremya.

Dashkevich, L., Larionova, M., Neklyudov, E., & Shalina, I. (2015). *Povsednevnyaya zhizn' provincial'nogo imeniya: dnevnik slugi ural'skih pomeshchikov Golubcovy'h* [Everyday Life of a Provincial Estate: A Diary of a Landlords Golubtsov's Servant]. In *Quaestio Rossica*, 1, pp. 255–274. Available at: URL: <http://journals.urfu.ru/index.php/QR/article/view/090> (mode of access: 12.09.2015).

Erny'hova, O. D. (2003). *Kazy'msky myatezh: Ob istorii Kazy'mskogo vosstaniya 1933–1934 gg.* 160 p. Novosibirsk, Sibirsky hronograf.

Ginzburg, E. S. (1990). *Krutoj marshrut: hronika vremen kul'ta lichnosti* [A Steep Route: a Chronicle of the Times of Personality Cult]. Part 13: Tarakanishhe. 608 p. Moscow, Sovetskiy pisatel'. Available at: URL: https://www.litmir.co/br/?b=10188&p=158#section_99 (mode of access: 12.09.2015).

Golovnev, A. V. (1995). *Govoryashhie kultury: tradicii samodijcev i ugrov* [Talking Cultures: Traditions of the Samoyedic and Ugric Peoples]. 607 p. Ekaterinburg, UrO RAN.

Levitani, L. & Razumovskaya, L. (2001). *Zapiski medsestry'* [A Nurse's Notes]. Hadera.

Litovskaya, M. A. (2014). *Zhanr dokumental'noj istorii sem'i kak ego-dokument: problema implicitnogo chitatel'ya* [The Genre of Family Documentary History as an Ego-Document: The Issue of the Implicit Reader]. In *Istoriya v e'go-dokumentah: Issledovaniya i istochniki* (pp. 55–66). Ekaterinburg, AsPUr.

Navarskaya, S. B. *Zhizn' odnoj sovetskoj sem'i v 30-e i 40-e gody 20 veka. Rodoslovnaya odnoj vetvi semejstv Navarskih, Vajsov, Zaporozhcev. Dokumental'naya povest'*. Available at: URL: <http://ru.calameo.com/books/0022066590bc0d68273cc> (mode of access: 12.09.2015).

Novikova, V. (2014). *P'esa s ottochenny'mi kogotkami* [A Play with Sharpened Claws]. In *Novaya gazeta*, 48, December 11. Ryazansky vy'pusk. Available at: URL: http://novgaz-rzn.ru/nomer11122014_48/1947.html (mode of access: 12.09.2015).

Novoselov, A. E. (2013). *Pamyatnaya A. E. Novoselova : Dnevnik dmitrovskogo kupca* [A Collection of A.E. Novoselov's Memories: A Dmitrov Tradesman's Diary]. 157 p. Moscow.

Osipova, B. I. (Ed.). (1997). *Vospominaniya rabotnicy M. N. Koltakovej "Kak ya prozhila zhizn'"* [Workwoman M. N. Koltakova's Memoirs *How I Have Lived My Life*]. Omsk.

Przhiborovskaya, G. A. (2008). *Larisa Reisner* [Larisa Reisner]. 496 p. Moscow, Molodaya gvardiya.

Sandomirskaya, I. (2001). *Kniga o Rodine. Opyt analiza diskursivnyh praktik* [A Book about Motherland. An Analysis of Discursive Practices]. 286 p. Wien, Wiener Slawistischer Almanach.

Stepanov Boris Afrikanovich [Stepanov Boris Afrikanovich]. In *Hanty-mansijskij avtonomnyj ogrug – Yugra. Edinyj oficialnyj sajt gosudarstvennykh organov*. URL: http://www.arhivugra.admhmao.ru/wps/wcm/connect/Web+Content/hmao-departments/archive/world-war-archives/voina/memory/world-war-archives-vospominaniya-navarskoistaldy-borisovny-ob-ottze-stepanove-borise-afrikanoviche?presentationtemplate=Web+Content%2Fpt_print (mode of access: 12.09.2015).

The article was submitted on 24.06.2015

Наталья Борисовна Граматчикова,
кандидат филологических наук,
Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия
n.gramatchikova@gmail.com

Natalia Gramatchikova, Dr.,
Institute of History and Archeology
of the Ural Branch of Russian
Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia
n.gramatchikova@gmail.com

Лидия Владимировна Енина,
кандидат филологических наук,
Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург, Россия
enina.lidia@gmail.com

Lidia Yenina, Dr.,
Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia
enina.lidia@gmail.com

ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В РОССИИ: ИДЕИ, ТЕХНОЛОГИИ, ФИНАНСЫ

DOI 10.15826/QR2015.4.129
УДК 94(470)“16”+327+656.8

Даниэль К. Уо

РАСПРОСТРАНЕНИЕ НОВОСТЕЙ В РОССИИ XVII В.: ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ОПЫТ ПАТРИКА ГОРДОНА¹

Daniel C. Waugh

COMMUNICATION IN RUSSIA IN THE 17th CENTURY: THE EVIDENCE IN PATRICK GORDON'S CORRESPONDENCE

A unique 17th-century historical source, the diaries of Patrick Gordon, a Scot in Russian service, contains a great deal of information about Russian history. A close reading of the detailed record of daily events in the author's life reveals details about Russian life, which are not found in other documents. From Gordon's diaries and correspondence, the article's author extracted information, which helps us understand the functioning of the postal service in Russia in the late 17th century. Several aspects of the problem are treated. Firstly, information about his correspondents is systematized, including personal, official, and more casual acquaintances. Analysis of the correspondence underscores Gordon's wide-reaching national, social and familial connections. Secondly, the article describes the routes that letters traveled to and from their addressees. There was a clear preference for sending letters via special couriers or acquaintances who happened to be traveling, even if a government system of communication was available. Thirdly, the article establishes transit times and explains the possible objective or subjective reasons why they might be faster or be delayed. This analysis also reveals something about the interactions between Patrick Gordon and his contemporaries, which is evidenced by the frequency of the correspondence and the direct responses. The author discusses concrete circumstances around the organization of the official postal network and its development in its early stages.

The publication of the article is in two thematically delineated parts. The first examines data about Gordon's communications network, such as communication routes, official and personal agreements, as well as speed and frequency of exchanges. To a degree the content of the letters is examined here, though their more detailed treatment is to be found in the second part of the article devoted to the analysis of how he obtained political news and intelligence information. Both parts are organized roughly chronologically: it is important to see what changes occurred over nearly half a century covered in the diaries.

---

¹ В этом номере представлена вторая часть статьи Д. Уо. Первую часть см.: *Quaestio Rossica*. 2015. № 3. С. 119–140.

The author's conclusions provide evidence about the broad connections of Russia and Europe as well as the active diplomacy, which made it imperative in the Petrine era to establish a state postal system. In the case of Patrick Gordon, who was an active participant in the political process, we can see how it was essential for him to take advantage of all means of communication in order to maintain his extensive correspondence about political, military, and personal affairs.

Keywords: Patrick Gordon, Peter the Great, history of Russia in the 17th century, history of the post, Russian communications in the 17th century, international relations.

Уникальный исторический источник XVII в. – дневники шотландского подданного на российской службе Патрика Гордона – таит в себе немало сведений по русской истории. Подробное описание каждодневных событий из биографии автора при внимательном чтении обнаруживает такие детали российской жизни, которые не представлены ни в каких других документах. Автор статьи поставил задачу вычлнить из дневников и переписки Патрика Гордона информацию, способную раскрыть состояние почтовой службы в России конца XVII в. Проблема поставлена в нескольких аспектах. Во-первых, систематизируются адресаты Гордона с учетом частных, официальных и дружеских контактов. Анализ переписки свидетельствует об очень широких национальных, социальных и родовых связях ее героя. Во-вторых, обрисовываются маршруты, которыми письма шли к адресатам и обратно, выявляется предпочтение отправки писем с нарочными или попутными средствами, хотя начинает работать и государственный канал доставки. В-третьих, фиксируется время доставки и устанавливаются возможные объективные и субъективные причины ее ускорения или замедления. Попутно обращается внимание на взаимоотношения Патрика Гордона и его современников, проявляющиеся в частоте переписки и оперативности ответов. Уточняются конкретные обстоятельства организации официальной почтовой связи и ее развития на начальном этапе.

Статья тематически разделена на две части. В первой рассматриваются данные о сети коммуникаций, которой пользовался Гордон, – о путях сообщения, официальных и личных договоренностях, скорости, частоте сообщений. В некоторой степени здесь раскрывается содержание писем, более подробно разбираемое автором во второй части статьи, посвященной анализу того, как Гордон получал политические новости и сведения разведки. В обеих частях данные приводятся преимущественно в хронологическом порядке: важно увидеть, какие изменения произошли почти за полвека, которые охватывают дневники.

Выводы автора свидетельствуют об обширных связях России и Европы, активной дипломатической деятельности, в связи с чем для Петровского времени стало актуальным создание государственной службы почтовой связи. Новые качества обнаруживаются в личности Патрика Гордона, активного участника политического процесса в России, пользовавшегося малейшей возможностью коммуникации с различными адресатами политического, военного и дружеского свойства.

Ключевые слова: Патрик Гордон, Петр Великий, история России XVII в., история почты, российские коммуникации XVII в., международные отношения.

Патрик Гордон в мире новостей

В этой части работы обратим внимание на интерес Гордона к новостям и к процессу их узнавания. Гордона интересовали не столько личные или семейные дела, сколько международные политические и военные новости и разведданные, которые могли бы иметь значение для внешней политики Русского государства и его военных дел. В России, где новости такого рода были привилегией немногих, уникальное положение Гордона позволяло ему получать их как через свои контакты в сообществе иностранцев, так и благодаря его высокому профессиональному положению в русской военной среде – через прямой доступ к российским и украинским элитам. Из его дневника мы можем получить уникальные сведения не только о фактах передачи новостей из Западной Европы, но и о процессе получения новостей и данных разведки в результате его частых контактов с лицами, пересекавшими границу между польской Украиной и российской Украиной.

Механизм получения новостей в XVII в.

Патрик Гордон и Андрей Виниус

При исследовании распространения новостей в Русском государстве последней трети XVII в. необходимо уделить пристальное внимание деятельности Андрея Виниуса². Виниус, рожденный в Москве в семье голландского предпринимателя и принявший православие, в 1660-х стал переводчиком в Посольском приказе. В 1670-х он был послом в Западной Европе и вернулся, чтобы занять должность главного почтмейстера по иностранной почте, которой и управлял до конца столетия, совмещая эту деятельность

---

² Классической работой о семье Виниусов, и особенно об Андрее, является монография И. Н. Юркина, который в большей мере опирается на работу И. Козловского, описывая управление Виниусом почтовым ведомством [Юркин]. Начиная с 4-й главы, работа Козловского содержит обширный раздел о Виниусе и почте, который, в свою очередь, развернут в отдельной монографии, посвященной Виниусу, опубликованной Козловским двумя годами ранее (в серии «Русская старина») [Козловский]. Есть также недавно опубликованная книга И. Владимировой об А. Виниусе и интересном голландском бургомистре и картографе, изучавшем Русский Север, Николасе Витсене, однако эта работа сильна скорее своим воспроизведением голландской части всей этой истории [Wladimiroff]. А. Виниус владел одной из самых обширных библиотек иностранной литературы в России того периода; на данный момент опубликовано ее полное описание. См.: [Книги из собрания Андрея Андреевича Виниуса]. Биография, созданная Юркиным, хоть и слишком пространна, но значима в отношении предпринимательских и финансовых аспектов жизни Виниуса, хотя уделяет меньше внимания Виниусу-автору и его библиотеке. Новейшая книга об А. Виниусе К. Ботерблоема ничего нового о почте и структуре новостей не добавляет [Boterbloem]. Краткое описание карьеры Виниуса и других аспектов его жизни см.: [Демидова, с. 113–114].

с другими важными обязанностями. Андрей Виниус имел прямой доступ к приходящей почте и посылкам с иностранными газетами и новостными сводками. Среди служащих Московской канцелярии именно Виниус чаще всего состоял в переписке с Гордоном. Между последними числами апреля 1648 и серединой ноября 1685 г. Патрик Гордон 24 раза указывал Виниуса как своего корреспондента (то есть получателя либо отправителя); кроме того, отмечено еще несколько случаев, когда Виниус не поименован прямо, но можно предположить, что именно через него Гордон устанавливал контакты. Многие из этих записей указывают, что Виниус посылал Гордону газеты, а Гордон в ответ слал новости. Несомненно, что Гордон имел и другие возможные «источники» новостей в среде московских иностранцев, самый очевидный из которых – голландец Йоханн ван Келлер, который, подобно Гордону, вероятно, получал корреспонденцию с каждой почтовой доставкой через Ригу³. Переписка Гордона с ван Келлером была достаточно частой; они также регулярно встречались, когда ван Келлер бывал в Москве.

П. Гордон переехал из Киева в Москву в декабре 1685 г. В столице он записал впечатления от ужина в доме А. Виниуса 21 января 1686 г. В канун своего отбытия в путешествие по Англии и Шотландии 29 января он «протился с государственным секретарем (Емельяном Украинцевым. – Д. У.) и господином Виниусом, от коих получил устное поручение по приказу главного министра государства (Василия Голицына. – Д. У.) касательно дел Их Величества». Во время этой поездки с каждой отправкой своей почты в Москву он посылал письмо и для Виниуса. В следующем году во время Первой Крымской кампании Гордон отправлял в Москву совсем немного писем, но Виниус всегда оставался в числе получателей.

Хотя Гордон и сообщал иногда другие новости, о которых он узнавал напрямую или косвенно из европейской прессы, свое основное внимание он уделял событиям в Англии в 1688 г., которые завершились вторжением Вильгельма Оранского, бегством короля Джеймса II (VII) и концом патерналистского и абсолютистского правления Стюартов. 11 дневниковых записей, сделанных в период между 5 ноября 1688 г. и 19 января 1689 г., напрямую или косвенно отражают эту заинтересованность, а в качестве источников в некоторых случаях Гордон указывает

---

³ Ван Келлер прибыл в Москву в 1675 г. вместе с посольством ван Кленка, остался и в 1677 г. был назначен голландским послом. Т. Экман в статье «Международные отношения Московии» отмечает, что ван Келлер, несомненно, получал многие из заграничных новостей регулярно из голландских газет, однако он, кажется, не до конца понимает, как часто эта доставка осуществлялась обычной почтой через Ригу [Еекман, р. 47]. Как сообщил мне Дмитрий Федосов (e-mail от 9 октября 2014 г.), в дневниковых записях последних лет есть указание на то, что Гордон получал газеты и сводки новостей и от других иностранных резидентов из Москвы.

голландские газеты. Возможно, со временем станет известно, какие именно: сейчас мы знаем, что в московском Посольском приказе того периода получали как минимум две голландских газеты – “Amsteldamsche Courant” и “Haerlemse Courant”⁴. Точные даты тех номеров, которые читал Гордон, совпадают с датами выхода обеих указанных газет. Виниус мог показывать голландские газеты Гордону в Москве, но также возможно, что в почте приходило больше одного экземпляра каждой из них, потому что другие члены сообщества иностранцев получали их по подписке. Таким образом, ввоз газет осуществлялся не только в интересах дипломатической канцелярии, где они регулярно переводились или реферировались для придворных нужд. Я не нашел свидетельств того, что сам Гордон был подписан на западные газеты и получал их регулярно через свои контакты в Риге, хотя эту возможность нельзя исключить полностью. Как только Гордон покинул Москву в середине февраля 1689 г., уехав на Крымскую кампанию, его отчеты по новостям, касающимся Англии, прекратились, хотя он и продолжал переписываться с Виниусом, оставшимся в Москве.

Другой факт, касающийся получения новостей из голландских газет, который хотелось бы отметить здесь, это скорость их доставки. В пяти случаях, которые можно отследить по документам Гордона, время между датой выпуска и получения достаточно постоянно и почти невероятно – 28, 26, 29, 27 и 28 дней. Поскольку почта из Риги в Москву обычно шла 11 или 12 дней, это значит, что газеты перемещались из Нидерландов в Ригу всего за две с небольшим недели.

Иногда Гордон комментировал то, что считал предвзятым мнением при публикации новостей в печатной периодике⁵. 17 ноября 1686 г. голландский посланник ван Келлер информировал его, «что русские по ведомостям составили дурное мнение о нашем короле (Джеймсе II (VII). – Д. У.), будто он слишком расположен к туркам». В письме Гордона главе своего клана герцогу Гордону он жаловался, что единственные новости, которые он получал «о нашей стране», он черпал из голландских газет, которые, хотя и обладали предвзятостью, по крайней мере, имели резон в своем предположении, что недостаток успеха в делах низложенного короля частично можно было отнести на счет его собственной нерешительности. Этот комментарий он повторил и в другом письме, датированном тем же днем.

---

⁴ Информацию о конкретных газетах и описание всех копий, найденных в РГАДА, см.: [Maier].

⁵ Интересным эхом этому наблюдению служат комментарии английских представителей в Стокгольме в 1660-х гг., процитированные ранее. См.: [State Papers Foreign. SP 95]. Как показывают отчеты Арлингтону и Вильямсону, в обществе сложилось отчетливое понимание предвзятости голландцев и французов в том, что говорилось об Англии, а также, предположительно, что печаталось в “Haarlem Courant”, который был одним из главных источников иностранных новостей в шведской столице.

Новости, казавшиеся Гордону достойными внимания, могли включать в себя широкий круг тем, об источниках которых нам доподлинно не известно; некоторые из них совершенно точно не могли быть печатными изданиями. Новостями для Гордона были и затмения луны, и битвы в войнах против турок, и рождения или смерти в королевских семьях Европы. В большинстве случаев он записывал события в тот день, когда слышал о них, и мог не указать их действительных дат. Во всех новостных сводках он был заложником своих источников, в которых могли содержаться ошибки. Иногда он добавлял дневниковую запись на ту дату, в которую события действительно произошли, но сообщения о которых он получил лишь недели спустя. Это может объяснить, например, неправильную датировку (10 июля вместо 10 июня) в сообщении о рождении принца Уэльского. С другой стороны, он правильно вписал под датой 9 апреля 1690 г. заметку о смерти шведской королевы Кристины в Риме в возрасте 63 лет. Частично в записях фиксировались разговоры с его московскими знакомыми, получавшими информацию из своей личной переписки. Помимо торговцев, в круг его знакомых входили все постоянные представители различных иностранных государств; он также явно был среди лиц, получавших информацию от приезжавших иностранных послов. Беседы с представителями российской придворной элиты часто касались вопросов стратегии в международных отношениях. Можно с достоверностью предположить, что заграничные новости в кругах московской элиты – как русской, так и иностранной – интенсивно обсуждались.

Новости с южных рубежей

Кардинальный интерес в дневнике Патрика Гордона представляет информация о схемах распространения новостей, существовавших на Украине, где он провел многие годы на службе и имел непосредственный доступ к донесениям еще до того, как они достигали Москвы. Печатные издания, по крайней мере, голландские, здесь не имели большой важности, хотя есть сведения, указывающие на то, что их доставляли регулярно. Первое исследование, которое ввело в научный оборот донесения царских воевод на Украине, было опубликовано Н. Оглоблиным в 1885 г. [Оглоблин]; тем не менее, никто не подхватил его тему и не развил исследование географически, хронологически или путем анализа более широкого круга материалов. Записи Гордона прекрасно отражают механизмы, с помощью которых происходило получение новостей и разведданных, хотя для выяснения того, какие именно разведданные достигали потом Москвы и как эти данные использовались, требуется отдельное исследование. Я ограничу это обсуждение периодом пребывания Гордона в Киеве в 1684–1685 гг.

Предметом заботы имперских чиновников в Киеве, работавших в рамках Андрусовского перемирия 1667 г. вплоть до заключения «вечного мира» с Речью Посполитой в начале мая 1686 г., были несколько важных вопросов. В эти годы продолжались сражения между Речью Посполитой и турками и татарами, включая продолжительную осаду Немирова. Организация новых военных кампаний требовала высылки подкреплений, постоянной проблемой было снабжение армии. Хотя Киев, по крайней мере на данное время, казался вошедшим в сферу российского патерциализма, и несмотря на то, что, по существу, Русское государство и Речь Посполитая имели общие интересы в борьбе с турками и татарами, у России были серьезные опасения, что поляки планируют заключение сепаратного мира, чтобы напасть на левобережную Украину. Еще одним осложняющим фактором политической и военной обстановки была нестабильность положения казаков – и правобережных в польской сфере влияния, и левобережных в российской, в обоих случаях со своими собственными интересами. Независимо от военных событий с участием Польши, отношения Москвы с крымскими татарами также вызывали беспокойство. Это объяснялось угрозой османской военной интервенции и обусловленными ею вынужденными попытками ввести для равновесия другие силы – к примеру, донских казаков и калмыков. Другой заботой были дела православной церкви, так как Московская патриархия собиралась раз и навсегда установить свой контроль над Киевской митрополией.

Дабы отслеживать динамику всех этих событий, царские чиновники в Киеве были готовы использовать любой доступный источник. В большинстве случаев П. Гордон просто пишет «мы прослышали» (“wee heard”) или «мы уведомились» (“wee were informed”). Докладывая о делах казаков, он часто сообщает сведения о действиях гетмана Самойловича без указания какого бы то ни было источника; можно только предположить, что сведения приходили через постоянного информатора в Батурине или добывались из тех регулярных сообщений, которые Самойлович предположительно высылал в Киев. В других случаях Гордон называет информантов – иногда это военные, иногда торговцы или клерки, приезжавшие в Киев по своим делам и, вероятно, подвергавшиеся допросу по прибытии.

Гордон хорошо понимал, что многие из новостей были всего лишь слухами – достаточно свидетельств того, что он тщательно вычитывал свои донесения на предмет последовательности и точности. В одном случае (например, 19 ноября 1684 г.) он записал информацию о том, что Немиров был взят, а через несколько дней добавил примечание, что это было неправдой, о чем он узнал из другого рапорта несколько дней спустя. Есть основания полагать, что Гордон, пусть и редко, сам допрашивал некоторых из прибывавших. Многие донесения очень коротки, но некоторые (например, от 29 сентября и 23 октября) весьма обширны. Содержание донесений

сводится по большей части к местным событиям лишь со случайными вкраплениями материалов о кампании Габсбургов против турок на Балканах.

Русские военные в Киеве также активно участвовали в разведывательных операциях. Некоторые из информаторов Гордона появляются в донесениях несколько раз. Один из них, Иван Филонов Вариллов, впервые упомянутый в записи от 11 ноября, вернулся из другой миссии 2 января 1685 г. и «сообщил, что, когда он был во Львове и Жолкове, где стоит король с гетманами и сенаторами, от хана явились 15 татар с пожеланиями, дабы король замирился с ними и турками; один шляхтич, Юрий Попара, велел ему сказать губернатору Киева и заверить его, что на парламенте, предстоящем 20 февраля, будет заключен мир между поляками и турками с татарами, а затем поляки с их помощью, без сомнения, ввергнутся в Россию». В то время как многие донесения, полученные от заезжих торговцев, оказывались не столь важными, чтобы отправлять их немедленно в Москву, информация Варилова была выслана в столицу на следующий же день «с гонцом».

Еще одним из агентов был Михаил Сулов, «отправленный нами в Польшу и Германию и уехавший отсюда первого мая прошлого года [1684]», возвратившийся в Киев 1 января 1685 г., за день до Варилова. Вне всякого сомнения, именно он был автором донесения, полученного 5 августа:

Человек, коего мы послали на разведку в Силезию и Польшу, передал нам следующие сведения: состоялось большое сражение между имперцами и турками при Ра[а]бе...

4 января:

Михаил Сулов подал свое письменное донесение, в коем превознес великие победы, равно как и потери христиан в Венгрии; из-за высокой смертности солдат они были принуждены покинуть Буду, оставив все же 5[000] или 6000 человек в ближайших твердынях для блокады оной; сераскер-паша, пытавшийся с турками из *Quinque Ecclesiae* снять осаду, был совершенно разбит и сам едва спасся; венецианцы деятельно продолжают войну с помощью папы и государей Италии; проезжая через Польшу, он слышал среди простого люда, что на парламенте нижняя палата будет настаивать на заключении мира с турками и татарами и на объявлении войны России, а также множество других рассказов.

Из этого отрывка можно сделать вывод, что Сулов не считался особенно надежным (как минимум, был склонен к преувеличению). Это впечатление усиливается после прочтения записи следующего дня, в которой Гордон докладывает: «Было решено привести в порядок и сократить известия Сулова и отослать оные в Москву

с гонцом»⁶. Тем не менее, в тот же год, после того, как другие разведывательные донесения Сулова, также вначале раскритикованные за неточности, подтвердились, Гордон написал о нем (18 октября): «Будучи добрым малым, приносящим хороший товар за их деньги, Сулов был снова отправлен за большим, дабы дожидаться исхода дела».

Сами постоянно занятые шпионажем, власти в Москве и Киеве постоянно помнили о том, что кто-то может шпионить и за ними или даже подослать провокаторов для подрывной деятельности. Должно быть, по этому поводу было распространено официальное предупреждение – это видно из доклада от 6 февраля 1685 г.:

Поляк по имени Стенька Прохоров, обнаруженный подковщиком Абрамом и, согласно доносу, якобы пришедший из Белой Церкви с целью подготовить казаков идти на службу к королю польскому, был схвачен и на допросе рассказал, что, служа солдатом в Белой Церкви, 2 февраля ночью с двумя другими солдатами перелез через стену; другие двое, Гришка и Федька, ушли в Переяслав; их задача – выкрасть лошадей и отвести оных к королевским войскам; сим промыслом они занимались и прежде со слугами, что сбежали от окольного князя Ивана Степановича Хотетовского.

Остальная часть допроса Прохорова содержит информацию о том, что татары предположительно взяли Немиров, и осажденные теперь держатся из последних сил в замке. Этот доклад на следующий же день ушел в Москву «с гонцом». В последующие несколько дней, поскольку из Немирова продолжали приходиться безрадостные вести, срочность ситуации заставляла посылать донесения в Москву немедленно (в один день «вечером», а в другой день «сего же дня»). Донесения, полученные в тот же день, могли содержать противоречивую информацию, которую невозможно было проверить в Киеве, и поэтому ее просто переправляли в Москву.

Самой длинной сводкой новостей, полученной Патриком Гордоном в отношении польской кампании в Молдове летом 1685 г., был доклад от Патера Маковиуса, который ужинал с Гордоном 24 ноября. Гордон охарактеризовал полученную от него информацию как «правдивый рассказ о польском деле с турками и татарами, ибо он при всем

---

⁶ М. Сулова продолжали использовать и дальше – 21 июня 1685 г. его снова отправили на задание по сбору разведанных. Эта миссия продолжалась всего месяц, и его письменный доклад был переправлен в Москву 21 июля. 15 октября Сулов сообщает о том, что «он узнал эти новости в Лабуни от слуг полковника Лазинского, кои приехали туда из армии за провизией, а те получили оные из Лемберга». Это донесение касалось трудностей, испытывавшихся польской армией во время кампании в Молдавии из-за разногласий между двумя полевыми командирами. Тем не менее, помощь была уже в пути; «Такие вести вызвали здесь радость и были отправлены с гонцом в Москву до рассвета». Когда через несколько дней на место прибыли казаки из Немирова, они написали, что в своих допросах не слышали ничего из тех новостей, о которых сообщал Сулов. Однако позднее под заголовком Гордона «Ошибка исправлена» еще одно казачье донесение подтвердило первоначальные сведения от Сулова.

присутствовал». В то время как большинство донесений имели отчетливую тенденцию чересчур упрощать сложную расстановку сил, разыгрывавшуюся во время кампании, Маковиус осознал связь между сообщениями об имперских успехах на западе, о донских казаках и их отношениях с крымчанами на востоке, о решениях крымского хана и польского гетмана коронного. Его доклад включал в себя убедительный рассказ о трудностях, стоящих перед польской армией, которая их преодолевала и все же выживала.

Хотя данный анализ основан преимущественно на одном источнике – дневнике Патрика Гордона и охватывает всего два года, его материалы ясно демонстрируют, что военное командование и персонал, особенно командированные в нестабильный пограничный регион, были чрезвычайно активными и важными участниками процесса приобретения и передачи новостей в Русском государстве. Киев был просто наводнен поступающими новостями, которые затем пристально анализировались, сравнивались с другими донесениями и, в случае признания важными, немедленно отправлялись в Москву с гонцом. Новости от свидетелей-очевидцев ценились больше слухов. Возможно, сообщения о военных действиях польской армии были бы более ценными, будь они опубликованы в немецких или голландских газетах. Тем не менее, донесения об успехах Габсбургов на Балканах были менее ценными, чем новости, получаемые через северные каналы. Для получения новостей о крымских татарах или донских казаках существовали и другие возможные источники. Очевидно, для того, чтобы подробно рассмотреть качество и возможное влияние всех новостей с юга на политику Москвы, потребуется дальнейшее исследование.

Роль Патрика Гордона в поставке новостей в Россию и из России

Поскольку в этой работе Патрик Гордон интересует нас в основном в качестве получателя новостей, я лишь добавлю несколько кратких замечаний о его роли в процессе распространения той информации, которой он владел. Очевидно, что он сообщал имеющиеся сведения начальству в Москву; также очевидно, что многие его корреспонденты были официальными лицами – например, иностранными посланниками, которые также могли пересылать информацию, полученную от Гордона, в вышестоящие инстанции. Более пристальное изучение этих сообщений должно выявить как минимум несколько случаев, когда Гордон мог бы быть идентифицирован в качестве информанта. Принимая во внимание деликатность и опасность его положения, так как его могли посчитать предателем, если бы он передавал информацию, засекреченную властями, Гордон должен был очень осторожно взвешивать, что именно и кому он писал.

Вне всякого сомнения, именно эти соображения Гордон принимал во внимание, посылая свои доклады государственным секретарям в Британии. Он не мог быть твердо уверен в конфиденциальности своей почты (и мог ли он действительно доверять Винуусу, который, в конце концов, был одним из царских советников?). По моему мнению, большинство сведений, сообщаемых Гордоном, были настолько зашифрованы, что не могли бы значительно увеличить количество информации, предположительно получаемой его корреспондентами из других источников. Самоцензура также могла уменьшить ценность того, что Гордон на самом деле знал, даже если его свидетельские материалы из Чигирина или с Крымской кампании и были уникальными. Весьма вероятно, что многие подробности передавались только в личных беседах. За исключением писем в Британское ведомство иностранных дел, остальная корреспонденция Гордона показывает, что он чрезвычайно избирательно подходил к сообщению политических новостей.

Заключение

Исследование дневника Патрика Гордона показывает, что в Русском государстве ко второй половине XVII в. процесс приобретения и распространения заграничных новостей активизировался настолько, что стал важным фактором расширения горизонтов правящей элиты. Можно с уверенностью предположить, что многие иностранцы, по крайней мере, те, что принадлежали к ближнему кругу Гордона, были в общем и целом прекрасно осведомлены как о событиях в родных державах, так и о более общих тенденциях европейской политики. Сложнее утверждать то же самое о российских представителях различных кругов элит, однако та степень легкости, с которой такой человек, как Гордон, мог вращаться в этих кругах, все же наводит на мысль, что, возможно, письменные свидетельства, то есть то, что мы знаем о рукописных «Курантах» или о распространении некоторых переводных новостей в рукописных книгах, могут давать лишь частичную

Перевод печатных голландских вестовых листов, присланных И. Д. Милославским, с известиями из разных мест. РГАДА. Ф. 155. 1651 г. № 1. Л. 13

картину, по которой нельзя составить объективное представление о степени распространения новостей. Существовавшие к последней трети XVII в. в Русском государстве схемы приобретения и распространения новостей были, таким образом, достаточно развитыми – больше, чем представлялось ранее, пусть доступ к ним и был ограничен.

Не следует спешить с выводами, что московские собеседники Гордона видели мир через ту же линзу, что и он, или что они были так же прекрасно информированы о мировых событиях. Вероятно, он был исключительной личностью с точки зрения обширности своих связей и степени вовлеченности в процесс активного поиска информации. Он обладал опытом другого культурного контекста (чего не доставало большинству московской элиты), а его глубокая религиозность все же не создавала ему таких прочных барьеров в благосклонном принятии новой информации и новых идей, какие предлагало православие для русских. Имея это в виду, мы все же можем наблюдать, как его собственные предубеждения тоже заставляли его воспринимать новости из-за границы через своеобразную искажающую линзу.

Историки, изучающие значение новостей в Европе раннего Нового времени, говорят о возникновении ощущения «современности», «ощущения, разделяемого неким сообществом людей, наблюдающих или переживающих определенное событие в более или менее одно и то же время... По меньшей мере, это ощущение может добавить смысла в концепцию участия в совместном, разделяемом настоящем... оно может усилить чувство общности и способность идентификации отдельных людей друг с другом» [Dooley, p. 13]. Я все еще не убежден, что это ощущение сформировалось в Русском государстве того времени – по крайней мере, не как некое общее радение о текущих политических новостях, сообщающих о событиях за границами державы. Возможно, современность для россиян означала нечто другое, чем для Патрика Гордона и его иностранных корреспондентов. Если мы хотим поместить в правильный контекст то, что может поведать нам Патрик Гордон о новостных связях и коммуникации, нам предстоит еще много работы.

Список литературы

Брикнер А. Патрик Гордон и его дневник // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. Сент. (гл. СХСIII); 1877. Ноябрь. (гл. СХСIV); 1878. Март (гл. СХСVI), май (гл. СХСVII).

Вести-Куранты. 1660–1662, 1664–1670 гг. Ч. 1: Русские тексты / изд. подгот. В. Г. Демьяновым при участии А. Корнилаевой; подгот. к печати Е. А. Подшивалова, С. М. Шамин; под ред. А. М. Молдована, И. Майер. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 856 с.

Вести-Куранты. 1660–1662, 1664–1670 гг. Ч. 2: Иностранные оригиналы к русским текстам / исслед. и подгот. текстов И. Майер. М.: Языки славянских культур, 2008. 648 с.

Вигилев А. История отечественной почты. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Радио и связь, 1990. 312 с.

Гордон П. Дневник / пер., ст. и примеч. Д. Федосова. М. : Наука, 2000–2014. Т. 1: 1635–1659; Т. 2: 1659–1667; Т. 3: 1677–1678; Т. 4: 1684–1689; Т. 5: 1690–1695.

Демидова Н. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700) : биограф. справочник. М. : Памятники историч. мысли, 2011. 718 с.

Книги из собрания Андрея Андреевича Виниуса : каталог / сост. Е. А. Савельева. СПб. : БАН ; Альфарет, 2008. 440 с.

Козловский И. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве : в 2 т. Варшава, 1913.

Оглоблин Н. Воеводские вестовые отписки XVII в. как материал по истории Малороссии // Киевская старина. 1885. № 12. С. 365–416.

Чарыков Н. В. Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия (1613–1694). СПб. : Тип. Суворина, 1906.

Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус. 1641–1716. М. : Наука, 2007.

Boterbloem K. Moderniser of Russia: Andrei Vinius, 1641–1716. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2013.

Charles Middleton, 2nd Earl of Middleton. URL : http://en.wikipedia.org/wiki/Charles_Middleton_2nd_Earl_of_Middleton (mode of access: 26.09.2014).

Dukes P. Patrick Gordon and His Family Circle: Some Unpublished Letters // Scottish Slavonic Rev. 1988. No. 10. P. 19–49 (reprinted in: J. of Irish and Scottish Studies. 2015. Vol. 7, no. 2. P. 125–151).

Dukes P., Herd G., Kotilaine J. Stuarts and Romanovs : The Rise and Fall of a Special Relationship. Dundee, 2009. 262 p.

Eckman T. Muscovy's International Relations in the Late Seventeenth Century : Johan van Keller's Observations // California Slavic Studies. 1992. No. 14. P. 46–67.

Fraser P. The Intelligence of the Secretaries of State & Their Monopoly of Licensed News 1660–1688. Cambridge : Cambridge University Press, 1956. 362 p.

Gordon P. Diary of General Patrick Gordon of Auchleuchries 1635–1699 / ed. by D. Fedosov. Vol. 1: 1635–1659. With a Foreword by Paul Dukes; Vol. 2: 1659–1667; Vol. 3: 1677–1678; Vol. 4: 1684–1689; Vol. 5: 1690–1695. Aberdeen : AHRC Centre for Irish and Scottish Studies, University of Aberdeen, 2009–2014.

J. G. Sparwenfeld's Diary of a Journey to Russia 1684–1687 / ed., tr. and commentary by U. Birgegård // Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademi. Slavica Suecana, Ser. A. Publications. Vol. 1. Stockholm, 2002.

Konovalov S. Patrick Gordon's Dispatches from Russia, 1667 // Oxford Slavonic Papers. 1964. No. 11. P. 8–16.

Konovalov S. Sixteen Further Letters of General Patrick Gordon // Oxford Slavonic Papers. 1967. No. 13. P. 72–95.

Maier I. Niederländische Zeitungen ('Couranten') des 17. Jahrhunderts im Russischen Staatsarchiv für alte Akten (RGADA), Moskau // Gutenberg-Jahrbuch. 2004. P. 191–218.

National Archives, London.

Pernal A. The London Gazette as a Primary Source for the Biography of General Patrick Gordon // Canadian J. of History. 2003. No. 38. P. 1–17.

State Papers Domestic : (Notebook of Joseph Williamson). SP 29/87.

State Papers Foreign. Russia. SP 91/3.

State Papers Foreign. Sweden. SP 95/6, 95/7.

The Dissemination of News and the Emergence of Contemporaneity in Early Modern Europe / ed. by B. Dooley. Farnham, Surrey ; Burlington, VT : Ashgate, 2010. 304 p.

Waugh D. The Best Connected Man in Muscovy? : Patrick Gordon's Evidence Regarding News and Communications in Muscovy in the 17th Century // J. of Irish and Scottish Studies (Aberdeen). 2015. Vol. 7, no. 2. P. 61–123.

Waugh D., Maier I. How Well Was Muscovy Connected with the World? // Impe-rienvergleich. Beispiele und Ansätze aus osteuropäischer Perspektive. Festschrift für Andreas Kappeler / Hrsg. von G. Hausmann, A. Rustemeyer. Wiesbaden : Harrassowitz. 2009. Bd. 75. S. 17–38 (= Forschungen zur osteuropäischen Geschichte).

Wladimiroff I. De kaart van een verzwegen vriendschap : Nicolaes Witsen en Andrei Winius en de Nederlandse Cartografie van Rusland. Groningen : INOS/NRCe, 2008.

References

- Birgegård, U. (Ed., transl. & comment.). (2002). J. G. Sparwenfeld's Diary of a Journey to Russia 1684–1687. In: *Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akadien*. Slavica Suecana, Ser. A. Publications. Vol. 1. Stockholm.
- Brikner, A. (1877). *Patrik Gordon i ego dnevnik* [Patrick Gordon and His Diary], *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshheniya*. Sept. (ch. CXCIII); Nov. (ch. CXCIV).
- Brikner, A. (1878). *Patrik Gordon i ego dnevnik* [Patrick Gordon and His Diary]. In: *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshheniya* March (ch. CXCVI); May (ch. CXCVII).
- Boterbloem, K. (2013). *Moderniser of Russia: Andrei Vinus, 1641–1716*. N. Y., Palgrave Macmillan.
- Charles Middleton, 2nd Earl of Middleton. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Charles_Middleton_2nd_Earl_of_Middleton (mode of access: 26.09.2014).
- Chary'kov, N. (1906). *Posol'stvo v Rim i sluzhba v Moskve Pavla Menezhiya* [Paul Menesius' Embassy to Rome and Service in Moscow]. Saint Petersburg, Tipografiya Suvorina.
- Demyanov, V. G., Kornilaeva, A., Podshivalova, E. A., Shamin, S. M., Moldavan, A. M. & Majer, I. (Eds.). (2009). *Vesti-Kuranty'. 1660–1662, 1664–1670 gg.* [Curanty (Herald). 1660–1662, 1664–1670 years]. (Part 1: Russian Texts). 856 p. Moscow, Rukopisny'e pamyatniki Drevnej Rusi.
- Demidova, N. (2011). *Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII veka (1625–1700)*. *Biograficheskij spravochnik* [Service Class Bureaucracy in 17th Century Russia (1625–1700). A Biographic Reference Book]. 718 p. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy my'sli.
- Dooley, B. (Ed.). (2010). *The Dissemination of News and the Emergence of Contemporaneity in Early Modern Europe*. Farnham, Surrey; Burlington, VT, Ashgate.
- Dukes, P. (1988). Patrick Gordon and His Family Circle: Some Unpublished Letters, *Scottish Slavonic Rev. № 10*. Pp. 19–49 (reprinted in the *Journal of Irish and Scottish Studies*. 2015. Vol. 7, No. 2, pp. 125–151).
- Dukes, P., Herd, G., & Kotilaine, J. (2009). *Stuarts and Romanovs: The Rise and Fall of a Special Relationship*. 262 p. Dundee.
- Eekman, T. (1992). Muscovy's International Relations in the Late Seventeenth Century: Johan van Keller's Observations, *California Slavic Studies*, 14, pp. 46–67.
- Fraser, P. (1956). *The Intelligence of the Secretaries of State & Their Monopoly of Licensed News 1660–1688*. 362 p. Cambridge, Cambridge University Press.
- Gordon, P. (Fedosov, D., ed.). (2009–2014). *Diary of General Patrick Gordon of Auchleuchries 1635–1699* (Vol. 1: 1635–1659, With a Foreword by Paul Dukes; Vol. 2: 1659–1667; Vol. 3: 1677–1678; Vol. 4: 1684–1689; Vol. 5: 1690–1695). Aberdeen, AHRC Centre for Irish and Scottish Studies, University of Aberdeen.
- Gordon, P. (Fedosov, D., ed., comment.). (2000–2014). *Dnevnik* [Diary] (Vol. 1: 1635–1659; Vol. 2: 1659–1667; Vol. 3: 1677–1678; Vol. 4: 1684–1689; Vol. 5: 1690–1695). Moscow, Nauka.
- Iurkin, I. N. (2007). *Andrey Andreevich Vinus. 1641–1716*. Moscow, Nauka.
- Knigi iz sobraniya Andreyi Andreevicha Vinusa : katalog* (2008) / E. A. Savel'eva, comp. Sankt Peterburg, BAN; Al'faret. 440 p.
- Konovalov, S. (1964). Patrick Gordon's Dispatches from Russia, 1667, *Oxford Slavonic Papers*, 11, pp. 8–16.
- Konovalov, S. (1967). Sixteen Further Letters of General Patrick Gordon, *Oxford Slavonic Papers*, 13, pp. 72–95.
- Kozlovsky, I. (1913). *Pervye pochty i pervye pochtmejestery v moskovskom gosudarstve* [The First Post Offices and First Postmasters in Muscovy]. Warsaw.
- Maier, I. (2004). Niederländische Zeitungen ('Couranten') des 17. Jahrhunderts im Russischen Staatsarchiv für alte Akten (RGADA), Moskau. In: *Gutenberg-Jahrbuch*, pp. 191–218.
- Maier, I. (Ed.). (2008). *Vesti-Kuranty. 1660–1662, 1664–1670 gg.* [Kuranty (Herald). 1660–1662, 1664–1670]. (Part 2: Foreign Originals to the Russian Texts). 648 p. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur.
- National Archives, London.
- Pernal, A. (2003). The London Gazette as a Primary Source for the Biography of General Patrick Gordon, *Canadian Journal of History*, 38, pp. 1–17.
- Vigilev, A. (1990). *Istoriya otechestvennoj pochty* [The History of Domestic Post]. 312 p. Moscow, Radio i svyaz'.

Waugh, D. & Maier, I. (2009). How Well Was Muscovy Connected with the World? In: Hausmann, G. & Rustemeyer, A. (Eds.). *Imperienvergleich. Beispiele und Ansätze aus osteuropäischer Perspektive. Festschrift für Andreas Kappeler* (Vol. 75, pp. 17–38). Wiesbaden (= Forschungen zur osteuropäischen Geschichte).

Waugh, D. (2015). The Best Connected Man in Muscovy? Patrick Gordon's Evidence Regarding News and Communications in Muscovy in the 17th Century, *Journal of Irish and Scottish Studies (Aberdeen)*, 7/2, pp. 61–123.

Wladimiroff I. De kaart van een verzwegen vriendschap: Nicolaes Witsen en Andrei Winius en de Nederlandse Cartografie van Rusland. Groningen, INOS/NRCe, 2008.

Translated by Anna Dergacheva

The article was submitted on 30.06.2015

Даниель Уо,
почетный профессор,
Вашингтонский университет,
Сиэтл, США
dwaugh@u.washington.edu

Daniel Waugh,
Professor Emeritus,
University of Washington,
Seattle, USA
dwaugh@u.washington.edu

DOI 10.15826/QR.2015.4.130

УДК 94(100)“1914/19”+623(470)+
+339.7

Svetlana Kuzmina

**SYNDICAT DES AFFAIRES RUSSES ET SON RÔLE
DANS LA FORMATION DU COMPLEXE MILITARO-
INDUSTRIEL DE LA RUSSIE À LA VEILLE PREMIÈRE
GUERRE MONDIALE**

Svetlana Kuzmina

**SYNDICAT DES AFFAIRES RUSSES AND ITS ROLE
IN THE MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX OF RUSSIA
ON THE EVE OF WORLD WAR I**

The dynamic development of the Russian industry at the end of 19th – early 20th century was supported largely by significant foreign investment. A particularly important role in the history of industrialization of Russia and the development of its military complex on the eve of World War belonged to the Franco-Belgian financial group called the *Syndicat des affaires russes*. This group came in very close relationship with the firm *Schneider-Creusot* and *Russo-Asiatic Bank Group*, to promote financial construction business warships, artillery, ammunition, projectiles, rockets and optics. Union of Russian Affairs with its partners organized a large industrial group in the consortium type of armament sector which exercised a major influence in the evolution of the Russian defense system on the eve of the First World War.

Key words: Union of Russian Affairs; financial groups; military complex; First World War.

Динамичное развитие российской промышленности на рубеже XIX–XX вв. имело серьезную поддержку со стороны иностранного капитала. Особенно значительная роль в индустриализации России и развитии военно-промышленного комплекса накануне Первой мировой войны принадлежала франко-бельгийской финансовой группе, получившей название «Объединение по делам России» (*Syndicat des affaires russes*). В сотрудничестве с фирмой «Шнайдер-Крезо» и Русско-Азиатской банковской группой она финансировала производство военных кораблей, артиллерии, амуниции, снарядов, ракет и военной оптики. Совместно со своими партнерами «Объединение по делам России» сформировало крупный военно-промышленный консорциум, сыгравший значительную

роль в модернизации оборонного комплекса России накануне Первой мировой войны. Эти положения заставляют сомневаться в существующем историческом мифе о неподготовленности России и ее слабом технологическом потенциале в этот период. Кроме того, Россия выступала как держава, умело использовавшая европейские достижения, применяя для этого различные механизмы взаимодействия. Автор обращается к малоизвестным документам из российских и французских архивов, что придает работе качество источниковедческого исследования.

Ключевые слова: Объединение по делам России; финансовые группы; военно-промышленный комплекс; Первая мировая война.

Le développement dynamique de l'industrie russe fin XIXe – début XXe siècle a été soutenu dans une large mesure par d'importants investissements français. Les acteurs décisifs de ce développement furent les grandes banques françaises. Elles jouèrent un rôle considérable dans le financement direct de cette industrie, prenant souvent sur elles-mêmes les risques dans les engagements, les frais, les débours, les commissions et les formations de capitaux. Dès ce moment, une collaboration étroite entre banques françaises et industrie russe s'établit de façon très soutenue.

Il est d'un grand intérêt pour l'étude de l'alliance banque-industrie de se pencher sur l'activité d'un groupe français dénommé « le Syndicat des affaires russes » [cf. Girault, p. 354–376; БОВЫКИН, 2001]. C'était alors un puissant groupe financier qui rassemblait la Banque de l'Union Parisienne¹ [cf. Boinin], la Société Générale de Belgique² [cf. Cottenier, Boosere, Gounet] et les maisons de banques Thalmann et Cie et Hirsch et Cie. Ce groupe entra en relation très étroite avec la firme Schneider du Creusot³ et les banques russes telles que la Banque Russo-Asiatique, la Banque de Commerce Privée de Saint-Petersbourg, et la Banque russe du Commerce et de l'Industrie en vue de la promotion d'affaires financières de construction de navires de guerre, d'artillerie, de munitions, de projectiles, de fusées et d'optiques qui eurent lieu dans des établissements tels que Poutiloff⁴, Newsky⁵, Baranovsky⁶, la Société

¹ *Banque de l'Union Parisienne* (1904–1973), une ancienne banque d'affaires française. Elle fut fondée en 1904, avec l'apport important par la Société Générale de Belgique. La Banque Union Parisienne était un participant actif de l'histoire financière de la Russie, notamment pour les grandes opérations de création de sociétés et d'émission de titres.

² *Société Générale de Belgique* (1822), une grande banque belge, le fondateur de plusieurs groupes financiers et industriels qui étendirent leurs activités à de nombreux pays. Dès 1880, elle s'amorça dans les affaires russes. Il s'agit surtout d'entreprises d'implantation et d'exploitation de lignes de transport urbain et d'établissements industriels pour l'exploitation de charbonnages et les usines métallurgiques dans le bassin de Donetz.

³ *Schneider-Creusot* (1836), un groupe industriel français, l'un des leaders européens historiques dans le domaine de l'armement.

⁴ *Société des Usines Poutiloff*, une grande entreprise russe. Elle fut fondée en 1868 par Nikolai Poutiloff. La société se spécialisait dans la production d'artillerie, des locomotives, des navires de guerre et les travaux mécaniques.

⁵ Chantiers navals et les ateliers mécaniques Newsky fut constituée en 1857. Elle spécialisait dans la construction des navires, des locomotives et d'aciers moulés.

⁶ *Société des usines mécaniques Baranovsky*, fut constituée en 1912 pour la reprise de l'usine des héritiers P. Baranovsky, fondée en 1877. L'entreprise se spécialisait dans la production des fusées et des poudres.

Russo-Baltique de construction navale et mécanique, la Société russe de munitions et d'armement et bien d'autres [Beaud, 1988; Beaud, 1995]. Ce fut une très puissante organisation dans le secteur de l'armement de type consortium qui joua un rôle très important dans l'évolution du système de défense russe à la veille de la première guerre mondiale.

Les causes extérieures de l'engagement du syndicat

Le Syndicat des affaires russes se constitua en juillet 1910. L'origine de sa création en fut l'intérêt des banques françaises à l'égard de la situation prospère de l'économie russe. Il rassemblait la banque de l'Union Parisienne, la Société Générale de Belgique et les maisons de banques Hirsch et Thalmann ayant pour objet l'étude et la réalisation en commun des affaires financières, industrielles, métallurgiques, minières, forestières, portuaires, des chemins de fer et de l'électricité en Russie, à l'exclusion des opérations de banque pure, des emprunts d'état et des émissions d'obligations de chemin de fer [B. U. P. CN 403]. Le syndicat fonctionnait sur le principe que toutes ses décisions se prenaient après consultation avec tous ses membres, chaque participant apportant les affaires qui lui était soumises et chacun décidant librement de prendre ou de ne pas prendre la participation qui lui était réservée. Les participations dans le syndicat avaient été fixées de la façon suivante : 50 % pour la Banque de l'Union Parisienne et la Société Générale de Belgique et 50 % pour Hirsch et Thalmann [Ibid.].

Le secteur d'activité de ce groupe financier avait été choisi comme assez vaste. Au début de son fonctionnement, le Syndicat des affaires russes se diversifia dans plusieurs branches d'industrie. Il élaborait une stratégie consistant à investir dans les affaires immobilières : dans l'aménagement de la place Michel à Saint-Pétersbourg, l'agrandissement du Port de Marioupol et des passes de Kertch ou le port de Revel, pour lequel a été créé la Société Russe de Construction. Le Syndicat des affaires russes investit beaucoup dans les constructions de chemins de fer russes tels que les chantiers de l'Oural oriental, de l'Oural du Nord-Est, de l'Altaï, de Semiretchinsk et de la Mer Noire. Pour subvenir à la carence en matériel roulant, le syndicat fonda la Société des embranchements de chemins de fer. En outre, le syndicat participa à des affaires minières ou d'électricité telles que : Midi-Caucase, Azow Minier, Caucasian Copper Compagny, Donetz-Yourievka et Société Force Electrique [B. U. P. CN 402. Dossier 357]. Toutes ces affaires représentaient une partie relativement importante des activités du Syndicat des affaires russes, mais désormais celles d'armement russes furent au centre des préoccupations de celui-ci.

Les tendances de la politique d'Etat

Les fournitures de matériel de guerre étaient assurées en Russie jusqu'au début du XXe siècle par l'industrie d'Etat et par de considérables commandes étrangères. L'industrie militaire dans le secteur privé en tant que

branche particulière de l'économie nationale n'existait presque pas. Seules certaines sociétés privées russes spécialisées dans les constructions mécaniques recevaient des commandes d'Etat insignifiantes [Шацкилло, с. 252]. L'échec de la guerre russo-japonaise de 1904–1905 souligna l'impossibilité évidente de satisfaire aux impératifs de fournir l'armée et la flotte par les établissements de l'Etat. En même temps, les commandes étrangères faisaient s'échapper du pays des moyens monétaires importants et rendaient tributaire l'armement de la Russie des sociétés et des gouvernements étrangers. La combinaison de la faible croissance de l'industrie de guerre en Russie avec le développement rapide de la technologie militaire obligea le gouvernement russe à reconnaître la nécessité d'investir dans la reconstruction du complexe militaro-industriel national par ses propres moyens.

En novembre 1907, le gouvernement russe décida de pourvoir aux besoins militaires « dans les usines russes, en matériels russes et par les ouvriers russes » [РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 237. Л. 146]. Donc, il a été établi le principe en vertu duquel les commandes d'Etat devraient n'être passées qu'en Russie. Ce n'était que dans le cas d'une impossibilité de faire appel à la production autochtone que les commandes pourraient être effectuées à l'étranger. En avril 1908, Ivan Chipov, le représentant du Ministère des Finances au sein de la commission de « l'installation des nouvelles usines construisant des munitions » écrivait que toutes les commandes d'Etat indispensables ne devraient être produites qu'en Russie, et si cela était impossible, il fallait alors, avec l'aide des firmes étrangères, « introduire de nouvelles branches de production, nécessaires à la défense » [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1789. Л. 3].

Après des années financièrement difficiles, consécutives à la guerre et à la révolution de 1905–1907, l'essor économique et l'amélioration de la situation budgétaire en Russie, autorisèrent le gouvernement à augmenter ses dépenses militaires. A partir de 1910, l'Etat entreprit de nombreuses actions en vue de renforcer l'armée. En mars 1910, le tzar adopta le « petit » programme de construction militaire comportant un projet de financement sur dix ans de 1 265 millions de roubles en faveur de l'approvisionnement de l'armée et de la flotte. En mai 1911, entra en vigueur le programme de renforcement d'escadre de la Mer Noire qui prévoyait la construction de navires pour un coût total de 102 200 000 roubles. En juin 1912 le tzar appuya un second programme quinquennal de constructions navales portant sur la période 1912–1916 au profit de l'escadre de la Mer Baltique. Le coût de cette construction a été prévu à 421 146 027 roubles [Бовыкин, 1959, с. 82]. De plus, en 1911–1912 le Ministère de la Marine commença l'élaboration du « grand » programme de constructions navales dans lequel les dépenses préalables au plan de renforcement de la flotte russe pour les vingt prochaines années (jusqu'à 1930) avaient été estimées à hauteur de 2 milliards de roubles [Зайцев, с. 232]. Le dernier programme adopté en 1913 avait prévu une augmentation considérable de l'armée de terre et le renforcement de l'artillerie.

Ce financement si important que le gouvernement destinait à la production des armements eut pour conséquence des investissements massifs

d'ordre privé dans l'industrie de la défense promettant des revenus considérables et stables. Le rôle fondamental de ceux-ci appartenait à quelques grandes banques russes et étrangères qui, en association avec de puissantes firmes internationales telles que Schneider, Vickers, Krupp, Skoda et d'autres, établirent leur contrôle sur les entreprises privées russes produisant les armements [БОВЫКИН, 1959, с. 83]. Les groupes financiers et industriels qui se formèrent en conséquence investirent généreusement dans l'élargissement et la construction des nouvelles entreprises russes en assurant l'aide financière et technique.

Les partenaires russes

En Russie dans le secteur de la production militaire se constituèrent deux principaux groupes : un premier sous leadership de la Banque Russo-Asiatique⁷ et le deuxième sous celui de la Banque Internationale de Commerce de Saint-Pétersbourg. La Banque Russo-Asiatique agissait en collaboration avec trois autres banques : la Banque de Commerce Privée de Saint-Pétersbourg, la Banque Russe du Commerce et de l'Industrie et la Banque de Sibérie à prépondérance de capitaux français tandis que la Banque Internationale de Commerce de Saint-Pétersbourg, elle, était associée avec la Banque Russe pour le Commerce Etranger et la Banque d'Escompte et de Prêt plutôt sous capitaux allemands [Шацилло, 1992, с. 146].

Le groupe de la banque Russo-Asiatique devint le partenaire principal du Syndicat des affaires russes en participation constante avec la maison Schneider. Ils ont fondé collectivement un puissant groupe financier et industriel qui, en plongeant dans les affaires russes, mena une concurrence acharnée en vue de préserver ses intérêts dans l'industrie de fabrication de matériel de guerre en Russie contre son rival – le groupe de la Banque Internationale de Commerce de Saint-Pétersbourg. Pour la première fois, les intérêts de ceux-ci se heurtèrent dans les affaires aux établissements Poutiloff.

L'intérêt des banques pour les établissements Poutiloff ne s'est pas fait par hasard. Cette éminente société s'était spécialisée depuis longtemps dans la production des différents types d'armements et était l'unique entreprise privée fabriquant des canons. L'exploitation de son service d'artillerie conduisit à établir des relations avec les plus grandes firmes étrangères productrices de matériel de guerre et notamment avec Schneider. Les contrats de collaboration technique avec Schneider et Krupp permirent à la société Poutiloff de se trouver en position dominante dans la production en Russie de systèmes étrangers d'artillerie parmi les plus modernes [ЦГИА СПб.

---

⁷ *Banque Russo-Asiatique* (1910–1917), banque russe aux capitaux français, formée par la fusion de la Banque Russo-chinoise avec la Banque du Nord. La Banque Russo-Asiatique spécialisée dans le financement de l'industrie russe, agissant en commun avec ses partenaires la Banque de Commerce Privée de Saint-Pétersbourg, la Banque russe du Commerce et de l'Industrie et la Banque de Sibérie. La Banque Russo-Asiatique fut dirigée par Alexey Poutiloff.

Ф. 1309. Оп. 1. Д. 99. Л. 310–314; Д. 272. Л. 165–168]. En 1910, le vice-amiral S. Voevodsky témoignait : « Dans le système de concours existant au département militaire, la société qui présente au concours le meilleur système obtient les commandes. Les usines Poutiloff présentaient les systèmes de Krupp et de Schneider. Les usines Poutiloff recevaient des commandes car ses systèmes se trouvaient toujours être les meilleurs en concours, et ils payaient ensuite leur écot à Krupp et à Schneider notamment en leur octroyant tous les équipements nécessaires à chaque système » [РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 469. Л. 2].

La possession de cette société ouvrait des perspectives financières remarquables car les commandes d'Etat s'accumulaient. A partir de 1910, la proportion de la production de Poutiloff en matériel de guerre s'accrût subitement. En 1908, la société produisit pour 3,9 millions de roubles, ce qui représentait 30,8 % de sa production totale et en 1911 pour 7,6 millions de roubles. L'exécution des commandes de l'Etat composait cette année là 43,3 % de sa production totale de la société et lui rapporta 70% de bénéfice [БОВЫКИН, 2001, с. 220]. Evidemment, la position de cette société dans l'industrie des armements nationaux n'a pas pu se maintenir sans susciter l'intérêt des banques. A partir de février 1911, entre les banques russes se déclencha une lutte afin qu'elles puissent exercer leur influence sur les établissements Poutiloff.

La guerre de concurrence au sein de la Société Poutiloff

Jusqu'au début de 1911, dans le Pravlenie (Conseil d'administration) de la Société Poutiloff, c'était la Banque Internationale qui avait véritablement une influence prépondérante au sein de celui-ci car depuis longtemps cette entreprise était exclusivement sous son contrôle. Or, à l'occasion de la réalisation de l'augmentation du capital de la société de 12 à 16 millions de roubles en février 1911 par l'émission de 40 000 actions de 100 roubles, le groupe de Banque Russo-Asiatique réussit à obtenir une participation de 21,25 %. Elle entra ainsi dans le Pravlenie de la Société. Mais la majorité des actions était toujours gardées par la Banque Internationale [ЦГИА СПб. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 14. Л. 62]. A partir de ce moment-là, les deux groupes furent obligés de partager la direction des établissements Poutiloff. Cependant la banque Russo-Asiatique avait pour but de prendre le contrôle de la société : « la Banque Internationale avec laquelle nous devons partager maintenant par moitié toutes les opérations actives et passives de la Société qui sont fort intéressantes pour une banque » [РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 474. Л. 30]. La firme de Schneider-Creusot devint un véritable allié du groupe de Banque Russo-Asiatique dans cette démarche.

La firme Schneider et Cie du Creusot était en relation technique depuis 1897 avec la société Poutiloff. Elle souhaitait développer sa collaboration de manière plus stable et plus intensive [La Broise, Torres, p. 115]. Mais elle voulait ainsi éliminer la concurrence de Krupp. En mai 1910 encore,

le directeur technique de la firme Schneider, Husson, lors de son voyage à Saint-Petersbourg envisageait la création d'« une combinaison, laquelle pourra « ipso facto » éliminer absolument Krupp » [БОВЫКИН, 1959, c. 85]. En février 1911, Schneider signa une convention avec la société Poutiloff en vue d'une collaboration technique et industrielle dans les matériels d'artillerie [D'Angio, p. 129]. En même temps, il entra en relation avec la Banque Russo-Asiatique et s'allièrent tous deux par la suite, comprenant qu'ils avaient des intérêts communs à agir dans les mêmes directions.

Alexey Poutiloff, le président du conseil d'administration de la banque Russo-Asiatique témoigna de cette alliance : « La Société Poutiloff est liée par des contrats avec le Creusot, mais elle est également liée et elle travaille de temps en temps avec Krupp. Le Creusot désire prendre en mains l'affaire et l'avoir sous son influence exclusive ; notre intérêt à nous, Banque Russo-Asiatique, est de soutenir le Creusot et, avec son aide, sinon d'écartier tout à fait, du mois d'affaiblir l'influence dans le Pravlenie des Usines de Poutiloff de la Banque Internationale » [РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 474. Л. 30].

La société des usines Poutiloff

La prise de contrôle

Les installations de la société Poutiloff étaient insuffisantes pour l'exécution de commandes importantes en canons de gros calibre destinés à la flotte. Il a donc été envisagé d'augmenter le capital afin de s'assurer les fonds nécessaires pour les nouvelles fabrications de pièces de grosse artillerie et la réalisation du projet de fondation d'un chantier naval. Au printemps 1911, cette question a été examinée à Saint-Petersbourg par Alexey Poutiloff et le représentant du Creusot. Un accord préalable à la constitution du syndicat destiné à garantir l'augmentation de capital des Usines Poutiloff avec la participation de 25 % du Creusot a, dès lors, été conclu [Ibid.]. Schneider s'engageait sur le plan technique à assurer les travaux en vue du réaménagement et du développement de la société. De son côté, le groupe de la Banque Russo-Asiatique assumait les questions financières [БОВЫКИН, 2001, c. 222].

Alexey Poutiloff décida, en vue d'un soutien financier, de s'adresser à la Banque de Paris et des Pays Bas et à la Société Générale car ces banques actionnaires principales possédaient 75 % du capital de la Banque Russo-Asiatique. Dans sa lettre du 6/19 décembre 1911 expédiée à Dorizon, Alexey Poutiloff, proposa de participer à la combinaison en donnant les explications suivantes : « La lutte ne serait possible pour moi que si une certaine quantité d'actions était à Paris dans votre clientèle de la Banque Russo-Asiatique, je pourrais avoir aux Assemblées Générales le dessus sur l'Internationale... Lorsque nous aurons la majorité, nous ferons entrer de force dans le Pravlenie des Poutiloff, le représentant du Creusot, mais pour avoir cette majorité, il faut que les actions soient introduites à la Bourse de Paris » [РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 474. Л. 31-32].

En même temps, le groupe Schneider communiqua avec le Syndicat des affaires russes. Il proposa de prendre part au Syndicat de garantie de l'augmentation de capital de 12 millions de roubles de Poutiloff et de l'émission de 6 millions d'obligations. Déjà, le 29 décembre 1911, M. Barbé de la Banque de l'Union Parisienne donna connaissance de l'information suivante « d'accord avec les représentants du Creusot, il sera proposé au groupe russe et autres membres du groupe français d'apporter aux conditions du Syndicat de garantie de l'augmentation de capital des Usines Poutiloff », mais de 16 millions de roubles sans émission d'obligations [BUP CN 391. Dossier 141].

Le 8 janvier 1912, la Banque de Paris et des Pays Bas ainsi que la Société Générale décidèrent de ne pas s'impliquer dans la combinaison des Usines Poutiloff. En conséquence de quoi le Syndicat des affaires russes s'engagea dans cette opération mais avec certaines modifications. A la réunion du 16 janvier 1912 tenue à la Banque de l'Union Parisienne, en présence de Alexey Poutiloff, Alexey Davidoff (le président de la banque de Commerce Privée de Saint-Petersbourg), des représentants de la firme Schneider et du Syndicat des affaires russes, la proposition des banques russes d'émission de 16 millions de roubles destinées aux installations de la société Poutiloff fut acceptée à hauteur de 25 % de participation dans l'opération du groupe français. Mais il était envisagé aussi de ne procéder qu'avec la réalisation de l'affaire Newsky. En fait, le Syndicat des affaires russes proposa à la Société Poutiloff d'absorber la société Newsky [Ibid.].

Les chantiers navals et les ateliers mécaniques Newsky sur lesquels le groupe Thalmann avait une option, était alors un puissant établissement mais dans la situation financière très sensible qui était la sienne, il fut mis sous administration de la banque d'Etat à partir de 1904. Au point de vue de la perspective de réalisation des programmes étatiques de constructions navales, cette société est devenue intéressante pour les affaires [Girault, p. 537]. La réunion du 16 janvier décida que le groupe russe constituerait un syndicat ayant pour objet de s'assurer la position d'un certain nombre d'actions de la Société des Usines Poutiloff. Lorsque ce syndicat se serait assuré le contrôle du nombre d'actions qu'il jugerait nécessaire, il serait convoqué à une assemblée de la Société Poutiloff devant laquelle il serait proposé de procéder à une augmentation de capital, du montant nécessaire à l'achat de l'affaire Newsky pour sept millions de roubles [BUP CN 391. Dossier 141].

Pendant la deuxième moitié de janvier 1912, le Syndicat bancaire sous la direction de la Banque Russo-Asiatique réalisa l'opération d'achat des actions des Usines Poutiloff. Le syndicat réussit ainsi à acquérir un considérable portefeuille d'actions [РГИА. Ф. 630. Оп. 6. Д. 456. Л. 70]. La nouvelle réunion de 19 mars 1912 tenue à Paris à la Banque de l'Union Parisienne adopta les conditions suivantes de la combinaison : le capital de la société Poutiloff fut porté de 16 millions à 25 millions de roubles par l'émission de 90 000 actions de 100 roubles. Cette émission était liée à l'achat de la totalité des parts de la Société des chantiers Newsky pour six millions de roubles qui fut payée par 60 000 actions nouvelles de Poutiloff. 30.000 actions nou-

velles de la Société Poutiloff furent affectés à certaines installations nécessaires. La participation dans l'opération se montait à 57 % pour le groupe russe, à 38 % pour le Syndicat des affaires russes et à 5 % pour Schneider et Cie [BUP CN 391. Dossier 141].

Le 16 mai 1912 le groupe russe vota, comme convenu, à l'assemblée générale des Usines Poutiloff pour l'augmentation de capital de la société et l'achat de Newsky. A l'été 1912 l'opération financière fut réalisée. La société Newsky se réorganisa en société par actions nantie d'un capital de 7 millions de roubles répartis en 70 000 actions de 100 roubles. La totalité des actions de Newsky a été remise dans le portefeuille de la société Poutiloff. Grâce cette opération le groupe financier franco-russe prit le contrôle de la Société des Usines Poutiloff. La combinaison de l'été 1912 détermina la division originale de la sphère d'influence des deux groupes bancaires russes. L'influence du groupe de la Banque Russo-Asiatique se répandit sur l'industrie de l'armement de la région de la Nord-Baltique, tandis que le groupe de la Banque Internationale de Commerce de Saint-Petersbourg fut en supériorité dans la région du Midi de la Russie, particulièrement dans les constructions de la mer Noire.

La politique du syndicat : performances et facteurs de production

Ces deux sociétés Newsky et Poutiloff demeurèrent formellement indépendantes. En fait, les modifications de fonctionnement étaient évidentes. Au sein du conseil d'administration de la Société Newsky, trois représentants de la Société des Usines Poutiloff furent introduit. A la suite de la constitution de l'union personnelle dans l'administration, le processus d'extension des rapports de production se développa. Le 16 mai 1912, l'assemblée générale des Usines Poutiloff reconnaissait : « l'unification et la corrélation de l'activité des sociétés Newsky et Poutiloff est un des facteurs indispensables à l'activité en commun, étant interdépendantes dans leur quête de la plus importante puissance » [ЦГИА СПб. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 300. Л. 1]. Les impératifs de fabrication, l'aménagement et les objectifs de production durent être modifié pour chaque société.

Le 15 décembre 1912, le programme de coopération de deux établissements fut présenté dans le rapport du conseil d'administration de la Société Newsky. Les points suivants furent exposés dans ce programme : 1) la suppression des ateliers de laminage et d'aciérie de Martin car la Société Poutiloff pouvait fournir les besoins de la Société Newsky ; 2) la création d'une usine pour la fabrication d'aciers moulés et forges d'éléments de canons de tous calibres avec l'aide technique des Etablissements Skoda pour l'atelier d'artillerie de Poutiloff ; 3) approvisionnement des produits d'estampage de la Société Newsky aux besoins de la Société Poutiloff ; 4) unification de l'activité des bureaux techniques [БОВЫКИН, 1959, с. 101]. Le réaménagement de la Société Newsky qui s'ensuivit en 1913–1914 en vue de la réalisation de ce programme permit de fournir des produits moulés à la Société Poutiloff. Ainsi, des relations économiques étroites s'établirent entre la Société de Newsky et la Société de Poutiloff.

Il y eut par la suite d'autres changements dans le fonctionnement de la Société Poutiloff après que le groupe financier franco-russe en eût pris le contrôle. On commença la construction d'un grand chantier naval. Ce projet existait au conseil d'administration de la Société Poutiloff depuis 1910. Pour l'installation de ce chantier, le 4 octobre 1911, la Société passa même un contrat avec la maison allemande *Blohm und Voss*⁸, qui prévoyait le droit exclusif pour vingt ans de collaboration technique et de commandes à l'étranger [ЦГИА СПб. Ф. 1309. Оп. 1, Д. 18. Л. 93]. Mais la construction ne commença qu'après la ratification du programme impérial de constructions navales de la Mer Baltique de 1912 et sous la nouvelle administration de la Société Poutiloff.

L'assemblée générale de la Société des Usines Poutiloff du 30 avril 1912 autorisa le début de la construction, fixant les futures dépenses autour de 14 millions de roubles. Les travaux de construction commencèrent dès l'été 1912. Déjà, le 4 octobre 1912, la Société Poutiloff obtint la commande d'Etat pour fabriquer huit torpilleurs et deux croiseurs de 6.300 tonnes pour un coût total de 32,6 millions de roubles [ЦГИА СПб. Ф. 1276. Д. 2597. Л. 1]. Mais la construction du chantier naval provoqua des dépenses beaucoup trop importantes que la Banque Russo-Asiatique ne pouvait assumer seule. Donc, le groupe russe s'adressa au Syndicat des affaires russes pour l'obtention d'une aide financière.

La réunion de 9 mai 1913 fut tenue à Paris à la Banque de l'Union Parisienne et le Syndicat des affaires russes donna son accord pour effectuer une avance de 12 millions de francs sur le produit de l'augmentation de capital de la Société Poutiloff, mais à la condition expresse que le contrat avec la maison allemande devrait être modifié. Le groupe français insista que la firme Schneider et Cie obtienne un droit égal avec Blohm und Voss pour la collaboration technique et les commandes à l'étranger [BUP CN 1128]. Après les négociations du groupe russe avec les allemands, la maison Blohm und Voss accepta les modifications dans leur contrat, renonça à leurs droits exclusifs. Le 16 juillet 1913, la Société Poutiloff signa l'accord avec la firme Schneider. En septembre et décembre 1913, la Société des Usines Poutiloff obtint une avance de 4,5 millions de roubles sur garantie de 70 milles actions de la Société Newsky.

L'avance attribuée en 1913 fut investie dans la poursuite de la construction du chantier naval. Au total pour ces travaux, la Société Poutiloff dépensa 6,7 millions de roubles en 1913 et 7,4 millions de roubles en 1914. Dans ce chantier, on construisit une grande cale et quatre petites avec plusieurs différents ateliers – de construction navale, de turbine pour chaudière et de cuivre. A la fin 1912, le chantier naval de Poutiloff commença l'exécution des commandes. Pendant l'année 1913, il fabriqua différentes productions pour 3 millions de roubles. L'importance du chantier naval s'accrut, car sur 90 millions de roubles de commandes pour la Société des Usines Poutiloff, 40 millions furent affectés au chantier naval.

---

⁸ *Blohm und Voss*, une société de la construction navale allemande, créée en 1877 à Hambourg.

Des investissements importants de modernisation de la société Poutiloff en 1912–1914 eurent lieu dans ce secteur, mais aussi dans d'autres branches de production. Environ 5 millions de roubles furent placés dans la rénovation de l'atelier métallurgique, qui était en mauvais état depuis longtemps. Ces capitaux permirent d'installer deux nouveaux laminoirs à tôles, un atelier à cylindres, un four électrique, la réfection de l'Acierie Martin avec l'adoption de fours de 40 tonnes, la reconstruction de la fonderie de cuivre et l'atelier de fabrication des tourelles. Environ la même somme fut investie dans la section d'artillerie où les travaux de rénovation se poursuivirent avec l'installation d'un atelier de canons pour la fabrication de pièces de moyen et gros calibre, d'un atelier de montage pour la fabrication des régulateurs de vitesse, d'une annexe à l'atelier de torpilles et de l'installation d'un pilon de 20 tonnes. L'artillerie devint la meilleure division de Poutiloff, fabriquant 46,6 % de la production totale, elle fournissait 83 % du revenu global de la société.

Les nouvelles constructions et installations ont permis de développer considérablement les travaux en vue de l'exécution des commandes et d'engager à cet effet un nouveau contingent d'ouvriers. En 1912, il y avait aux Usines Poutiloff de Saint-Pétersbourg 10 014 ouvriers. Au début de 1914, ces usines occupaient déjà 16.751 ouvriers. Mais les commandes s'accroissaient plus rapidement encore.

Les conséquences financières

Les commandes pour les établissements Poutiloff s'accumulèrent. En 1911, la société obtint des commandes pour 26,7 millions de roubles ; après un an déjà, elles représentaient un total de 48,3 millions et, en 1913, atteignaient le chiffre de 90 millions. En 1914, les établissements Poutiloff honorèrent des commandes pour une somme de 125 millions de roubles environ [Шаццлло, с. 149]. 70 % de celles-ci étaient des commandes du ministère de la Marine et de l'Armée. Il devrait encore recevoir très prochainement de grandes commandes pour l'artillerie, les chemins de fer ainsi que pour le Ministère de la Marine pour l'exécution du grand programme de constructions navales. Donc, les établissements Poutiloff étaient garantis de travailler sur une longue période. Ils augmentèrent ainsi en proportion leur productivité annuelle.

Le Pravlenie jugea indispensable de déclarer que la marche accélérée des travaux de construction pour l'usine et les chantiers exigeait une activité intense et l'effort immédiat de nouveaux capitaux dans l'entreprise. La réunion d'octobre 1913 exposa que, depuis longtemps, les besoins en capitaux présentés pour l'exécution du programme ratifié par l'assemblée de 30 avril 1912 pour la construction et l'installation n'avaient pas été satisfaits. Jusque là, il n'avait pas été possible de constituer un groupe financier garantissant l'augmentation avec le large concours du Syndicat des affaires russes avec lequel on s'était déjà mis d'accord. Le groupe français, reportant à plus tard le problème de la situation précaire du marché financier, fit traîner la réalisation de la combinaison. En janvier 1914, des négociations

étaient encore en cours entre le Syndicat des affaires russes et les banques russes, quand des propositions furent faites par un groupe financier avec la participation de Krupp, pour l'augmentation de capital de la société Poutiloff.

Cette situation provoqua un grand scandale politique entre la France et la Russie, ce qu'on appela à l'époque « l'incident Poutiloff ». Car l'idée d'achat par Krupp de la plus importante société russe de production de matériel de guerre d'invention française suscita les plus vives émotions en France. La campagne de presse insista sur le fait que les allemands pourraient être au courant des secrets de fabrication française et bien sûr du fameux canon de 75. La Russie fut accusée de trahison des intérêts de l'alliance franco-russe. La situation ne put être sauvée qu'au plus haut niveau du pouvoir. Le groupe associé à Krupp recula sous la pression et le président du Conseil Gaston Doumergue, déclara que « l'incident était réglé au mieux des intérêts de la France » [Delaisi, p.28]. Mais en réalité, cette situation résultait de la lutte bien organisée de deux groupes rivaux financiers multinationaux en vue d'avoir le contrôle sur une société russe très importante comme les Usines Poutiloff.

Finalement, cette apparition de l'influence « allemande », la campagne de presse qui s'ensuivit et les interventions gouvernementales eurent comme résultat d'accélérer l'accord entre le Syndicat des affaires russes et l'établissement Poutiloff. Pour améliorer rapidement la situation financière difficile de la Société Poutiloff, le groupe franco-russe octroya une deuxième avance de 4 millions de roubles en février 1914. En avril 1914, le conseil d'administration fut autorisé à porter le capital de 25 millions à 40 millions par la création de 150 000 nouvelles actions de 100 roubles et à émettre 69 000 obligations de 5,5 % de 500 frs [BUP CN 383. Dossier 233]. Par suite des circonstances du début de la Première Guerre mondiale, cette opération n'a pu être réalisée.

De nombreuses réalisations industrielles

La Société russe de munitions et d'armement

L'autre combinaison se réalisa par le Syndicat des affaires russes avec la Société russe de munitions et d'armement. Cette société avait été fondée en 1910 et pourvue d'un capital de 1,8 millions de roubles. Elle produisait différents types de munitions pour les commandes d'Etat. Elle généra un excellent profit au début de son fonctionnement qui permit de donner 10 % de dividende. Le conseil d'administration émettant la supposition d'agrandir la société entra en négociations avec la firme Schneider. En février 1911, l'accord fut signé pour la fabrication de torpilles et de projectiles de type Schneider contre des royalties d'un montant égal ou supérieur à 85 000 francs par an [D'Angio, p. 129]. En mai 1911, le conseil d'administration accepta l'augmentation de capital jusqu'à 3,6 millions de roubles. Pendant cette opération le groupe de la Banque Russo-Asiatique en profita pour en-

trer au conseil d'administration. Aussitôt l'activité de la société s'intensifia et un projet de constructions navales apparut.

Le Ministère de la Marine appuya ce projet. Le 21 décembre 1911 l'assemblée générale adopta la résolution de fondation des chantiers navals, de porter le capital à 10 millions roubles pour financer ce projet et d'acheter la terre à Reval où on planifia de commencer la construction. Le Syndicat des affaires russes assumait la réalisation financière de cette opération tandis que la firme Schneider « assumait la responsabilité de la construction des chantiers navals et garantissait à la Société russe son assistance technique complète pendant l'exécution des commandes » [БОВЫКИН, 2001, с. 229]. La participation à l'augmentation du capital de la société était la suivante : le groupe français – 55,8 %, le groupe russe – 37,2 % et la société Schneider – 7 % [РГИА. Ф. 630. Оп. 11. Д. 815. Л. 6, 13, 16–18]. L'opération financière fut menée pendant l'été 1912. Le résultat de celle-ci en a été la prise de contrôle sur la société de munition et d'armement par le groupe financier franco-russe.

La séance du conseil des ministres de 4 octobre 1912 offrit au futur chantier naval la commande de construction de deux croiseurs et de six torpilleurs pour un coût total de 30 millions roubles. Cela a été le résultat d'une longue bataille engagée par le Syndicat des affaires russes avec ses concurrents. Les commandes de l'état assuraient ainsi l'essor de la société. L'assemblée générale du 6 octobre 1912 adopta une série de décisions importantes. Le coût de la construction du chantier naval à Reval fut estimé à 13 millions de roubles. Il a été décidé que 5 millions de roubles seront couverts par l'émission passée et 8 millions par l'augmentation future du capital. Donc, le capital de la Société russe de munitions et d'armement se porta à 18 millions de roubles. L'assemblée générale approuva l'accord avec la firme Schneider pour la collaboration technique. Par cet accord, la firme Schneider a obtenu pour récompense 5000 actions de la société et 6 % sur le prix de chaque torpilleur [BUP CN 399. Dossier 161].

Dès décembre 1912, la construction des chantiers navals s'accéléra à Reval tandis que l'administration continuait les travaux d'agrandissement de la Société russe de munitions et d'armement. La même année, elle commença l'installation des nouvelles usines des Mines et des Projectiles à Saint-Petersbourg ainsi qu'une grande aciérie : elle agrandit et perfectionna aussi d'autres ateliers. Les nouveaux travaux dans les ateliers de Saint-Petersbourg coûtèrent 3,7 millions de roubles en 1912, 4,2 millions en 1913 et 6,7 millions en 1914. Le résultat de ces travaux fut que la production de la Société fut portée de 1,2 millions de roubles en 1912 à 6,7 millions en 1914 [РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 43. Л. 9].

La Société Russo-Baltique de construction navales à Reval

Vers le printemps 1913, les travaux de construction des chantiers navals de Reval avançaient considérablement. La firme Schneider termina quatre petites cales, différents ateliers. Elle installa la station électrique, les ateliers navals, la turbine, la chaudronnerie et deux grands chantiers. Avec le dé-

veloppement des travaux de construction, les principaux actionnaires de la Société Russe de munitions et d'armement décidèrent d'émanciper les chantiers navals de Reval afin de les rendre indépendants. Pendant la réunion tenue à la Banque de l'Union Parisienne le 9 mai 1913 avec la présence des représentants de la Banque Russo-Asiatique, la Banque Russe de commerce et la firme Schneider, il a été décidé la constitution de la « Société Russo-Baltique de construction navales ». Le capital original de la nouvelle Société était fixé à 10 millions de roubles avec une perspective d'augmentation de capital jusqu'à 35 millions de roubles [BUP CN 1128].

La première assemblée d'actionnaires de la nouvelle Société Russo-Baltique du 18 juin 1913 décida d'acheter les chantiers navals de Reval à la Société Russe de munitions et d'armement et d'augmenter son capital de 20 millions de roubles pour amortir le prix d'achat et ainsi permettre de poursuivre les travaux. Les engagements financiers que comportait la constitution de la société incombèrent au groupe financier russo-français, le Syndicat des affaires russes. 24 juillet 1913, le contrat d'achat et de vente des chantiers de Reval fut signé pour 7 millions de roubles. La société Russo-Baltique s'engagea à payer à la Société Russe de munition et d'armements 5 millions de roubles en 50 000 actions bloquées pendant 2 ans et 2 millions de roubles en espèces [Ibid.].

En juin 1913, le groupe financier franco-russe organisa le syndicat des premières émissions d'actions pour 10 millions de roubles. La participation dans ce syndicat fut la suivante : 46,5 % pour les banques françaises, 46,5 % pour les banques russes et 7 % pour l'entreprise Schneider. Le groupe franco-russe laissa 64 962 actions sur un total de 100 milles actions sous son contrôle se conformant ainsi au pourcentage convenu de participation dans le syndicat [BUP CN 442. Dossier 200].

La réunion du 1er (14) novembre 1913 à la banque de l'Union Parisienne examina la question de l'augmentation prochaine du capital de la Société Russo-Baltique de 10 millions à 20 millions de roubles. Le groupe financier franco-russe décida d'accorder une avance de 3 millions de roubles pour la poursuite des travaux de construction et s'engagea à réaliser une opération d'augmentation de capital à la moitié de l'année 1914. Finalement, en 1914, les banques réalisèrent la première émission pour seulement 5 millions de roubles [РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 309. Л. 1]. Les opérations suivantes de financement de la Société Russo-Baltique par la deuxième émission d'actions et l'émission d'obligations pour 7,5 millions roubles furent bloquées par le début de la Première Guerre mondiale.

Au début de la guerre, la construction du chantier naval de la Société Russo-Baltique à Reval n'était pas terminé, mais il était déjà l'une des plus puissantes, des plus modernes et probablement une des meilleures usines de la Russie. Les équipements de la société étaient beaucoup plus importants que ce qui avait été prévu au début de la construction : « si on trouvait possible de réaliser deux grands chantiers, en fait, on en réalisait trois. Sur ces chantiers on pouvait construire des navires de n'importe quelle taille. Sur quatre chantiers de torpilleurs, on en faisait six, dans lesquels on pou-

vait réaliser des navires jusqu'à 1200 tonnes. Maintenant les chantiers de Reval pouvait construire sur une période de trois ans deux navires de ligne (ou 6 croiseurs légers), dix-huit contre-torpilleurs et s'il le fallait, quelques sous-marins » [Шаццлло, с. 166]. La Société disposait de deux grues de 60 tonnes, deux grues de 15 tonnes, un grand atelier naval, plusieurs différents ateliers modernes et bien équipés, le chemin de fer etc. Au total pour la construction des chantiers navals, le conseil d'administration dépensa près de 23 millions de roubles dans le but de « construire les plus importants navires de guerre et de commerce ». Lors d'une visite officielle à Reval, le général-major Ogloblinsky a reconnu, que l'inspection du chantier « suscita chez moi des sentiments d'envie sincère » [РГВИА. Ф. 1248. Оп. 1. Д. 1. Л. 55].

D'autres réalisations industrielles

Le Syndicat des affaires russes participa dans d'autres combinaisons dans le secteur de l'industrie d'armement en stimulant la création du consortium des complexes industriels achevés. Au début de 1914 le Syndicat des affaires russes participa aussi à l'opération d'augmentation de capital de la Société des usines mécaniques des cartoucheries et des fabriques de tubes Baranovsky. Il s'agissait de construire une usine de poudre près de Vladimir avec la collaboration technique de la firme Schneider. Utilisant les mêmes méthodes d'implantation, le groupe financier franco-russe prit des positions dominantes dans cette Société [BUP CN 424. Dossier 317].

En outre, en février 1914, le groupe franco-russe fonda la Société russe d'optique au capital de 1,2 millions de roubles pour assurer la fabrication des matériels optiques pour ses propres sociétés telles que Poutiloff, Russo-Baltique et Newsky. Pour préserver l'indépendance de ses sociétés dans le domaine de la métallurgie, le groupe financier franco-russe acquit en 1913 la Société des Hauts Fourneaux de Toula⁹, alors qu'elle était financièrement ruinée [B. C. L. DEEF 13600]. La société de Toula commença à prendre son essor, mais étant limitée dans la matière première, elle n'avait pas pu fournir entièrement en métal les sociétés de construction métallique du groupe. Les besoins de croissance de sa base métallurgique, surtout pour la nouvelle usine de fabrication d'aciers moulés de Newsky stimulèrent l'organisation par le groupe franco-russe d'une tentative d'obtenir la moitié du contrôle d'une grande société métallurgique anglaise, Hughes¹⁰. Le groupe franco-russe put obtenir des accords de principe avec les actionnaires anglais, mais le début de la Première Guerre Mondiale empêcha la réalisation de ce projet [BUP CN 408. Dossier 257].

⁹ *Hauts-Fourneaux de Toula* (1895) est une société anonyme de droit belge constituée avec les concours de la Société métallurgique d'Espérance-Longdoz. Elle a eu pour objet l'exploitation de hauts-fourneaux près de Toula.

¹⁰ *Société anglais New-Russia Co Ltd* – Usine Hughes fut constituée en 1869 par l'anglais John Hughes en vue d'exploitation des mines de charbon et de fer. Un des plus importants établissements métallurgiques de la Russie méridionale.

Conclusion

Le rôle du Syndicat des affaires russes dans l'histoire de l'industrialisation de la Russie à la veille de la Première Guerre Mondiale est très important. Ce syndicat, avec son partenaire, le groupe de la banque Russo-Asiatique, et la collaboration constante de la firme Schneider constituèrent un puissant consortium dans le système de l'industrie de défense russe qui subordonna à son influence plusieurs éminentes entreprises industrielles russes spécialisées dans la production d'armement. Au total, le groupe franco-russe unifia huit sociétés russes, pour une somme de capitaux de 85 millions de roubles et pour un bilan total de 230 millions de roubles. Ce consortium concentra dans ses mains la production privée de toute l'artillerie et des tubes, 27 % de projectiles, 50 % de douilles, deux tiers de croiseurs, et la moitié des torpilleurs.

Juridiquement toutes ces sociétés russes restaient indépendantes, mais, de facto, leur politique de fonctionnement était décidée à Paris sous l'influence du Syndicat des affaires russes. On peut donc envisager que les principes de gestion des entreprises par le Syndicat des affaires russes était très caractérisé. En premier lieu, le groupe établit son contrôle financier sur la société industrielle qui devint financièrement dépendante des banques. Des représentants du groupe franco-russe entrèrent dans le conseil d'administration de celle-ci. Les banques se trouvèrent de plus en plus liées à l'activité des sociétés industrielles. C'est pourquoi, en deuxième lieu, la modernisation importante des sociétés russes permit d'améliorer les processus de production. Cette modernisation due à l'augmentation considérable du capital avait été prévue pour le financement d'importants travaux de rénovation. Ces travaux se réalisèrent avec la collaboration de la maison Schneider qui assura la partie technique. En troisième lieu, l'organisation des rapports de production contribua à l'accélération du processus de concentration.

Le Syndicat des affaires russe aspirait à créer un groupe sous la forme d'un complexe industriel complet. Et donc, peu à peu, le groupe organisa la production de l'extraction de matières premières jusqu'à la construction de machines plus compliquées telles que, par exemple, les navires. Donc, le cycle de production était bouclé. Le processus d'extension des rapports de production entre les entreprises du groupe se développa progressivement. Pour éviter la concurrence entre les établissements du groupe, la fabrication était réservée par spécialisation des sociétés : la Société des Usines Poutiloff produisait le matériel d'artillerie, Newsky – les produits moulés ; la Société russe de munitions et d'armement – les projectiles ; la Société Baranovsky – les poudres etc. Là où il n'était pas possible d'échapper à la concurrence, comme, par exemple dans le cas de la construction navale, les sociétés trouvèrent un arrangement : « la Société Russe s'engage purement et simplement à fixer le même prix que la Société Poutiloff, mais il est nécessaire d'envisager la concurrence » [BUP CN 391. Dossier 140].

L'activité du Syndicat des affaires russes stimula le développement rapide de l'industrie d'armement russe. Pendant la période 1912–1914 en

Russie, ont été mis au point plusieurs processus de production de différents types d'armement au niveau technique le plus moderne. La Première Guerre mondiale montra que, finalement, la Russie n'était pas encore prête pour la guerre. Mais il ne faut pas oublier que le temps avait manqué et que beaucoup de projets initialement envisagés n'avaient pas pu être réalisés. Mais la participation des banques et des industriels français en Russie contribuèrent à jeter les bases du complexe militaro-industriel russe qui prit, par la suite, tout son développement.

Список литературы

- Бовыкин В. И. Банки и военная промышленность России накануне Первой мировой войны // Исторические записки. Т. 64. М. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 82–135.
- Бовыкин В. И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М. : РОССПЭН, 2001.
- Зайцев А. А. Военное судостроение в России накануне и в период Первой мировой войны: дис. ... канд. экон. наук. М., 1948.
- Шаццлло К. Ф. Государство и монополии в военной промышленности России. Конец XIX в. – 1914 г. М. : Наука, 1992.
- Beaud C. Investissements et profits du groupe multinational Schneider // Histoire, économie et société. 1988. Vol. 7, No 1. P. 127–138.
- Beaud C. Les Schneider marchands de canons (1870–1914) // Histoire, économie et société. 1995. Vol. 14. No 1. P. 107–131.
- Bonin H. La Banque de l'Union Parisienne, 1874/1904–1974: histoire de la deuxième grande banque d'affaires français. Paris : PLAGE, 2001.
- Cottenier J., Boosere P. de, Gounet T. La Société Générale, 1822–1992. Bruxelles : EPO, 1989.
- D'Angio A. Schneider et Cie et la naissance de l'ingénierie. Des pratiques internes à l'aventure internationale 1836–1949. Paris : Ed. CNRS, 2000.
- La Broise T. de, Torres F. Schneider : L'histoire en force. Paris : J.-P. de Monza, 1996.
- Delaisi F. Le patriotisme des plaques blindées : L'affaire Poutiloff. Nîmes : Ed. de la revue « La Paix par le droit », s. d. [1913].
- Girault R. Emprunts russes et investissements français en Russie 1887–1914. Paris : Comité pour l'histoire économique et financière de la France, 1999.

References

- Beaud, C. (1988). Investissements et profits du groupe multinational Schneider. In *Histoire, économie et société*, 7/1, pp. 127–138.
- Beaud, C. (1995). Les Schneider marchands de canons (1870–1914). In *Histoire, économie et société*, 14/1, pp. 107–131.
- Bonin, H. (2001). *La Banque de l'Union Parisienne, 1874/1904–1974: histoire de la deuxième grande banque d'affaires français*. Paris, PLAGE.
- Bovy'kin, V. I. (1959). *Banki i voennaya promy'shennost' Rossii nakanune pervoj mirovoj vojny'* [Russian Banks and the Defense Industry on the Eve of World War I]. In *Istoricheskie zapiski*. (Vol. 64, pp. 82–135). Moscow, Izd-vo AN SSSR.
- Bovy'kin, V. I. (2001). *Finansovy'j kapital v Rossii nakanune pervoj mirovoj vojny'* [Financial Capital in Russia on the Eve of World War I]. Moscow, ROSSPEN.
- Cottenier, J., Boosere, P. de, & Gounet, T. (1989). *La Société Générale, 1822–1992*. Bruxelles, EPO.
- D'Angio, A. (2000). *Schneider et Cie et la naissance de l'ingénierie. Des pratiques internes à l'aventure internationale 1836–1949*. Paris, Ed. CNRS.
- Delaisi, F. (1913). *Le patriotisme des plaques blindées. L'affaire Poutiloff*. Nîmes, La Paix par le droit.

Girault, R. (1999). *Emprunts russes et investissements français en Russie 1887–1914*. Paris, Comité pour l'histoire économique et financière de la France.

La Broise, T. de & Torres, F. (1996). *Schneider. L'histoire en force*. Paris, J.-P. de Monza.

Shacillo, K. F. (1992). *Gosudarstvo i monopolii v voennoj promy'shlennosti Rossii. Konec XIX v. – 1914 g.* [The State and Monopolies in the Russian Defense Industry. Late 19th Century – 1914]. Moscow, Nauka.

Zajcev, A. A. (1948). *Voennoe sudostroenie v Rossii nakanune i v period pervoj mirovoj vojny': dis. ... kand. e'kon. nauk* [Russian Naval Shipbuilding before and during World War I]. (Dissertation). Moscow.

The article was submitted on 25.06.2015

Светлана Кузьмина,
кандидат исторических наук,
докторант,
Университет Париж-Сорбонна
(Париж-IV)
kuzmina.svetlana@yahoo.fr

Svetlana Kouzmina, Dr.,
PhD student,
University Paris-Sorbonne
(Paris IV)
kuzmina.svetlana@yahoo.fr

**LES INVESTISSEMENTS FRANÇAIS EN RUSSIE DE 1857
À 1914: CONSEILS, EXPERTISES ET STRATÉGIES**

Thierry Claeys

**FRENCH INVESTMENTS IN RUSSIA BETWEEN 1857
AND 1914: COUNCILS, EXPERTISE AND STRATEGIES**

On the eve of the First World War, France had become the largest investor in the Russian loans as well as in the economic fabric of the Tsarist Empire. France is gradually overtook all European countries over the years 1900–1914. Yet before 1857 and the involvement of the Credit Mobilier, created by the Pereire brothers, the number of French investors in the Russian economy was anecdotal. The testimony given by engineers “politichniens” evolved in Russia First Empire at the dawn of the 1850s, the creation of rail infrastructure in the Donets then to the Black Sea – areas rich in raw materials – expertise French engineers involved in the Great company of Russian Railways (Grande compagnie des chemins de fer russes), as well as bankers and diplomats, gradually aroused the interest and the French investment in Russia in the early 1870s banking and industrial strategies will be developed in a second part forthcoming.

Keywords : bank; railway; school; expert; engineer; investment; metallurgy; mine; technological transfer.

Накануне Первой мировой войны Франция стала главным покупателем русских долговых обязательств и основным иностранным инвестором в экономике царской империи, постепенно обогнав в течение 1900–1914 гг. все другие европейские государства, хотя до 1857 г. и создания Кредитной компании братьев Перейр количество французских инвесторов в российской экономике было смехотворным. В период с Первой империи и до начала 1850-х гг. изменилась роль, которую играли французские инженеры в России. Создание железнодорожной инфраструктуры в бассейне Дона, а затем и продление железнодорожной ветки до Черного моря – в регионы, богатые природными ресурсами, знания, привносимые французскими инженерами, участвующими в проектах Главного общества российских железных дорог, а равно и возрастающая роль французских дипломатов и банкиров – все это постепенно привело к увеличению французских инвестиций в Россию с начала 1870-х гг. Стратегии банковских и промышленных групп будут подробно рассмотрены во второй части статьи в следующем номере журнала.

Ключевые слова: банк; железная дорога; школа; эксперт; инженер; инвестиция; металлургия; шахта; технологический переход.

En 1914, à la veille de la Première Guerre mondiale, les investissements français en Russie s'élevaient à 12,5 milliards de francs et représentaient 25 % du total des investissements à l'étranger¹. D'après les tableaux publiés par René Girault dans sa thèse, soutenue en 1971, près de 5/6es des placements français concernaient des fonds publics russes². De 1888 à 1914, ces placements étaient passés de 1,24 milliards de francs à 10,123 milliards, avec une progression régulière. Au cours de la même période, le montant des capitaux français placés dans des entreprises privées passa de 219,8 millions de francs à 2 245,2 millions. Un peu moins d'un tiers des capitaux étaient investis dans les sociétés métallurgiques et près d'un cinquième dans l'exploitation minière³. Tableau abrégé des placements français en francs dans des entreprises privées en Russie⁴ (tabl. 1).

Tableau 1

Les placements français en francs dans des entreprises privées en Russie

Année	Mines	Pétrole	Métallurgie	Textile	Banques
1888	31,2 millions	17,9 millions	70,6 millions	14,6 millions	19,5 millions
1914	446,3 millions	161,9 millions	835,7 millions	126,7 millions	277,5 millions

Selon les sources soviétiques, à la veille de la Grande guerre les capitaux étrangers investis dans l'Empire montaient à 2 242 974 600 roubles-or, au taux nominal de 4 francs le rouble-or⁵. La part des capitaux français s'éleva à 731 746 600 roubles, devançant ceux d'origine britannique (507 479 800 r.), allemande (441 293 200 r.), belge (341 602 500 r.), et américains (117 750 000 r.). Au regard des chiffres issus des sources occidentales, ces derniers semblèrent être très sous-estimés. Cependant, les sources soviétiques demeurent intéressantes ; d'après celles-ci, en 1917, un quart des capitaux étrangers, soit environ 420 millions de roubles, avait été investi en Ukraine. La part des capitaux français

¹ Voir l'excellente étude de Rondo Cameron [Cameron, p. 380, tableau 4]. L'auteur avait réévalué les chiffres donnés par Herbert Feis qui les estimait à 11,3 milliards [Feis, p. 33 sq., p. 51]. Voir également à ce sujet : [Crisp, 1960, p. 90].

D'après les évaluations de Rondo Cameron, à la même époque 12 % du total des investissements français furent effectués en Amérique latine, soit un peu moins de la moitié de ceux faits en Russie, 9 % dans la péninsule ibérique, 9 % dans les colonies françaises, 7 % dans l'Empire ottoman, 5 % en Égypte et dans le canal de Suez. D'après Pierre Renouvin, depuis l'emprunt de décembre 1888 – deux ans et demi avant les accords du 27 août 1891 – et les 15 émissions suivantes, jusqu'en 1913, le total souscrit par les Français s'éleva à 9,8 milliards de franc-or. Les Français détinrent 80 % de la dette publique souscrite à l'étranger [Renouvin, p. 136].

² Les fonds publics comprennent les emprunts d'État, les bons du Trésor, les emprunts des compagnies de chemins de fer garantis par le gouvernement et les emprunts municipaux [Girault, p. 83].

³ D'après des sources cités par Valery Bovykin, à la veille de la Première Guerre mondiale, les investissements français dans les sociétés par actions existant en Russie représentaient 31,2 % de l'ensemble des investissements étrangers. Les capitaux anglais, allemands et belges représentaient respectivement 24,3 %, 19,8 % et 14,4 % des investissements étrangers dans les sociétés par actions en Russie [Bovykin, p. 87].

⁴ V. Bovykin précisa que l'autofinancement des entreprises n'était pas pris en compte. Il s'agissait des capitaux nominaux [Bovykin, p. 84].

⁵ Au sujet des fluctuations de la monnaie russe, et les fluctuations liées aux variations des roubles argent, ceux dits assignats et les roubles-or, voir l'excellent article de Joseph Waller [Waller].

était écrasante. Les investissements des sociétés belges, auxquelles les Français participaient souvent assez largement pour des raisons fiscales et monétaires – la Belgique faisant partie de l’Union latine, et les francs français et belges étant de même valeur, arrivaient en seconde place⁶. Tableau abrégé des investissements étrangers en Ukraine à la veille de la Révolution de 1917⁷ (tabl. 2).

Tableau 2

Les investissements étrangers en Ukraine à la veille de la Révolution de 1917

Industries	Total	Capitaux français	Capitaux belges	Capitaux germano-autrichiens
Houillère	111,9 millions roubles	81,6 millions roubles	18,2 millions roubles	3,5 millions roubles
Sidérurgie/métallurgie	170,9 millions roubles	114,6 millions roubles	48,2 millions roubles	–
Industrie des métaux	69,4 millions roubles	6 millions roubles	20,2 millions roubles	31 millions roubles
Chimie	19,9 millions roubles	4,1 millions roubles	15,5 millions roubles	–
Entreprises communales	41,3 millions roubles	–	–	5,9 millions roubles
Autres branches	5,8 millions roubles	4,3 millions roubles	–	1,2 millions roubles
Total en Ukraine	419,2 millions roubles	210,6 millions roubles	137,8 millions roubles	–

⁶ Voir à ce sujet l’ouvrage assez méconnu et pourtant excellent de Wolodymyr Kosyk [Kosyk, p. 55].

Ces chiffres ne sont pas conformes aux pourcentages avancés par l’historien belge Wim Peeters. D’après cet auteur les investisseurs étrangers contrôlaient 45 % de l’économie russe et 72 % des secteurs minier et métallurgique ; 41 % de ces capitaux provinrent de Belgique. Enfin, 62 % des capitaux étrangers investis dans le Donets auraient été également d’origine belge et 65 % de la production d’acier dans le Donbass auraient été contrôlés par des entreprises belges. Or, ces pourcentages sont valables en 1900, et non plus en 1914. Ils reposent sur les chiffres tirés de l’article de Maurice Verstraete, publié en septembre 1900 : le total des capitaux français investis s’élevait alors à 692 371 823 francs – cf. tableau III – contre 834 030 200 francs – cf. tableau VI – en provenance de la Belgique ; les montants étaient cependant sous-estimés aux dires de l’auteur, lequel n’ayant pas été en mesure d’y intégrer les mises de fonds dans les sociétés en commandite simple ou par actions ainsi que les capitaux investis dans les compagnies des chemins de fer, de tramways et électriques, les omnium, les trusts, etc. voir [Verstraete, 1900, p. 2–3].

La présence belge était forte dès 1892, pour deux raisons : les barrières douanières mises en place par la Russie, aux tarifs prohibitifs, et la crise sévissant en Belgique, entraînaient l’implantation de 166 entreprises belges et une forte émigration de main d’œuvre, essentiellement wallonne. [Peeters, 1992 ; Peeters, 1998 ; Peeters, Wilson, 1999].

Indéniablement, l’émigration belge a été extrêmement importante alors qu’elle fut très faible du côté français, mais il faut d’autant plus tempérer les assertions de la thèse de Wim Peeters que bien des sociétés de loi belge cachaient en réalité des capitaux en provenance de la France en 1900 [Verstraete, 1900, p. 6–7]. En l’absence, dans l’état actuel des connaissances, de listes exhaustives d’entreprises d’origine française ayant des intérêts en Russie, et de leurs poids respectifs, il est impossible de faire des comparaisons avec leurs homologues belges, mieux connues.

En réalité, il y eut un effet de ciseaux quant aux investissements belges et français. Fortement touchés par la crise économique sévissant en Russie en 1901, les investisseurs belges se montrèrent beaucoup plus timorés au cours de la décennie qui suivit à l’inverse de leurs homologues français, très entreprenants [Raffalovitch, 1902, p. 717–718].

⁷ Ce tableau reprend en partie les chiffres fournis par Wolodymyr Kosyk [Kosyk, p. 56].

Pourtant, avant les années 1850, les investissements français en Russie étaient pour le moins anecdotiques. Seuls quelques rares entrepreneurs avaient tenté l'aventure dont les frères Henri Armand et Joseph Frédéric Dutfoy, natifs de Saint-Denis près Paris, qui fondèrent une cristallerie au cours des années 1840. Le fils du second créa à son tour une usine chimique à Saint-Petersbourg spécialisée dans les parfums. De retour à Paris au début du Second Empire, Henri Armand Dutfoy fonda une maison de banque en association avec William Kinen sous la raison *Dutfoy, Kinen et Ce* en 1857. Cette dernière servit d'intermédiaire pour l'échange de 31 millions de francs en métaux précieux entre la *Banque de France* et la *Banque de l'État russe* en 1861⁸. Sans postérité, Henri Armand Dutfoy céda en 1882 sa maison de banque à son neveu d'origine danoise, Jean Émile Hoskier, qui demeura un des agents du gouvernement russe jusqu'à 1917⁹.

Dans les faits, d'après des témoignages de l'époque, le commerce international en Russie était tenu par les Anglais et les Allemands au Nord, par les Grecs, les Italiens, les Arméniens et les Juifs dans les zones méridionales [Blackwell, p. 65].

Les principales conditions préalables indispensables aux investisseurs pour réaliser des spéculations fructueuses consistent en l'existence d'infrastructures suffisantes d'autre part. de réseaux d'informateurs, d'experts et de « rabatteurs d'affaires », d'autre part. L'attractivité de la Russie augmenta aux yeux des investisseurs français avec la volonté du gouvernement russe de doter le territoire d'un véritable réseau de voies ferrées au lendemain de la guerre de Crimée et d'améliorer le réseau fluvial afin de désenclaver les riches bassins miniers, d'une part, avec le développement et la modernisation de son système bancaire à partir de 1860 avec la création d'une Banque d'État, puis à partir de 1864 avec la multiplication des banques commerciales, d'autre part¹⁰.

Les ingénieurs jouèrent un rôle déterminant dans la transmission d'informations, d'expertises et de technologies nouvelles.

Au cours du XVIIIe siècle, l'enseignement technique et scientifique français, organisé notamment autour de l'École des ponts et chaussées, fondée en 1747 – la première école d'ingénieurs au monde [Picon], puis l'École des mines, rayonnait en Europe. Dès 1794, la Convention créa

⁸ Voir la notice concernant Armand Dutfoy produite par Nicolas Stoskopf [Stoskopf, p. 157–158]. Les Dutfoy précédèrent le célèbre parfumeur Henri Brocard, installé en Russie en 1861. Au sujet d'Henri Brocard, voir les recherches entreprises par Nicole Cherpitel et Olga Okouneva [Cherpitel, Okouneva, p. 368–381].

⁹ Concernant Jean Émile Hoskier, voir le témoignage de Robert Hentsch, son parent [Hentsch].

¹⁰ Il n'existait que 23 banques privées en 1860. La première banque moderne fut la Banque privée de Saint-Petersbourg, créée en 1864 et 32 autres banques privées virent le jour jusqu'en 1873, dont la Banque Internationale de Commerce de Saint-Petersbourg, soutenue par les Allemands, en 1869, et la Banque Azov-Don, soutenu conjointement par des Allemands et Français, en juin 1871. La crise de 1873 puis la guerre russo-turque de 1876 emportèrent six banques de création récente. Voir à ce sujet les travaux d'Olga Crisp et d'Antony Rowley [Crisp, 1976, p. 144–147 ; Rowley, p. 199–210].

l'École des travaux publics – décret du 11 mars 1794 – convertie l'année suivante en École polytechnique, propre à former des ingénieurs civils et militaires. Les écoles d'application, dont celles des mines et des ponts et chaussées, fermées avec la chute de la monarchie, revirent le jour par la loi du 22 octobre 1795 (30 vendémiaire an iv) [Belhoste B., p. 110, 114–118]. Enfin, la Convention fonda le Conservatoire national des arts et métiers – gratuit, ne nécessitant pas d'examen d'entrée, mais ne délivrant aucun diplôme – ainsi que l'École normale supérieure¹¹. Ces écoles accueillirent des élèves de originaires de tous les départements français jusqu'à la chute du Ier Empire, voire hors des frontières, et répandirent durant à peu près 20 ans les idées françaises en matière d'enseignement scientifique et technologique [Cameron, p. 53–58 ; Gouzévitch I., Gouzévitch D., 2009, p. 43–58].

En 1809, un ancien élève de l'École des ponts et chaussées sous l'Ancien Régime, Augustin de Betancourt, parvenu au rang de chef des Corps d'ingénieurs civils russes, convainquit le tsar Alexandre Ier de demander la mise à sa disposition de plusieurs ingénieurs à Napoléon Ier ; ce dernier lui envoya quatre polytechniciens : Pierre Dominique Bazaine (X 1803), Jacques Alexandre Fabre (X 1801), Charles Michel Potier (X 1805) – devenu général en Russie – et Maurice Destrem (X 1804)¹². Exilés entre 1812 et 1815, ils réorganisèrent l'Institut du corps des ingénieurs des voies de communications (ICIVC), créé par le manifeste impérial du 20 novembre 1809, et réalisèrent de grands travaux, notamment la réalisation du canal de Ladoga, la navigabilité de la Néva et la grande route de Saint-Pétersbourg à Moscou [Cameron, p. 63–64 ; Gouzévitch I., Gouzévitch D., 2005]. Dès 1813, Joseph Marie Anne Jean Antoine Auguste Gleizes (X 1798), fait prisonnier l'année précédente, fut nommé professeur du cours de mécanique à l'ICIVC, y côtoyant l'un des fondateurs, le mathématicien Jean Résimont, durant une année. Bazaine et Destrem lui succédèrent comme professeur du cours de mécanique respectivement de printemps 1815 au printemps 1818 et d'automne 1818 au printemps 1820. Ils eurent comme successeurs Gabriel Lamé (X 1814) et Benoît Émile Clapeyron (X 1816). Le premier resta en fonctions jusqu'au printemps 1830, le second jusqu'en octobre 1831 [Gouzévitch I., Gouzévitch D., 2005, p. 46, 55]. Ils regagnèrent Paris. Lamé entra comme professeur à l'École polytechnique alors que Clapeyron fit une brillante carrière aux chemins de fer français.

D'autres scientifiques français ont pu fréquenter ces polytechniciens à Saint-Pétersbourg : le mathématicien Claude Joseph Ferry, Antoine Raucourt de Charleville (X 1809), lieutenant colonel au service de Russie,

¹¹ À partir de 1819, un certain nombre de Russes fréquentèrent les cours libres au Centre National des Arts et Métiers, tel notamment Alexandre Erchov, qui réorganisa l'École des métiers de Moscou en 1859 ; cette institution devint en 1868 l'École impériale technique de Moscou. La direction en fut confiée à un autre Russe ayant fréquenté le Conservatoire national des arts et métiers, Viktor Della Vos [Gouzévitch I., Gouzévitch D., 2003, p. 247–278].

¹² La lettre X désigne les polytechniciens ; voir la liste des promotions à partir de l'an III (fin 1794) à 1827 fournie par Ambroise Fourcy [Fourcy, p. 391–475].

membre du Corps des ingénieurs des voies de communication de ce pays de 1821 à 1827 et donnant un cours de construction à l'ICIVC¹³, le saint-simonien Prosper Enfantin qui demeura à Saint-Petersbourg en 1822¹⁴, envoyé par une maison de banque française [Cameron, p. 64], ainsi que le colonel Jean Cathala (X 1803, tout comme Bazaine), qui se rendit en Russie en la compagnie du colonel d'Hincourt pour observer les fortifications. Parmi les nombreux polytechniciens ayant travaillé ultérieurement en Russie, deux exemples doivent être cités à cause des écrits qu'ils laissèrent sur la Russie : Frédéric Le Play, ingénieur des Mines [Thépot, p. 419 sq.], et Édouard Charles Romain Collignon, inspecteur général des ponts et chaussées et professeur de mécanique à l'École des ponts et chaussées. Le premier, autorisé par les autorités de tutelle, fut chargé par le prince Demidov de superviser un sondage dans la vallée du Donets, en Russie du Sud, en 1837 [Demidov]. À cette occasion, le tsar Nicolas lui accorda deux entretiens. Il fut derechef employé par Demidov pour observer puis diriger les exploitations minières et industrielles dans l'Oural. Il retourna encore en Russie en 1853¹⁵. Le second, ayant été employé par la Grande Société de chemins de fer en Russie de 1857 à 1862, édita deux après son retour en France un ouvrage très complet tant sur la compagnie pour laquelle il avait travaillé que sur l'économie, la géographie, le climat, la société en Russie, *etc.* [Collignon ; Pélissier]. De nombreux X-Ponts et X-Mines suivirent leur exemple après la guerre de 1870 et ont travaillé pour le compte d'entreprises françaises en Russie jusqu'à la Révolution de 1917.

Antoine Raucourt de Charleville et Achille Ferry – fils de Claude Joseph Ferry – figurèrent parmi les premiers professeurs de la prestigieuse École Centrale des arts et Manufactures, l'un en 1832, l'autre de 1832 à 1862.

Au lendemain de la chute du 1er Empire, l'École polytechnique se referma. Sous la Restauration, elle se militarisa et accueillit les étrangers en

---

¹³ Dmitri Gouzévitch et Irina Gouzévitch ont édité un très intéressant mémoire d'Antoine Raucourt de Charleville adressé de Stockholm au tsar Nicolas Ier en 1827 et dans lequel il passa en revue la vie interne du Corps des ingénieurs des voies de communication dont il avait été témoin entre 1821 et 1827 [Gouzévitch D., Gouzévitch I., 1996, p. 479–504]. Les mêmes auteurs ont étudié les ingénieurs français impliqués dans les constructions et aménagements de Saint-Petersbourg à partir de 1816 [Gouzévitch D., Gouzévitch I., 2005].

¹⁴ Enfantin sembla fortement influencer Lamé et Clapeyron par ses idées [Coilly, Régnier, p. 132].

¹⁵ Le Play fut accompagné d'Henri Malinvaud (1807–1837), un ingénieur des mines sorti de l'École de Saint-Étienne, et de Léon Chrétien Lalanne (1811–1892), ingénieur des ponts et chaussées, ainsi que d'une botaniste, d'un géologue et d'un zoologiste, tous Français. En outre, le comte Charles de Sainte-Aldegonde (1787–1853, X 1806), vétéran de la campagne de Russie, colonel en 1829, général major en 1830, officier du Corps des ingénieurs des Mines, accompagna également en 1837–1838 l'expédition organisée par le prince Demidov. Au sujet de l'expédition de Demidov [Belhoste J. F., 2004, p. 10–18 ; Crouzet, p. 323–335 ; Gouzévitch D., Gouzévitch I., 2003, p. 117–145 ; Nouvel, p. 21–22 ; Roussel, p. 97–131].

Ultérieurement, Léon Chrétien Lalanne fut chargé d'une première reconnaissance stratégique menée contre la Russie lors de la guerre russo-turque en Valachie et en Moldavie. Peu après, il fut envoyé par le gouvernement français pour organiser un itinéraire pour convoier le ravitaillement des forces alliées assiégeant Sébastopol entre le Danube et la Mer noire [Gouzévitch I., Gouzévitch D., 1996, p. 172].

auditeurs libres¹⁶. En réaction à cette politique, un homme d'affaires et quatre scientifiques de renom fondèrent à Paris la première école d'ingénieurs civils privée au monde en 1829 : l'École Centrale des arts et Manufactures. Son succès au-delà des frontières fut immédiat. Jusqu'en 1855, 25 % des diplômés étaient d'origine étrangère. De 1832 à 1860, 10 élèves russes et 39 dits « polonais » sortirent diplômés de cette école. De 1861 à 1913, 65 Russes et 43 « Polonais » furent diplômés¹⁷. Ces chiffres ne tiennent pas compte des élèves ayant abandonné leurs études avant terme et qui bénéficièrent du prestige d'y avoir été inscrits. Ils étaient également très recherchés. Nombreux furent les ingénieurs des Arts et Manufactures, tant français qu'étrangers, à essaimer à travers l'Europe, voire le monde. Le Pétersbourgeois Alexandre Gottschalk est une parfaite illustration des ingénieurs étrangers formés à l'École Centrale des Arts et Manufactures. Né d'un père Danois et d'une mère Française, installés en Russie, il arriva en France à l'âge de 9 ans, étudia au lycée Louis-le-Grand puis à l'École Centrale dès l'âge de 16 ans, et en sortit le premier de sa promotion en 1853. Dès l'année suivante, il entra à la Compagnie des chemins de fer du Midi dirigée par Eugène Flachet, Émile Clapeyron et Louis Lechatelier, et fut envoyé au pays de Galles pour observer la construction du viaduc de Crumlin [Gajewski, Gottschalk, p. 192-204]¹⁸. Dès 1857, il entra au sein du comité de direction à Paris de la *Grande Société des chemins de fer russes* où il resta jusqu'en 1866, y devenant ingénieur en chef. À ce titre, il s'occupa de la construction des gares et bâtiments d'exploitation de Saint-Petersbourg à Varsovie et de Moscou à Nijni-Novgorod. En 1862, il ouvrit l'ultime section du chemin de fer de Moscou à Nijni-Novgorod. Dès l'année suivante et jusqu'en 1866, il y agissait comme directeur de la régie du matériel roulant du chemin de fer Nicolas de Saint-Nicolas de Saint-Petersbourg à Moscou, pour le compte des sociétés Cail et Fives-Lille, qui fournissaient notamment les locomotives et le matériel d'exploitation à la Grande société des chemins de fer russes. En 1867, le polytechnicien Paulin

¹⁶ En 125 ans, 47 Russes ont fréquenté l'École polytechnique à titre d'auditeurs externes, dont Piotr Rakhmanov, en 1804, Alekseï Majurov – ou Mayouroff –, en 1808, furent les premiers d'après la banque de données des X, de 1794 à 1993, établie sous la direction de Francine Masson, à la Bibliothèque de Polytechnique [Gouzévitch I., Gouzévitch D., 2003]. Il faut ajouter à ces deux premiers les frères André et Michel prince Gallitzin en 1810, Zoerkell en 1814 et 1815, les princes Emmanuel Gallitzin et Troubetzkoy ainsi que Potemkin en 1820, Mayffredy en 1821, le baron de Mendorf en 1823, et à partir de 1815 de nombreux Polonais, redevenus sujets russes, dont Skrodski, Miechowicz, Niedaromski, Garbinski, Janički – envoyé par Alexandre Ier en 1820, etc. [Fourcy, p. 387-389].

¹⁷ Renseignements fournis Jean-Louis Bordes, l'un des auteurs de « Centrale Histoire » que je remercie. Je me réfère à la communication de Jean-Louis Bordes et Jean Martin, « De l'importance des centraliens étrangers et à l'étranger, quelques chiffres et figures » à l'occasion du colloque *Ingénieurs étrangers en France, et français à l'étranger, l'aventure des centraliens*, organisé par Centrale Histoire et le Centre Roland Mounier de l'Université Paris Sorbonne, Paris le 11 octobre 2012 (actes en cours de publication). D'après Jean-François Belhoste, que je remercie également, 105 sujets russes – 68 Polonais et 37 autres Russes – en sortirent munis de la fondation de l'école jusqu'en 1878.

¹⁸ À l'époque de sa publication, Gottschalk résidait à Saint-Petersbourg tandis que Jean Gajewski, son compatriote, ingénieur des Arts et Manufactures, promotion 1852, demeurait à Glasgow, Cambridge street. Ultérieurement, Gajewski rejoignit Gottschalk et fut nommé inspecteur du matériel de la *Grande Société des chemins de fer russes*. Il décéda avant 1888 [École centrale des arts et manufactures, p. 42].

Talabot, administrateur délégué du comité parisien de la Compagnie des chemins de fer du Sud de l'Autriche, le fit nommé directeur du matériel et de la traction de cette société internationale : il fut responsable de 2 300 Km de lignes alpestres très difficiles d'exploitation, comprenant le Brenner et le Semmering. Il en assura la direction jusqu'en 1878. Il acheva sa carrière en France et reçut nombre de distinctions et honneurs¹⁹ [Loreau, Reymond et autres ; Picard, Orsel].

Un autre ingénieur des Arts et Manufactures, Ladislas Édouard de Kronenberg, né à Varsovie en 1848, décédé à Paris en 1892, embrassa la même profession que son père ; il fut banquier à Varsovie puis à Paris. Il fut le principal souscripteur pour la création du journal *Le Génie Civil* en 1880. Il était à la croisée du monde des ingénieurs et de celui des rabatteurs d'affaires issus des milieux bancaires.

Il est bien sûr illusoire d'embrasser en ces quelques lignes ce monde assez méconnu d'experts et conseillers financiers ; cependant, il faut citer les quelques banquiers d'origine russe qui agirent en France à partir de la toute fin des années 1860, jusqu'à la Révolution de 1917 : Evséï Gabrielovitch – dit Joseph Erzel – baron de Günzburg, banquier à Saint-Petersbourg, arrivé à Paris dès 1866, puis ses fils, répartis entre les capitales russe et française, Michel Ephrussi et Hermann Abramovitch Raffalovitch, tous deux banquiers nés à Odessa.

Michel Ephrussi (1844–1914), neveu par alliance du banquier et ingénieur des Arts et Manufactures Raphaël Louis Bischoffsheim (1623–1906), beau-frère de la baronne Charlotte Béatrix de Rothschild – une fille du baron Alphonse de Rothschild, régent de la Banque de France de 1855 à 1904, et de Léon Fould – cousin des banquiers et d'un ministre du Second Empire éponymes, introduisit ses alliés dans les affaires russes et fut cofondateur du *Comptoir Général Russe*, en 1874²⁰, et de la *Banque russe du commerce et de l'industrie à Saint-Petersbourg* créée en 1890²¹. Michel Ephrussi, Léon Fould et Salomon David baron de Günzburg comptèrent parmi les fondateurs de la *Société d'Électricité Skrivanow*, fondée à Paris en 1883 ; ils avaient intéressé à cette opération les banquiers Camondo, Cahen d'Anvers, la banque *A. J. Stern et Cie*, Ernest May, directeur de la *Banque Franco-Égyptienne*, Charles Louis Sautter, directeur de la *Banque de Paris et des Pays-Bas*, et la *Société de construction des Batignolles* dirigée par Ernest

¹⁹ Le dossier de Légion d'honneur d'Alexandre Gottschalk contient des extraits d'état-civil, un rapport très détaillé concernant sa carrière et des distinctions [Archives nationales LH/1172/20].

²⁰ Les statuts de la société en nom collectif et en commandite dénommée *Comptoir Général Russe* furent établis le 30 décembre 1874 entre Maximilien Lentz, conseiller du tsar de Russie, demeurant à Paris, place de la Madeleine n° 9, en nom collectif, ainsi que Frédéric Auguste Oswald, baron de Fabrice, Alexandre Hourko, général en retraite, domicilié à Saint-Petersbourg, le comte André Mniszczek, domicilié à Paris, et Michel Ephrussi. Le siège social fut fixé à Paris, rue Scribe n° 4 [ANMC, étude LVI, 969].

²¹ La *Banque russe du commerce et de l'industrie à Saint-Petersbourg* fut notamment créée par plusieurs négociants de la 1ère guilde de Moscou et de Saint-Petersbourg, ainsi que les maisons de banque parisiennes *Ephrussi et Cie*, *Badel frères et Cie*, *A. J. Stern et Cie*, et *I. Camondo et Cie* [ANMT, 65AQ A 24].

Goüin, un parent par sa femme de la famille Pereire²². Enfin, son frère, Maurice Ephrussi, gendre du baron Alphonse de Rothschild, influença les membres de la maison de banque *Rothschild frères* à investir dans les exploitations pétrolières de la Caspienne dont la rentabilité était assurée grâce à l'ouverture de la ligne de chemin de fer reliant Bakou à Batoum et son exportation par la mer Noire. Après des négociations menées avec les sociétés Nobel d'une part, de la fin 1883 à l'été 1884, Bunge et Palaskovskij de septembre 1884 au 4 mars 1885, le choix se porta sur la seconde. Celle-ci fut finalement rachetée et prit le nom de *BNITO* ; le baron Alphonse de Rothschild en devint le président, et son gendre Maurice Ephrussi le vice-président²³. Cette société donna plusieurs filiales. Néanmoins, les Rothschild s'en désengagèrent définitivement après le pogrom de 1910 et la revendirent à la *Royal Dutch Shell* en 1911 [ANMT, 65AQ O 297].

Les opérations d'Hermann Abramovitz Raffalovitch (1829–1893) sont assez méconnues. Son fils aîné, Arthur Raffalovitch (1853–1921), polyglotte, fut un journaliste et économiste statisticien distingué, auteur de nombreux ouvrages dont une première étude sur les *Finances de la Russie*, publiée en 1883 [Raffalovitch, 1883], suivie d'une seconde en 1889 [Raffalovitch, 1889]²⁴, 26 volumes intitulés *Le marché financier*, dont le premier numéro parut en 1891 et le dernier en 1920, ainsi que de nombreux articles dans le *Journal des Économistes* et l'*Économiste français*. Conseiller d'État de Russie, il fut un agent du ministère des Finances de Russie à Paris. Encensé à sa mort, sa mémoire fut entachée par la publication de sa correspondance avec le ministère des Finances de Russie par le journal *L'Humanité* du 5 décembre 1923 au 30 mars 1924, qui fit scandale. Celui-ci fut ravivé en 1931 à l'occasion de la sortie de l'ensemble de sa correspondance en un volume paru sous le titre *L'Abominable Véralité de la presse. Correspondance d'Arthur Raffalovich, d'après les documents des archives russes, 1897–1917* [Raffalovitch, 1931]. Pour assurer le succès des émissions d'emprunts russes au sein du grand public, il avait copieusement arrosé la presse parisienne, distribuant entre 1900 et la veille de la Grande guerre un montant total de 6,5 millions de francs. Cette divulgation eut pour conclusion une réforme complète des statuts de la presse en 1935, en imposant des principes de déontologie aux journalistes professionnels [Jeanneney, p. 118 ; Martin, p. 166].

Il est impossible de passer sous silence deux experts employés par les gouvernements français et belges : le diplomate français Maurice Paul

²² Les statuts de la *Société d'Électricité Skrivanow*, dont le siège fut fixé à Paris, Bd Haussmann n° 11bis, et le capital à 250 000 F divisé en 100 actions de 2 500 F, furent établis le 23 janvier 1883 par Grégoire Georges de Skrivanow, ingénieur électricien qui apporta les brevets d'inventions qu'il avait obtenus en France et à l'étranger [ANMC, étude VIII, 1853].

²³ Les experts qui intervinrent dans cette opération furent Jules Aron, l'ingénieur conseil au sein de la banque *Rothschild frères*, spécialiste en installation de réservoirs et de pompes spéciaux pour l'exploitation du pétrole de Fiume, le port austro-hongrois, et Henry Deutsch, spécialiste du transport maritime d'huiles [Razvozzhaeva].

²⁴ Voir également deux autres ouvrages et opuscules concernant la Russie et ses rapports avec la France, successivement publiés en 1904 et 1915 [Raffalovitch, 1904; Raffalovitch, 1915].

Alfred Verstraete (1866–1955) [Claeys] et le juriste belge Marcel Lauwick qui avait inspecté les entreprises belges dans le Donets, « une province industrielle belge transportée en Russie » [Ronin, p. 80 ; Hauttecoeur]²⁵.

Le premier, entré aux Ministère des Affaires étrangères en 1888, avait présenté de grandes qualités en tant que vice-consul à Chicago en 1892, puis en tant que secrétaire du commissariat général français de l'Exposition colombienne l'année suivante, lorsqu'il fut affecté au Consulat général à Moscou le 18 octobre 1894. Nommé consul de seconde classe le 17 août 1895, il fut chargé à ce titre d'une mission à l'exposition de Nijni-Novgorod, en 1896. L'année suivante, il publia à Paris un ouvrage intitulé *La Russie industrielle, étude sur l'Exposition de Nijni-Novgorod* [Verstraete, 1897] par lequel il se fit remarqué. Le 1er avril 1897, il fut attaché à l'Ambassade de France à Saint-Pétersbourg en tant que secrétaire d'ambassade honoraire. Le 15 mai suivant, il fut chargé d'une mission commerciale en Russie et publia à l'issue de celle-ci un second ouvrage intitulé *L'Oural* à Paris en 1899 [Verstraete, 1899]. Le 8 juillet 1899, il fut nommé en sa qualité de diplomate expert en matière industrielle et commerciale administrateur de la *Banque Russo-Chinoise*, une banque fondée fin décembre 1895 à l'initiative du ministre des Finances, le comte Sergeï Yulyevich Witte, le baron Rodolphe Hottinguer, l'un des membres de la Haute Banque parisienne, la *Banque Internationale de Commerce de Saint-Pétersbourg*, la *Banque de Paris et des Pays-Bas*, le *Comptoir National d'Escompte* et la *Banque de l'Indochine*. Les 5/8es du capital social initial avaient été remplis par des établissements bancaires français et belges. Malgré ses nouvelles fonctions, il semble continuer à fournir des renseignements sur la situation des investissements français en Russie et des dangers de certains d'entre eux²⁶. Tout en conservant sa place d'administrateur au sein de cette banque, il fut nommé administrateur délégué de la toute nouvelle *Banque du Nord* – une filiale de la *Société Générale pour le développement du Commerce et de l'Industrie en France* en Russie – le 10 octobre 1901, huit jour après avoir été nommé consul général honoraire.

Marcel Lauwick, qui conclut sa carrière en tant que professeur de l'Université de Gand, avait publié plusieurs ouvrages sur la Russie²⁷ [Lauwick, 1905, 1907, 1909], y décrivant la situation économique et sociale, et mettant en garde les lecteurs sur la qualité très moyenne de la main d'œuvre locale [Lauwick, 1907, p. 136,141].

(à suivre).

²⁵ Vladimir Ronin cita notamment un rapport du député Henri Delvaux ; d'après ce dernier 1 531 ouvriers belges et 22 contremaîtres sont allés en Russie en 1897, 1485 dont 52 contremaîtres en 1898, 1 362 dont 48 contremaîtres en 1899. 300 ouvriers de Charleroi s'étaient installés avec leurs familles servant de main d'œuvre qualifiée au sein des verreries belges en Russie [Ronin, p. 83 sq.].

²⁶ Suivant un rapport daté du mois de février 1900, Maurice Verstraete estima les capitaux français investis dans des entreprises en Russie à 692 371 823 francs – 44 % de ces capitaux entrant dans des participations de 42 sociétés russes –, et 100 millions dans des sociétés de droit belge [Crisp, 1956 ; Crisp, 2012, p. 145 ; McKay, p. 338].

²⁷ Marcel Lauwick a forcément dû parcourir l'ouvrage de plusieurs compatriotes dont celui de Jules Cordeweener [Cordeweener, 1902].

Список литературы

- AN, LH/1172/20.
 ANMC, étude LVI, 969, 30 décembre 1874, statuts du *Comptoir Général Russe*.
 ANMC, étude VIII, 1853, 23 janvier 1883, statuts de la *Société d'Electricité Skrivanow*.
 ANMT, 65AQ A 244, dossier de la *Banque russe du commerce et de l'industrie à Saint-Petersbourg*.
 ANMT, 65AQ O 297, dossier concernant la société *Mazout*.
 Belhoste B. La formation d'une technocratie. L'école polytechnique et ses élèves de la Révolution au Second Empire. Paris : Belin, 2003. P. 507.
 Belhoste J.-F. Pourquoi Frédéric Le Play, métallurgiste, explorateur de la Russie, s'intéressa à la question sociale ? // Autour de l'industrie, histoire et patrimoine. Mélanges offerts à Denis Woronoff / éd. J.-F. Belhoste, S. Benoît, S. Chassagne et P. Mioche. Paris : Comité pour l'Histoire économique et financière de la France (CHEFF), 2004. P. 3–22.
 Blackwell W. L. The Beginning of Russian Industrialization, 1800–1860. Princeton : Princeton University Press, 1968.
 Boykin V. I. les emprunts extérieurs russes // Rev. d'économie financière. 1990. No 14. P. 81–92.
 Cameron R. La France et le développement économique de l'Europe, 1800–1914. Paris : Le Seuil, 1971. P. 430.
 Cherpitel N., Okouneva O. Henri Brocard – parfumeur et collectionneur. Un entrepreneur français à Moscou au XIXe siècle // Les Français dans la vie intellectuelle et scientifique en Russie au XIXe siècle / éd. A. Tchoubarian, F.-D. Liechtenhan, V. Rjéoutski, O. Okouneva. Moscou : Institut d'histoire universelle de l'Académie des sciences de Russie, Centre Roland Mousnier (Paris Sorbonne CNRS), Archives de l'Académie des Sciences de Russie, 2013. P. 368–381.
 Claeys T. Un diplomate, écrivain et banquier en Russie : le parcours de Maurice-Paul-Alfred Verstraete // Les Français dans la vie intellectuelle et scientifique en URSS au XXe siècle / éd. A. Tchoubarian, F.-D. Liechtenhan, S. Cœuré, O. Okouneva. Moscou : Institut d'histoire universelle de l'Académie des sciences de Russie, Centre Roland Mousnier (Paris Sorbonne CNRS), Université Paris 7 Denis Diderot, Archives de l'Académie des Sciences de Russie, 2013. P. 301–328.
 Coilly N., Régnier P., Le siècle des saint-simoniens du Nouveau christianisme au canal de Suez. Paris : Bibliothèque nationale de France, 2006. P. 189.
 Collignon E. Les chemins de fer russes de 1857 à 1862. Études sur la Russie : chemins de fer, travaux publics, climat, agriculture, servage, finance, questions industrielles et commerciales, Ninji-Novgorod. Paris : Dunod, 1968. P. VII–212.
 Cordeweener J. Contribution à l'étude de la crise industrielle du Donetz. Géologie de Krivoï-Ro et de Kertsch. Production sidérurgique en Russie méridionale. Bruxelles : A. Manceaux, 1902. P. 328.
 Crisp O. Some problems of French investment in Russian joint-stock companies, 1894–1914 // Slavonic and East European rev. 1956. Vol. 35, No 84, P. 223–240.
 Crisp O. French Investment in Russian Joint-Stock Companies, 1894–1914 // Business History. 1960. Vol. II. P. 75–90.
 Crisp O. Studies in the Russian Economy before 1914, L. : Basngstoke, MacMillan Press – N. Y. : Barnes & Noble, 1976. P. X–278.
 Crisp O. French Investment in Russian Joint-Stock Companies, 1894–1914 // Capital, Entrepreneurs and profits / ed. R. Treadwell Davenport-Hines. L. : Routledge, 2012. P. 141–156.
 Crouzet F. De Paris à Yalta en 1837 // L'influence française en Russie au XVIIIe siècle / éd. Jean-Pierre Poussou. Paris : PUPS, 2004. P. 323–335.
 Demidov A. Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée, par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, exécuté en 1837, sous la direction de M. Anatole de Demidoff, par MM. de Sainson, Le Play, Huot, Raffet, Rousseau, de Nordmann et du Ponceau. Paris : Ernest Bourdin, 1841. P. VIII–VII–621.
 École centrale des arts et manufactures : Les anciens élèves de l'École Centrale de 1832 à 1888. Paris : Imprimerie Nouvelle (Association Ouvrière), 1889. P. 196.
 Feis H. Europe, the World's Banker, 1870–1914. An account of European foreign investment and the connection of world finance with diplomacy before the war. N. Haven : Yale University Press, 1930. P. XXIII–469.

Fourcy A. Histoire de l'École Polytechnique, introduction de Jean Dhombres. Paris : Belin, 1987 (réédition de l'ouvrage de 1828 avec additions).

Gajewski J., Gottschalk A. Notice sur le viaduc de Crumlin // Mémoires et compte rendu des travaux de la Société des ingénieurs civils fondée le 4 mars 1848. 1857. Vol. 10. P. 192–204.

Girault R., Emprunts russes et investissements français en Russie 1887–1914. Paris : CHEFF, 1999. P. 618 (réédition de 1973).

Gouzévitch D., Gouzévitch I. Note de l'ingénieur-colonel Raucourt de Charleville concernant les voies de communication en Russie // Cahiers du monde russe. 1996. Vol. 37. No 4. P. 479–504.

Gouzévitch D., Gouzévitch I. De Ferry à Le Play : deux exemples de collaboration des ingénieurs d'État français et des entrepreneurs miniers russes dans l'Oural : première moitié du XIXe siècle // Rev. de la Maison française d'Oxford. 2003. Vol. 1. No. 2. P. 117–145.

Gouzévitch D., Gouzévitch I. Ingénieurs français et la construction et aménagement de Saint-Petersbourg : Comité hydraulique (1816–1842) et Commission de projets et de devis (1820–1842) // La France et les Français à Saint-Petersbourg : XVIII–XX siècles : Actes du colloque (Франция и французы в Санкт-Петербурге: материалы colloквиума). Петербург : Европейский дом, 2005. С. 101–123, 263–285.

Gouzévitch I., Gouzévitch D. Le phénomène des “ingénieurs-résidents” : reconnaissance légale ou espionnage technique ? // De la diffusion des sciences à l'espionnage industriel xv–xxe siècles : Actes du colloque de Lyon (30–31 mai 1996) de la Sfhs / éd. André Guillaume. Fontenay-aux-Roses : ENS éditions, cahiers d'histoire et de philosophie des sciences. 1996. No 47. P. 159–182.

Gouzévitch I., Gouzévitch D. Se former et s'informer : un regard sur la migration scolaire est-européenne dans les établissements français d'enseignement technique, 1800 et 1940 // Universitäten als Brücken en Europa : Studien zur Geschichte der studentischen Migration / ed. H. Peter, N. Tikhonov. Frankfurt am Main : Peter Lang, 2003. P. 247–278.

Gouzévitch I., Gouzévitch D. Une nouvelle génération d'enseignants : l'avènement de la mécanique appliquée en Russie avant 1809–1850 // Jogos de identidade profissional : os engenheiros entre a formação e acção – Les enjeux identitaires des ingénieurs : entre la formation et l'action – The Quest for a Professional Identity : Engineers between Training and Action / ed. A. Cardoso de Matos, M. P. Diogo, I. Gouzévitch, A. Grelon. Lisbonne : Edições Colibri, CIDEHUS/UE [Centro Interdisciplinar de História, Culturas e Sociedades da Universidade de Évora], CIUHCT [Centro Interuniversitário de História, das Ciências e da Tecnologia], 2009. P. 43–58.

Henssch R. De mère en fille. Histoire des familles Hoskier, Appert, Girod, Hentsch, Neuilly-sur-Seine : l'Auteur, 1996. P. 288.

Hautteœur H. Moscou // Bulletin de la Société Royale de Géographie d'Anvers. 1900. Vol. 24. P. 185–186.

Jeanneney J.-N. Une histoire des médias. Dès origines à nos jours, Paris : Le Seuil, 1996. P. 381.

Wolodymyr K. La politique de la France à l'égard de l'Ukraine, mars 1917 – février 1918. Paris : Publications de la Sorbonne, 1981. P. 304.

McKay J., Pioneers for profit. Foreign entrepreneurship and Russian Industrialization, 1885–1913. Chicago – London : The University of Chicago Press, 1970. P. VII–446.

Lauwick M. La crise politique et sociale en Russie. Paris : Pédone – Bruxelles : A. de Wit, 1905. P. 268.

Lauwick M. L'industrie dans la Russie méridionale, sa situation, son avenir : Rapport présenté à M. le Ministre de l'Industrie et du Travail de Belgique. Bruxelles : Misch et Thron, 1907. P. 312.

Lauwick M. La propriété industrielle en Russie, brevets d'invention, marques et marchandises, dessins et modèles industriels. Bruxelles : Société d'études belgo-russe, 1909. P. 102.

Loreau A., Reymond F., et autr. Nécrologie d'Alexandre Gottschalk le 24 février 1898 // Mémoires et compte rendu des travaux de la Société des ingénieurs civils fondée le 4 mars 1848. 1898. Vol. 69. P. 365–377.

Nougaret R. Le Crédit lyonnais, acteur et témoin de la présence française en Russie (1878–1920) // La France et les Français en Russie. Nouvelles sources et approches (1815–1917) / éd. A. Charon, B. Delmas, A. Le Goff. Paris : École nationale des chartes, Archives nationales, 2010. P. 381–395.

Martin M. Médias et journalistes. Paris : Éd. Odile Jacob, 1997. P. 494.

Nouvel M., Frédéric Le Play : Une réforme sociale sous le Second Empire. Paris : Economica, 2009, P. 265.

Owen T. Entrepreneurship and the structure of enterprise in Russia, 1800–1880 // Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union / ed. G. Guroff, F. Carstensen. Princeton : Princeton University Press, 1983. P. 384.

Peeters W. « Usines de la Steppe ». Economische en bedrijfskundige aspecten van de Belgische industriële expansie in Rusland (1880–1914). Louvain : Koninklijke Universiteit Leuven, 1992. P. 272.

Peeters W. Îlots belges dans les steppes russes, 1895–1914 // Les émigrants belges. Réfugiés de guerre, émigrés économiques, réfugiés religieux et émigrés politiques ayant quitté nos régions du xvie siècle/éd. A. Morelli. Bruxelles : EVO, 1998. P. 149–175.

Peeters W., Wilson J. L'industrie belge dans la Russie des tsars. Allieur : Éd. Du Perron, 1999. P. 199.

Pélissier C., De la conduite des machines locomotives, Paris : Lacroix et Baudry, 1859. P. 172.

Picard A., Orsel E. Nécrologie d'Alexandre Gottschalk (28 février 1898) // Le Génie civil. Revue générale des industries françaises et étrangères. Paris : BPI Éditeur. N° 821. 1898. P. 306.

Picon A. L'invention de l'ingénieur moderne : l'École des ponts et chaussées 1747–1851. Paris : Presses de l'ENPC (École nationale de ponts et chaussées), 1992.

Raffalovitch A. Les Finances de la Russie depuis la dernière guerre d'Orient, 1876–1883. Paris : Guillaumin, 1883. P. 56.

Raffalovitch A. Les Finances de la Russie, 1887–1889, documents officiels avec une préface. Paris : l'Auteur, 1889.

Raffalovitch A. Le Commerce entre la France et la Russie, 1887-1903, statistique comparée. Paris : Imprimerie de A. Davy, 1904. P. 192.

Raffalovitch A. Le Marché financier en 1901–1902. Paris : Librairie Guillaumin & Cie, 1902. P. 944.

Raffalovitch A. La Russie et la guerre. Paris : F. Alcan, 1915. P. 24.

Raffalovitch A. L'Abominable Vénalité de la presse : d'après les documents. Paris : Librairie du travail, 1931. P. XXXI-450.

Razvozzhaeva E. L'installation de la banque Rothschild en Russie de 1883 à 1886 // La France et les Français en Russie. Nouvelles sources et approches (1815-1917) / éd. A. Charon, B. Delmas, A. Le Goff. Paris : École nationale des chartes, Archives nationales, 2010. P. 397–409.

Renouvin P. Les relations franco-russes à la fin du xixe siècle et au début du xxe [Bina de recherches] // Cahiers du monde russe et soviétique. 1959. Vol. 1. No 1. P. 128–147.

Ronin V. Les ouvriers wallons dans la région de Péterbourg en 1900 // Belgisch Tijdschrift voor Nieuwste Geschiedenis – Revue belge d'Histoire contemporaine (BTNG-RBHC). 1994–1995. Vol. XXV. No 1–2. P. 79–101.

Roussel C. Transferts des techniques sidérurgiques entre la France et la Russie dans la première moitié du xixe siècle ou trois François dans l'Oural, les frères Grandmontagne et Frédéric Le Play // Autour de l'industrie, histoire et patrimoine. Mélanges offerts à Denis Woronoff / éd. J.-F. Belhoste, S. Benoît, S. Chassagne et P. Mioche. Paris : Comité pour l'Histoire économique et financière de la France (CHEFF), 2004. P. 97–131.

Rowley A. Évolution économique de la Russie du milieu du xixe siècle à 1914, Paris : SEDES, 1982. P. 332.

Stoskopf N. Les patrons du Second Empire : 7- Banquiers et financiers parisiens. Le Mans : Éditions A. et J. Picard - Éditions Cénomane, 2003, P. 384.

Thépot A. Les ingénieurs des mines au xixe siècle. Histoire d'un corps technique d'État. Paris, 1998, tome 1 : 1810–1914.

Truffaut E., François-Henry Valton, un ingénieur français en Russie // Autour de l'industrie, histoire et patrimoine. Mélanges offerts à Denis Woronoff / éd. J.-F. Belhoste, S. Benoît, S. Chassagne et P. Mioche. Paris : Comité pour l'Histoire économique et financière de la France (CHEFF), 2004. P. 223–244.

Verstraete M. La Russie industrielle, étude sur l'Exposition de Nijni-Novgorod. Paris : Hachette, 1897. P. II–320.

Verstraete M. L'Oural. Paris : Hachette, 1899. P. 262.

Verstraete M. Les capitaux étrangers engagés en Russie dans les sociétés industrielles // Congrès international des valeurs mobilières, Paris, 5, 6, 7, 8 juin 1900. Paris : Imprimerie

Paul Dupont, 4e fascicule, 30 septembre 1900, article n° 111, rubrique « Statistique, questionnaire, § 1 n° 1 à 9 ». P. 39 pages.

Waller J., La naissance du rouble-or // Cahiers du monde russe et soviétique / 1979. Vol. 20. No 3-4. P. 285-304.

References

- AN, LH/1172/20.
 ANMC, étude LVI, 969, 30 décembre 1874, statuts du *Comptoir Général Russe*.
 ANMC, étude VIII, 1853, 23 janvier 1883, statuts de la *Société d'Électricité Skrivanow*.
 ANMT, 65AQ A 244, dossier de la *Banque russe du commerce et de l'industrie à Saint-Petersbourg*.
 ANMT, 65AQ O 297, dossier concernant la société *Mazout*.
 Belhoste, B. (2003). *La formation d'une technocratie. L'école polytechnique et ses élèves de la Révolution au Second Empire* (p. 507). Paris, Belin.
 Belhoste, J.-F. (2004). Pourquoi Frédéric Le Play, métallurgiste, explorateur de la Russie, s'intéressa à la question sociale? In Belhoste, J.-F., Benoît, S., Chassagne, S. & Mioche, P. (Eds.). *Autour de l'industrie, histoire et patrimoine. Mélanges offerts à Denis Woronoff* (pp. 3-22). Paris, Comité pour l'Histoire économique et financière de la France (CHEFF).
 Blackwell, W. L. (1968). *The Beginning of Russian Industrialization, 1800-1860*. Princeton, Princeton University Press.
 Bovykin, V. I. (1990). Les emprunts extérieurs russes. In *Revue d'économie financière*, 14, pp. 81-92.
 Cameron, R. (1971). *La France et le développement économique de l'Europe, 1800-1914* (p. 430). Paris, Le Seuil.
 Cherpitel, N. & Okouneva, O. (2013). Henri Brocard – parfumeur et collectionneur. Un entrepreneur français à Moscou au xixe siècle. In Tchoubarian, A., Liechtenhan, F.-D., Rjéoutski, V. & Okouneva, O. (Eds.). *Les Français dans la vie intellectuelle et scientifique en Russie au XIXe siècle* (pp. 368-381). Moscou, Institut d'histoire universelle de l'Académie des sciences de Russie, Centre Roland Mousnier (Paris Sorbonne CNRS), Archives de l'Académie des Sciences de Russie.
 Claeys, T. (2013). Un diplomate, écrivain et banquier en Russie : le parcours de Maurice-Paul-Alfred Verstraete. In Tchoubarian, A., Liechtenhan, F.-D., Cœuré, S. & Okouneva, O. (Eds.). *Les Français dans la vie intellectuelle et scientifique en URSS au XXe siècle* (pp. 301-328). Moscou, Institut d'histoire universelle de l'Académie des sciences de Russie, Centre Roland Mousnier (Paris Sorbonne CNRS), Université Paris 7 Denis Diderot, Archives de l'Académie des Sciences de Russie.
 Coilly, N. & Régnier, P. (2006). *Le siècle des saint-simoniens du Nouveau christianisme au canal de Suez* (p. 189). Paris, Bibliothèque nationale de France.
 Collignon, E. (1968). *Les chemins de fer russes de 1857 à 1862. Études sur la Russie : chemins de fer, travaux publics, climat, agriculture, servage, finance, questions industrielles et commerciales, Ninji-Novgorod* (pp. VII-212). Paris, Dunod.
 Cordeweener, J. (1902). *Contribution à l'étude de la crise industrielle du Donetz. Géologie de Krivoï-Ro et de Kertsch. Production sidérurgique en Russie méridionale* (p. 328). Bruxelles, A. Manceaux.
 Crisp, O. (1956). Some problems of French investment in Russian joint-stock companies, 1894-1914. In *Slavonic and East European review*, 35/84, pp. 223-240.
 Crisp, O. (1960). French Investment in Russian Joint-Stock Companies, 1894-1914. In *Business History*, II, pp. 75-90.
 Crisp, O. (1976). *Studies in the Russian Economy before 1914* (pp. X-278). London, Basngstoke, MacMillan Press – New York, Barnes & Noble.
 Crisp, O. (2012). French Investment in Russian Joint-Stock Companies, 1894-1914. In Treadwell Davenport-Hines, R. (Ed.). *Capital, Entrepreneurs and profits* (pp. 141-156). London, Routledge.
 Crouzet, F. (2004). De Paris à Yalta en 1837. In Poussou, Jean-Pierre (Ed.). *L'influence française en Russie au XVIIIe siècle* (pp. 323-335). Paris, PUPS.
 Demidov, A. (1841). *Voyage dans la Russie méridionale et la Crimée, par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, exécuté en 1837, sous la direction de M. Anatole de Demidoff, par MM. de Sainson, Le Play, Huot, Raffet, Rousseau, de Nordmann et du Ponceau* (pp. VIII-VII-621). Paris, Ernest Bourdin.

École centrale des arts et manufactures. Les anciens élèves de l'École Centrale de 1832 à 1888. (1889). (P. 196). Paris, Imprimerie Nouvelle (Association Ouvrière).

Feis, H. (1930). *Europe, the World's Banker, 1870–1914. An account of European foreign investment and the connection of world finance with diplomacy before the war* (pp. XXIII–469). New Haven, Yale University Press.

Fourcy, A. (1987). *Histoire de l'École Polytechnique, introduction de Jean Dhombres*. Paris, Belin. [Réédition de l'ouvrage de 1828 avec additions].

Gajewski, J. & Gottschalk, A. (1857). Notice sur le viaduc de Crumlin. In *Mémoires et compte rendu des travaux de la Société des ingénieurs civils fondée le 4 mars 1848*, Vol. 10, pp. 192–204.

Girault, R. (1999). *Emprunts russes et investissements français en Russie 1887–1914* (p. 618). Paris, CHEFF. [Réédition de 1973].

Gouzévitch, D. & Gouzévitch, I. (1996). Note de l'ingénieur-colonel Raucourt de Charleville concernant les voies de communication en Russie. In *Cahiers du monde russe*, 37/4, pp. 479–504.

Gouzévitch, D. & Gouzévitch, I. (2003). De Ferry à Le Play : deux exemples de collaboration des ingénieurs d'État français et des entrepreneurs miniers russes dans l'Oural : première moitié du XIXe siècle. In *Revue de la Maison française d'Oxford*, 1/2, pp. 117–145.

Gouzévitch, D. & Gouzévitch, I. (2005). Ingénieurs français et la construction et aménagement de Saint-Petersbourg : Comité hydraulique (1816–1842) et Commission de projets et de devis (1820–1842). In *La France et les Français à Saint-Petersbourg : XVIII–XX siècles. Actes du colloque Franciâ i Francuzy v Sankt-Peterburge : Materialy kollokviuma* (pp. 101–123, 263–285). Pétersbourg, Evropejskii dom.

Gouzévitch, I. & Gouzévitch, D. (1996). Le phénomène des “ingénieurs-résidents” : reconnaissance légale ou espionnage technique ? In Guillaume, André (Ed.). *De la diffusion des sciences à l'espionnage industriel xve-xxe siècles, Actes du colloque de Lyon (30–31 mai 1996) de la Sfhst* (No 47, pp. 159–182). Fontenay-aux-Roses, ENS éditions, cahiers d'histoire et de philosophie des sciences.

Gouzévitch, I. & Gouzévitch, D. (2003). Se former et s'informer : un regard sur la migration scolaire esteuropéenne dans les établissements français d'enseignement technique, 1800 et 1940. In Peter, H. & Tikhonov, N. (Eds.) *Universitäten als Brücken en Europa : Studien zur Geschichte der studentischen Migration* (pp. 247–278). Frankfurt am Main, Peter Lang.

Gouzévitch, I. & Gouzévitch, D. (2009). Une nouvelle génération d'enseignants : l'avènement de la mécanique appliquée en Russie avant 1809–1850. In Cardoso de Matos, A., Diogo, M. P., Gouzévitch, I. & Grelon, A. (Eds.). *Jogos de identidade profissional : os engenheiros entre a formação e acção – Les enjeux identitaires des ingénieurs : entre la formation et l'action – The Quest for a Professional Identity : Engineers between Training and Action* (pp. 43–58). Lisbonne, Edições Colibri, CIDEHUS/UE [Centro Interdisciplinar de História, Culturas e Sociedades da Universidade de Évora], CIUHCT [Centro Interuniversitário de História, das Ciências e da Tecnologia].

Henstch, R. (1996). De mère en fille. Histoire des familles Hoskier, Appert, Girod, Hentsch, Neuilly-sur-Seine, L'Auteur. P. 288.

Hautteœur, H. (1900). Moscou. In *Bulletin de la Société Royale de Géographie d'Anvers*, 24, pp. 185–186.

Jeanneney, J.-N. (1996). *Une histoire des médias. Dès origines à nos jours* (p. 381). Paris, Le Seuil.

Wolodymyr, K. (1981). *La politique de la France à l'égard de l'Ukraine, mars 1917 – février 1918* (p. 304). Paris, Publications de la Sorbonne.

McKay, J. (1970). *Pioneers for profit. Foreign entrepreneurship and Russian Industrialization, 1885–1913* (pp. VII–446). Chicago – London, The University of Chicago Press.

Lauwick, M. (1905). *La crise politique et sociale en Russie* (p. 268). Paris, Pédone – Bruxelles, A. de Wit.

Lauwick, M. (1907). *L'industrie dans la Russie méridionale, sa situation, son avenir : Rapport présenté à M. le Ministre de l'Industrie et du Travail de Belgique* (p. 312). Bruxelles, Misch et Thron.

Lauwick, M. (1909). *La propriété industrielle en Russie, brevets d'invention, marques et marchandises, dessins et modèles industriels* (p. 102). Bruxelles, Société d'études belgo-russe.

Loreau, A., Reymond, F., Trélat, E., Chabrier, E. & Metzger, M. (1898). Nécrologie d'Alexandre Gottschalk le 24 février 1898. In *Mémoires et compte rendu des travaux de la Société des ingénieurs civils fondée le 4 mars 1848, Vol. 69*, pp. 365–377.

Nougaret, R. (2010). Le Crédit lyonnais, acteur et témoin de la présence française en Russie (1878–1920). In Charon, A., Delmas, B. & Le Goff, A. (Eds.). *La France et les Français en Russie. Nouvelles sources et approches (1815–1917)* (pp. 381–395). Paris, École nationale des chartes, Archives nationales.

Martin, M. (1997). *Médias et journalistes* (p. 494). Paris, Éditions Odile Jacob.

Nouvel, M. (2009). *Frédéric Le Play : Une réforme sociale sous le Second Empire* (p. 265). Paris, Economica.

Owen, T. (1983). Entrepreneurship and the structure of enterprise in Russia, 1800–1880. In Guroff, G. & Carstensen, F. (Eds.). *Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union* (p. 384). Princeton, Princeton University Press.

Peeters, W. (1992). « Usines de la Steppe ». *Economische en bedrijfskundige aspecten van de Belgische industriële expansie in Rusland (1880–1914)* (p. 272). Louvain, Koninklijke Universiteit Leuven.

Peeters, W. (1998). Îlots belges dans les steppes russes, 1895–1914. In Morelli, A. (Ed.). *Les émigrants belges. Réfugiés de guerre, émigrés économiques, réfugiés religieux et émigrés politiques ayant quitté nos régions du xvie siècle* (pp. 149–175). Bruxelles, EVO.

Peeters, W. & Wilson, J. (1999). *L'industrie belge dans la Russie des tsars* (p. 199). Alleur, Éditions Du Perron.

Pélissier, C. (1859). *De la conduite des machines locomotives* (p. 172). Paris, Lacroix et Baudry.

Picard, A. & Orsel, E. (1898). Nécrologie d'Alexandre Gottschalk (28 février 1898). In *Le Génie civil. Revue générale des industries françaises et étrangères*, 821, p. 306. Paris, BPI Éditeur.

Picon, A. (1992). *L'invention de l'ingénieur moderne : L'École des ponts et chaussées 1747–1851*. Paris, Presses de l'ENPC (École nationale de ponts et chaussées).

Raffalovitch, A. (1883). *Les Finances de la Russie depuis la dernière guerre d'Orient, 1876–1883* (p. 56). Paris, Guillaumin.

Raffalovitch, A. (1889). *Les Finances de la Russie, 1887–1889, documents officiels avec une préface*. Paris, l'Auteur.

Raffalovitch, A. (1904). *Le Commerce entre la France et la Russie, 1887–1903, statistique comparée* (p. 192). Paris, Imprimerie de A. Davy.

Raffalovitch A. (1902). *Le Marché financier en 1901–1902* (p. 944). Paris, Librairie Guillaumin & Cie.

Raffalovitch, A. (1915). *La Russie et la guerre* (p. 24). Paris, F. Alcan.

Raffalovitch, A. (1931). *L'Abominable Véralité de la presse : d'après les documents* (pp. XXXI–450). Paris, Librairie du travail.

Razvozhayeva, E. (2010). L'installation de la banque Rothschild en Russie de 1883 à 1886. In Charon, A., Delmas, B. & Le Goff, A. (Eds.). *La France et les Français en Russie. Nouvelles sources et approches (1815–1917)* (pp. 397–409). Paris, École nationale des chartes, Archives nationales.

Renouvin, P. (1959). Les relations franco-russes à la fin du XX siècle et au début du XX [Bina de recherches]. In *Cahiers du monde russe et soviétique*, 1/1, pp. 128–147.

Ronin, V. (1994–1995). Les ouvriers wallons dans la région de Péterbourg en 1900. In *Belgisch Tijdschrift voor Nieuwste Geschiedenis – Revue belge d'Histoire contemporaine (BTNG-RBHC)*, XXV/1–2, pp. 79–101.

Roussel, C. (2004). Transferts des techniques sidérurgiques entre la France et la Russie dans la première moitié du xixe siècle ou trois François dans l'Oural, les frères Grandmontagne et Frédéric Le Play. In Belhoste, J.-F., Benoît, S., Chassagne, S. & Mioche, P. (Eds.). *Autour de l'industrie, histoire et patrimoine. Mélanges offerts à Denis Woronoff* (pp. 97–131). Paris, Comité pour l'Histoire économique et financière de la France (CHEFF).

Rowley, A. (1982). *Évolution économique de la Russie du milieu du xixe siècle à 1914* (p. 332). Paris, SEDES.

Stoskopf, N. (2003). *Les patrons du Second Empire : 7 – Banquiers et financiers parisiens* (p. 384). Le Mans, Éditions A. et J. Picard – Éditions Cénomane.

Thépot, A. (1998). *Les ingénieurs des mines au xixe siècle. Histoire d'un corps technique d'Etat* (Vol. 1: 1810–1914). Paris.

Truffaut, E. (2004). François-Henry Valton, un ingénieur français en Russie. In Belhoste, J.-F., Benoît, S., Chassagne, S. & Mioche, P. (Eds.). *Autour de l'industrie*,

histoire et patrimoine. Mélanges offerts à Denis Woronoff (pp. 223–244). Paris, Comité pour l'Histoire économique et financière de la France (CHEFF).

Verstraete, M. (1897). *La Russie industrielle, étude sur l'Exposition de Nijni-Novgorod* (pp. II–320). Paris, Hachette.

Verstraete, M. (1899). *L'Oural* (p. 262). Paris, Hachette.

Verstraete, M. (1900). Les capitaux étrangers engagés en Russie dans les sociétés industrielles. In *Congrès international des valeurs mobilières, Paris, 5, 6, 7, 8 juin 1900* [4e fascicule, 30 septembre, article n° 111, rubrique « Statistique, questionnaire, § 1 n° 1 à 9 ». 39 p.]. Paris, Imprimerie Paul Dupont.

Waller, J. (1979). La naissance du rouble-or. In *Cahiers du monde russe et soviétique*, 20/3–4, pp. 285–304.

The article was submitted on 05.06.2015

Тьерри Клаэйс,
доктор истории,
университет Париж-Сорбонна,
Париж, Франция
thierry.claeys@noos.fr

Thierry Claeys, Dr.,
University Paris-Sorbonne,
Paris, France
thierry.claeys@noos.fr

DOI 10.15826/QR.2015.4.132
УДК 327.54+339.16.012.23/.24
+327.7:665.61.7

Roberto Cantoni

BREACH OF FAITH? ITALIAN-SOVIET COLD WAR TRADING AND ENI'S INTERNATIONAL OIL SCANDAL

By the late-1950s, Soviet oil exports to Western Europe caused widespread concern in a number of Western countries as these feared that Moscow could use oil to weaken their economic interests. At the same time though, other Western countries had no hesitation in developing trade relations with the Soviets, seeing this as a good commercial opportunity. The paramount example of such political nonchalance was Italy's oil company, ENI. In 1960, ENI signed a barter contract with the Soviets, causing a scandal in the Western oil world: the Italian company's act was seen as a serious breach of faith by its international allies. As a consequence, ENI's contract became a serious bone of contention in the country's bilateral and international relations. This paper analyzes the origins and development of the ENI-Soviet deal, and focuses on the reactions of Italy's Western allies and the debate it generated at the European Economic Community.

Keywords: Cold War; EEC; East-West trade; oil; USSR; Italy.

В конце 1950-х гг. поставки нефти из СССР в Западную Европу вызвали озабоченность в некоторых европейских странах, которые опасались, что Москва может использовать нефть в целях ослабления их экономических интересов. Однако наряду с этим, другие европейские страны продолжали поддерживать торговые отношения с Советским Союзом, считая их перспективными. Ярким примером такой политической беспечности стала итальянская нефтяная компания ENI (Национальное нефтегазовое учреждение). В 1960 г. она подписала с СССР соглашение о товарообмене, чем вызвала скандал на европейском нефтяном рынке: международные союзники восприняли действия итальянской компании как измену. В результате контракт ENI стал камнем преткновения в двусторонних и многосторонних отношениях Италии с другими странами. В статье рассматриваются предпосылки и этапы развития сотрудничества ENI и СССР, при этом особое внимание уделяется изучению реакции западных союзников Италии и споров, которые это событие вызвало в Европейском экономическом сообществе.

Ключевые слова: холодная война; ЕЭС; торговля между Западом и Востоком; нефть; СССР; Италия.

The Communists intend to conquer the Free World through economic means. <...> They direct their trade most carefully, with an aim to strengthen their industrial machine by the procurement from the Free World of capital goods, equipment and machines which they cannot produce.

*Standard Oil of New Jersey's Statement of position
on the threat of Communist trade.*

19 Jan 1962

Introduction

The 1950s were the age of 'elephants', as large oilfields were known among oilmen [Yergin, Ch. 25]. The beginning of this new era was soon perceived by the most insightful experts in oil affairs of the time, so that as early as 1953 Everette DeGolyer, the prominent American geophysicist, could forecast an unexpected and nightmarish turn in the business of large world oil companies (also known as 'the majors'), namely overproduction. The striking figures that economic researcher, Daniel Yergin, reports, are self-explanatory in this respect; between 1948 and 1972, world oil production increased from 438 to 2,100 million tons (Mt) a year [Yergin, p. 481–482].¹ Unsurprisingly, such colossal production also affected world prices, which between 1954 and 1970 decreased from \$15 to \$10 per barrel [Parra, p. 73–74].

In his works, historian Timothy Mitchell has shown how in the 1940s and for most of the 1950s, the majors tried to, and mostly succeeded in, hoarding the world's most promising areas in terms of oil and gas resources, not aiming at increasing production, but at withholding it – a strategy that Mitchell called 'production of scarcity', and that they did this in order to acquire an oligopoly on hydrocarbons, take away potential resources from their competitors, and obtain the power of regulating oil prices [Mitchell 2009; 2011]. However, by the late 1950s, not only had the growth of national oil enterprises undermined these plans in a number of areas, but several new market factors were putting this approach at risk. Beside the emergence of national, and of independent oil companies starting to gnaw at the market, one main source of anxiety was represented by the colossal amount of oil that the Soviet Union had started extracting and marketing. In the mind of many a Western capitalist, Soviet oil threatened to upset the international petroleum order. Most of this paper will aim at an analysis of the consequences of this factor within Cold War settings.

Between 1955 and 1965, Soviet oil production more than tripled, growing from 71 to 243 million tons (Mt) [Berry, p. 150; Ebel, p. 40; Spencer, p. 98].² This growth was mainly caused by major oil discov-

---

¹ Figures here are given in tons per day, whereas in the original source they are expressed in barrels per day.

² source reported in Barry's work: Economist Intelligence Unit, *Quarterly Economic Review*, "USSR Annual Supplement. 1971". Vol. 10.

eries made in the Ural-Volga region. Soon after the discoveries, the crucial issue for the Soviet oil industry became the marketing of the newly-found oil, and an immediately conceivable solution was found in its exportation to industrially-expanding Western Europe. The extent to which such low prices were part of an explicit political strategy aimed at making Western Europe dependent on the USSR for its energy, or were rather an economic consequence of the quantities of oil found and of the Soviets' urgent need of Western technologies in exchange, has long been debated [Ebel; Hoskins]. Whatever the rationale underlying this strategy, everyone agreed on the means chosen by the Soviet administration to bring the country's oil to Europe was straightforward: this was to be a highly pronged pipeline system, originating in the Ural-Volga fields, which would connect production sites to the westernmost brims of the Iron Curtain, and possibly Western Europe. Such project, nevertheless, would require a number of advanced technological artifacts that the Soviets did not have the adequate know-how or industrial might to produce in the early 1960s, and would have to import from abroad. Such technological issues were at the core of Western preoccupations, especially at the North Atlantic Treaty Organization (NATO), where they generated a heated debate in the early 1960s. Studies on the NATO debate highlight the fragmentary nature of trans-Atlantic alliances [Cantoni, 2014; Cantoni, 2016; Högselius]; a nature, which was reflected also in other international organizations, such as the European Economic Community (EEC). Rather than oil technology, the young European Economic Community was concerned with sheer oil imports from the USSR by a number of West European countries. Intra-European disputes that occurred at the EEC as a consequence of what became widely known in Euro-Atlantic political environments as the 'Soviet oil offensive' are therefore worth studying, especially since the Community may be seen as a scale model of the more general world clash of oil *haves* and *have-nots*.

The Soviet Oil Offensive and The ENI 'Scandal'

Soviet oil exports or, as it became widely known in the West, 'the Soviet oil offensive', were part of a larger strategy, in which barter agreements were employed as powerful economic and diplomatic weapons, in that they enabled beneficiary countries to find outlets for their productions. When trading with Egypt, the Russians bartered oil for cotton; in the case of Cuba, they swapped oil for sugar [Jensen-Eriksen, p. 201].³ Technoscientific expertise was also used as a lever to convince developing countries to collaborate. This was a cornerstone of Soviet oil policy, and it had been successfully employed in Afghanistan, Ethiopia,

---

³ Source reported: The National Archives, Kew (TNA, henceforth) – POWE33/243, "Russian oil imports", Ministry Of Power, 13 May 1960.

Pakistan and Egypt. The Russians provided crews of experts to assist the locals with building pipelines and tankers, executing geological studies, and training executives of the national oil industry. Indeed, such training was not limited to technical aspects: it catered for political and social engineering.⁴

Reactions to the Soviet oil strategy varied from country to country. While, expectedly, the American government firmly refused to allow Soviet imports into the United States, European positions were more diverse, depending heavily on each country's trading activity with the USSR. In terms of Soviet exports, the top three West European countries in 1957 (the UK, West Germany and France) imported merchandise for 756, 286 and 268 million roubles respectively [Bagnato, 2003, p. 97].⁵ In Britain, Harold Macmillan's government was divided on the issue on an oil embargo. It implemented one in 1959, but serious divergences remained between government departments, notably between the Board of Trade (against) and the Ministry of Power (in favour) [Jensen-Eriksen, p. 204]. In France, Victor de Metz, the President of France's oil flagship, the *Compagnie française des pétroles*, feared that Soviet trade could extend to the entire EEC, and hoped an alliance between Arab producers and oil majors could stem Soviet oil 'flooding' [Catta, p. 209]. The Italians were conspicuous by their silence, the reason being that ENI's trade with the USSR was all but insignificant, as were commercial exchanges between the Soviets and many large Italian industrial concerns such as FIAT. However, Italy's favourable opinion of Soviet oil was to become crystal-clear to the rest of the Western world in 1960.

Indeed by 1960, ENI's decade-long prospecting efforts had brought very scant fruit: Egypt was the only other country where the Italian company had a considerable oil production, namely 1.9 Mt of crude oil per year (out of ENI's total production of 2.5 Mt) [Pozzi, p. 431]. The lack of oil findings of considerable magnitude instigated a reassessment of the company's supplying strategy; immediate availability of oil was prioritised over long-run exploration programmes. This led to the signing of contracts between ENI and the Soviet public monopoly, *Soyuznefteexport* (SNE). All authors writing about ENI have underlined the significance of the agreement signed in October 1960 between the Italians and the Soviets, although only diplomatic historian Bruna Bagnato has emphasised that that was only a further step in a trade that had started a few years earlier [Bagnato]. Since the end of 1958, ENI had agreed to import crude oil in exchange for goods and services. The first of these contracts bartered oil for synthetic rubber produced by the ENI affiliate, *Azienda nazionale idrogenazione combustibili* (ANIC), under a license owned by

---

⁴ AHTOTAL – Fonds Total-CFP, b. 90.4/102 // Revue de presse. 30. Chronologie des accords politiques entre l'URSS et les pays arabes. Dec. 1958; The Reporter, "The Soviet Oil Offensive", by Leon M. Herman, 21 June 1962. P. 27.

⁵ The equivalence in 1957 was 1 rouble = 4 dollars, so the figures reported correspond to \$3.02 billion for the UK, \$1.14 billion for West Germany, \$1.07 billion for France. URL: http://www.cbr.ru/currency_base/OldVal.aspx (mode of access: 11.09.2015).

the American company, Phillips Petroleum.⁶ In late 1958 ENI's President, Enrico Mattei, secretly met a number of government officials in Moscow, including SNE's President, Evgeniy Gurov, and consolidated the group's relations with the Soviet company, with a view to a large barter deal.

For ENI, 1958 also marked the beginning of trade relations with another important pawn on the geopolitical chessboard: Mao Zedong's China. In 1958, Mattei secretly visited the Far Eastern country, the government of which had not been recognised by either the Italian government or the United Nations (UN) as a result of American pressure. This visit would culminate three years later in ENI's first Chinese trade agreement [Perrone, p. 157–158]. It goes without saying that such an intense trade between the national company of a NATO member such as Italy, whose Christian Democrat (DC) administrations had been struggling for over a decade to convince the US of Italy's reliability notwithstanding the large following enjoyed by the Italian Communist Party, and the two most powerful Communist countries, was seen as a serious breach of Italy's commitment to the Western camp.

Transactions between Italy and the Soviet Union did not stop even when the Italian Premier, Amintore Fanfani, decided to accommodate US intermediate-range ballistic missiles on Italian territory, in spite of vibrant Soviet protest.⁷ Diplomatic historian, Leopoldo Nuti, has argued that the deployment of US missiles in Italy was looked favourably on by the Italian government as it would give Italy "a nuclear status of some sort and would improve its national prestige" [Nuti, p. 369]. However, Fanfani's decision was a clear statement of the dependence of Italian security on American goodwill, and was not welcomed by high-ranked diplomats such as Pietro Quaroni, the Italian Ambassador in West Germany, who lamented Christian Democrat passiveness to US diktats. According to Soviet newspaper, *Sovetskaya Rossiya*, Quaroni would declare on that occasion: "We are simply [US] satellites and nothing else".⁸ However, I will show that when looking at the oil sector and ENI's moves, Quaroni's statement sounds way too reductive to characterize Italy's position.

Starting from late 1958, ENI's dealings won the Italian company US and French secret services' attention. The Central Intelligence Agency (CIA) and the Service de Documentation Extérieure et de Contre-Espionnage started keeping ENI under surveillance, updating their governments in a number

---

⁶ Archivio Storico ENI, Pomezia (ASENI, henceforth) – Fondo ENI, Estero, Rapporti commerciali con l'estero, b. 2, fd. 7E0, ANIC to Rasno-import, 27 Oct. 1958; PPS (1959) "Nouvelles brièves", XXVI (1): 38.

⁷ Archivio storico del Ministero degli Affari Esteri, Rome (ASMAE, henceforth) – Telegrammi ordinari, Russia (Ambasciata Mosca). 1959. Vol. 42 arrivo (Jan-May). N. 10280; Italian Embassy (Itemb, henceforth) Moscow (Bounous) to Italian Ministry of Foreign Affairs (MAEI, henceforth), 'Nota sovietica all'Italia sui missili'. 28 Apr. 1959. N. 10291; 'Nota sovietica sui missili', 28 Apr. 1959. Vol. 43 partenza (Jan-Aug). N. 5953; MAEI (Straneo) to Itemb Moscow, 'Risposta a Nota sovietica circa missili', 8 May 1959.

⁸ Quaroni's quote is from: ASMAE – Telegrammi ordinari, Russia (Ambasciata Mosca), 1959, vol. 42 arrivo (Jan-May), n. 13480, Itemb Moscow (Pietromarchi) to MAEI. 28 May 1959. P. 3. My own translation.

of secret reports.⁹ Mattei's travels to Moscow elicited Fanfani's visit to the US Embassy in Rome, where Ambassador James Zellerbach cautioned him that Mattei's acts made it difficult to believe the Italian government was aligned with NATO. Fanfani argued that although Mattei's behaviour was risky, he had no means of stopping state companies trading.¹⁰ But if he had not, who else could have? Fanfani himself must have known that his justifications were not wholly convincing. His argument suggested a refusal to stop the ENI President's initiatives.

A year later Giuseppe Ratti, ENI's marketing counsellor, also met US Embassy staff. In a conversation with its First Secretary, Albert Nyren, he described ENI's contacts with the Soviet Bloc. Nyren stated that Ratti had "always been friendly and open to the Embassy representatives". Ratti confirmed ENI-SNE contacts, while clarifying that his company's future purchases would depend on the price offered by the Soviets and on the opportunities offered to Italian firms to sell their goods in return.¹¹ By the end of 1959, that is by the time Ratti met the US Embassy staff, negotiations for the one contract that would cause scandal in the oil world were already ongoing, and it is hard to believe Ratti was not aware of the increase in ENI's oil imports from the USSR.

But Ratti was manoeuvring in a climate of uncertainty. Fanfani's government, which was disposed to an opening to the Socialists, had fallen in January 1959, and DC was now controlled by its right wing. The new leadership was hostile to public intervention in trade, and this threatened Fanfani and Gronchi's so-called 'Neo-Atlanticist' project of asserting a degree of autonomy from the USA in foreign policy, which was also endorsed by Mattei.¹² Without government support, ENI needed to display a favourable stance to American diplomats, so as to avoid the consequences of Fanfani's fall and the subsequent changes in government attitude. To sum up, presumably Ratti was using his friendly relations with the US Embassy to dispel Americans concerns and misrepresent ENI's 'oily deals' with the Soviets.

---

⁹ Archives Diplomatiques du Ministère des Affaires Étrangères, La Courneuve (AD-MAE, henceforth) – Série: Direction d'Europe (Z-Europe), Sous-série: Italie 1944–1970, fd. 288, letter, French Embassy (Fremb, henceforth) Rome (Palewski) to French Ministry of Foreign Affairs (MAEF, henceforth), 15 Jan. 1959; National Archive and Records Administration, College Park (MD) (NARA, henceforth) – RG 59, Central Decimal Files, 1955–1959, b. 2021, f. 456.9341/11–1958, confidential, American Embassy (Amemb, henceforth) Rome (Jernegan) to Secretary of State, 19 Nov. 1958; Amemb Rome (Zellerbach) to Secretary of State, 11 Dec. 1958; NARA – CIA Records Search Tool Database (CREST, henceforth), CIA, Central Intelligence Bulletin, top secret, 20 Dec. 1958; Archives Nationales, Pierrefitte-sur-Seine (AN, henceforth) – b. 19900317/13, fd. 1, sub-fd. Italie 1955/1979, secret, Note SDECE, L'activité de l'Ente Nazionale Idrocarburi et de son président (nov. 1958 – avr. 1959), 11 May 1959, pp. 4, 7, 10–11 (Freedom Of Information Act (FOIA, henceforth) n° 111 382).

¹⁰ NARA – RG 59, Central Decimal Files, 1955–1959, b. 3617, f. 765.13/12-2958, Foreign Service Dispatch, Amemb Rome to Department of State (DS, henceforth), 'Conversation with Prime Minister Fanfani', 29 Dec. 1958.

¹¹ NARA – RG 59, Central Decimal Files, 1955–1959, b. 4826, f. 865.2553/11-359, Foreign Service Dispatch, Amemb Rome to DS, 'Impressions of ENI's Marketing Counselor of Commercial Prospects of Soviet Bloc Countries', 3 Nov. 1959.

¹² Rash political moves by DC's rightist government would bring Fanfani back to his role of Prime Minister in July 1960.

The agreement between ENI and SNE was eventually signed in October 1960 by Mattei and the Soviet Minister of Foreign Trade, Nikolai Patolichev. Though the conclusion of the deal had been anticipated, its size had not, and generated much surprise and disquiet: in fact it caused a veritable scandal in the oil world. The Soviets committed to sell ENI 11 Mt of crude and 1 Mt of fuel oil over four years (1961 to 1964). ENI would provide the Soviets with technological products such as synthetic rubber, steel pipes and equipment for pipelines.¹³ The overall deal was worth \$100 million in each direction. In February 1961, ENI signed a further commercial protocol, which integrated the previous one, and covered the period from 1962 to 1965. Italy would import 21.4 Mt of crude oil over the next five years and 700 thousand tons (kt) of fuel oil per year.¹⁴

Incidentally, two months before the Italian contract, West Germany had also signed an important barter contract with the Soviets. German exports included plants for chemical and extractive industry, iron and steel products, ships and large-diameter pipes; German imports were essentially crude oil and oil products.¹⁵ The exchange value was double that of the 1960 ENI-SNE agreement, but in itself the German contract was seen as less threatening, considering German availability of national coal. Italy, on the contrary, had no such supplies, and almost totally depended on oil. Indeed one of the reasons most frequently stated by Italian officials for buying oil from the USSR was the obligation to source energy from abroad; in addition Soviet oil was the cheapest available, and Italy was just obeying to market laws when buying Soviet. Moreover, ENI's production was not sufficient for the growing national energy needs [Perrone, p. 146–147]. In general, West German trade with the USSR rose from \$196.5 million in 1959 to \$401.5 million in 1962 [Stent, p. 97]; so together with the Italian contract, also the German one caused disquiet in the Euro-Atlantic oil circles: in particular it alarmed the American secret services.

¹³ ASMAE – Telegrammi ordinari, Russia (Ambasciata Mosca), 1960, vol. 59 arrivo (Jul. – Dec.), n. 36288, Italian Embassy in Moscow (Itemb Moscow) (Pietromarchi) to MAEI, 'Contratto ENI-FINSIDER', 3 Oct. 1960; n. 37331, Itemb Moscow (Pietromarchi) to MAEI, 'Importazione petrolio', 11 Oct. 1960. For the laborious negotiations preceding the agreement, mainly carried out by Giuseppe Ratti and under the auspices of Italian Ambassador Luca Pietromarchi, see: ASEN – Fondo ENI, Presidenza Raffaele Girotti, b. 264, fd. 482E, especially 'Missione a Mosca', 8–17 March 1960; 'Missione a Mosca per affare "Oleodotto"', 23–28 June 1960; 'Missione a Mosca per "Affare oleodotto"', July 1960; 'Missione conclusiva dell'Affare Oleodotto', Moscow, 14 Sept. – 14 Oct. 1960.

¹⁴ NARA – RG 59, Central Decimal File, 1960–1963, b. 2695, file 865.2553/7-1161, Foreign Service Dispatch, limited official use, 'Petroleum – Notes of an Interview With Enrico Mattei by Time-Life Writer John M. Scott', Amemb Rome (H. Gardner Ainsworth) to DS, 11 July 1961, pp. 1, 3–4. On Italian-Soviet negotiations on the new agreement, see: ASMAE – Telegrammi ordinari, Russia (Ambasciata Mosca), 1961, vol. 55 arrivo (Jan. – Jun.), n. 898, 12 Jan.; n. 1146, 14 Jan.; n. 1395, 17 Jan.; n. 2416, 26 Jan.; n. 2889, 30 Jan.; n. 5014, 21 Febr.; ASEN – Fondo ENI, Presidenza Raffaele Girotti, b. 264, fd. 482E, 'Missione a Mosca per acquisto greggio', 14–19 Febr. 1961. P. 7.

¹⁵ ASMAE – Telegrammi ordinari, Russia (Ambasciata Mosca), 1961, vol. 55 arrivo (Jan. – Jun.), n. 13, Itemb Moscow (Pietromarchi) to MAEI, 'Stampa sovietica', 2 Jan. 1961.

Surprise, Rage and Disquiet: International Reactions to ENI's Contract

Indeed, commenting on the Soviets' successful strategy of exporting oil and on its repercussions on US national security, the CIA affirmed that the Soviet system, by "beating Western private enterprise in competitive markets, would be used as an example of the Soviet system winning out over the American system".¹⁶ Apart from its sheer commercial significance, the Soviet oil offensive had therefore a most important symbolic meaning, which could not but be detrimental to the image of capitalism as the most fruitful trading system. Expectedly, external pressures over Italy were not limited to the international environments; on the contrary, they extended to bilateral relations, and involved both administrations and private agencies. In November 1960, for example, Monroe Rathbone, the President of the one of the world's leading oil companies, Standard Oil of New Jersey, solicited the State Department to make representations to the Italian government as regarding its Soviet deals.¹⁷ He was later joined in his protest by executives of two other majors, namely Gordon Reed of Texas Gulf and Arnold Hofland of Shell. Reed addressed several recommendations to the US Congress, as well as to federal petroleum committees and the State Department, while Hofland intervened at the British and Dutch governments, and made contact with the US Embassy and services in Paris.¹⁸ In March 1961, US President John F. Kennedy's Ambassador at Large, William Harriman, flew to Rome to meet Italian government officials and party leaders. He also met Mattei, with the sole result of having to endure the tycoon's tirade on how it had been Western companies' blind, short-term profit policy that had induced ENI's Soviet deal.¹⁹

As mentioned, Italy's trade with the Soviets, like Italian trade with Middle Eastern and North African countries that had been woven since the second half of the 1950s [Tremolada], were part of a strategy of international expansion. By July 1960 Amintore Fanfani, the DC leader, was back in his seat as Prime Minister, and Mattei knew he could count on him. He had a further ally in the Italian Ambassador in Moscow, Luca Pietromarchi. Fanfani and Pietromarchi were sponsoring a general commercial détente with the USSR, and ENI was not only a part of this but its leading edge. The entire Italian industry – ENI was not alone in this respect – felt it was

---

¹⁶ Quoted from: NARA – CREST, confidential, Memorandum for Deputy Director/Intelligence, 'Western Problems in Marketing Petroleum', 30 Nov. 1960.

¹⁷ ASENI – Fondo ENI, Estero, Rapporti commerciali con l'estero, box 2, folder 7E2, "Accordo italo-sovietico", 23 Nov. 1960, Ruffolo to Ratti, translation of a circular sent by Standard Oil of New Jersey to their affiliates on 3 Nov. 1960 and 6 Dec. 1960.

¹⁸ AN – b. 19900317/13, fd. 1, sub-fd. Italie 1955/1979, Note SDECE, "Derniers développements de l'activité de Mattei – Réactions qu'elle suscite", 18 Aug. 1961, p. 3, secret/confidential (FOIA n° 111 382).

¹⁹ NARA – Foreign Relations of the United States (FRUS), 1961–1963, XIII, West Europe and Canada, Editorial Note, p. 798–800.

being restrained by exclusively Western alliances, and missing out on an incredible opportunity to enter an untapped market [Bagnato, 2002; Bagnato, 2003, p. 42–43].

On the Italian side, the Soviet dealings squared with Fanfani and Mattei's Neo-Atlanticist policy. Only by setting itself as a bridge between the West and non-Western countries, be these Arab producers or the Soviet Union, could Italy aspire to an independent role in the Atlantic setting, and avoid international marginalisation. Under America's wing, Italy did receive protection, but at the high cost of neutralising its own autonomy in foreign policy. On the Soviet side, deals with the Italians were part of a larger plan, launched by Soviet First Secretary, Nikita Khrushchev, in May 1958. Khrushchev sought to strengthen the Soviet chemical industry and the production of plastics with the help of foreign technicians, machinery and capital. This is why the Soviet government not only approached Italy, but West Germany and the UK as well; in fact, it also planned collaboration with US industries [Bagnato, 2003, p. 60–62].

The American press joined the choir of protests against ENI. Anticipating accusations that were to be made in the following months, the *New York Times* warned about the consequences of the Soviet agreement for Italy's position regarding the security of the Western world, while also raising some questions about the effectiveness of Italy's contribution in the event of an international crisis.²⁰ Would the Italians remain loyal to their Atlantic commitment, if they depended so heavily on Soviet resources? Possibly not, was the obvious answer. In the American press, as well as in National Security Council and State Department reports, dangers deriving from dependency on Soviet oil were always highlighted: for example, the Russians may decide to abruptly interrupt their deliveries following unfavourable political decisions by Western bloc governments. Soviet dependency on Western technology, however, was largely neglected; discontinuing exports would have deprived the Eastern giant of part of its industrial power. This reason, more than any other, made an interruption of supplies unlikely. In addition, historian Angela Stent notes, the urgency of the American rhetoric was not commensurate to the real supply situation, in that Western Europe was not at the time heavily dependent on Soviet oil. Political factors linked to Cold War climate may have distorted perceptions of the economic significance of Soviet oil exports, and may have joined worries by Western oil companies about a likely loss of market shares [Stent, p. 100].

But national reactions to the ENI-SNE deal were not limited to American diplomacy and industrial environments. French and British protest was as vehement as the American one. When French diplomats were made aware of the ENI-SNE agreement's negotiations, they made representations to Italy, but ENI responded with a short memorandum defending itself on

---

²⁰ TNA – FO 371/153362, fd. RT 1532/17, P. J. E. Male, Foreign Office, to J. Gwynn, Ministry of Power, 'Italy and Russian Oil' // *New York Times* article, 'Italy Oil Deal With Soviet Weakens Her Ties to West', 11 Nov. 1960.

economic grounds, and returning French accusations to the sender on technical grounds. The Italian company maintained that Soviet crude oil had characteristics more suited to the needs of Italian refiners and the national consumption structure, in comparison to Saharan crude. The French, the memorandum continued, were trying to politicise a justifiable technical and economic issue, so as to favour their Algerian crude (see below).²¹ ENI's expansionist attitude also worried the French Ambassador in Rome, Gaston Palewski. When in late 1959 the Italian President, Giovanni Gronchi, was invited by Khrushchev to visit the USSR, Palewski was not so much anxious about an Italian-Russian rapprochement, as he was of the fact that Gronchi could be a beachhead for Mattei's plans [Bagnato, 2003, p. 176].

In addition, ENI's plans endangered British interests. In early 1959 Mattei had taken initial steps towards the expansion of ENI's distribution activities in the UK, where he aimed to conquer a quarter of the distribution market using cheap Soviet oil.²² However, this threatened the embargo the British had barely managed to have approved. Confronted with British Petroleum and Royal Dutch-Shell's scepticism about Mattei, the British Ambassador in Rome, Ashley Clarke, reiterated his proposal that they begin talks with him. ENI and its President were not, in the Ambassador's view, "passing phenomena which [would] conveniently disappear if the British Oil Companies avoid[ed] looking at them".²³ However, Assistant Undersecretary at the Foreign Office, Roger Jackling, replied that it was too early for companies to make life easier for ENI. If British companies came to terms with Mattei, he maintained, it would only encourage him to continue using his aggressive strategy, and escalate his requests to the majors. Moreover, Jackling speculated that ENI's growing dependency on the Russians might be a source of embarrassment for the Italian government in regard to its Western allies, and the deal had also been very coldly received at the Second Arab Petroleum Congress held in Beirut in mid-October.²⁴ Things would fall into place by themselves, the British thought, due to Mattei's overstretched and hazardous tactics.

Anxieties expressed by diplomats with respect to the Soviet oil offensive were substantiated after the signature of ENI's contracts, in mid-1961, when SNE's President, Gurov, declared to a Soviet journal that the USSR meant to demolish the edifice the majors had built: "It should be borne in mind that oil concessions represent the foundation of the entire edifice of western political influence in the [less developed] world, of all military bases and aggressive blocs. If this foundation cracks, the

---

²¹ ASENI - Fondo ENI, Presidenza Eugenio Cefis, b. 24, fd. CB8, 'Promemoria sulle importazioni petrolifere dall'URSS', 24 Aug. 1960.

²² TNA - FO 371/145054, fd. RT 1152, 'Visit to UK by President of ENI-AGIP of Italy', confidential, British Embassy Rome (Clarke) to Foreign Office, 15 Jan. 1959.

²³ Quoted from: TNA - FO 371/153362, fd. RT 1532/10, 'Relations between Signor Mattei and the Western Oil Group', f. RT 1532/10 (A), secret, A. Clarke, British Embassy Rome, to R. W. Jackling, Foreign Office, 21 Oct. 1960.

²⁴ TNA - FO 371/153362, fd. RT 1532/10, secret, R. W. Jackling, Foreign Office, to Clarke, British Embassy Rome, 4 Nov. 1960.

entire edifice may begin to totter and then come tumbling down”.²⁵ Thus, while American security and governmental authorities were trying to keep a low profile on the issue of Soviet oil, and prevented their anxieties from leaking beyond their offices, the Soviets were blatantly announcing their intentions. As a consequence, an alarmed Harry Kern, the Director of the review *Foreign Reports*, circulated a memorandum in July to top policy officials in the State Department and to the West German Chancellor, Konrad Adenauer. The document advocated an oil embargo against the USSR as a retaliation measure against its stance on the Berlin crisis, which the Soviet government had opened in June by issuing an ultimatum demanding the withdrawal of Western armed forces from West Berlin. The embargo, Kern suggested, would only end once the Soviet accepted “normal standards” in the marketing of their petroleum products.²⁶

He further advised that Adenauer, in declaring the oil embargo, point out that it was being put into effect not only because of Berlin but also in the interests of Arab producing countries. Adenauer should thus ask these countries to associate themselves with the defence of Berlin. An association of some Afro-Asian countries would be essential at the UN, especially at a time when these countries were receiving no support from the West in key international disputes.²⁷ However, Kern’s proposal was not met with favour by State Secretary, Dean Rusk. A Soviet oil embargo was not discarded, but NATO authorities, to whom the memorandum had also been forwarded, believed it was too early to declare it. Kern’s proposal was a further indication of how much Realpolitik dynamics weighed in energy security. Economic interests were camouflaged under a political cover, and the Berlin crisis was used as a convenient excuse to justify a long-desired embargo on Soviet oil. It also shows the paternalistic attitude of some American personalities toward high charges of the West German state, which is a clear indication of the balance of power between the two countries.

American discontent was also clearly expressed in two documents produced by the US Senate, *Soviet Oil in the Cold War* and *Problems raised by the Soviet oil offensive*, in 1961 and 1962 respectively [Hoskins and Herman; Hoskins]. In the first study, authors Halford Hoskins, a senior specialist in international relations, and Leon Herman, an analyst in Soviet economics, warned that Soviet exports to foreign countries were “a political hand that has worn the economic glove” [Hoskins, Herman, p. 4]. When illustrating the Italian deal, the two authors maintained that if the Italian attitude spread over Western Europe, more countries would dislocate part

---

²⁵ Quoted from: *Herman L. M. The Soviet Oil Offensive // The Reporter*. 1962. 21 June. P. 27.

²⁶ AHTOTAL – Fonds Total-CFP, b. 92.26/31, fd. Pétrole soviétique, letter, Harry F. Kern (*Foreign Reports*, Director) to François de Laboulaye (CFP), 24 Aug. 1961.

²⁷ One such dispute was the Bizerte Crisis, occurred in July 1961 when Tunisia imposed a blockade on the French naval base at Bizerte, Tunisia, hoping to force its evacuation. The crisis culminated in a three-day battle between French and Tunisian forces that left some 630 Tunisians and 24 French dead.

of their supplies from the majors to the USSR, thus causing fewer revenues to international companies. That would not only damage American, but also British (BP and Shell), Dutch (Shell) and French (Compagnie française des pétroles) interests [Ibid., p. 6]. In *Problems raised by the Soviet oil offensive*, Hoskins went further to provide various examples of Soviet oil offensive in several countries in Asia, Africa and Europe, and their consequences. As for Italy, he warned that ENI's policy was intended to eliminate as many foreign companies as possible from Italy [Hoskins, p. 11].

In 1957, a prominent American economist, Willard Thorp, had forecast: "It does not now appear that the new programs will place the Soviet Union in a position within the next few years to take over political control through economic domination" [Thorp, p. 282]. Not many in Western governments seemed to believe his argument in 1962, and it is doubtful they did even earlier [Spencer, p. 99]. Instead, a number of Western powers understood the time had come to stop Soviet oil exports by intervening on the very physical means the Soviet meant to use for getting oil flow into Western Europe: pipelines.

The West Counter-Attacks to Stem the Oil Flood

The Soviet plan to build an extended network of pipelines from Russian oilfields to the rest of the Eastern Bloc (the western branch of which would be called *Druzhba*, the Russian for 'friendship') was greatly alarming to Western governments, especially to those that played a key role in the international oil trade, such as the US, the UK, the Netherlands, or expected to play such a role soon (France). That is why ENI's plans to build a pipeline for the Soviets between the USSR and East Germany, and a second one to connect Italy's Adriatic Sea terminal in Trieste to a city 65 km away from one of the Soviet system's terminals, Vienna, did certainly not improve Italy's relations with its Cold War allies. While the *Druzhba* threat would be dealt with by NATO, as I will briefly mention below, the danger originating from the East German pipeline project was defused through international diplomatic pressure. The French and US governments had promptly been informed of the news of the Italian-Soviet agreement regarding the East German pipeline project by their secret services.²⁸ The implementation of ENI's project was depicted as a dramatic security threat to the Western bloc, as the very possibility of having an oil terminal in East Germany may sooner or later lead to its connection to West Germany. The State Department suggested the Italian Ambassador in Paris, Manlio Brosio, apply pressure on his government, and eventually

---

²⁸ ASENI – Fondo ENI, Estero, b. 2, fd. 7E6, letter, Itemb Moscow (Pietromarchi) to ENI President (Enrico Mattei), 25 Nov. 1959; ENI President (Enrico Mattei) to Itemb Moscow (Luca Pietromarchi), 28 Dec. 1959; AN – 19900317/13, fd. 1, sub-fd. Italie 1955/1979, secret, Note SDECE, *L'activité de l'Ente Nazionale Idrocarburi (mai 1958 – sept. 1959)*, 23 Oct. 1959, p. 5 (FOIA n° 111 382); NARA – CIA Records Search Tool Database (CREST), CIA Current Intelligence Weekly Summary, confidential, 'Italian Oil Combine May Build Pipeline for USSR', 28 Jan. 1960. p. 11; NARA – RG 59, Central Decimal File, 1960–1963, b. 2694, file 865.2553/1-2660, confidential, Foreign Service Dispatch, Amemb Rome to DS, 26 Jan. 1960.

the pipeline agreement was not finalized.²⁹ ENI eventually supplied certain pumping and auxiliary equipment, while the plan to provide technical assistance toward installing the pipelines was dropped.³⁰

But there was still the issue of the Trieste-Vienna pipeline. This pipeline might easily be linked to Bratislava, where the Soviets planned to establish the Czechoslovakian terminal of Druzhba. Vienna's short distance from Bratislava made the project a threat for supplies of Middle Eastern oil delivered by the majors.³¹ The Swiss newspaper, *Neue Zürcher Zeitung*, sounded the alarm bells, by arguing in June 1961 that from a geographical viewpoint the Soviet project contained elements that made it more enticing than a continued commitment to majors' oil from the Middle East, transported through the Mediterranean. The proximity of Sweden and the Netherlands to the Baltic port of Klaipeda, where another terminal of the Soviet European pipeline was to be built, would make the Soviet pipeline a constant temptation for countries belonging to the Western Bloc, thanks to the savings its use would allow. Moreover from the Baltic port, oil could easily be carried to West Germany by railway. On top of that, by linking the Soviet pipeline to ENI's planned pipeline, Soviet oil could reach the Mediterranean via pipeline, and thence be exported by tanker to areas already supplied by Anglo-American majors in Southern Europe, thus increasing the quantities that were already being delivered by tanker from the Soviet Union via the Black Sea.³² The project for the Trieste-Vienna pipeline, however, was to be approved only in 1963. The laying of the Transalpine Pipeline, as it would be called, was eventually to include a number of majors beside ENI. It was commissioned in 1967, while its extension to Vienna had to wait until 1970 to become operational.

Besides ENI's pipeline projects, which had now been stemmed, the problem of oil exports remained: in the early 1960s, it became one of the core topics discussed at NATO and the EEC. The NATO case has been discussed at length in other publications [Cantoni forthcoming a; Bagnato 2003, 380 ff], but it is useful to summarize them: between 1960 and 1962, NATO's Committee of Economic Advisers discussed the possibility to embargo sensitive Western technologies that the Soviets may use for the laying of their pipeline. The debate, which lasted one and a half year, eventuated in the approval of an embargo on large-diameter steel pipes in November 1962. Unlike the NATO case, the intra-European debate on Soviet oil imports, which kept the EEC busy for a few years, had much less stringent consequences on the policies of its country members: as I am now going

²⁹ NARA – RG 59, Central Decimal File, 1960–1963, b. 2694, file 865.2553/2-660, confidential, Memorandum of Conversation, 'Italian Government Guaranteed Credit for Soviet Pipeline Project', 6 Febr. 1960.

³⁰ NARA – RG 59, Central Decimal File, 1960–1963, b. 2694, file 865.25553/3-160, limited official use, Amemb Rome (Zellerbach) to State Department, 1 March 1960; AN – 19900317/13, fd. 1, sub-fd. Italie 1955/1979, secret, Note SDECE, *L'activité de l'Ente Nazionale Idrocarburi (oct. 1959 – oct. 1960)*, 18 Oct. 1960, p. 15 (FOIA n° 111 382).

³¹ TNA – FO 371/153362, fd. RT 1532/6, f. RT 1532/6D, A. A. Jarratt, Ministry of Power, to J. T. Fearnley, FO, 17 June 1960, p. 10.

³² ASENI – Rassegna stampa estera 1961, n. 39, para 370, *Neue Zürcher Zeitung*, 11 June.

to show, it failed to fulfill the wish to stop ENI's transactions with the Soviets at an early stage, and could not prevent the signature of a further Italian-Soviet oil contract.

Not long after Italian-Soviet negotiations began in 1958, tensions regarding the policies to adopt as regarding Soviet oil exports started to mount in the EEC, as France's attempts to prioritise its newly-found African crude (notably from Algeria and Equatorial Africa) threatened to be frustrated by Italian Soviet-friendly policies. The establishment of the EEC in 1957 meant, amongst other things, the obligation for France to open its national market to communitarian oil. This, France partly did from 1959, but conditioned its extension to progress toward a European energy policy. French oil administrators wanted to be reassured by the European authorities on a point they deemed fundamental, namely a common policy on the definition of the origin of products, lacking which nothing would prevent Italy from re-exporting to the Common Market its Soviet oil, since it would then be relabelled as Italian [Demagny, 210]. In the autumn of 1959, the French government proposed that EEC members adopt measures in order to protect the Common Market for crude oil, and in practice, asked its European partners to prioritise the sale of Saharan crude within the EEC.³³ However, from a political point of view the French system envisioned the creation of a protectionist zone within the Common Market, which might lead non-EEC governments to retaliate by discriminating against EEC oil products' exports, and applying duties on them.

Unsurprisingly the plan met with Dutch, Italian and German opposition, as well as with US opposition outside the EEC (the Americans deemed the French plan contrary to the General Agreement on Tariffs and Trade's rules).³⁴ Eventually, US pressure had the French drop their plan.³⁵ By early 1960 the question of preferential treatment for Algerian oil was mothballed. While French companies continued to press the Common Market to make room for their oil, within the Community's oil debates, it was now the Soviet oil offensive that entered central stage.³⁶ Unlike coal – through the European Coal and Steel Community High Authority (ECSC) – and

---

³³ ADMAE – Séries: Affaires économiques et financières, Sous-séries: Directeur - Wormser. N. 85. DE-CE Papiers Directeur Olivier Wormser (microfilm P10747, pétrole dossier général 54-66, MAEF), "Recherche de protection pour le pétrole saharien", Director of Economic and Financial Affairs (Olivier Wormser) to Minister Economic at the British Embassy of France (William Harpham), 29 Nov.1959.

³⁴ Quoted from: ADMAE – Séries: Affaires économiques et financières, Sous-séries: Directeur - Wormser. N. 85. DE-CE Papiers Directeur Olivier Wormser (microfilm P10747, pétrole dossier général 54-66, MAEF), Wormser to French Ambassador in Washington (Hervé Alphand), 2 Dec.1959. My own translation; AHTOTAL – Fonds Total-CFP, box 92.26/7, folder Écoulement du pétrole saharien, "Note sur la réunion du 9 Décembre 1959", 9 Dec.1959.

³⁵ ADMAE – Séries: Affaires économiques et financières, Sous-séries: Directeur - Wormser. N. 85. DE-CE Papiers Directeur Olivier Wormser (microfilm P10747, pétrole dossier général 54-66), MAEF, Wormser to Minister of Industry (Jean-Marcel Jeanneney), 12 Dec. 1959, p. 2.

³⁶ AHTOTAL – Fonds Total-CFP, box 92.26/7 Labouret, folder Sahara – Politique algérienne concernant le Sahara, "Observations au sujet de la note du 18 avril", de Laboulaye (CFP) to Francis de Baecque (OCSR), 2 May 1961.

nuclear energy – through EURATOM – in the late 1950s, hydrocarbons were the only major form of energy the management of which was not regulated by a West European institution [Demagny, p. 305]. Following France's African oil discoveries, the Soviet oil offensive and the surplus of oil on the market, it became necessary to devise a common hydrocarbon policy. An EEC working group of high officials was thus set up in April 1960 to devise a common policy.³⁷ The foundation of the working group followed a memorandum on the coordination of energy policies, devised by an inter-executive group formed by representatives of the three European energy commissions, namely the ECSC, the European Commission – EEC's executive body – and EURATOM.

The EEC inter-executive working group eventually submitted its proposals to the General Secretariat of the Council of the European Communities in January 1961. These included harmonisation measures of the Community's energy policies, and safeguarding provisions in case the energy market deteriorated.³⁸ The former amounted to renounce the right to take decisions on energy matters before consultation with other EEC countries and the Commission itself. The second set of provisions, to be introduced over a period of three to five years, included: import quotas for coal, crude and oil products; custom duties on imported coal and fuel oil; and community-funded subventions to coal production.³⁹ While acknowledging the necessity of a common energy policy, Italy did not adhere to the inter-executive proposals, which it deemed dictated by the majors' vested interests.⁴⁰

With a view to the July 1961 oil experts meeting, the European Commission eventually prepared a draft intended to limit Soviet imports. It was based on a simple limitation of imports, with a retroactive effect from January 1961. Each country would commit to self-limit its annual imports from the Bloc to the 1960 volume. If a member state wanted to import beyond that volume, it would have to consult its Community partners and the Commission three months before the opening of negotiations for additional purchases. The French Fuels Director, Maurice Leblond, criticised the far too generous flexibility given to states that wanted to

---

³⁷ AN – b. 19800118/3 CEE/Hydrocarbures, 1960-2, fd. Politique vis-à-vis des pays de l'Est, "Considérations sur les problèmes posés par les pétroles russes à l'économie européenne", unsigned, 8 Apr. 1960 (FOIA n° 111 382).

³⁸ In January 1958, a unified secretariat was created for the Councils of the three European Communities, led by the ECSC's general secretariat already in office, and named the General Secretariat of the Council of the European Communities.

³⁹ ASENI – Fondo ENI, Relazioni esterne, b. 29, fd. 2A89: CECA High Authority/EEC Commission/ECSC Commission, very secret, "Note au Conseil Special de Ministres – Propositions de premières mesures en vue d'une coordination des politiques énergétiques", Jan. 1961.

⁴⁰ ASENI – Fondo ENI, Estero, Rapporti commerciali con l'estero, b. 2, fd. 7E2, Memorandum, Giorgio Ruffolo (ENI) to Sig. Giorgi and Sig. Carbone (Italian representatives at NATO Ad Hoc Study Group on Soviet Oil Policy), 29 Dec. 1960.

increase their Soviet oil quotas, and suggested establishing a global EEC quota of Soviet oil that could be imported in the Community, and then be distributed according to countries' consumptions.⁴¹

Notwithstanding French opposition, the Vice-President of the European Commission, Robert Marjolin, proposed presenting the pilot study to the Commission, while suggesting its transformation into an official proposal to the EEC Council. The Commission managed to reach agreement on the principle of country members carrying out preliminary consultation with them, before trade agreements with third countries be concluded. In April 1962, the Council charged the working group with performing a detailed study of the energy market situation and of the principles of orientation of the communitarian policy.⁴² Two months later, the group submitted a *Memorandum on Energy Policy*. Among other provisions, a quota system for Soviet bloc crude and products on a communitarian basis was proposed. Such legitimisation-cum-restrictions meant that other operators would be assigned shares of the available Soviet quotas, thus limiting the Italian one. ENI batted down the hatches by suggesting that the Italian delegation try and obtain adequate guarantees for a quota, or reject the proposal outright.⁴³

ENI's President Mattei knew that Italian resistance to the quota system at the EEC could not continue forever. He thus attempted to negotiate a further agreement with the Soviets, and in September 1962 he sent an ENI executive officer, Giuseppe Ratti, to Moscow.⁴⁴ Two days after Ratti's return to Italy, the quota system was proposed by the Commission and sent to national governments for approval.⁴⁵ ENI was skating on thin ice, but had an advantage: it was able to act much faster than the European bureaucratic machine. In the months following June 1962, the policy devised in the inter-executive group's memorandum was reshaped, modified and amended in order to accommodate each member's interests, but no agreement could be reached within a short time, especially due to Italian obstructionism. Only in April 1964 was a Protocol of Agreement on energy policy was

---

⁴¹ AN – b. 19800118/3 CEE/Hydrocarbures, 1960–1962, fd. Politique vis-à-vis des pays de l'Est, Direction des Carburants, "Note pour le Comité Interministériel – Politique de la C. E. E. vis-à-vis du pétrole des Pays de l'Est", 27 June 1961 (FOIA n° 111 382).

⁴² AHTOTAL – Fonds Total-CFP, b. 90.4/350 Ingérence russe dans l'industrie pétrolière, fd. III. Réactions du monde occidental, sub-fd. Organismes officiels *Europe*, "Bulletin quotidien n. 1025, 11 July 1961"; Fonds Total-CFP, b. 86.12/20, Bobin, "La politique énergétique de la Communauté Européenne – Chronologie 1952–1970", undated [TPQ: 1970].

⁴³ ASENI – Fondo ENI, Presidenza Raffaele Girotti, b. 264, fd. 482E, unsigned, "CEE – Contingentamento importazioni di petrolio dall'URSS", 27 June 1962.

⁴⁴ ASENI – Fondo ENI, Presidenza Raffaele Girotti, b. 264, fd. 482E, Giuseppe Ratti, "Missione a Mosca (4–6 Sept. 1962)", 7 Sept. 1962; Giuseppe Ratti, Promemoria riservato al Dr. Cefis, "Operazione in abbinamento ENI – URSS", 8 Nov. 1962.

⁴⁵ AN – b. 19800118/3 CEE/Hydrocarbures, 1960–1962, fd. Politique vis-à-vis des pays de l'Est, "Projet d'accord pour la coordination des importations de pétrole brut et de produits pétroliers en provenance des Pays de l'Est dans la Communauté", unsigned, 7 Sept. 1962; AHTOTAL – Fonds Total-CFP, b. 90.4/328 Vincent Labouret, fd. La politique énergétique de l'Europe, *Europe Énergie*, "La Commission de la C. E. E. et le régime pétrolier français", 25 Sept. 1962.

approved by a special Council of Ministers, far too late for the new Italian-Soviet agreement to be stopped (this was signed in November 1963) [Lucas, p. 36].

Conclusions

By analysing the consequences of the Soviet oil exports strategy, I have elucidated the extent to which it generated widespread fears both in Western diplomacies and the oil industry, and have shown the modalities through which a number of these countries tried to minimise what they perceived as a major threat to the West's economic security. In this respect, ENI's oil-for-technology agreements with the Soviets were a particularly acute thorn in the flesh, not only of Anglo-American companies, but also of French aspirations to supply the West European market with oil recently extracted from Africa. ENI's alliance with the USSR was seen by the Anglo-Americans and the French as a warning sign of what could happen if the Soviet oil offensive was supported by other West European countries. The threats deriving from Soviet exports became the chief bone of contention for Italy in bilateral and international organisations, and led to a number of harsh attacks to ENI and to the Italian oil policy by its Cold War allies. ENI's Soviet liaisons were stigmatized as a critical breach of faith. The Italians, on their side, struggled to defend their position on economic grounds: that was only part of the real rationale, as a second, equally important motivation for Italian administrations feeling to narrowly constrained by US political diktats was the weaving of an international network of trading partners: a network that could also reverberate on Italy's diplomatic and political prestige.

As regarding the debate on oil exports, taking place at the EEC, the French position consisting in prioritizing its African oil on the Common Market clashed not only with Italy's position, but also with most of its other European partners, and with Anglo-American companies' interests. Ultimately, French diplomatic influence did not result in shaping the debate to the effect of formulating a strong communitarian policy in the short term. Italy's dilatory strategy aimed at favouring ENI's Soviet dealings, and its long opposition to any restrictions to Soviet imports, allowed the Italian company to gain precious time to continue its trade with Soviet Union. It ultimately delayed the formulation of a communitarian policy on hydrocarbons until it was too late for the EEC to cause the failure of Soviet-Italian plans.

Список литературы

Bagnato B. Prove di Ostpolitik : Politica ed economia nella strategia italiana verso l'Unione Sovietica, 1958–1963. Firenze : Olschki, 2003.

Berry J. A. Oil and Soviet Policy in the Middle East // Middle East J. 1972. Vol. 26, № 2. P. 149–160.

Cantoni R. What's in a pipe? NATO's confrontation on the 1962 large-diameter pipe embargo // *Technology and Culture*. (The publication of article is planned in 2016.)

Cantoni R. *Oil Exploration, Diplomacy, and Security in the Early Cold War: the Enemy Underground*. L. ; N.Y. : Routledge. (The publication of the monograph is planned at the end of 2016 – the beginning of 2017). (Theses are submitted here: Cantoni R. 'Oily Deals. Exploration, diplomacy and security in early Cold War France and Italy'. PhD thesis. Manchester : University of Manchester, 2014.

Catta E. Victor De Metz. *De la CFP au Groupe Total*. Paris : Total Ed. Presse, 1990.

Demagny A. France and the Project for a Community Oil Policy, from the Signature of the Treaty of Rome to the First Oil Shock // *A Comparative History of National Oil Companies* / ed. by A. Beltran. Brussels : Peter Lang, 2010. P. 305–322.

Ebel R. E. *Communist Trade in Oil and Gas*. N. Y. ; Washington ; L. : Praeger, 1970.

Hoskins H. L. Problems Raised by the Soviet Oil Offensive. U. S. Senate. Committee on the Judiciary. Committee Print. Washington : U. S. Government Printing Office, 1962.

Hoskins H. L., Herman L. M. *Soviet Oil in the Cold War*. U. S. Senate. Committee on the Judiciary. Committee Print. Washington: U. S. Government Printing Office, 1961.

Högselius R. *Red Gas. Russia and the Origins of Europe's Energy Dependence*. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2013.

I diari di Luca Pietromarchi: ambasciatore italiano a Mosca, 1958–1961 / ed. by B. Bagnato. Firenze : Olschki, 2002.

Jensen-Eriksen N. The Cold War in Energy Markets : British Efforts to Contain Soviet Oil Exports to Non-Communist Countries, 1950–1965 // *Le pétrole et la guerre (Oil and War)* / ed. by A. Beltran. Brussels : Peter Lang, 2012. P. 191–208.

Lucas N. J. D. *Energy and the European Communities*. L. : Europa Publ., 1977.

Mitchell T. *Carbon democracy* // *Economy and Society*. 2009. Vol. 38, № 3. P. 399–432.

Mitchell T. *Carbon Democracy : Political Power in the Age of Oil*. N. Y. : Verso, 2011.

Nuti L. Commitment to NATO and Domestic Politics: the Italian Case and Some Comparative // *Contemporary European History*. 1998. Vol. 7, № 3. P. 361–377.

Perrone N. *Obiettivo Mattei : Petrolio, Stati Uniti e politica dell'ENI*. Gamberetti : Roma, 1995.

Pozzi D. *Dai gatti selvaggi al cane a sei zampe : Tecnologia, conoscenza e organizzazione nell'AGIP e nell'ENI di Enrico Mattei*. Padova : Marsilio, 2009.

Spencer D. L. The Role of Oil in Soviet Foreign Economic Policy // *Am. J. of Economy and Society*. 1966. Vol. 25, № 1. P. 91–107.

Stent A. From embargo to Ostpolitik : The political economy of West Germany-Soviet relations, 1955–1980. Cambridge : Cambridge University Press, 1981.

Thorp W. L. American Policy and the Soviet Economic Offensive // *Foreign Affairs*. 1956–1957. Vol. 35. P. 271–282.

Tremolada I. *La via italiana al petrolio : L'Eni di Enrico Mattei e l'Iran (1945–1962)*. Milano : L'Ornitorinco, 2011.

Yergin D. *The Quest: Energy, Security, and the Remaking of the Modern World*. L. : Penguin, 2011.

References

Bagnato, B. (Ed.). (2002). *I diari di Luca Pietromarchi: ambasciatore italiano a Mosca, 1958–1961*. Firenze, Olschki.

Bagnato, B. (2003). *Prove di Ostpolitik. Politica ed economia nella strategia italiana verso l'Unione Sovietica, 1958–1963*. Firenze, Olschki.

Berry, J. A. (1972). Oil and Soviet Policy in the Middle East. In *Middle East Journal*, 26/2, pp. 149–160.

Cantoni R. What's in a Pipe? NATO's Confrontation on the 1962 Large-Diameter Pipe Embargo. In *Technology and Culture*. (The publication of article is planned in 2016).

Cantoni R. *Oil Exploration, Diplomacy, and Security in the Early Cold War: the Enemy Underground*. London/New York, Routledge. (The publication of the monograph is planned at the end of 2016 – the beginning of 2017). (Theses are submitted here: Cantoni, R. (2014). 'Oily Deals. Exploration, diplomacy and security in early Cold War France and Italy'. PhD thesis. University of Manchester. Manchester).

Catta, E. (1990). *Victor De Metz. De la CFP au Groupe Total*. Paris, Total Edition Presse.

- Demagny, A. (2010). France and the Project for a Community Oil Policy, from the Signature of the Treaty of Rome to the First Oil Shock. In Beltran, A. (Ed.). *A Comparative History of National Oil Companies* (pp. 305–322). Brussels, Peter Lang.
- Ebel, R. E. (1970). *Communist Trade in Oil and Gas*. New York / Washington / London, Praeger.
- Hoskins, H. L. (1962). *Problems Raised by the Soviet Oil Offensive*. U. S. Senate. Committee on the Judiciary. Committee Print. Washington, U. S. Government Printing Office.
- Hoskins, H. L. & Herman, L. M. (1961). *Soviet Oil in the Cold War*. U. S. Senate. Committee on the Judiciary. Committee Print. Washington, U. S. Government Printing Office.
- Högselius, R. (2013). *Red Gas. Russia and the Origins of Europe's Energy Dependence*. New York, Palgrave Macmillan.
- Jensen-Eriksen, N. (2012). The Cold War in Energy Markets. British Efforts to Contain Soviet Oil Exports to Non-Communist Countries, 1950–1965. In A. Beltran (Ed.). *Le pétrole et la guerre/Oil and War* (pp. 191–208). Brussels, Peter Lang.
- Lucas, N. J. D. (1977). *Energy and the European Communities*. London, Europa Publications.
- Mitchell, T. (2009). Carbon democracy. In *Economy and Society*, 38/3, pp. 399–432.
- Mitchell, T. (2011). *Carbon Democracy: Political Power in the Age of Oil*. New York, Verso.
- Nuti, L. (1998). Commitment to NATO and Domestic Politics: the Italian Case and Some Comparative. In *Contemporary European History*, 7/3, pp. 361–77.
- Perrone, N. (1995). *Obiettivo Mattei: Petrolio, Stati Uniti e politica dell'ENI*. Gamberetti, Roma.
- Pozzi, D. (2009). *Dai gatti selvaggi al cane a sei zampe. Tecnologia, conoscenza e organizzazione nell'AGIP e nell'ENI di Enrico Mattei*. Padova, Marsilio.
- Spencer, D. L. (1966). The Role of Oil in Soviet Foreign Economic Policy. In *American Journal of Economy and Society*, 25/1, pp. 91–107.
- Stent, A. (1981). *From embargo to Ostpolitik. The political economy of West Germany-Soviet relations, 1955-1980*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Thorp, W. L. (1956–1957). American Policy and the Soviet Economic Offensive. In *Foreign Affairs*, 35, pp. 271–282.
- Tremolada, I. (2011). *La via italiana al petrolio. L'Eni di Enrico Mattei e l'Iran (1945–1962)*. Milano, L'Ornitorinco.
- Yergin, D. (2011). *The Quest: Energy, Security, and the Remaking of the Modern World*. London, Penguin.

The article was submitted on 10.07.2015

Роберто Кантони, Dr.,
университет Париж-Восточный
Марн-ля-Валле (UPEM),
Париж, Франция
roberto.cantoni@enpc.fr

Roberto Cantoni, PhD,
Université Paris-Est
(École des Ponts ParisTech,
Université Paris-Est Marne-la-Vallée),
Paris, France
roberto.cantoni@enpc.fr

DOI 10.15826/QR.2015.4.133

УДК 338(091)+327.2(091)+621.6(091)

Falk Flade

**„EIN GLÄNZENDES ZEUGNIS DES SOZIALISTISCHEN
INTERNATIONALISMUS“ – PLANUNG UND
BAU DER ERDGASLEITUNG “SOJUZ“ (1974–1979)**

Falk Flade

***A VIVID EXAMPLE OF SOCIALIST INTERNATIONALISM:
THE DESIGN AND CONSTRUCTION OF THE SOYUZ
GAS PIPELINE (1974—1979)***

The article examines the construction of the natural gas pipeline *Soyuz* with special regard to the international cooperation within the context of the Council for Mutual Economic Assistance. It pays special attention to the difficulties, which emerged during planning and construction of the pipeline and is based on international secondary literature as well as archive material from Berlin, Warsaw and Moscow. The article concludes that due to a lack of clarity concerning financing and repayment modes, the involved countries did not try to realize comparable large-scale infrastructure projects in the 1980s. Instead, the Soviet Union turned to financially stronger countries in the West.

Keywords: natural gas pipeline *Soyuz*; Council for Mutual Economic Assistance; International Investment Bank; international cooperation; infrastructures.

В статье рассматривается проект строительства газопровода «Союз» как результат международного сотрудничества стран в рамках Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Особое внимание уделяется анализу сложностей, которые возникли в ходе планирования и строительства газопровода. Для исследования были привлечены вторичные источники информации из разных стран и архивные материалы из Берлина, Варшавы и Москвы. Автор приходит к выводу, что неясность в вопросах, касающихся способов финансирования и оплаты, привела к тому, что в 1980-е гг. страны – участницы СЭВ воздержались от реализации проектов, сопоставимых по масштабу со строительством газопровода. Вместо этого Советский Союз обратился к западным странам с более прочным финансовым положением.

Ключевые слова: газопровод «Союз»; Совет Экономической Взаимопомощи; Международный инвестиционный банк; международное сотрудничество; инфраструктуры.

Einleitung

„Ein glänzendes Zeugnis des sozialistischen Internationalismus“ – so bezeichnete Leonid Brežnev, Generalsekretar der Kommunistischen Partei der Sowjetunion, in einer Grußnote den planmäßigen Abschluss des Orenburg-Projektes im Herbst 1979. Brežnev lobte die Erdgasleitung und die damit verbundenen Aufbereitungsanlagen als den „größten gaschemischen Komplex Europas und ein seinen technischen Parametern nach einmaliges Gastransportsystem“, dass „einen gewichtigen Beitrag zur Steigerung des Energiepotentials der Mitgliedstaaten des RGW leisten“ wird¹.

Damit schien die Fertigstellung der Erdgasleitung *Sojuz*² sowie der damit verbundenen Erdgasaufbereitungsanlagen in der Stadt Orenburg eine weitere sozialistische Erfolgsgeschichte zu sein. Immerhin mussten beim Bau dieser knapp 2.700 Kilometer langen Pipeline zwischen Orenburg an den südwestlichen Ausläufern des Urals und der Stadt Užgorod³ an der sowjetischen Westgrenze Hindernisse wie die 3,6 Kilometer breite Wolga oder die Karpaten bis knapp 1.600 Höhenmeter überwunden werden, um ab 1979 die Erdgaslieferungen nach Bulgarien, in die Tschechoslowakei, die DDR, Polen, Rumänien und Ungarn aufnehmen zu können.

Vorgeschichte

Die osteuropäische Energieversorgung geriet in den 1970er Jahren zunehmend unter Druck. Die sozialistische Industrialisierung mit ihrem Fokus auf die Schwerindustrie hatte seit den 1950er Jahren einen extrem energieintensiven Entwicklungspfad eingeschlagen. Um das möglichst hohe Wirtschaftswachstum anzufeuern, benötigten die sozialistischen Volkswirtschaften unaufhörlich steigende Mengen an Roh- und Brennstoffen. Während es den kapitalistischen Ländern insbesondere nach den Ölkrisen der 1970er Jahre gelungen war, das Wirtschaftswachstum vom Energieverbrauch zu entkoppeln, scheiterte der Übergang von einem extensiven hin zu einem intensiven Wachstumspfad in Osteuropa [Gustafson, S. 9]. Dieses „Energie- und Brennstoffproblem“, wie es in

---

¹ Grußnote an „die Kollektive der Bau- und Montageorganisationen des Ministeriums für Erdöl- und Gasanlagenbau, des Ministeriums für Energiewirtschaft und Elektrifizierung der UdSSR, des Ministeriums für Montage und Sonderbauwesen der UdSSR, an die Werk-tätigen der Gasindustrie, an die Partei-, Gewerkschafts- und Komsomolorganisationen und alle Teilnehmer der Errichtung der Ferngasleitung Sojus und des Orenburger Gaskomplexes“ [Breshnew, S. 27].

² In Archivmaterial und Sekundärliteratur trifft man häufig auf die juristisch korrekte Benennung „Gasleitung Orenburg-Westgrenze UdSSR“. In diesem Aufsatz wird die kürzere und damals allgemein gebräuchliche Bezeichnung *Sojuz* (Союз, russ. „Bündnis“) verwendet, das gesamte Bauvorhaben wird Orenburg-Projekt genannt.

³ In Anlehnung an das Archivmaterial werden auch ukrainische Ortsnamen aus dem russischen transliteriert.

zeitgenössischen Texten bezeichnet wurde, betraf vornehmlich die kleineren osteuropäischen Länder, die im Gegensatz zur Sowjetunion nur in sehr begrenztem Umfang über die modernen Energieträger Öl und Gas verfügten⁴.

Vor völlig anderen Problemen stand dagegen die Sowjetunion. Obwohl Geologen seit den 1960er Jahren immer größere Erdöl- und Erdgaslagerstätten an der mittleren Wolga und in Westsibirien entdeckten, scheiterte die sowjetische Industrie daran, die für die Erschließung notwendigen Großrohre und leistungsfähigen Verdichter und Pumpen in entsprechenden Mengen zu produzieren [Högselius, S. 135ff].

Dies waren die Voraussetzungen, die eine internationale Zusammenarbeit attraktiv machten. Allerdings stellten solche mit Auslandsinvestitionen verbundene Kooperationen die nationalen Planungsbehörden vor große Herausforderungen. Wie im Fall der 1959 bis 1963 erbauten Erdölleitung *Družba* waren Investitionen zum Ausbau grenzüberschreitender energietechnischer Infrastrukturen bis dahin ausschließlich auf dem eigenen Staatsterritorium realisiert worden. Diese Organisationsstruktur stieß allerdings immer mehr an seine Grenzen. Deshalb rückten multilaterale Institutionen wie der bereits 1949 gegründete Rat für Gegenseitige Wirtschaftshilfe (RGW⁵) oder die 1972 gegründete Internationale *Investitionsbank* (IIB) ins Zentrum der Aufmerksamkeit.

Eine Antwort auf diese Herausforderungen sollte auch das 1971 von den RGW-Staaten angenommene „Komplexprogramm“⁶ geben. Darin hieß es unter der Überschrift „Hauptrichtungen und –aufgaben der Entwicklung der Zusammenarbeit in der Industrie für die Brennstoff- und Energiezweige“:

Die von der UdSSR im Jahre 1972 zu unterbreitenden Vorschläge für das mögliche Volumen des Erdöl- und Gasexports in die Mitgliedsländer des RGW für den Zeitraum bis 1980 und die Bedingungen der Zusammenarbeit der interessierten Länder bei der Schaffung zusätzlicher Kapazitäten für die Gewinnung und den Transport von Erdöl und Gas auf dem Territorium der UdSSR sind zu prüfen, entsprechende Abkommen auszuarbeiten und im Jahre 1973 abzuschließen (Kapitel Drei, Abschnitt Zehn, Punkt 16).

Ziel war die Beteiligung der RGW-Länder an Direktinvestitionen auf dem Territorium der UdSSR in Form von Bauleistungen und Materiallieferungen. Ein zentraler ideologischer Aspekt war die Idee der „sozialisti-

---

⁴ Eine Ausnahme war Rumänien mit seinen umfangreichen Öl- und Gasvorkommen, das sich deshalb nur eingeschränkt am Orenburg-Projekt beteiligte.

⁵ Wenn im Folgenden vom RGW geschrieben wird, sind folgende Länder gemeint: Volksrepublik Bulgarien, Tschechoslowakische Sozialistische Republik, Deutsche Demokratische Republik, Volksrepublik Polen, Sozialistische Republik Rumänien, Ungarische Volksrepublik sowie Sowjetunion. RGW-Mitglieder waren aber auch die Mongolische Volksrepublik (seit 1962), die Sozialistische Republik Vietnam (seit 1978) und die Republik Kuba (seit 1972).

⁶ Das Komplexprogramm war neben dem Statut von 1959 und den Grundprinzipien von 1962 das bedeutendste RGW-Dokument. Seine volle Bezeichnung lautete „Komplexprogramm für die weitere Vertiefung und Vervollkommnung der Zusammenarbeit und Entwicklung der sozialistischen ökonomischen Integration der Mitgliedsländer des RGW“.

schen ökonomischen Integration“, die sich auch in der vollen Bezeichnung des Komplexprogramms wiederfindet. Beabsichtigt war eine noch festere ökonomische Verbindung der sozialistischen Staaten. Eben hier setzte das *Orenburg-Projekt* an, das als sogenanntes *Integrationsprojekt* zum ökonomisch und politisch bedeutungsvollsten Vorhaben der RGW-Länder in den 1970er Jahren werden sollte.

Die Beteiligten

1973 hatte die Sowjetunion ihren sozialistischen Partnern den Vorschlag unterbreitet, das 1966 entdeckte Erdgasfeld bei Orenburg gemeinsam zu erschließen. Dieser Vorschlag wurde dem RGW-Planungskomitee übergeben und hier weiter entwickelt. Am 21. Juni 1974 unterzeichneten die Ministerpräsidenten Bulgariens, der ČSSR, der DDR, Polens, Rumäniens, Ungarns und der Sowjetunion auf der 28. RGW-Ratstagung in Sofia das „Generalabkommen über die Zusammenarbeit bei der Erschließung der Orenburger Gaskondensatlagerstätte und beim Bau der Ferngasleitung Orenburg-Westgrenze der UdSSR sowie über damit verbundene Erdgaslieferungen aus der UdSSR“. Das Generalabkommen regelte grundsätzliche Fragen bezüglich des Baus des Orenburg-Projektes und wurde in den Folgejahren durch über 20 weitere zwei- und mehrseitige Spezialabkommen ergänzt. Grundsätzlich waren ab 1980 Erdgaslieferungen im Umfang von 2,8 Milliarden m³ an die osteuropäischen Vertragspartner vorgesehen. Rumänien sollte 1,5 Milliarden m³ erhalten, für die Sowjetunion waren 12,5 Milliarden m³ vorgesehen [Mentz, Pfeffer, S. 205–206].

Um die zum Teil erheblichen Probleme beim Bau anderer Erdgasleitungen in der Sowjetunion zu vermeiden, wurden die Verantwortlichkeiten durch das Generalabkommen genau geregelt. Generalauftraggeber war das Ministerium für Gasindustrie der UdSSR (Mingazprom), das von dem aus der aserbaidischen Ölindustrie kommenden Sabit Orudžev geleitet wurde. Generalauftragnehmer war das erst 1972 gegründete Ministerium für den Bau von Betrieben der Erdöl- und Erdgasindustrie der UdSSR (Minneftegazstroj), das von dem aus der westsibirischen Öl- und Gasregion Tjumen stammenden Boris Ščerbina geführt wurde. Beide Ministerien gründeten ihrerseits das Außenhandelsunternehmen *Sojuzzarubežgazprom* sowie die Allunionsvereinigung *Sojuzintergazstroj*, die für die praktische Umsetzung des *Orenburg-Projektes* verantwortlich waren und als Vertragspartner für die jeweiligen Errichtungsorganisationen der beteiligten RGW-Länder auftraten. Besaßen diese Errichtungsorganisationen kein Außenhandelsrecht, traten auch die Außenhandelsorganisationen der entsprechenden Branche als Vertragspartner auf⁷. Im Fall der Volksrepublik

⁷ Für Ungarn waren die Errichtungsorganisation Petrober und das Außenhandelsunternehmen Chemokomplex, für die ČSSR die Errichtungsorganisation Tranzitní Plynovod und das Außenhandelsunternehmen Simex, für die DDR das Planungs- und Konstruktionsbüro für Maschinenbau PKM sowie das Außenhandelsunternehmen Limes verantwortlich.

Polen war ausschließlich das speziell für das *Orenburg-Projekt* gegründete Unternehmen Energopol aus Warschau zuständig, das von den Generaldirektoren Romuald Kozakiewicz und Bogdan Woś geleitet wurde [AAN, 929/9/13]. Energopol und die anderen Errichtungsorganisationen sollten laut Vertrag einen der fünf Bauabschnitte von etwa 550 Kilometer Länge selbständig ausführen und dem Generalauftragnehmer Minneftegazstroj „schlüsselfertig“ übergeben. Somit ging das gesamte Objekt nach Fertigstellung in den Besitz des Generalauftraggebers Mingazprom und damit der Sowjetunion über [Ushakow, S. 104].

Zur besseren Koordinierung und Kontrolle des Gesamtprojektes wurde eine sogenannte Zwischenstaatliche Regierungskommission ins Leben gerufen, die zum ersten Mal im Januar 1975 in Moskau tagte. Den Vorsitz hatte Michail Lesečko, Stellvertreter des Vorsitzenden des Ministerrates der UdSSR inne, was die Bedeutung des *Orenburg-Projektes* unterstreicht. Auf den jährlich stattfindenden Tagungen war regelmäßig auch Boris Ščerbina und Sabit Orudžev anwesend und berichteten von den Fortschritten beim Bau der Gasleitung. Zusätzlich fanden einmal im Quartal Beratungen der Regierungsbevollmächtigten der Teilnehmerländer statt, die von Aleksej Sorokin, dem Vizeminister von Minneftegazstroj, initiiert worden waren [BArch. DN 10/1158]. Sorokin war eine zentrale Figur der sowjetischen Gasindustrie und verantwortlich für die Anbahnung der ersten Gasexportgeschäfte mit westeuropäischen Staaten Ende der 1960er Jahre.

Kontroversen

Die Sowjetunion war laut Generalabkommen verantwortlich für den Aufschluss der in 1.300 bis 2.300 Meter Tiefe liegenden Erdgaslagerstätte bei Orenburg. Im Bereich der Erdgasleitung übernahm sie die geologische Erkundung, Projektierung und Baustellenversorgung an den fünf Abschnitten. Bauarbeiten selbst waren für die sowjetische Seite nicht vorgesehen. Der Beitrag Rumäniens beschränkte sich auf die Finanzierung des Einkaufs von Maschinen in kapitalistischen Ländern für die Erdgasaufbereitungsanlagen in Orenburg. Die fünf anderen Vertragspartner übernahmen einen der fünf Bauabschnitte der Erdgasleitung und verpflichteten sich, die Arbeiten bis zum vierten Quartal 1978 fertig zu stellen [AAN, 869/242/10, S. 102].

Trassenaufteilung

Allerdings kam es von Anfang an zu Verzögerungen des Baubeginns. Im Zuge der Ölkrise stiegen die Weltmarktpreise für Stahlrohre und die zum Verlegen benötigten Baumaschinen deutlich an. So hatte der amerikanische Baumaschinenlieferant *Caterpillar* in der ersten Jahreshälfte seine Preise bereits um 24 % angehoben und weitere Preissteigerungen angekündigt [AAN, 929/9/14]. Diese Teuerungen waren natürlich nicht im Interesse der Betei-

ligten. Insbesondere der Sowjetunion war an der möglichst schnellen Fertigstellung der östlichen Bauabschnitte zwischen Orenburg und Novoposkov gelegen. Hier kreuzten sich die Erdgasleitungen *Sojuz* und *Mittelasien-Zentrum*. Die Erdgasleitung *Mittelasien-Zentrum* leitete den begehrten Rohstoff von den riesigen usbekischen Gasfeldern um Gazli in die zentralrussischen Verbrauchszentren und war eine der Hauptarterien des sowjetischen Erdgasnetzes. Bereits im Mai 1974, also noch vor der Unterzeichnung des Generalabkommens, betonte Aleksej Sorokin in einem Gespräch mit Bogdan Kozakiewicz die Bedeutung dieses Bauabschnittes und bot eine beschleunigte Lieferung knapper Rohre für den „polnischen“ Abschnitt an. Allerdings waren im Mai 1974 noch nicht einmal die Projektierungsarbeiten abgeschlossen, die in der ausschließlichen Verantwortung des sowjetischen Konstruktionsbüros Južnyjgiprogaz aus Doneck lagen. Deshalb lehnten die Planer von Energopol einen vorschnellen Baubeginn ab [AAN, 929/12/1].

Auch aus anderen Gründen rief die Aufteilung der einzelnen Trassenabschnitte Kontroversen zwischen den beteiligten Ländern hervor. Insbesondere die Tschechoslowakei stellte sich der Position Polens, Ungarns und der DDR entgegen, die Länge der einzelnen Abschnitte anhand der zu erwartenden Devisenaufwendungen festzulegen. Die tschechoslowakischen Planer wollten den fünften, westlichsten Abschnitt durch die Karpaten übernehmen, der trotz seiner Kompliziertheit für das im Pipelinebau erfahrene Land einige Vorteile bot. Der Bauabschnitt durch die Karpaten war mit einem besonders großen Arbeitsaufwand verbunden, ohne jedoch einen entsprechend hohen Einsatz westlicher Devisen zu erfordern. Die von Polen, Ungarn und der DDR vorgeschlagene Trassenaufteilung anhand der Devisenaufwendungen hatte diesen Bauabschnitt allerdings besonders unattraktiv gemacht [BArch, DE 1/56123]. Letztendlich einigte man sich auf das Prinzip gleicher Devisenaufwendungen, wobei der besagte fünfte Abschnitt durch die Karpaten davon ausgenommen wurde.

Deshalb kam es Anfang 1975 zu einer grundsätzlichen Neuverteilung der Bauabschnitte, obwohl wie im Fall von Energopol zu diesem Zeitpunkt bereits weitreichende Vorbereitungen für den ersten, östlichsten Bauabschnitt getroffen worden waren. Letztendlich wurden die Bauabschnitte folgendermaßen aufgeteilt:

- *Abschnitt I:* Orenburg – Aleksandrov Gaj (555 Km), von Ungarn finanziert, Verlegung und Bau der fünf Verdichterstationen vollständig durch sowjetische Subunternehmer von *Minneftegazstroj* und bulgarische Baukollektive;

- *Abschnitt II:* Aleksandrov Gaj – Sochranovka (554 Km), von ČSSR finanziert, Verlegung der Leitung vollständig durch Subunternehmer von *Minneftegazstroj*, fünf Verdichterstationen durch ČSSR errichtet;

- *Abschnitt III:* Sochranovka – Kremenčug (584 Km), von Polen finanziert und vollständig ausgeführt;

- *Abschnitt IV:* Kremenčug – Bar (515 Km), von DDR finanziert, 250 Km baut *Minneftegazstroj*, 265 Km sowie fünf Verdichterstationen durch DDR gebaut;

- *Abschnitt V*: Bar – (469 Km), von Bulgarien finanziert, Verlegung durch *Minneftegazstroj*, Bau der drei Verdichterstationen durch Ungarn.

Letztendlich hatten sowjetische Subunternehmer von *Minneftegazstroj* insgesamt über 70 Prozent oder 1.800 Kilometer der Erdgasleitung *Sojuz* selbst verlegt und fünf der 22 Verdichterstationen erbaut [Оруджев, с. 87]. Lediglich Polen konnte den Bau ihres Abschnittes völlig selbständig ausführen. Während Ungarn und Bulgarien nicht über die entsprechenden Fachkräfte verfügten, war die ČSSR Mitte der 1970er Jahre mit dem Ausbau der für die geplanten Westexporte bedeutungsvollen Transit-Gasleitung im eigenen Land voll ausgelastet. Die DDR wiederum litt unter chronischem Fachkräftemangel und sicherte sich bereits im Dezember 1974 die Zustimmung des Gosplan – Vorsitzenden Nikolaj Bajbakov für die Aufteilung der Bauarbeiten mit der Sowjetunion [BArch, DY 30/IV 2/2.036/58, S. 248].

Westliche Kredite

Die entscheidenden Komponenten der Erdgasleitung *Sojuz* wurden vom sowjetischen Ministerium für Außenhandel aus dem „nichtsozialistischen Wirtschaftsgebiet“, also den kapitalistischen Staaten importiert. Das betraf vor allem die 1,65 Millionen Tonnen Stahlrohre mit einem Durchmesser von 1420 Millimeter aus Frankreich (Vallourec), Italien (Finsider) und Japan (Sumitomo Shoji Kaisha) sowie 158 Verdichter aus der Bundesrepublik Deutschland (AEG-Kanis, Mannesmann) und Italien (Nuovo Pignone) mit einer Leistung von zehn Megawatt [Hannigan, S. 36–37]. Dafür mussten Kredite in frei konvertierbaren Währungen auf den westlichen Geldmärkten aufgenommen werden. Auch dies geschah zentralisiert für alle beteiligten Länder über die Internationale Investitionsbank (IIB), die eng mit dem RGW sowie der Staatsbank der Sowjetunion kooperierte [Belitschenko, S. 26–31]. Die kollektive Kreditaufnahme der sozialistischen Länder verbesserte die Kreditkonditionen, da dieser Bank auf dem westlichen Kapitalmarkt die hohe Kreditwürdigkeit der Sowjetunion zugeschrieben wurde. Insgesamt erteilte die IIB den am Bau beteiligten Ländern einen Hauptkredit in Höhe von etwa 2,4 Milliarden US-Dollar. Die Bereitstellung der Geldmittel begann ab Mitte 1975, die Tilgung sollte über einen Zeitraum von 13 Jahren erfolgen und bis Ende 1987 abgeschlossen werden [BArch, DC 20/16331, S. 271–273].

Allerdings hatten die Kredite zwischen der IIB und den von der *Deutschen Bank*, der *Dresdner Bank* und Chase Manhattan geführten Bankenkonsortien eine Laufzeit von lediglich fünf bis sieben Jahren. Die Laufzeit zwischen der IIB und den am Bau beteiligten Ländern lag jedoch bei 13 Jahren. Zur Überbrückung dieser Finanzierungslücke sollten deshalb weitere Kredite aufgenommen werden. Allerdings hatte die IIB Probleme, solche Kredite auszuheben. Albert Belitschenko, Präsident der IIB, begrün-

dete diese Lage in einem Gespräch mit Horst Kaminsky, dem Präsidenten der Staatsbank der DDR, im März 1977 damit, dass „eine Pressekampagne über die Verschuldung der sozialistischen Länder und die provokatorische Haltung englischer und amerikanischer Banken zu einer Zurückhaltung der kapitalistischen Banken gegenüber der IIB geführt haben“ [BArch, DC 20/4323, S. 35].

Deshalb erhob die IIB 1977 die Forderung, dass die Tilgungsfristen gegenüber den RGW-Partnern angepasst werden müssen. Eine solche Fristverkürzung hätte allerdings einschneidende Konsequenzen für die kommende Planperiode ab 1980 gehabt. Deshalb pochten die osteuropäischen Schuldnerländer auf ihre im Kreditvertrag mit der IIB festgelegte Laufzeit von 13 Jahren. Der Präsident der sowjetischen Staatsbank, Vladimir Alchimov, fasste die verfahrenere Situation auf einer außerordentlichen Bankrats-tagung der IIB im Mai 1977 in Moskau folgendermaßen zusammen:

Als 1974 das Generalabkommen und 1975 der Kreditvertrag abgeschlossen wurden, war die Lage auf dem Markt noch eine andere. Sie hat sich seitdem verschärft und zu unseren Ungunsten entwickelt. Wir müssen der ernstesten Situation, die mit der weiteren Beschaffung von Krediten im Zusammenhang steht, offen ins Auge sehen. Die Länder dürfen nicht so tun, als ob es diese Fragen nicht gäbe. Die IIB hat seinerzeit mit den Ländern ein gefährliches Abkommen gemacht. Die Länder müssen die eingetretene Lage realistisch sehen. Jeder bringt juristische Argumente, das hilft uns aber nicht weiter. Die Länder haben Verpflichtungen aus dem Generalabkommen und sind für die IIB, die eine gemeinsame Bank ist, mit verantwortlich. Die sowjetische Seite hält es für notwendig, seitens der Länder Rückversicherungsmaßnahmen für die IIB zu treffen für den Fall, daß es nicht gelingt, die noch benötigten Kredite rechtzeitig und in vollem Umfang zu beschaffen [BArch, DC 20/4323, S. 13–14].

Daraufhin unterbreitete die Delegation der UdSSR auf der 4. Tagung der Zwischenstaatlichen Regierungskommission im April 1978 den Vorschlag, die eigenen Verbindlichkeiten gegenüber den Teilnehmerländern am Bau der Erdgasleitung *Sojuz* vorfristig zu tilgen, damit diese ihrerseits eine vorfristige Tilgung der Kredite in konvertierbaren Devisen gegenüber der IIB vornehmen konnten [BArch, DN 10/1158]. Selbst auf der sechsten und letzten Tagung der Zwischenstaatlichen Regierungskommission im Juni 1981 in Moskau war die Frage der Kreditlaufzeiten, aber auch anderer wichtiger Währungs- und Finanzfragen weiterhin offen [RGAE, 302/2/1908, S. 47]. Zu dieser Zeit waren die Gaslieferungen schon in vollem Gange. Wahrscheinlich wurden die Gaslieferungen über den Außenhandel zwischen der Sowjetunion und den einzelnen Staaten bilateral abgerechnet, wobei der jeweilige Gaspreis individuell festgesetzt wurde. Deutlich wird jedoch, dass der unflexible sozialistische Außenhandel bei so großen internationalen Projekten an seine Grenzen stieß.

Gaspreis

Eine zentrale Frage bei den Vertragsverhandlungen in der ersten Jahreshälfte 1974 war die Länge der sowjetischen Erdgaslieferungen an die Vertragspartner. Da es sich beim *Orenburg-Projekt* letztendlich um ein zeitlich gestrecktes Kompensationsgeschäft handelte, bei dem die Bauleistungen der einen Seite durch anschließende Rohstofflieferungen der anderen Seite ausgeglichen wurden, war die Länge der Erdgaslieferungen abhängig vom angesetzten Erdgaspreis. Auf der VI. Sitzung des RGW-Planungskomitees Anfang Dezember 1973 zur Vorbereitung des Generalabkommens wurden die Interessen der einzelnen Länder deutlich. Während die sowjetischen Vertreter die Lieferpreise gemäß dem im Ostblock geltenden Preisbildungsmechanismus regelmäßig an die Weltmarktpreise anpassen wollten, forderten die Delegationen der anderen Länder Stopppreise für den gesamten Lieferzeitraum [AAN, 929/9/13].

Diese Diskussion muss vor dem Hintergrund stark steigender Preise für Öl und Gas nach dem ersten Ölpreisschock im Oktober 1973 gesehen werden. Obwohl von offizieller Seite wiederholt darauf hingewiesen wurde, dass die Ölkrise nur die kapitalistischen Länder betrafte, setzte die Sowjetunion im Januar 1975 doch eine Änderung der bis dahin gültigen Preisbildungsformel durch. Die Reform sah nun eine jährliche Anpassung der Rohstoffpreise im Intra-blockhandel vor, basierend auf den durchschnittlichen Weltmarktpreisen der letzten fünf Jahre (Moskauer Prinzip). Bis zum Januar 1975 hatte eine solche Anpassung nur zu Beginn einer Planperiode alle fünf Jahre stattgefunden (Bukarester Prinzip). Die Konsequenz war, dass sich die Preise für sowjetisches Öl und Gas viel schneller den stark steigenden Weltmarktpreisen anpassten. Auf das *Orenburg-Projekt* übertragen hätte eine Übernahme der neuen Preisbildungsformel eine Verkürzung der Gaslieferungen von geplanten zwölf auf vier Jahre bedeutet [Hannigan, McMillan, S. 282].

Deshalb wurde die Frage des Gaspreises im Generalabkommen von 1974 nicht endgültig geregelt. Vielmehr dauerten die Diskussionen um den anzusetzenden Gaspreis an, als die Arbeiten an der Leitung bereits in vollem Gang waren. Der ungarische Delegationsleiter Gyula Szekér beschrieb den Stand der Diskussionen auf der dritten Zwischenstaatlichen Regierungskommission im Februar 1977 so:

Zum Abschluss möchte ich die Frage anschneiden, wie der Preis des Gases berechnet werden soll, das auf Kosten der Schulden geliefert werden wird. Unter Berücksichtigung der Bedeutung dieser Frage, aber auch der Tatsache, daß wir in der nächsten Zeit an die Ausarbeitung der Volkswirtschaftspläne für das nächste Jahrfünft herangehen, schlage ich vor, dass die Fachleute der sowjetischen Seite und der Teilnehmerländer so schnell wie möglich die Prinzipien und die Grundmethoden für die Festlegung des Gaspreises ausarbeiten. Unter Berück-

sichtigung der großen Anstrengungen der Länder beim Bau der Gasleitung wird vorgeschlagen, den Preis für das *Orenburger Gas* niedriger anzusetzen als den Preis für das nach dem Clearing-Verfahren gelieferte Gas [BArch, DN 10/1158].

In der Direktive zum Auftreten der DDR-Delegation für dieselbe Tagung wurde das Thema ebenfalls erwähnt, jedoch mit der Maßgabe, diese Frage auf der Tagung nicht aktiv anzusprechen. Gleichzeitig wurde die Devise ausgegeben, alle Kraft darauf zu konzentrieren, die eigenen Kosten so hoch wie möglich anzugeben [BArch, DN 10/1158]. Aufgrund dieser Zitate lässt sich erahnen, wie extrem vielschichtig der Verhandlungsprozess zwischen den Vertragspartnern war. Diese Feststellung betrifft nicht nur das *Orenburg-Projekt*.

Bewertung

Am 27. September 1978 wurden bei Užgorod an der Westgrenze der UdSSR die letzten beiden Rohre der Erdgasleitung *Sojuz* feierlich verschweißt. Jeweils zwei Schweißer dieser „roten Naht“ aus den beteiligten Ländern wurden mit Medaillen geehrt. Ein Gedenkstein mit der Aufschrift „RGW – Rote Naht des Gastransportsystems *Sojuz*“ wurde aufgestellt. Boris Ščerbina, Bogdan Woś und andere Repräsentanten hielten Ansprachen. Die Redner betonten die Einmaligkeit der *Sojuz*-Leitung und ihre Bedeutung für die RGW-Länder. Auch ein Helikopterflug über den anspruchsvollsten Bauabschnitt über die Karpaten war Teil der Feierlichkeiten [Петренко, с. 88].

Tatsächlich war das *Orenburg-Projekt* das bis dahin größte *Gemeinschaftsprojekt* der RGW-Länder und galt bereits während der Bauphase als Paradebeispiel sozialistischer Zusammenarbeit „zum gegenseitigen Vorteil“. In der Hochzeit der Bauarbeiten im Jahr 1977 arbeiteten über 15.000 Menschen an der Erdgasleitung in der Sowjetunion, davon alleine 5.000 aus der DDR sowie 4.250 aus Polen. Kleinstädte mit entsprechender sozialer Infrastruktur entstanden entlang der Trasse, insbesondere im Bereich der 22 Verdichterstationen [Petrenko, S. 28]. Mit der Anbindung der Erdgasleitung *Sojuz* an die tschechoslowakische Transit-Leitung konnten ab 1980 die vertraglich vereinbarten Gaslieferungen beginnen.

Das *Orenburg-Projekt* hatte zwei Hauptziele: (1) Versorgung der sechs kleineren osteuropäischen RGW-Länder mit defizitärem Erdgas sowie (2) Stärkung der Integration der sozialistischen Volkswirtschaften.

(1) Tatsächlich sicherte die Beteiligung den Gasabnehmerländern den Zugang zu Erdgas in einer Zeit stark steigender Brennstoffpreise. Allerdings mussten dafür erhebliche Mittel in Form von Material, Personal und Kapital aufgebracht werden, die freie Ressourcen für andere Investitionen, die dringliche Modernisierung der Volkswirtschaft oder die Ausweitung des Konsums beschränkten. Hinzu kam, dass die Vertragsländer ihre Staatsverschuldung weiter ausweiten mussten, was in den Folgejahren er-

hebliche Konsequenzen haben sollte. Deshalb wurde das *Orenburg-Projekt* von osteuropäischen Fachleuten unter dem Aspekt der Kapitalallokation als nachteilig beurteilt [Žukrowska, S. 39–40].

(2) Die durch steigende Verschuldung beschränkten Investitionsmöglichkeiten der kleineren RGW-Länder führten dazu, dass für die Planperiode 1981–1985 keine blockweiten Investitionsprojekte von der Größe des *Orenburg-Projektes* mehr realisiert wurden. Auch in rechtlicher Hinsicht brachte das *Orenburg-Projekt* keine nachhaltigen Innovationen hervor, die die Zusammenarbeit im RGW auf eine neue Ebene gehoben hätten. Hier beschränkte sich der multilaterale Ansatz nur auf das Rahmenabkommen, das aber erst durch die bilateralen und zwischenbetrieblichen Abkommen mit Leben gefüllt wurde. Das einzige multilaterale Element der Zusammenarbeit, das über bisherige Formen hinausging, war die bereits erwähnte Zwischenstaatliche Regierungskommission. Letztendlich entsprach das *Orenburg-Projekt* in seiner Gesamtheit also weitgehend den traditionellen Formen eines bilateralen Kompensationsgeschäftes, das bereits beim Bau der Erdölleitung *Družba* 15 Jahre zuvor Anwendung gefunden hatte. Die Vorteile für die Sowjetunion waren eine deutliche Reduzierung der Erschließungskosten sowie der schnellere Ausbau der Leitungsinfrastruktur. Außerdem eröffnete sich der Zugang zu westlicher Technologie, der durch Handelsbeschränkungen des Coordinating Committee for Multilateral Export Controls (CoCom) in früheren Jahren immer wieder begrenzt worden war.

Die Frage, in wieweit die Sowjetunion ihre Verhandlungsposition im vielschichtigen Bargaining-Prozess des Ostblockes stärken konnte, wurde besonders in der westlichen Fachliteratur kontrovers diskutiert. Sicherlich trug das *Orenburg-Projekt* zu einer steigenden Abhängigkeit der Ostblockpartner von sowjetischen Gaslieferungen bei. Allerdings deckten die Gaslieferungen über die Sojuz-Leitung 1980 lediglich 2,9 Prozent des osteuropäischen Energieverbrauchs [Hardt, S. 203]. Hinzu kam, dass die steigende Abhängigkeit im Gassektor jene im Ölsektor milderte. Vielmehr kamen Analysten des *Orenburg-Projektes* zu dem Urteil, dass die Sowjetunion als Energie- und Rohstofflieferant zumindest ansatzweise zu einer Geisel der wirtschaftlichen Schwäche seiner kleineren RGW-Partner wurde [Herzog, S. 25].

Während das *Orenburg-Projekt* also nicht zu einem Impulsgeber für weitere große Integrationsprojekte im Ostblock wurde, war es doch ein Wegbereiter für die engere Zusammenarbeit der Sowjetunion mit Westeuropa [Högselius, S. 180]. Die Konstruktion einer ausschließlich für den Export sowjetischen Erdgases bestimmten Leitung begann schon zu Beginn der 1980er Jahre in Form der *Urengoj – Użgorod* Exportpipeline.

Список литературы

Оруджев С. Важное звено решения топливно-энергетической и сырьевой проблемы // Экономическое сотрудничество стран – членов СЭВ. 1979. № 1. С. 84–87.

Петренко В. Газопровод «Союз» – в строю! // Экономическое сотрудничество стран – членов СЭВ. 1979. № 1. С. 88–92.

РГАЭ – Российский государственный архив экономики. 302/2/1908 (Протокол и стенограмма выступлений участников 6-го заседания межправительственной комиссии по сотрудничеству в строительстве магистрального газопровода Оренбург – Западная граница СССР, протоколы согласования сметной стоимости строительства магистрального газопровода в переводных рублях).

AAN – Archiwum Akt Nowych. 869/242/10 (Информация делегации СССР о ходе подготовки генерального Соглашения по строительству магистрального газопровода из района Оренбурга до западной границы СССР); 929/9/13 (Informacja o podejmowanych przedsięwzięciach związanych z przygotowaniem do budowy I-go odcinka gazociągu orenburskiego; Warszawa, 11.XI.1974); 929/9/13 (Aktualne problemy i wnioski dotyczące budowy rurociągów na terytorium ZSRR, 4. stycznia 1974); 929/9/14 (Informacja o aktualnym stanie spraw związanych z budową rurociągów energetycznych i obiektów towarzyszących na terenie ZSRR); 929/12/1 (Porozumienie generalne o współpracy przy zagospodarowaniu orenburskiego złoża gazowo-kondensatowego i budowie gazociągu magistralnego z rejonu Оренбурга до западной границы ZSRR i związanych z tym dostaw gazu ziemnego z ZSRR).

BArch – Bundesarchiv. DC 20/4323 (Niederschrift über ein Gespräch des Präsidenten der Staatsbank der DDR, Genosse Kaminsky, mit dem Präsidenten der IIB, Moskau, Genossen Belitschenko, auf der Leipziger Frühjahrsmesse, 19.03.1977); DC 20/4323 (Interne Niederschrift über Ausführungen und Gespräche des sowjetischen Staatsbankpräsidenten auf der außerordentlichen Bankratstagung am 26./27.05.1977 in Moskau); DC 20/16331 (Bericht über den Abschluss des Kreditvertrages zur Finanzierung der Erdgasleitung Orenburg-Westgrenze der UdSSR am 10.07.1975 in Moskau); DE 1/56123 (Bericht über den Stand der Verhandlungen zur Vorbereitung der vertraglichen Dokumente für den Bau der Erdgasleitung Orenburg-Westgrenze UdSSR mit Vorschlägen für das weitere Vorgehen der csl. Seite; 17.01.1974); DN 10/1158 (Stenogramm der dritten Sitzung der Regierungskommission der RGW-Länder zur Zusammenarbeit beim Bau der Ferngasleitung Orenburg, Moskau 22.02.1977); DN 10/1158 (Direktive zum Auftreten der DDR-Delegation auf der 3. Tagung der zwischenstaatlichen Regierungskommission „Erdgasleitung-Westgrenze UdSSR am 22. Februar 1977 in Moskau); DN 10/1158 (Bericht über die 4. Tagung der Zwischenstaatlichen Regierungskommission (ZRK) zum Bau der Erdgasleitung „Sojus“ am 25. April 1978 in Moskau); DY 30/IV 2/2.036/58 (Information über die 8. Tagung des Planungskomitees des RGW, 09.12.1974).

Belitschenko A. Die Rolle der IIB in der Entwicklung der wirtschaftlichen Zusammenarbeit der Mitglieds-Länder des RGW // Aussenhandel : Monatsschrift des Ministeriums für Aussenhandel der UdSSR. 1978. № 7. S. 26–31.

Breshnew L. Glänzendes Zeugnis des Internationalismus // Aussenhandel : Monatszeitschrift des Ministeriums für Aussenhandel der UdSSR. 1979. № 9. S. 27.

Gustafson T. Crisis amid Plenty: The Politics of Soviet energy under Brezhnev and Gorbachev. Princeton, N. Jersey : Princeton University Press, 1989. 388 p.

Hannigan J. The Orenburg Natural Gas Project and Fuels-Energy Balances in Eastern Europe. Ottawa : Carleton University, 1980. 66 p.

Hannigan J., McMillan C. Joint Investment in Resource Development : Sectoral Approaches to Socialist Integration // East European Economic Assessment. Part 2: Regional Assessments. A Compendium of Papers. Joint Economic Committee Congress of the United States. Washington, D. C., 1981. Pp. 259–295.

Hardt J. P. Soviet Energy Policy in Eastern Europe // Soviet policy in Eastern Europe / ed. by S. Meiklejohn Terry, N. Haven u. a : Yale University Press, 1984. P. 189–220.

Herzog G. Schwäche als Stärke : Bargaining Power im RGW. Berlin (Arbeitspapiere des Osteuropa – Instituts der Freien Universität Berlin : Arbeitsbereich Politik und Gesellschaft, 17, 1998. 30 S.

Högselius P. Red Gas : Russia and the Origins of European Energy Dependence. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2013. 279 p.

Mentz D., Pfeffer J. Die rechtliche Regelung der internationalen Energiebeziehungen der RGW-Länder. München : Saur, 1982. 765 S.

Petrenko V. Die Erdgasleitung „Sojus“ hat Betrieb aufgenommen // Aussenhandel : Monatsschrift des Ministeriums für Aussenhandel der UdSSR. 1979. № 9. S. 26–42.

Uschakow A. Internationale Rohstoffabkommen im RGW // Das Energieproblem in Ostmitteleuropas. Teil II: Energiepolitik und Energieverbund in den mitteleuropäischen RGW-Staaten / ed. by G. Gutmann, K. C. Thalheim, W. Wöhlke. Marburg : Herder-Institut, 1984. S. 93–113.

Żukrowska K. Wspólne inwestycje krajów RWPG, ich efektywność i znaczenia dla społeczno-gospodarczego rozwoju tych krajów. Ekspertyza Planowa nr 9–33. Polski Instytut Spraw Międzynarodowych. Warszawa, 1981. 51 s.

References

Archiwum Akt Nowych. 869/242/10 (Информация делегации СССР о ходе подготовки генерального Соглашения по строительству магистрального газопровода из района Оренбурга до западной границы СССР); 929/9/13 (Informacja o podejmowanych przedsięwzięciach związanych z przygotowaniem do budowy I-go odcinka gazociągu orenburskiego; Warszawa, 11.XI.1974); 929/9/13 (Aktualne problemy i wnioski dotyczące budowy rurociągów na terytorium ZSRR, 4. stycznia 1974); 929/9/14 (Informacja o aktualnym stanie spraw związanych z budową rurociągów energetycznych i obiektów towarzyszących na terenie ZSRR); 929/12/1 (Porozumienie generalne o współpracy przy zagospodarowaniu orenburskiego złoża gazowo-kondensatowego i budowie gazociągu magistralnego z rejonu Orenbурга do zachodniej granicy ZSRR i związanych z tym dostaw gazu ziemnego z ZSRR).

Bundesarchiv. DC 20/4323 (Niederschrift über ein Gespräch des Präsidenten der Staatsbank der DDR, Genosse Kaminsky, mit dem Präsidenten der IIB, Moskau, Genossen Belitschenko, auf der Leipziger Frühjahrsmesse, 19.03.1977); DC 20/4323 (Interne Niederschrift über Ausführungen und Gespräche des sowjetischen Staatsbankpräsidenten auf der außerordentlichen Bankratstagung am 26./27.05.1977 in Moskau); DC 20/16331 (Bericht über den Abschluss des Kreditvertrages zur Finanzierung der Erdgasleitung Orenburg-Westgrenze der UdSSR am 10.7.1975 in Moskau); DE 1/56123 (Bericht über den Stand der Verhandlungen zur Vorbereitung der vertraglichen Dokumente für den Bau der Erdgasleitung Orenburg-Westgrenze UdSSR mit Vorschlägen für das weitere Vorgehen der csl. Seite; 17.01.1974); DN 10/1158 (Stenogramm der dritten Sitzung der Regierungskommission der RGW-Länder zur Zusammenarbeit beim Bau der Ferngasleitung Orenburg, Moskau 22.02.1977); DN 10/1158 (Direktive zum Auftreten der DDR-Delegation auf der 3. Tagung der zwischenstaatlichen Regierungskommission „Erdgasleitung-Westgrenze UdSSR am 22. Februar 1977 in Moskau); DN 10/1158 (Bericht über die 4. Tagung der Zwischenstaatlichen Regierungskommission (ZRK) zum Bau der Erdgasleitung „Sojus“ am 25. April 1978 in Moskau); DY 30/IV 2/2.036/58 (Information über die 8. Tagung des Planungskomitees des RGW, 09.12.1974).

Belitschenko, A. (1978). Die Rolle der IIB in der Entwicklung der wirtschaftlichen Zusammenarbeit der Mitglieds-Länder des RGW. In *Aussenhandel. Monatsschrift des Ministeriums für Aussenhandel der UdSSR*, 7, S. 26–31.

Breshnew, L. (1979). Glänzendes Zeugnis des Internationalismus. In *Aussenhandel. Monatszeitschrift des Ministeriums für Aussenhandel der UdSSR*, 9, S. 27.

Gustafson, T. (1989). *Crisis amid Plenty: The Politics of Soviet energy under Brezhnev and Gorbachev*. 388 p. Princeton, New Jersey, Princeton University Press.

Hannigan, J. (1980). *The Orenburg Natural Gas Project and Fuels-Energy Balances in Eastern Europe*. 66 p. Ottawa, Carleton University.

Hannigan, J. & McMillan, C. (1981). Joint Investment in Resource Development: Sectoral Approaches to Socialist Integration. In *East European Economic Assessment. Part 2: Regional Assessments. A Compendium of Papers. Joint Economic Committee Congress of the United States* (pp. 259–295). Washington, D. C.

Hardt, J. P. (1984). Soviet Energy Policy in Eastern Europe. In Meiklejohn Terry, S. (Ed.). *Soviet policy in Eastern Europe* (pp. 189–220). New Haven u. a., Yale University Press.

Herzog, G. (1998). *Schwäche als Stärke: Bargaining Power im RGW*. 30 S. Berlin (Arbeitspapiere des Osteuropa – Instituts der Freien Universität Berlin : Arbeitsbereich Politik und Gesellschaft, 17).

Högselius, P. (2013). *Red Gas. Russia and the Origins of European Energy Dependence*. 279 p. Basingstoke, Palgrave Macmillan.

Mentz, D. & Pfeffer, J. (1982). *Die rechtliche Regelung der internationalen Energiebeziehungen der RGW-Länder*. 765 S. München: Saur.

Orudzhev, S. (1979). *Vazhnoe zveno resheniya toplivno-e'nergeticheskoy i sy'r'evoy problemy'* [An Important Element in the Energy and Resources Problem Solution]. In *E'konomicheskoe Sotrudnichestvo Stran – Chlenov SE'V*, 1, pp. 84–87.

Petrenko, V. (1979). *Gazoprovod „Soyuz“ – v stroyu!* [Gas Pipeline „Soyuz“ in Operation!]. In *E'konomicheskoe Sotrudnichestvo Stran – Chlenov SE'V, I*, pp. 88–92.

Petrenko, V. (1979). Die Erdgasleitung „Sojus“ hat Betrieb aufgenommen. In *Aussenhandel. Monatschrift des Ministeriums für Aussenhandel der UdSSR*, 9, S. 26–27.

Rossijskij gosudarstvenny'j arhiv e'konomiki [Russian State Archive of Economics]. 302/2/1908.

Uschakow, A. (1984). Internationale Rohstoffabkommen im RGW. In Gutmann, G., Thalheim, K. C. & Wöhlke, W. (Eds.). *Das Energieproblem in Ostmitteleuropas. Teil II: Energiepolitik und Energieverbund in den mitteleuropäischen RGW-Staaten*. S. 93–113. Marburg, Herder-Institut.

Żukrowska, K. (1981). *Wspólne inwestycje krajów RWPG*, ich efektywność i znaczenia dla społeczno-gospodarczego rozwoju tych krajów. Ekspertyza Planowa nr 9–33. Polski Instytut Spraw Międzynarodowych. 51 s. Warszawa.

The article was submitted on 28.07.2015

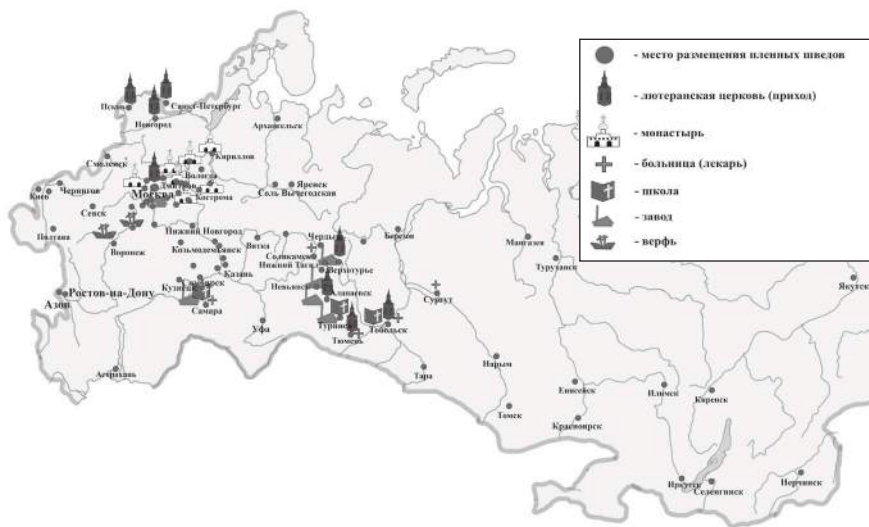
Фальк Фладе,
PhD-candidat,
Европейский университет
Виадрина,
Франкфурт-на-Одере, Германия
falk.flade@gmail.com

Falk Flade,
PhD-candidat,
Europa Universität Viadrina,
Frankfurt/Oder, Germany
falk.flade@gmail.com

Disputatio

Карта размещения шведских пленных на территории России (начало XVIII в.)

DOI 10.15826/QR.2015.4.134
УДК 94(571.1/.5)+94(485)+274.5

Елена Главацкая
Гуннар Торвальдсен

**СИБИРСКИЙ ВАВИЛОН:
ШВЕДСКИЕ УЗНИКИ В НАЧАЛЕ XVIII В.**

Elena Glavatskaya
Gunnar Thorvaldsen

**SIBERIAN BABILON: SWEDISH PRISONERS
OF WAR IN THE 18th CENTURY**

The article is devoted to the history of Swedes in Siberia from their capture in 1709 until their release after the signing of a peace treaty in 1721. The analysis is based on memoirs, diaries and literary works as well as documents from the Tyumen State Archive. The article examines the way in which the prisoners preserved their identity in exile. The Lutherans' hostility towards the Russian Orthodox Church followers and those of their compatriots, who decided to join it, increased the prisoners' religious isolation. The paper also considers their inclusion into cultural life and their interest in other groups of people by whose side they spent over a decade. There was an urgent issue connected with starting and leading a family life.

Given the shortage of Lutheran brides in Siberia, the prisoners had to develop appropriate marriage strategies. As a result, many widows became involved in a new relationship immediately after the death of their husbands. Most interfaith marriages broke up and the Russian Orthodox wives were abandoned together with their children in Russia after the peace treaty of 1721 and the return of the prisoners to their homeland.

The community of the Swedes was formed by more than 75 colonies dispersed throughout the country. They were mostly located in three regions, i. e. Central, Volga and Western Siberia. The colonies were associated with the Field Commissariat established in Moscow and ten administrative offices for prisoners of war. Senior army officers and aristocrats were settled in the capital and its suburban monasteries; most of the rank and file and junior officers worked in factories and shipyards. The most educated groups of officers resided in the Asian part of Russia, organizing the most active and successful colony in Tobolsk. Religion became the backbone and axis around which their community life concentrated, allowing the prisoners to accept their destiny and preserve their identity.

The prisoners themselves initiated the establishment of institutions necessary for a full-fledged religious life in exile. They established congregations

and groups to discuss religious issues, arranged places to conduct public services, as well as schools for both their children and people who wanted to nurture their spirituality.

Stories of the Old Testament turned out to be the most appropriate for the prisoners' sentiments. Captivity and exile to Siberia were perceived by many as punishment for their sins, similar to the Old Testament Babylonian captivity and deliverance, eventually leading to purification and spiritual growth. This helps explain why during captivity, many officers not only received religious education, but also took active part in the Christianization of the peoples of Siberia and described their indigenous religions. Such a goal gave their stay in Siberia a deep sense of universal meaning, helping them overcome the hardships of captivity and exile, while hoping to eventually return to their homeland.

Keywords: Great Northern War; Swedes prisoners of war; Lutheranism in Russia; pietism; Siberian exile; the Swedes in Siberia.

Статья посвящена истории нахождения шведов в Сибири с момента их захвата в 1709 г. и до освобождения после подписания мирного договора в 1721 г. На материалах мемуаров, дневников, литературных сочинений шведов и документов Тобольского филиала Тюменского государственного архива в статье рассматривается то, каким образом пленные сохраняли свою идентичность в местах ссылки. Конфессиональный изоляционизм пленных поддерживался неприязнью, которую испытывали лютеране к представителям православного исповедания и тем из своих соотечественников, кто перешел в него. Рассмотрены вопросы приобщения пленных к местной культурной жизни и их интерес к людям, рядом с которыми они провели более десятка лет.

Одной из острых проблем, с которыми пришлось столкнуться пленным в Сибири, было создание семьи. В условиях нехватки невест лютеранского вероисповедания пленные вырабатывали свои стратегии брачного поведения. Так, многие вдовы неизбежно оказывались вовлечены в новые отношения сразу после смерти мужей. Большинство межконфессиональных браков с православными невестами распалось после заключения мирного договора и возвращения пленных на родину.

Авторами установлено, что диаспора пленных шведов представляла собой систему из 75 самостоятельных колоний-поселений, разбросанных по всей стране. В основном они были сосредоточены в трех регионах – центральном, приволжском и западно-сибирском. Колонии были связаны с фельд-комиссариатом, учрежденным в Москве, и с десятью представительствами на местах размещения военнопленных. Высшие армейские чины и аристократия были поселены в столице и ее пригородных монастырях; большая часть рядовых и младших офицеров трудились на заводах и верфях. Наиболее образованная часть офицерства оказалась на территории Азиатской части России, в особенности на Урале и в Западной Сибири. Самой организованной, активной и успешно адаптированной являлась колония в Тобольске.

Документы свидетельствуют, что в кризисной ситуации плена религия стала системообразующей осью, вокруг которой концентрировалась жизнь сообщества пленных. При этом инициатива по созданию институтов, необходимых для полнокровной религиозной жизни в изгнании, зарождалась в среде самих пленных. Они активно создавали приходы и группы для обсуждения религиозных вопросов, обустроивали места для общественной службы, школы для молодежи и желающих поднять уровень своего духовного образования.

Сюжеты Ветхого Завета оказались более близки настроениям узников. Плен и высылка в Сибирь воспринимались многими как наказание за грехи, аналогичное ветхозаветному Вавилонскому плену, а освобождение связывалось с очищением и духовным ростом. Многие видели свою миссию в просвещении аборигенного населения и приняли активное участие в описании его религиозных традиций и христианизации.

Ключевые слова: Северная война; пленные шведы; лютеранство в России; пиетизм; сибирская ссылка; шведы в Сибири.

Победы русской армии в Северной войне обернулись трагедией, если не сказать кошмаром, для огромного числа шведских военных, оказавшихся на долгое десятилетие в русском плену, в землях, про которые многие из них никогда не слышали. Большая часть шведов попала в плен под Полтавой в июне 1709 г., но и до, и после этого небольшие группы воинов короля Карла XII, захваченных в ходе сражений в Прибалтике и на западных границах России, высылали на восток вместе с сотнями местных жителей.

История пребывания шведских узников в России имеет сложившуюся двухвековую историографическую традицию как в Швеции, так и в России [см.: Шебалдина, 2005, с. 7–24]. Сюжеты по истории пребывания пленных шведов в России рассматривались в контексте осмысления отечественной истории Петровской эпохи уже в конце XVIII в. Однако появление устойчивого интереса к этой теме связано с созданием в Швеции Каролинского общества и систематической публикацией источников, в том числе 12-томного издания дневников и мемуаров пленных шведов [Karolinska krigares dagböcker]. В XX в. изучением истории пребывания шведских пленных в России на протяжении многих лет занимался директор Военного архива Швеции А. Оберг [Åberg, 1991, 1999]. В российской историографии обращают на себя внимание изыскания Г. Шебалдиной. Ее диссертационное исследование позволило уточнить и дополнить недостающими деталями общую картину истории шведского плена в Сибири [Шебалдина, 2005]. Кроме этого, за последнее десятилетие ею также подготовлены научно-популярные работы на русском и шведском языках [Шебалдина, 2014; Schebaldina, 2010]¹.

¹ К сожалению, обе работы, представляющие высокий научный интерес, имеют общий существенный недостаток – отсутствие ссылок на использованные источники.

Написанные ярко и образно, книги дают читателю возможность познакомиться с малоизвестными сюжетами российской истории. Единственной публикацией по истории пребывания шведских военнопленных в Сибири на английском языке на сегодняшний день является статья Г. Торвальдсена [Thorvaldsen]. Данная статья посвящена более узкой теме – истории нахождения шведов в русском плену с момента их захвата в 1709 г. и до освобождения после подписания мирного договора в 1721 г. Учитывая сложившуюся историографическую традицию, мы постарались на основе разнообразных архивных источников, литературных произведений и эго-документов ответить на несколько вопросов: что представляла собой диаспора шведских пленных в пространственном отношении; каким образом пленные сохраняли свою идентичность в местах ссылки; как были обустроены их быт и инфраструктура, помогавшая сохранить идентичность; насколько активны были контакты с православным населением, насколько европейский опыт и умения шведов оказались востребованными в течение их десятилетнего пребывания в России.

После разгрома и пленения армии под Полтавой король Карл XII с оставшимися воинами перебрался через Днепр и отступил на территорию Османской империи. Лишь спустя долгих пять лет эта часть военных смогла наконец вернуться на Родину. Остальным не так повезло: около 7 тысяч бойцов шведской армии навсегда остались лежать в полях на местах сражений. Еще большее число вместе со всем вооружением оказалось в плену. Согласно сведениям Альфа Оберга, во время Полтавской битвы были взяты в плен 2,8 тысячи солдат и офицеров и более 16 тысяч сдались после отступления и бегства Карла XII в Турцию. Кроме собственно военных – этнических шведов, финнов и немцев, в плен попали их слуги различного ранга, жены и дети, маркитантки и служанки, сопровождавшие армию. Рассмотрим состав пленных, захваченных русской армией после Полтавской битвы²:

- офицеры – 953 чел.;
  - администраторы – 946 чел.;
  - солдаты, капралы, младшие офицеры – 12 892 чел.;
  - служители церкви – 32 чел.;
  - медицинский персонал – 60 чел.;
  - клерки – 61 чел.;
  - музыканты – 237 чел.;
  - прислуга – 541 чел.;
  - жены, дети, служанки, маркитантки – 1600 чел.
- (Всего – 17 322 чел.)

---

² Данные взяты из работы А. Оберга [Åberg, 1991, p. 33]. В данном случае интерес представляет не столько численность (есть мнение, что всего в русском плену побывало 30 тысяч человек, из которых лишь 60 % были собственно военными [Шебалдина, 2014, с. 30]), сколько контингент плененных и соотношение между различными категориями.

Несмотря на страшное поражение, многочисленная армия плен-ных оставалась серьезной угрозой для русских войск, превышавших их численно всего в два раза. Десять дней пленные были заняты захоронением павших – своих и русских, после этого их провели маршем через Полтаву [Åberg, 1991, p. 34]. Несмотря на испытанное унижение, шведы еще рассчитывали, что плен в России будет не очень тяжелым и, самое главное, коротким. К середине июля большинство офицеров перевели из Полтавы и расселили по городам Европейской части России. Что касается солдат, то их направили на тяжелые фортификационные работы. В течение осени 1709 г. около 20 тысяч пленников было отправлено в Москву. Некоторым для этого пришлось преодолеть пешком до тысячи километров, с каждым шагом удаляясь от родины. В Москве их снова объединили в одну колонну и провели по Красной площади перед жителями города и его гостями в дни празднования победы накануне Рождества, 21 декабря 1709 г. [Шебалдина, 2005, с. 31–32а].

Концентрация значительного числа военнопленных в Москве не только создавала неудобство, но и представляла определенную угрозу, поэтому после парада победы их снова стали распределять по городам европейской России. В Москве было позволено остаться только графу Пипину (Pipin) и музыкантам духового оркестра. Несмотря на царский указ, офицерский квартал шведских пленников продолжал существовать в столице до осени 1710 г.

В первой половине 1710 г. число шведских пленников продолжало увеличиваться за счет захваченных во время разведывательных походов русских на западных границах и капитуляции пограничных фортов в Нарве и Выборге [Åberg, 1991, p. 33–35]. Рядовых задействовали на тяжелых строительных работах, шахтах и рудниках. История строительства Санкт-Петербурга и летней резиденции Петра I Петергофа неразрывно связана с деятельностью шведских колонистов и военных. Согласно дневнику графа Пипера, в начале 1710 г. около 8 тысяч пленных из числа младших чинов и рядовых были направлены на верфь в районе Воронежа и на Дон, а спустя всего год в живых из них оставалось немногим больше тысячи. Та же участь ожидала и рядовых, направленных на завод по производству серы в Самаре. Тяжелый труд и плохое содержание были причиной высокой заболеваемости и смертности, а поражение в войне лишило бывших военных средств к существованию. Пипер считал, что причинами высокой смертности среди пленных были скудная пища, плохая одежда и условия содержания. Он обращался с жалобой в Сенат, особо указывая на бедственное положение женщин и детей. Русские власти отписывались тем, что в тех районах вообще была высокая смертность, пеняли на аналогично плохое обращение с русскими военнопленными в Швеции и по мере возможности старались симметрично отвечать на действия коллег-шведов.

Можно допустить, что шведы преувеличивали степень тяжести пребывания в плену в своих многочисленных письмах и дневниках.

С другой стороны, охранявшие их русские солдаты могли испытывать неприязнь к поверженным врагам-иноверцам, тем более что в Россию проникали слухи об ужасных условиях содержания русских солдат в шведском плену. При этом и шведские, и русские власти могли умышленно пойти на ужесточение режима содержания пленных в ответ на аналогичные действия другой стороны.

Генералитет и высшие армейские чины сначала были расквартированы при дворе, а позднее переведены в отдельный дом, предоставленный им Петром I. Первый походный министр короля Швеции граф Карл Пипер (Karl Piper) вместе с фельдмаршалом Карлом Густавом Рейншельдом (Carl Gustav Rehnskiöld), на которого, кстати, возлагали вину за поражение под Полтавой, встали во главе фельдкомиссариата, учрежденного в Москве для помощи военнопленным. Они также инициировали создание сети представительств в десяти основных центрах размещения военнопленных с тем, чтобы направлять деньги на их поддержку раз или два в год. Это было жизненно необходимо для более чем двух тысяч офицеров, содержание которых финансировалось из Швеции, в то время как обеспечение младших офицеров и рядовых в лагерях брала на себя российская сторона. Большая часть пленников могла рассчитывать только на милосердие и благотворительность друзей по несчастью, деньги, собиравшиеся для них в Швеции, и сочувствие российских граждан. Финансовое положение Швеции, находившейся в состоянии войны в течение нескольких лет при короле, оказавшемся за пределами страны, было тяжелым, поэтому и денежные поступления для пленников были, мягко говоря, недостаточными и нерегулярными. Тем не менее, лютеранские приходы занимались сбором денег на поддержку пленных офицеров по всей Швеции, и некоторые состоятельные люди, такие как граф и графиня Пиперы, порой оплачивали нужды пленных из своего кармана, несмотря на то, что шведское государство не всегда возмещало эти затраты [Åberg, 1991, p. 41–43].

В своих дневниках офицеры описали ужасы своего продвижения по стране, которую они пришли завоевать, и свою нищету. Согласно их записям, некоторые местные жители проявляли милосердие, другие старались выманить последние деньги у пленных в уплату за транспорт – лошадей и сани. Чем дальше они продвигались от Москвы, тем меньше возможностей оставалось на получение сведений о ситуации в Швеции, короле и армии. Обычно их размещали в общественных зданиях, а если их не хватало, то человек по шесть в домах местных жителей. Судя по тому, что ряд пленников был наказан за прорубание окон в стенах и врезание замков, у них имелся какой-то набор инструментов для этого, и они отчаянно пытались обустроить свою жизнь на европейский манер. Были также наказания и за связь с русскими женщинами, что допускает предположение об определенной свободе передвижения. В дневниках отмечаются и постоянные конфликты с местными жителями, поскольку

шведские офицеры требовали к себе отношения согласно их высокому рангу [Ibid., p. 56–58].

«Шведская»³ сибирская диаспора

Первые пленные шведы появились в Сибири уже в 1703 г., однако систематическая высылка на Урал и в Сибирь началась в 1710 г. [Зуев, с. 8; Шебалдина, 2005, с. 37]. Большие партии были направлены на уральские заводы. О численности этих колоний можно судить на основании того, что только в Алапаевском заводе в 1710 г. сложилось целое поселение пленных шведов – около 200 человек, которых духовно окормлял приехавший уже добровольно пастор. Пленные шведы были заняты на Туринском и Невьянском заводах. В Туринском заводе была даже заведена школа [Корепанов, с. 20]. Их содержание не требовало дополнительных затрат на охрану, офицерские чины пользовались достаточно большой свободой и активно участвовали в культурной жизни уральских городов. Их технические знания, навыки в медицине, музыкальные способности и ремесленное мастерство помогали устроиться на новом месте. С основанием Екатеринбурга в 1723 г. центр лютеранского прихода оказался на территории этого города-завода. Его ядро также составили шведские военнопленные, пожелавшие поступить на службу, и приглашенные немецкие горные мастера [Главацкая, 2015].

В 1711 г. началась массовая высылка шведских пленных дальше на восток страны, в Сибирь. Причинами тому были угроза их воссоединения с основными отрядами Карла XII в случае нападения Турции, опасность побегов при условии близости границ и недовольство жителей городов, в которых размещали шведов. Как бы то ни было, но летом 1711 г. группа из 800 пленных офицеров прибыла водным путем в столицу Сибирской губернии Тобольск. Вместе с женщинами и детьми они составили более тысячи человек, в основном среди них были этнические шведы, но были также немцы, финны и выходцы из Прибалтики [Åberg, 1991, p. 76]. Женщины и дети имели полное право вернуться в Швецию, однако многие приняли решение сопровождать пленников на восток. Военно-полевая жизнь была им привычна, давала средства для жизни, многие женщины состояли в тесных отношениях с военнопленными. Другой возможной причиной того, что женщины остались в России, были сложности с организацией и финансированием возвращения на родину. Их шведские мужья, если таковые имелись, власти Швеции и русская администрация не располагали средствами для этого и, возможно, не имели желания позаботиться о них [Thorvaldsen].

³ На основании имеющихся источников не всегда можно определить этническую принадлежность пленных, многие из которых, особенно оказавшиеся в Тобольске, были этническими немцами. Тем не менее, следуя за утвердившейся практикой, мы также будем называть их шведами в тех случаях, когда в документах нет четкого указания на этническую принадлежность пленных.

Несколько групп было направлено еще дальше вглубь Азиатской части страны – в Сургут, Томск, Енисейск, Иркутск и Якутск.

В центре нашего внимания – жизнь группы пленников, размещенных в Тобольске. Это была самая большая по численности и наиболее организованная партия пленных. Их особенность была в том, что это были офицеры рангом выше и значительно образованнее, чем в других городах, за исключением, пожалуй, Москвы. И наконец, уровень их жизни в плену также отличался в лучшую сторону. Они не только не были ограничены в передвижении по городам своего содержания, но и могли путешествовать на довольно большие расстояния [Шебалдина, 2005, с. 56]. Если их высылали из Тобольска еще дальше на север или восток азиатской части, то это было, как правило, наказание за нарушение закона, наиболее распространенным из которых было самогоноварение. Тобольские пленные шведы активно вели дневники – традиция довольно распространенная среди высшего офицерства шведской армии.

Условия жизни

Рядовые и младшие офицеры должны были обеспечивать себя трудом на тяжелых работах, что касается офицеров, то государство-победитель предоставляло им жилье. Все остальные нужды обеспечивались за счет шведской стороны их собственными усилиями. При этом в среде пленников очень скоро сложилась иерархия, основанная не столько на офицерских званиях, сколько на способности зарабатывать деньги благодаря имевшимся навыкам и мастерству. Те, кто не имели иных талантов, кроме командования войсками, вскоре оказывались на нижней ступени социальной иерархии. Те, кто были обучены ремеслам или смогли быстро перенять их от товарищей, очень скоро устроились совсем неплохо. Пленные зарабатывали окраской пряжи, плотницким ремеслом, изготовлением упряжи, кузнечными, камнерезными, гравировальными и ювелирными работами, шили перчатки и даже вязали [Åberg, 1991; Шебалдина, 2005; Шебалдина, 2014]. Другие активно включились в торговлю. Военная подготовка и опыт позволили некоторым офицерам использовать свои знания в области медицины и фармацевтики.

Самогоноварение также находило своих предпринимателей в тех случаях, когда легальный бизнес не приносил пленникам желаемых результатов. Обычным наказанием за производство алкоголя была высылка замешанных в нем офицеров из Тобольска. Частота применения этой меры могла свидетельствовать как о бедственном положении, так и о высокой степени доходности нелегального предпринимательства. Даже при получении установленного законом разрешения на производство алкоголя это занятие было сопряжено с риском. Согласно челобитной на имя царя, поданной коменданту Тюмени

полковнику Воронецкому 8 августа 1716 г., два пленных шведских прапорщика Гаврило Люн и Лярс Галборий получили откуп на продажу вина и пива в Кармацком погосте. В октябре 1715 г. трое беглых русских солдат, беглый ямщик из Тобольска и житель Кармацкого погоста ворвались к ним с требованием выпивки. Получив отказ, они изрубили топорами окна и двери, «били и увечили» шведов «смертными боями» и грозили их сжечь. В конце концов грабители забрали у предпринимателей имущество и продукцию на сумму шесть рублей и сбежали, так что доходный бизнес был сопряжен с реальной опасностью. По приказу губернатора Сибири М. П. Гагарина нападавших следовало разыскать и привезти в Тобольск для разбирательства [ГУГАТОТ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3146. Л. 8–9]. Документов, свидетельствующих о результатах розыска, в архиве, к сожалению, не сохранилось.

Пребывание в Тобольске выгодно отличалось благодаря заступничеству и материальной помощи губернатора Сибири князя М. П. Гагарина, «спасшего жизни многих сотен военнопленных» [Шебалдина, 2005, с. 97–110]. Помимо информации, содержащейся в письмах самих шведов, сохранилось и наблюдение Джона Белла, дважды посетившего Тобольск в период пребывания там пленников и оставившего неожиданно благоприятное описание самого города и действий князя [Bell]. Поэтому высылка из столичного города была жестоким поворотом в судьбе офицера. Новые места размещения, как правило, резко отличались от Тобольска с его многочисленной колонией и налаженной инфраструктурой. В Тюмени, например, присланных в 1713 г. из Тобольска пленных размещали в домах служилых людей и казаков, причем как русских, так и татар-бухарцев. Позднее в 1720 г. был составлен список всех присланных шведов с указанием имен, званий и сведений о дальнейшей судьбе. К сожалению, сохранился только фрагмент документа, но и благодаря ему можно составить определенное представление о тюменской колонии пленных шведов (табл.).

Таблица 1

Список пленных шведов, присланных в Тюмень из Тобольска в 1713 г.⁴

№	Имя	Звание	Место пленения	Состояние на 1720 г.	Сопровождающие
1	Пилрок, Эрик	драбант	Полтава	жив	–
2	Апелгелм, Юнас	ротмистр	Днепр(?)	умер	хлопец Екертом, Яган
3	Валлас, Густав	ротмистр	Днепр	жив	хлопец Бринз, Данцель
4	Рот, Нилс	ротмистр	Днепр	жив	хлопец [имя неразборчиво]

⁴ Таблица составлена по: [ГУГАТОТ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3146. Л. 41–42 об]. Здесь и далее написания имен воспроизведены по источнику.

Окончание таблицы

№	Имя	Звание	Место пленения	Состояние на 1720 г.	Сопровождающие
5	Мирман, Ирик	ротмистр	Полтава	жив, взял службу	–
6	Боман, Магнус	ротмистр	Днепр	умер в 1720	–
7	Гиген, Отто Густав	ротмистр	Полтава	не приехал из Тобольска	–
8	Спангенберг, Отто Фридрих	ротмистр	Левенгольдская баталия под Лесней	умер в 1717	–
9	Варкрон, Яган	ротмистр	Днепр	умер в 1717	хлопец Уловсон, Андерс
10	Алберх, Яков	ротмистр	Днепр	умер в 1715	–
11	Сверт Фелис, Адам Яган	ротмистр	под Лесней	умер в 1718	–
12	Борх, Петер	ротмистр	Днепр	умер в 1718	–
13	Броммер, Отто Густав	ротмистр	Днепр	умер в 1713 (?) в Тобольске	–
14	Сюдорман, Яган	ротмистр	Днепр	умер	–
15	Сконинг, Нилс	прапорщик	В Турецкой стороне в местечке Черновец	жив	–
16	Гумле, Исак	прапорщик	Днепр	жив	–
17	Орн, Габриель	прапорщик	В Турецкой стороне в местечке Черновец	жив	–
18	Финилиус, Ирик	прапорщик	Левенгольдская баталия	жив	–
19	Гек, Самоил	прапорщик	Полтава	жив	
20	Клоусен, Никлас	прапорщик	Полтава	жив	
21	Палм, Андрес	прапорщик	Полтава	жив	

Самым высокопоставленным пленником был драбант Ерик Пилрок, плененный под Полтавой. Следующими в списке были 13 ротмистров, захваченных в 1708–1709 гг. «под Днепром», в Полтавской битве и в «Левенгольдской баталии под Лесней». Четыре ротмистра прибыли вместе с «хлопцами». При этом к 1720 г. девять (а возможно, и все десять, поскольку один так и не прибыл из Тобольска)

из 13 ротмистров уже были мертвы [ГУГАТОТ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3146. Л. 41—42 об.].

У нас нет сведений о том, как оценивали условия своего размещения на новом месте шведы, что касается жителей Тюмени, то присутствие незваных европейских гостей обременяло их чрезвычайно. В прошении, поданном на имя Петра I, они сообщали, что «шведские полоняники», присланные из Тобольска и размещенные в их домах, жили «нечинно». «Теснят нас рабов твоих всячески и жен, и детей наших бесчестят... всякими скверными словами и блудным воровством», – жаловались тюменцы царю. Особенно их беспокоило то, что, уезжая по службе, они вынуждены были оставлять жен и детей в своих домах вместе со шведами. Тюменцы были готовы на свои деньги выстроить шведским пленникам казармы, чтобы избавиться «от их шведского утеснения и бесчестья» [ГУГАТОТ. Ф. 47. Оп.1. Д. 3146. Л. 11—12 об.] В ответ на просьбу пришел приказ в 1716 г. построить шведским пленникам квартиры, деньги на строительный материал следовало взять из казны, а к работе привлечь крестьян в счет уплаты податей [ГУГАТОТ. Ф. 47. Оп.1. Д. 3146. Л. 11—12 об., 13 об.]. Однако указ этот, вероятно, так и не был выполнен. Согласно отчету, составленному по запросу из Тобольска, о том, где живут и чем обеспечивают свое пропитание шведские пленные в Тюмени, комендант Ларион Воронцов сообщал, что в 1719 г. пленные шведы все еще жили «по квартирам у тюменских всяких чинов людей». Жили они за счет ремесла и жалования, присланного из Швеции, кроме того, многим присылали деньги родственники [ГУГАТОТ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3146. Л. 41—41 об.].

Но была от шведов и реальная польза. Среди документов Тобольского архива сохранилась справка о медицинском осмотре больного тюменского солдата Дмитрия Мальцова, который был произведен шведским пленным полковым лекарем Яковом Шульцем по приказу тюменского коменданта полковника И. В. Воронцового. Медиком был поставлен жестокий диагноз – «французская скорбь» (сифилис. – Е. Г.), которая распространилась «в голове и в костях» солдата. Доктор Шульц рекомендовал освободить солдата Мальцова от службы по состоянию здоровья [ГУГАТОТ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3146. Л. 10]. Вероятно, доктор пользовался доброй славой среди соотечественников, и к нему на прием стремились попасть офицеры, размещенные в других городах. Так, в 1714 г. лейтенант Я. Мек просил отпустить его из Верхотурья в Тюмень для лечения [Шебалдина, 2005, с. 56].

Насколько регулярно привлекался доктор Шульц, неизвестно, но есть сведения о том, что на русскую службу в 1718 г. поступили пленные шведские поручики из числа размещенных в Тюмени – Нилс Кост, Юган Роткилх Барк Ман, Юган Бихнер, Морис Шнеп. По указу губернатора Сибири князя М. П. Гагарина им следовало ежемесячное жалование по два с половиной рубля, а также провиант – около 60 килограммов («по полусема четверика») ржаной муки и овса на человека [ГУГАТОТ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3146. Л. 30].

Многочисленная – около тысячи человек, тобольская колония пленных офицеров, их жен, детей и слуг постаралась, насколько это было возможно, создать привычный культурный ландшафт и комфортный образ жизни. Прежде всего была налажена религиозная жизнь офицеров-лютеран. Находясь в православной столице Сибири, шведы старались сохранить свою религиозную традицию. Первые два года привычные к полевым условиям военные проводили службу прямо под открытым небом, вероятно, все-таки надеясь, что они не-

1. Густав Сёдерстрём. Причастие в шведских войсках. XIX в.

надолго задержатся в Сибири (ил. 1). Установив контакты с центром pietистов в немецком городе Галле (Halle), узники вскоре по приезду в Тобольск получили оттуда Библии и сборники псалмов в таком количестве, что смогли отправить излишки в другие сибирские города. В 1713 г. по инициативе лейтенанта-полковника Брора Роламба (Brog Rolamb) они построили церковь на средства, присланные в качестве пожертвований, и на собственные сбережения. Это была единственная церковь, построенная пленниками для своих нужд. Конгрегация немцев-лютеран существовала в Москве, лютеранская община этнических шведов и финнов была в Санкт-Петербурге. Лютеране Томска арендовали помещение для проведения служб, а община Соликамска в лучших евангельских традициях переоборудовала под эти цели стойло [Åberg, 1999, p. 66–67, 110].

Тобольская лютеранская церковь начала действовать уже в ноябре, хотя полностью строительство было завершено лишь через год. Здание церкви, рассчитанное на тысячу прихожан, стало центром общественной жизни пленных. Что касается их религиозности, то о ней свидетельствовало стремление верующих занять места поближе к алтарю [Ibid., p. 69]. Тобольская колония пленных офицеров, в отличие от многотысячных групп рядовых, посланных на строительство, не испытывала недостатка в священниках. Почти четверть (около 15) из 60 захваченных в плен капелланов оказалась в Тобольске. Они без труда наладили религиозную дисциплину в колонии, активно вовлекали братьев по несчастью в обсуждение религиозных вопросов. В Тобольске были созданы полевая консистория для решения гражданских вопросов, связанных с церковью, и совет по религиозным делам, состоявший из пастора и четырех офицеров. Когда здание церкви со всей утварью сгорело в тобольском пожаре 1715 г. вместе с еще тысячей городских зданий и архивом, колония пленных снова его отстроила [Åberg, 1991]. Практика ведения церковных книг не применялась в армии, пасторы только составляли списки причастившихся и умерших. Тобольскому пастору пришлось также регистрировать браки, заключавшиеся в колонии, проводить обряды крещения и конфирмации.

Согласно свидетельству анонимного автора из числа пленных, большинство шведов, оказавшихся в Тобольске, считало, что плен был наказанием свыше за их грехи [Der allerneueste Staat... S. 197]. В лютеранской традиции акцент делается на проповедь и чтение текстов Священного Писания. Любопытно, что из 48 текстов Библии, избранных в 1712 г. тобольскими пасторами для чтения перед паствой во время богослужения, только пять относились к Новому Завету! По свидетельству ротмистра Леонарда Кагга, две трети читаемых текстов, в том числе и на похоронах, были ветхозаветными [Åberg, 1991, p. 113]. Попавшие в плен пасторы явно акцентировали идею общности судеб древних иудеев, испытавших ужасы Вавилонского плена за свои грехи, и шведов, попавших на долгие годы в Сибирь. В контексте этой аналогии неизбежно рождалась надежда на прощение и возвращение на родину, а лютеранская этика подсказывала путь – упорная работа, вера и нравственное совершенствование.

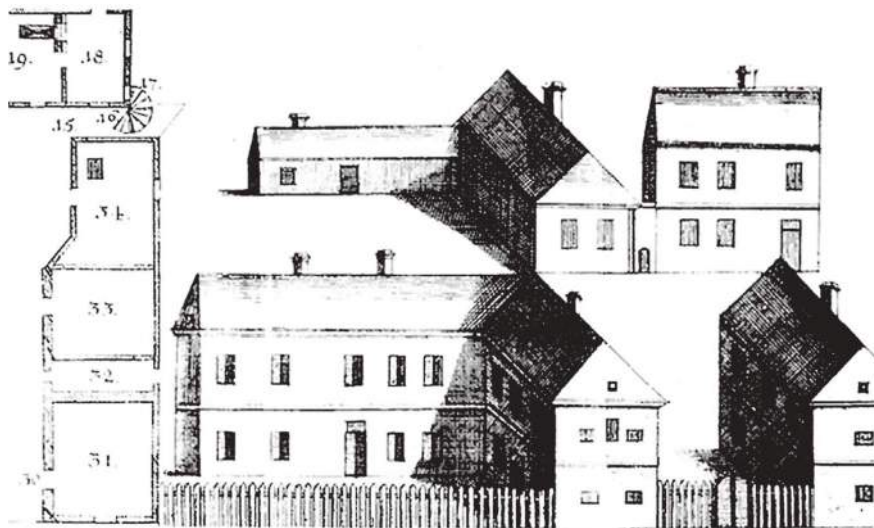
Поэтому неудивительно, что тобольская колония была невероятно активна, а религиозные собрания были так популярны в среде узников. Началось все с того, что в преддверии Рождества 1712 г. несколько офицеров стали встречаться по три раза в неделю для чтения и обсуждения религиозных текстов и проповедей, присылаемых из Галле профессором теологии основателем пиетизма Августом Германом Франке. Позднее эти тексты были переведены на шведский язык и вывезены пленными при возвращении на родину в 1721 г.

Пиетизм, возникнув в Германии, первоначально призывал лишь к более личной религиозности в пределах официальной церкви.

Позднее деятелями пиетизма была обозначена основная цель – создание межконфессионального международного христианского братства. Организационным центром пиетизма стал университет в Галле, где была принята специальная программа религиозного обучения и учрежден институт по изучению и евангельскому просвещению восточных народов. При этом России уделялось особое внимание. Влияние пиетизма в богословских академиях России в начале XVIII в. постоянно возрастало, идеи новой неформализованной религиозности особенно популярны оказывались на территориях, смешанных в конфессиональном отношении, – в Белоруссии и Малороссии. Пиетизм стал первым международным миссионерским движением протестантизма, утвердившим евангелическое просвещение «язычников» в качестве первейшей обязанности церкви независимо от поддержки государства [Биллингтон, с. 335].

Число желающих принять участие в этих религиозных сессиях в Тобольске все росло, а обсуждения начали принимать все более взрывоопасный характер. Пришлось отменить встречи, но вскоре практика была восстановлена: несколько небольших групп стали собираться отдельно [Der allerneueste Staat... S. 200]. Такие частные собрания без назначенного священника как нельзя лучше соответствовали установке пиетизма на личную глубокую беззаветную религиозность, а не на формально организованное богослужение.

Проведение частных собраний при избытке пасторов естественно вызвало сомнение в правильности такой практики, однако она была одобрена фельд-комиссариатом в Москве на том условии, что встречи не будут восприниматься как замена официальному воскресному богослужению [Ibid., S. 204–205]. Пиетисты были активны и в столице страны, их форма глубокой внутренней религиозности соответствовала настроениям и чувствам большинства пленных. Графы Пипер и Левенгаупт (Lewenhaupt) сами были пиетистами и безусловно повлияли на распространение этого направления среди узников. Капитан драгун, основатель школы в Тобольске, о которой пойдет речь ниже, Курт фон Врех был привлечен к этой форме протестантизма ни кем иным, как графом Страленбергом [Åberg, 1999, p. 73]. Пиетисты пытались установить строгий контроль над жизнью и нравственной атмосферой в общине. Тех, кто отказывался соблюдать требования, наказывали, лишая возможности причаститься. К причастию святыми дарами не допускали за игру в карты или участие в комедийных театральных постановках на темы, далекие от сюжетов Священного Писания. О том, насколько глубоко пиетизм был воспринят тобольскими колонистами, свидетельствует история, произошедшая с одним из учащихся тобольской школы пиетистов, который глубоко расстроился, получив известие о заключении мирного договора между Россией и Швецией и скором возвращении на родину, что противоречило его плану достижения высшего уровня духовного просвещения.

2. Школа в Тобольске, построенная шведами
(School in Tobolsk by the Swedish prisoners of war) [Åberg, 1991]

Школа, созданная по инициативе родителей из числа пленников и капитаном-драгуном немецкого происхождения Куртом фон Врехом, стала важным элементом культурного ландшафта шведских военнопленных в Сибири и источником распространения европейских ценностей (ил. 2). Обучение было построено в соответствии со школьным законом, разработанным пиетистами Университета в Галле, в котором содержались жесткие требования к ученикам и учителям [Der allerneueste Staat... S. 219–221]. За исключением второй половины дня в среду и субботу, занятия и службы длились с восьми утра до семи часов вечера. День начинался и заканчивался чтением религиозных текстов, их также читали во время еды. В школе преподавали чтение, письмо, арифметику, географию и языки, включая латынь, немецкий и французский, рисование, пение и основы ремесел. Однако религия являлась важнейшей частью учебной программы [Ibid., S. 205].

Интерес к обучению в шведской школе проявили и россияне, и не только дети. В 1715 г. школа переехала в специальное четырехкомнатное помещение, купленное за 45 рублей родителями учеников [Ibid.]. В мае здание сгорело, и было решено купить новое за пределами города и переправить его по реке. В самом начале обучение проходили девять шведских мальчиков и девять девочек, кроме того, было еще пять иностранцев и двое слуг. В 1716 г. число учеников возросло до 59 человек [Åberg, 1978, S. 259], и они показали гораздо лучший результат во время публичного экзамена после практически скандальной ситуации во время аналогичного опроса в предшествующий год, когда учащиеся не смогли выдержать испытание [Der allerneueste Staat... S. 205]. В 1717 г. в школе числилось уже 63 ученика, включая троих

детей, отправленных с Урала, и монгольского мальчика, которого в школу послал шведский генерал-адъютант с Енисея. Штат преподавателей состоял из двух учителей Закона Божьего, трех, преподававших чтение, письмо и арифметику, и двух учителей латыни. Все предметы преподавались офицерами. При школе состояли гувернантка для девочек, домохозяйка и пять слуг. В случае необходимости помощь оказывали добровольцы и офицерские жены [Ibid., S. 213].

Являясь одним из пяти учебных учреждений, основанных пиетистами в России, тобольская школа должна была готовить штат для миссионерской деятельности среди аборигенов. По всей видимости, Петр I был знаком с работой школы и даже обещал свою поддержку ее организаторам. Таким образом, в Северо-Западной Сибири была фактически разрешена деятельность миссионеров-пиетистов, развертыванию которой помешали лишь заключенный вскоре мир и возвращение большинства ссыльных пленных шведов, в том числе и основателя школы Курта фон Вреха, домой [Главацкая, 2005, с. 232–233].

Помимо школы и церкви, шведы построили баню для нужд колонии и госпиталь после эпидемии цинги, разразившейся в 1717 г. [Der allerneueste Staat, 1725, S. 230].

«Шведская» семья и брак в сибирской ссылке

Учитывая половозрастной состав шведской диаспоры в Сибири, надо признать, что перспектива женитьбы на шведке у пленных была маловероятна. В Тобольске за все годы существования колонии с 1710 по 1721 г. пастор провел всего 36 венчаний. При этом восемь невест вступили в новый брак, будучи вдовами. По сообщению пленных, едва овдовев, женщины почти сразу переселялись в дома своих будущих мужей, и не более чем через год вдовства (срок, необходимый для соблюдения элементарных приличий) они регистрировали отношения в церкви. Например, у одной пары ребенок родился спустя год после смерти прежнего мужа и через три дня после брака с новым [Åberg, 1999, S. 144].

Женщинам, оказавшимся в плену, приходилось особенно тяжело. Их судьбы, к сожалению, редко отражались в источниках, тем ценнее история Луизы фон Бургхаузен (Lovisa von Burghausen), которая четырехлетней девочкой попала в плен под Нарвой в 1704 г. Едва достигнув 14 лет, Луиза была выдана замуж за шведа, поступившего на русскую службу. Когда спустя всего два года он погиб, молодая женщина оказалась без средств к существованию, была продана и отправлена в Тобольск. Здесь она, к счастью, нашла поддержку крепкой тобольской колонии пленных, которые не только помогли женщине избавиться от власти деспотичного хозяина, но и нашли ее родителей и отправили к ним в Соликамск. Там Луиза вновь вышла замуж за полкового священника старше ее на 30 лет. Вместе они вернулись в Швецию после подписа-

ния Ништадского договора, но жизнь Луизы была недолгой, она умерла в возрасте 35 лет [Ibid, S. 20–29]. Многие пленные офицеры находили возможность вступать в свободные отношения с русскими женщинами, за что их периодически наказывали [Pihlström, S. 42].

Официальный статус лютеранской церкви в России не отменял попыток склонить пленных принять православие. Такой шаг давал освобождение, материальное вознаграждение и возможность женитьбы на русских женщинах. Так, капитан Дриандер (Dryander) крестился в православие и сразу вступил в брак с девицей Марией Молоковой. Однако немногие решались на смену вероисповедания даже ради создания семьи, поскольку государством допускались религиозно смешанные семьи, при этом жены иноверцев и родившиеся в браке дети должны были оставаться в православной церкви. Чем мог окончиться такой союз, видно из истории офицера Эншильта (Enschylt), вступившего в брак с русской женщиной без перехода в православие. После заключения мира он вернулся в Швецию вместе с однополчанами, навсегда оставив жену и детей в Сибири [Pihlström, S. 82, 88]. И это был, к сожалению, не единственный случай принесения семьи в жертву конфессии. Большинство шведских мужей оставляли своих русских жен и уезжали на родину, где создавали новые семьи с соотечественницами. Тем интереснее выглядит каждое исключение. Так, в мемуарах Фридриха Берхгольца сообщалось о молодом гвардейском прапорщике по фамилии Тернер, который женился в плену и в нарушение царского указа с помощью покровителей (тайного советника Бассевича и князя Меншикова) смог вернуться в Швецию вместе с православной женой и дочкой [Шебалдина, 2014, с. 54]. Помимо желания жениться, православие могли принять в надежде избежать наказания.

Переход в православие вызывал осуждение офицеров-лютеран и воспринимался как отступничество, о чем свидетельствуют записи в дневниках. Даже после десяти лет в плену, когда надежда на возвращение почти угасла, лейтенант Лют с презрением писал о двух священниках, принявших «ложное учение русских» и поступивших на русскую службу. Можно предположить, что оба священника посчитали себя свободными от обязательств перед королем, весть о смерти которого достигла Тобольска в марте 1719 г. [Kagg, Lewenhaupt, S. 260]. Во всяком случае, оба крестились и поступили на русскую службу вскоре после получения этого известия. Сам лейтенант Лют, искренне оплакивая смерть короля и свою горькую участь, тоже смутно представлял, на что теперь рассчитывать [Karolinska krigares dagböcker, S. 90].

Неприязнь к иной конфессии проявлялась в разных вариантах и, как правило, была взаимной. По сообщению анонимного автора, когда родителям одного из тобольских высокородных учеников, обучавшихся в шведской школе, стало известно, что он увлекся религиозными идеями пиетистов, они пригрозили забрать его из школы

[Der allerneueste Staat... S. 217]. В совершенно невинном на первый взгляд высказывании, записанном организатором школы Куртом фон Врехом, отражена суть отношения пиетистов к православию: «...и тут пришел один русский с другом-христианином. Это был шведский капитан из числа пленных» [Wreech, S. 527]. Даже привилегии, получаемые вместе с крещением в православной церкви, не могли соблазнить большинство шведов. К неприязни, возможно, добавлялся и суеверный страх, поскольку среди перешедших в православие шведов были известны два случая помешательства [Kagg, Lewenhaupt, S. 247, 251]. Одним из них был, вероятно, пастор Йоганн Брунерус (Johan Brunerus), который перекрестился в православие в Томске в 1718 г., лишился рассудка и был заперт в монастыре [Åberg, 1991, S. 117].

И все-таки были офицеры-лютеране, которых впечатляли пышность ритуала и церемоний православной церкви, как и экзотические религии аборигенного населения. В дневниках шведов остались яркие описания колоритных церковных праздников и крестных ходов в главном городе Сибирской епархии. Есть в них и детальное описание многокилометровой процессии верующих с иконой Божьей Матери из Абалакского монастыря в кафедральный собор Тобольска [Kagg, Lewenhaupt, S. 227]. Секунд-лейтенант Андерш Пильстрём был более заинтригован бытом и традициями многочисленных аборигенных народов Азиатской части России. В 1714 г. его в составе группы из 170 пленных отправили из Тобольска в Томск. Спускаясь по Иртышу к Оби, суда с пленниками приставали к берегу у русских и татарских селений. Через неделю плавания они причалили к «убоному», по словам Пильстрёма, «маленькому» селению Демьянское, расположенному в «бесплодных землях, где никакие культурные растения не вырастают». В этом селе тобольская партия встретила с земляками – тридцатью офицерами Выборгского гарнизона. Спустя еще неделю плавания команда достигла Самарова (современный Ханты-Мансийск), где они снова встретили семь-восемь земляков, сосланных за незаконное самогоноварение, в том числе констебля Кнупа и его жену. В безветренные дни судно тянули на канатах вдоль берега, а в мелководных местах передвигались, отталкиваясь от дна шестью. В помощь пленным были наняты 15 работников. Вдоль берегов Оби и ее многочисленных притоков жили остяки (*устар.* ханты), основным занятием которых были охота и рыболовство. Частично подвергшиеся христианизации, они не оставили еще полностью своих шаманских верований, которые особенно интересовали Пильстрёма. В местах, вдоль которых проходил путь, было множество диких гусей. Их ловили голыми руками или с помощью охотничьих собак. Движение проходило медленно, и только через месяц суда с пленными достигли Сургута. Это, по отзыву Пильстрёма, был маленький город со следами недавнего пожара, с двумя церквями, место скудное, бесплодное и очень дорогое. Рядом не было ни деревень, ни пашни,

а население существовало за счет рыболовства и торговли. И в этом Богом забытом месте шведы также встретили двух соплеменников, сосланных за самогоноварение.

Поднимаясь далее по Оби к Томску, они встречали поселения остяков, которые охотились на зверей ценных пушных пород. Иногда движение останавливалось из-за отсутствия ветра или из-за споров, возникавших между нанятыми работниками. Через две недели пути из Сургута в Томск пленники начали встречать бедные поселения остяков, которые продавали осетров в огромном количестве и очень дешево. Эта группа все еще не была крещена и вызвала большой интерес Пильстрёма, поскольку напомнила ему аборигенов севера Швеции саамов. Согласно его наблюдению, «остяки вели кочевой образ жизни: летом жили вдоль реки в простых рыбацких жилищах, где не было ни стола, ни скамьи, а только большой котел и черпак. Зимой они переселялись в лес, где жили в бревенчатых домах. Одежда женщин, украшенная бисером, напоминала одежду женщин саамов. Как и саамы, они украшали косы изделиями из олова. Когда кто-то из них умирал, тело заворачивали и укладывали в колоду, выдолбленную из дерева, накрывали крышкой и хоронили в лесу. В могилу клали лук, несколько стрел, копье, котел и другую посуду. Остяки верили, что каждый человек имеет душу». Когда шведы попытались узнать, что происходит с душой после смерти, остяки ответили: «...если человек был растерзан зверями на охоте или был убит, то душа направляется прямо к богу. А если человек умер своей смертью, дома, то душа уходит в землю». Больше никаких сведений о представлениях остяков о душе шведам добиться не удалось. Однажды команда пленников остановилась на день в Нарыме. Это был город еще меньше Сургута, с одной церковью, но с более симпатичными домами. Комендант Яков Ирцовский пригласил многих офицеров к себе на ужин. Качество блюд, поданных гостям, было высоко оценено Пильстрёмом [Åberg, 1991, S. 98] (перевод наш. – Е. Г.).

Спустя почти восемь лет Пильстрём проделал обратный путь из Томска по тем же местам. Статус свободного человека и обретенная надежда на скорое возвращение на родину, вероятно, повлияли на его восприятие сибирской действительности, если только жизнь за это время не изменилась к лучшему. Команда шведов поднялась на палубу судна 24 июня 1722 г. Комендант Томска с супругой и еще несколькими дамами пожелали проводить отъезжавших, совершив вместе с ними круиз. В Сургуте шведов также приветствовал комендант, принесший на палубу угощение – водку и пиво. По воспоминаниям Пильстрёма, они устроили концерт и оставались в Сургуте до темноты. Продвижение вниз по течению шло значительно быстрее, при хорошем ветре корабль проходил по сто километров за день. К концу июля томские пленники прибыли в Тобольск, где их уже ожидал посланник с подъемными деньгами, присланными из Швеции. К этому времени жившие в городе шведы уже выехали, и Тобольск

снова стал почти исключительно русским городом. Одним из последних город покинул Ханс Аппельман (Hans Appleman), ушедший на войну в 1700 г. и вернувшийся только в 1745 г. Кстати, примерно половину этого срока его жену записывали вдовой в приходских метрических книгах [Larsson]. Проезжая через Урал, Пильстрём записал в дневнике, что манси, чьи религиозные традиции он описал в 1711 г., с тех пор были уже крещены. Помимо религии, офицер живо интересовался семейными отношениями и демографией народов Урала и Сибири [Pihlström, S. 43, 50, 53, 66–68, 50, 91–92].

Другой пример участия пленных офицеров в описании народов Сибири – работа Йоханна Бернарда Мюллера. Капитан драгун шведской армии, плененный и сосланный в Тобольск, был принят митрополитом Тобольским и Сибирским Филофеем (Лецинским) в состав экспедиции, занимавшейся крещением хантов и манси. На основе личных впечатлений, литературных материалов и расспросов участников событий капитан подготовил описание обычаев хантов и истории их крещения в 1712 г., в котором сам принял участие. В декабре 1716 г. Й. Мюллер отослал свой труд царице Екатерине I, известной своим заступничеством за пленников. Судьба была благосклонна к капитану, и его работа была опубликована в Берлине уже в 1720 г. [Müller, 1720]. Позднее она вышла приложением к немецкому и английскому изданиям [Muller, 1722–1723] и частично приведена во французском варианте книги Ф. Вебера. Именно эта работа стала основным источником информации о народах Северо-Западной Сибири в Европе. В предисловии к английскому изданию Йоханн Мюллер дал краткую характеристику обстоятельств своей жизни в Сибири – «месте назначения несчастных пленников и тюрьме несчастных ссыльных, где сырой климат и суровый холод убивают воображение и притупляют умственные способности». Самого себя он назвал пленником, солдатом, «у которого нет компании, кроме его собственных меланхолических мыслей, который страшится восхода солнца как начала голодного и полного печалей дня и трепещет при наступлении ночи, которую он должен провести без отдыха, на жесткой, неудобной кровати; его деньги утеряны вместе со свободой, его хозяйство – нужда, а пища – горькие заботы». И все же Йоханн Мюллер обращался к своим читателям с просьбой «оставить предубеждения», поскольку в Сибири «так много диковинного» [Muller, 1722–1723, S. 41]. Согласно утверждению автора, большую часть сведений о народах Сибири он собрал самостоятельно: «судьба распорядилась так, что моя страстная мечта увидеть разные страны, которую я лелеял с самых ранних лет, осуществилась во время моего заключения, хотя и в манере весьма отличной от моих юношеских сладостных фантазий... Я оказался в такой милости у митрополита Сибирского... что он включил меня в состав свиты, когда мы отправились обращать этих бедных людей (остяков. – *Е. Г.*) в христианство. Большая часть следующего отчета состоит из моих собственных наблюдений, сделанных в этом

длинном путешествии, остальное я узнал от людей, на чью искренность, как меня убедили, я мог положиться» [Muller, 1720, S. 40–42] (перевод наш. – Е. Г.). К сожалению, оригинальность работы Йоханна Мюллера неоднократно оспаривалась отечественными исследователями. Это предисловие к английскому изданию его описания народа ханты и невероятная популярность регулярного ведения наблюдений и дневников в среде офицеров Тобольской колонии являются дополнительными аргументами в защиту авторства Йоханна Мюллера.

Уже цитированная выше работа анонимного автора-немца также стала важным источником по религиозным традициям восточной группы хантов. Судя по уникальной информации, содержащейся в ней, и манере изложения материала от первого лица, можно с уверенностью говорить о том, что автор лично наблюдал описываемые им явления в начале XVIII в. Он также был знаком с имеющейся литературой о народах Сибири, имел возможность прочесть письма пленных шведов из Сибири и цитировать их.

Пиетист К. фон Врех принял активное участие в этнографическом изучении народов Сибири. В книге, написанной в форме дневника, приведены интересные сведения, собранные не только автором, но и по его просьбе другими шведами, находившимися в Сибири. Многие из писем, присланных К. фон Вреху и включенных им в текст книги, содержат интересные сведения о религиозных традициях восточной группы хантов, шаманизме, ритуальной практике. В частности, именно в одном из писем, присланных К. фон Вреху Филиппом Иоганном Таббертом (Страленбергом), содержалось первое упоминание о применении хантами бубна во время шаманских сеансов [Wreech, S. 181–186].

Ф. фон Страленберг за свои десять сибирских лет (1711–1722) собрал обширный материал по географии и этнографии Сибири. Это был результат личной исследовательской деятельности, а также сведения, полученные от жителей Тобольска, в том числе и от С. У. Ремезова. В связи с заключением мира Ф. фон Страленберг был отправлен из Красноярска на родину. Во время этого путешествия, которое проходило через земли, населенные хантами, он продолжал вести дневник. В нем он записал уникальные наблюдения о религиозных традициях хантов Сургутского уезда [см.: Stralenberg].

После заключения мирного договора Петр I предложил всем желающим пленным поступить на российскую службу, однако таких было немного [Pihlström, S. 86]. Определить их число довольно сложно, поскольку пленные пытались скрыть факт своей службы, чтобы избежать наказания после возвращения на Родину. Страленберг, например, вообще предпочел не упоминать о факте своего участия в экспедиции Мессершмидта, организованной и финансировавшийся российскими властями, в составе которой он посетил Томск, Нарым, Абакан, Красноярск и Енисейск [Krueger]. После заключения Ништадтского мира Страленберг вернулся в Швецию, где в 1723 г. получил чин подполковника.

Тобольская колония pietистов прекратила свое существование, но проникшиеся идеей евангелизации Сибири бывшие пленные шведы остались и продолжили свое христианское служение так, как они его понимали. Как минимум двое из них, Карп Андреев и Кирилл Берх (оба приняли православие), активно занимались христианизацией аборигенного населения Тобольской губернии. Их поставили в качестве надзирателей за новокрещеными манси и хантами, и они, вероятно, ревностно выполняли возложенную на них миссию. Быть может, власти Сибири рассчитывали на особое усердие шведов, имея в виду то, что именно им удалось окрестить «язычников» Лапландии саамов. В 1742 г. подведомственные Карпу Андрееву новокрещенные ханты жаловались, что он «по охоте своей, а паче для корысти ездит... для сыску у них в непостоянстве их шайтанов, которых они... по восприятии христианской веры... оставили... и имеют у себя Божии образа» [Главацкая, 2005, с. 248]. Возможно, это были именно те два священника, принятие православия которыми вызвало неприязнь лейтенанта Люта в 1719 г.

Полтавская битва была одной из последних в серии попыток Швеции захватить территории, которые постепенно становились частью России. Для российской стороны прекращение этих атак являлось важнейшей стратегической задачей в ходе Северной войны.

Решение шведского генералитета прекратить сопротивление и сдаться определило судьбу огромной армии Карла XII. Первоначально у русских властей не было намерения отправлять пленников из Европейской части страны в Сибирь. Однако угроза нападения Турции заставила вывести отряды пленных шведов, размещенных в южных и пограничных городах. Недовольство местных жителей, на плечи которых легли заботы о расселении и снабжении пленных, многие из которых предъявляли требования к условиям своего содержания соответственно рангу, и попытки организации побегов вынудили власти выслать их из западных и центральных городов страны. Наиболее надежным и безопасным во всех отношениях местом содержания пленных оказались Урал и Сибирь, куда их отправляли многочисленными партиями. Таким образом, в России сложилась сеть шведских колоний-поселений, большинство которых было сосредоточено в трех основных регионах: центр, Поволжье, Урал – Западная Сибирь (см. карту «Размещение пленных шведов на территории России в начале XVIII в.»).

Коммуникация была установлена не только внутри этой сети между колониями, но и с внешними организациями в Москве, Швеции и даже Германии, что позволяло обмениваться информацией, передавать финансовые средства, решать практические вопросы. При плохой организации и недостатке снабжения офицеров огромную роль приобрели их практические навыки и предприимчивость.

В окружении чуждой, а порой и враждебной культуры колонии старались по возможности воспроизвести черты привычного образа жизни, создать жизненно важные элементы традиционного культур-

ного ландшафта. В наибольшей степени это удалось тобольской колонии, которая имела постоянно действующую лютеранскую церковь, школу, баню, госпиталь, отмечала традиционные праздники, занималась предпринимательством и исследовательской деятельностью.

В условиях плена религия стала ядром, вокруг которого концентрировалась жизнь колонии, она позволяла принять существующую реальность и сохранить идентичность. Находясь в плену, многие офицеры не только сами активно получали религиозное образование, но и приняли участие в христианизации народов Сибири. Великая цель придавала их пребыванию в Сибири глубокий библейский смысл, даровала возможность преодолеть тяготы плена и ссылки и надежду на возвращение.

Список литературы

Биллингтон Д.Х. Икона и топор : Опыт истолкования истории русской культуры. М. : Рудомино, 2001. 880 с.

Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов : XVII–XX вв. Екатеринбург ; Салехард : РА АРТмедиа, 2005. 360 с.

Главацкая Е. М. Лютеране Среднего Урала в XVIII – второй половине XIX в.: институты, расселение, численность // Изв. Урал. ун-та. 2015. Сер. 2. Гуманитар. науки. № 2. С. 112–119.

Главацкая Е. М. А был ли выбор? : Аргументы против теории ненасильственного крещения хантов и манси в 1712–1715 гг. // Уральский сборник : История. Культура. Религия. Вып. 3. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 82–103.

Зуев А. И. «В русскую службу шел волею» (шведские военнопленные периода Северной войны на русской службе в Восточной Сибири // Историческое, природное и культурное наследие. Вып. 2. Улан-Удэ, 1997. С. 7–17.

Корепанов Н. С. Уральские старообрядцы и европейские горные специалисты в XVIII в.: проблема взаимодействия // Немцы на Урале в XVII–XXI вв. Н. Тагил, 2009. С. 20–25.

Шебалдина Г. В. Шведские военнопленные в Сибири: первая четверть XVIII века. М. : Изд-во РГГУ, 2005. 209 с.

Шебалдина Г. В. Заложники Петра I и Карла XII : Повседневный быт пленных во время Северной войны. М. : Ломоносов, 2014. 192 с.

Åberg A. Fångars elände: karolinerna i Ryssland 1700–1723. Stockholm : Natur och kultur, 1991. 228 p.

Åberg A. Karolinska kvinnoöden. Stockholm : Natur och kultur, 1999. 170 p.

Åberg A., Bo F. Vår svenska historia. Stockholm : Natur och kultur, 1978. 559 p.
Der allerneueste Staat von Siberien: einer grossen und zuvor wenig bekannten moscowitischen Provinz in Asien ... nebst einer historischen Nachricht von den merckwürdigen Begebenheiten derer in diesem Lande gefangenen Schweden. Nürnberg : bei Wolfgang Moritz Endters seel. Erben, 1725. P. 157–161.

Bell J. A Journey from St Petersburg to Pekin, 1719—22 / ed. by J. L. Stevenson. Edinburgh : Edinburgh University Press, 1966. 248 p.

Gentes A. A. “Licentious Girls” and Frontier Domesticators : Women and Siberian Exile from the Late 16th to the Early 19th Centuries // Sibirica. 2003. № 3 (1). P. 3–20.

Kagg L., Lewenhaupt A. Leonhard Kaggs Dagbok 1698–1722. Stockholm : Nordiska bokhandeln, 1912. 331 p.

Karolinska krigares dagböcker (1901–1918) : Karolinska krigares dagböcker jämte andra samtida skrifter. Lund : Gleerup. Vol. 1–12.

Krueger J. R. "Introduction" // Das nord- und ostliche Theil von Europa und Asia / ed. Philip Johan von Strahlenberg. Szeged : Universitat Attila Jozsef, 1975. Pp. 16–32.

Larsson O. "Karoliner i fangenskap i Sibirien" : Popular Historia. URL: <http://www.popularhistoria.se/artiklar/karoliner-i-fangenskap-i-sibirien/> (mode of access: 24 July 2009).

Muller J. B. Leben und Gewohnheiten der Ostiacken, eines Volcks, dass bis unter dem Polo Arctico wohnet, wie selbiges aus dem Heydenthum i diesen Zeiten zur Christl. Griechischen Religion gebracht, mit etlichen curieusen Anmerckungen vom Konigreich: Sibirien ... In der Gefangenschafft daselbst beschrieben und anjetzo mit einer Vorrede versehen. Berlin, 1720.

Muller J. B. The manners and Customs of the Ostiacks, A nation that extends to the frigid Zone; How they were, in the Year 1712, converted from Paganizm to the Christian Religion of the Grecian Confession. With some curious remarks on the Kingdom of Siberia, and the Streights of Nassau or Waigats. Described by John Bergard Muller, a swedish Captain of Dragoons, in the Captivity: and sent by him to Petersburg the 12th of December 1716 // Weber F. C. The present state of Russia being an account of the government of that country, with civil and ecclesiastical; of the Czar's forces be sea and land, the regulation of his finances, the several methods he use of to civilize his people and improve the country, his transactions with several eastern princes, and what happened most remarkable at his court, particularly in relation to the late czarewitz, from the year 1714, to 1720. Translated from the High-Dutch. 1st ed. L. : W. Taylor, 1722–1723. P. 37–92.

Pihlstrom A. Anders Pihlstroms Dagbok 1708–1723. Stockholm : Nordiska bokhandeln, 1903. 145 p.

Sjebaldina G. Karolinska krigsfangar i Sibirien. Stockholm : Svenskt militarhistoriskt bibliotek, 2010. 191 p.

Stralenberg F. An Historico-Geographical description of the North and Eastern Parts of Europe and Asia, but More Particularly of Russia, Siberia, and Great Tartary; Both in their Ancient and Modern State: together with an entirennew Polyglot-Table of the Dialects of 32 Tartarian Nations: And a vocabulary of the Kalmuck-Mungalian Tongue. As also A Large and Accurate Map of those Countries; and variety of cuts, representing Asiatick-Scythian Antiquities. Written originally in High German By Mr. Philip John von Strahlenberg, a Swedish officer, thirteen years captive in those Parts, now faithfully translated into English. L., 1738. 463 p.

Thorvaldsen G. Swedes in Siberian Diaspora // *Sibirica*. 2008. Vol. 7, № 2. P. 47–66.

Wreech C. F. Wahrhaffte und umstandliche Historie von denen schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien. Sorau: Rothe, 1725. 861 p.

References

Aberg, A. (1991). *Fangars elande: karolinerna i Ryssland 1700–1723* [Prisoners' Misery: The Carolingians in Russia, 1700–1723]. Stockholm : Natur och kultur. 228 p.

Aberg, A. (1999). *Karolinska kvinnooden* [Carolingian Womens' Destinies]. Stockholm: Natur och kultur, 1999. 170 p.

Aberg, A., Bo, F. (1978). *Var svenska historia* [Our Swedish History]. Stockholm : Natur och kultur, 559 p.

Billington, D. Kh. (2001). *Ikona i topor. Opyt istolkovaniia istorii russkoi kul'tury*. [Icon and the Axe : Interpreting the History of Russian Culture]. M. : Rudomino. 880 p.

Der allerneueste Staat (1725). *Der allerneueste Staat von Sibirien: einer grossen und zuvor wenig bekannten moscowitischen Provinz in Asien ... nebst einer*

historischen Nachricht von den merckwürdigen Begebenheiten derer in diesem Lande gefangenen Schweden [The Latest State of Siberia : A Huge and Hitherto Little Known Muscovite Province in Asia ... Including Historical News About the Peculiar Events of the Swedish Imprisoned in This Land]. Nürnberg : bei Wolfgang Moritz Endters seel. Erben. Pp. 157–161.

Bell, J. (1966). A Journey from St. Petersburg to Peking, 1719—22 / ed. by J. L. Stevenson. Edinburgh : Edinburgh University Press, 248 p.

Glavatskaya, E. M. (2005). *Religioznye traditsii khantov. XVII–XX vv.* [Religious Traditions Among the Khanty in the Seventeenth to the Twentieth Century]. Ekaterinburg-Salekhard : RA ARTmedia, 360 s.

Glavatskaya, E. M. (2015). *Lyuterane Srednego Urala v XVIII – vtoroi polovine XIX v.: instituty, rasselenie, chislennost'* [Lutheran Communities in the 18th – 19th Centuries Urals: Institutions, Distribution, Statistics] // *Izvestiia Ural'skogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Ser. 2. № 2. C.112–119.*

Glavatskaya, E. M. (1999). *A byl li vybor? Argumenty protiv teorii nenasil'stvennogo kreshcheniia khantov i mansi v 1712–1715 gg.* [Was there a Choice? Arguments against the Theory of the Khanty and Mansi Voluntarily Baptism in 1712–1715] // *Ural'skii sbornik. Istoriia. Kul'tura. Religiiia. III. Ekaterinburg : Izd-vo UrGU, 1999. S. 82–103.*

Gentes, A. A. (2003). “Licentious Girls” and Frontier Domesticators: Women and Siberian Exile from the Late 16th to the Early 19th Centuries // *Sibirica. 2003. № 3 (1). Pp. 3–20.*

Zuev, A. I. (1997). “*V russkuiu sluzhbu shel voleiu*” (*Shvedskie voennoplennye perioda Severnoi voiny na russkoi sluzhbe v Vostochnoi Sibiri*) [The Russian service Joined Willingly (Swedish Prisoners of Great Northern War on Russian service in Eastern Siberia)] // *Istoricheskoe, prirodnoe i kul'turnoe nasledie. Vyp. 2. Ulan-Ude. S. 7–17.*

Kagg, L., Lewenhaupt, A. (1912). Leonhard Kaggs Dagbok 1698–1722 [Leonhard Kagg's Diary, 1698–1722]. Stockholm : Nordiska bokhandeln. 331p.

Karolinska krigares dagböcker (1901–1918). *Karolinska krigares dagböcker jämte andra samtida skrifter* [Karolingian Warriors' Diaries and Other Contemporary Writings]. Lund : Gleerup. Vol. 1–12.

Krueger, J. R. (1975). “Introduction” // *Das nord- und ostliche Theil von Europa und Asia* [The Northern and Eastern Part of Europe and Asia] / ed. Philip Johan von Strahlenberg. Szeged : Universität Attila József. Pp. 16–32.

Korepanov, N. S. (2009). *Ural'skie staroobriadtsy i evropeiskie gornye spetsialisty v XVIII v.: problema vzaimodeistviia* [Ural Old Believers and European Mining Engineers Interaction in the 18th Century] // *Nemtsy na Urale XVII–XXI vv. Nizhnii Tagil. S. 20–25.*

Larsson, O. (2009). “Karoliner i fångenskap i Sibirien” [Carolinians in prisonment in Siberia.] *Populär Historia*. URL: <http://www.popularhistoria.se/artiklar/karoliner-i-fangenskap-i-sibirien/> (24 July 2009).

Müller, J. B. (1720). *Leben und Gewohnheiten der Ostiacken, eines Volcks, dass bis unter dem Polo Arctico wohnet, wie selbiges aus dem Heydenthum i diesen Zeiten zur Christl. Griechischen Religion gebracht, mit etlichen curieuses Anmerckungen vom Königreich: Sibirien ... In der Gefangenschafft daselbst beschrieben und anjetzo mit einer Vorrede versehen* [Life and Customs of the Ostiaks, a People Who Live Under the Arctic Pole, Who in These Days are Brought from Heathendom to the Christian Greek Religion, with Some Peculiar Remarks About the Kingdom Siberia ... : Written in Imprisonment and now Furnished with a Foreword]. Berlin, 1720.

Muller J. B. (1722-23). The manners and Customs of the Ostiacks, A nation that extends to the frigid Zone; How they were, in the Year 1712, converted from Paganism to the Christian Religion of the Grecian Confession. With some curious remarks on the Kingdom of Siberia, and the Streights of Nassau or Waigats. Described by John Berggard Muller, a swedish Captain of Dragoons, in the Captivity: and sent by him to Petersburg the 12th of December 1716 // Weber F. C. The present state of Russia

being an account of the government of that country, with civil and ecclesiastical; of the Czar's forces by sea and land, the regulation of his finances, the several methods he use of to civilize his people and improve the country, his transactions with several eastern princes, and what happened most remarkable at his court, particularly in relation to the late czarewitz, from the year 1714, to 1720. Translated from the High-Dutch. 1st ed. London, W. Taylor. Pp. 37–92.

Pihlström, A. (1903). Anders Pihlströms Dagbok 1708–1723 [Anders Pihlström's Diary, 1708–1723]. Stockholm : Nordiska bokhandeln. 145 p.

Shebaldina, G. V. (2005). *Shvedskie voennoplennyye v Sibiri: pervaya chetvert' XVIII veka*. [Swedish War Prisoners in Siberia in the First Quarter of the Eighteenth Century]. M. : RGGU, 2005. 209 s.

Shebaldina, G. V. (2014). *Zalozhniki Petra I i Karla XII. Povsednevnyi byt plennykh vo vremia Severnoi voyny*. [Hostages of Peter I and Carl XII. Everyday life of the Prisoners of the Northern War]. M. : "Lomonosov". 192 s.

Sjebaldina, G. (2010). Karolinska krigsfångar i Sibirien [Swedish War Prisoners in Siberia]. Stockholm. : Svenskt militärhistoriskt bibliotek. 191 p.

Stralenberg, F. (1738). An Historico-Geographical description of the North and Eastern Parts of Europe and Asia, but More Particularly of Russia, Siberia, and Great Tartary; Both in their Ancient and Modern State: together with an entire new Polyglot-Table of the Dialects of 32 Tartarian Nations: And a vocabularly of the Kalmuck-Mungalian Tongue. As also A Large and Accurate Map of those Countries; and variety of cuts, representing Asiatick-Scythian Antiquities. Written originally in High German By Mr. Philip John von Strahlenberg, a Swedish officer, thirteen years captive in those Parts, now faithfully translated into English. London. 463 p.

Thorvaldsen, G. (2008). Swedes in Siberian Diaspora // *Sibirica*. Vol. 7. № 2. P. 47–66.

Wreech, C. F. (1725). *Wahrhaffte und umständliche Historie von denen schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien* [Truthful and Comprehensive History of the Swedish Prisoners in Russia and Siberia]. Sorau : Rothe. 861 p.

The article was submitted on 10.06.2015

Елена Михайловна Главатская,
профессор,
Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург, Россия
elena.glavatskaya@urfu.ru

Elena Glavatskaya,
Professor,
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia
elena.glavatskaya@urfu.ru

Гуннар Торвальдсен, PhD,
профессор университета Тромсё;
научный сотрудник
Международного центра
демографических исследований
Уральского федерального
университета
gunnar.thorvaldsen@uit.no

Gunnar Thorvaldsen, PhD,
Professor University of Tromsø;
Research fellow of the International
Center for Demographic Studies,
Ural Federal University
gunnar.thorvaldsen@uit.no

СИМВОЛИКА ДАРОВ СЕМЬЕ ХАНА КУЧУМА

Evgeny Pchelov

THE SYMBOLISM OF THE GIFTS TO THE FAMILY OF KUCHUM KHAN

The article analyzes the complex of gifts, granted in 1599 to the captive relatives of the Siberian Kuchum Khan. The inventory of gifts lists donations of clothing and can be an interesting source not only on the history of everyday life, but also the symbolism of these gifts. In this aspect, this source has not yet attracted the attention of researchers. The inventory of gifts separates the male part of Kuchum's family from the female one. The list of dresses (coats, caftans, etc.) testifies to a certain symbolic hierarchy of colors and furs in the culture of the time. The author reveals the following hierarchy of colour: golden – white and red – green – blue. The hierarchy of furs is as follows: marten – sable, fox – squirrel. These symbolic hierarchies correspond to the cultural symbolism of the period of Muscovy.

Keywords: Siberia; gifts; clothing; colour; fur.

Статья посвящена анализу комплекса даров, которыми были пожалованы в 1599 г. попавшие в плен родственники сибирского хана Кучума. Роспись даров перечисляет пожалования одеждой и может быть интересна в качестве источника не только по истории повседневности, но и с точки зрения символики этих пожалований. В этом аспекте данный источник ещё не привлекал внимание исследователей. Перечисление даров отделяет мужскую часть родни Кучума от женской. Перечень платья (шуб, кафтанов и др.) позволяет выявить символические иерархии цветов и мехов в культуре того времени. Определена следующая цветовая иерархия: золотой – белый и красный – зелёный – голубой. Иерархия мехов выглядит следующим образом: куница – соболь, лисица – белка. Эти символические иерархии в целом соответствуют культурной символике эпохи Московского царства.

Ключевые слова: Сибирь; дары; одежда; цвет; мех.

Утром 20 августа 1598 г. на левобережье средней Оби русское войско в количестве 400 человек во главе с тарским воеводой Андреем Матвеевичем Воейковым нанесло сокрушительное поражение сибирскому хану Кучуму (происходившему из ветви потомков Чингисхана Шейбанидов), который имел более 500 воинов [Скрынников, с. 218–219]¹. В сражении погибли несколько родичей хана, князей и мурз и почти всё татарское войско, но самому хану удалось спастись – он «утёк» с двумя слугами в лодке по Оби. В плен попали жёны, сыновья и другие ханские родственники. Военные силы Кучума были полностью подорваны – при нём остались лишь трое сыновей и около 30 воинов. Русские власти предложили Кучуму поступить на государеву службу и приехать в Москву, обещая воссоединение с семьёй и «царское жалованье». Но несмотря на то, что Кучум «нынеча стал глух, и слеп, и безо всякого живота» [Скрынников, с. 220], он отказался от этого предложения и «скрылся для истории»², отправившись в ногайские кочевья. Там в возрасте около 60 лет он был убит ногайцами, мстившими за набеги его отца Муртазы (сына сибирского хана Ибака) на их юрты или же не хотевшими из-за Кучума портить отношения с Москвой [Трепавлов, с. 375; Султанов]³. Так закончилась история Сибирского ханства и завершилась эпопея, начатая походом Ермака в последние годы царствования Ивана Грозного.

В сражении на реке Оби были пленены следующие представители семейства Кучума: восемь его жён, пять сыновей, восемь дочерей, две невестки, внук и внучка, а также другие более отдалённые родственники. На службе у московского царя уже находились сын Кучума царевич Абу-л-Хайр, захваченный в плен в 1591 г., и племянник Кучума царевич Маметкул, пленённый ещё Ермаком в 1582 г. Захваченных родичей Кучума следовало привезти в Москву. В памяти «татарскому» переводчику Вельямину Степанову, который должен был «переписать» всё Кучумово семейство, указывалось:

...А царевичем и царицам и мурзам сказати, что царева Кучюмова перед Государем многая неправда, и над ним за его неправду так Бог и учинил, а они б не сумнялися, Великий Государь Царь и Великий Князь Борис Федоровичь, всеа Русии Самодержец, милостив, казнить их не велит, по своему Царскому милосердому обычею, и велит их устроить, как им быти без нужи.

[Акты исторические, с. 9].

15 января 1599 г. все Кучумовы родственники были пожалованы от государя платьем, роспись которого сохранилась при памяти

¹ Воейков погиб в 1607 г. во время Смутного времени, он попал в плен к самозванцу Лжепетру и был убит по его приказу.

² Выражение Н. М. Карамзина [Карамзин].

³ О предполагаемом возрасте Кучума см.: [Трепавлов, с. 209–210].

Андреяну Григорьевичу Ярцову и переводчику Степану Полуханову [Акты исторические, с. 16–18]⁴. Этот документ даёт замечательную возможность выявить некоторые символические иерархии ряда элементов культуры применительно к России конца XVI в. Рассмотрим его подробнее.

Вначале перечислим пленённых сыновей Кучума. Это были Асманак (двадцати трех лет), Шаим (шестнадцати лет), Бибадша (Бибадшах⁵, восьми лет, сын старшей жены Кучума Салтаным), Молла (Мулла, четырех лет, сын четвертой жены Кучума Актолун) и годовалый Кумыш, сын второй жены Кучума Суйдеджан. Кроме того, в плен попал и внук Кучума, сын царевича Алея (Али) Янсюерь (Джансюерь) четырех лет. Все они, а также несколько мурз получили одежду – ферязи, кафтаны, шапки и сапоги. Кафтаны не получили только мурзы и самый младший из сыновей хана – маленький царевич Кумыш.

Ферязи были из сукна: для двух старших сыновей, Асманака и Шаима, из багреца, для Бибадши, Моллы и Янсюеря – из лундыша, а для маленького Кумыша – из камки кизылбашской, то есть из персидского шёлка. Сукно ферязей Асманака и Шаима было червчатым, то есть красным (багряным). Ферязи из сукна сорта лундыш были зелёные. А шёлк для ферязцев Кумыша был «ал да зелен». Далее, трём мурзам пожаловали ферязи лазоревые. Из этого перечисления можно выстроить следующую иерархию цветов: красный – зелёный – голубой. При этом одноцветные одежды были значимее многоцветных (или полосатых), что в дальнейшем будет видно и на примере женских одежд.

Этой цветовой иерархии соответствовали и шёлковые завязки на ферязях: у старших сыновей, Асманака и Шаима, они были зелёные с золотом (сами ферязи красные), у Бибадши, Моллы и Янсюеря – червчатые (сами ферязи зелёные). В данном случае красный и зелёный цвета сочетались друг с другом, но красный оставался «важнее» зелёного.

Ферязи имели меховые подкладки: у Асманака – «на корсакех», то есть на лисицах; у Шаима – «на хрептех на корсачьих», у Бибадши, Моллы и Янсюеря – «на хрептех на белых», у Кумыша – «на черевех на белых». Иными словами, лисий мех оказывается более «почётным», чем беличий, а мех с «хрептов» (то есть со спины животного), вероятно, лучше, чем с «черев» (то есть с брюшка). В то же время мех первого вида – гуще, пушистее и прочнее, а второго – легче и мягче, что важно помнить, поскольку Кумыш был годовалым ребёнком.

⁴ В этом же томе опубликованы и другие документы, связанные с разгромом Кучума и судьбой его семьи.

⁵ За уточнение тюркских антропонимов автор выражает благодарность доктору исторических наук В. В. Трепавлову.

Кафтаны царевичам были сделаны из камки (то есть из шёлковой ткани) сортов «кызылбашская» (то есть персидская⁶) и «адамашка» (дамасская). Они тоже различались по цвету. Кафтан Асманак – «шолк ал да зелен, на черевех на лисьих» (он единственный из царевичей, кто получил ещё один шёлковый летний кафтан). Кафтан Шаима – зелёный, «на черевех на лисьих». «Кафтанец» Бибадши – «камка адамашка двоелична, шолк зелен да червчат, на черевех на белых». «Кафтанец» Моллы – жёлтый, «на черевех на белых». «Кафтанец» Янсюеря – «камка адамашка двоелична, шолк зелен да рудожолт, на черевех на белых». Кумыш «кафтанца» вовсе не получил. Здесь также выделяется символическая пара «лисица – белка» и сохраняется иерархия цветов: красный (алый, «червчатый») – зелёный (в паре «красный и зелёный» сочетание красного и зелёного названо прежде сочетания зелёного и красного), а также добавляется жёлтый цвет. Использование меха с брюшка для кафтанов обусловлено, разумеется, самим типом этой одежды, более лёгкой, чем ферязь.

Далее царевичи и мурзы получили шапки. Шапки Асманак и Шаима были сшиты из чернобурых лис, шапки Бибадши, Моллы и Янсюеря – из «червчатого» бархата, шапки мурз – из сукна «багреца» (о шапке царевича Кумыша ничего не известно). Мех – бархат – сукно – такая иерархия материалов выстраивается, исходя из этих пожалований.

Сапоги у всех царевичей были «сафьянными» и жёлтыми, у мурз – зелёными (опять-таки неясно, какие сапожки достались царевичу Кумышу).

Позднее некоторые родственники Кучума и сопровождавшие их мурзы подали государю челобитную о пожаловании им платья, обуви и денег [Акты исторические, с. 21–22]. В ответ Борис Годунов вновь одарил царевичей, цариц, царевен и мурз – роспись этих пожалований более краткая, но она тоже небезынтересна.

Два старших сына Кучума получили «ферези багрецовые на черевех на лисьих»; Бибадша, Молла и Янсюерь – «ферези, сукно лундыш, на черевех на песцовых»; а мурзы – ферязи, «сукно настрафил на черевех на белых». Здесь очевидна следующая иерархия: «лисица – пец – белка». (Все царицы и царевны получили по шубе, «по цветной по тотарской».) [Там же, с. 22–23].

Теперь обратимся к женским нарядам. Всего в плен попало 19 женщин Кучумова семейства. Это восемь жён Кучума: Салтаным (Султаным), Сюйдеджан, Яндевлет (Джандевлет), Актолун, Аксюрюк, Шевлель (Шевлели), Кубул, Чепшан. Кроме того, две невестки – Хан-заде, дочь ногайского бия Дин-Ахмеда, жена старшего сына Алея, и Данай, дочь ногайского бия Уруса, вдова другого сына, Каная, погибшего в сражении на Оби. Далее – восемь дочерей хана: Кумыз, четырнадцать

⁶ Кызылбаши (букв. – «красноголовые») – собирательное название нескольких кочевых тюркских племён, обосновавшихся в Персии.

ти или двенадцати лет [Акты исторические, с. 20, 23]; Тулунбек (трех лет), дочь первой жены; Дерпадша (десяти лет), Мундур (шести лет) и Карачан (трех лет) – дочери второй жены; Гулсыфат (Гюльсыфат, четырнадцати лет), дочь четвертой жены; Акханым (трех лет), дочь пятой жены; Азеп-Салтана (Азеп-Султан, одиннадцати лет), дочь шестой жены. И наконец, внучка Кучума, дочь царевича Каная и царевны Данай Наврузбека (Наурузбеки). 15 января 1599 г. все они были пожалованы шубами.

Шубы были сшиты из камки (шёлка) и атласа, а у царевны Ханзаде (старшей невестки Кучума) – из бархата. Интересен цвет материалов. У всех жён Кучума, кроме, вероятно, только самой младшей, камка шуб была одноцветной: у первой жены – «рудо-жёлтой» (то есть красновато-жёлтой, видимо, под цвет золота), у второй – белой, у четвертой и шестой – жёлтой; у восьмой жены на шубе «атлас полосат, шолк зелен да червчат». У невестки Кучума Ханзаде «шелк зелен, голуб и черн с золотом», у другой невестки, Данай, «полоски мелкие, шелк червчат, желт». У дочерей шубы были полосаты, или «двоеличны» – шёлк «червчат да бел», «бел да червчат», «ал да зелен» («червчат да зелен»), «зелен да бел, да вишневы», «бел, багров да червчат», «зелен да червчат». У внучки Кучума «шубка дорога, полоски мелкие, шолк бел да червчат». Очевидно, что одноцветные шубы были более «почётными», чем двух- или трёхцветные (полосатые), а приблизительная иерархия цветов выстраивается следующим образом: золотой (жёлтый) – белый и красный – зелёный. Примечательно, что одноцветной красной шубы, видимо, ни у кого не было.

Меха шуб были такими: у первой жены шуба «на куницах», у второй – «на пупках на собольих», у третьей – «на черевех на белых» (у всех трёх шубы опушены атласом). У остальных жён, у невестки Данай и у двух дочерей (Гюльсыфат и Азеп-Султан) – «на хрептех на белых, опушены хрепты ж», у остальных дочерей и внучки – «на черевех на белых, пушены черевы ж». Здесь, конечно, не наблюдается однозначно чёткой иерархии мехов. Кроме того, при пожалованиях имел значение возраст: так, например, судя по росписи, царевна Гюльсыфат получила даже две (!) шубы. Но в целом среди мехов прослеживается такое «старшинство»: куница – соболь – белка. Примечательно, что «традиционная» для Руси куница, лишённые меха шкурки которой когда-то выполняли функцию денег (что отразилось в названии денежной единицы), занимает первое место, «опережая» даже, казалось бы, более дорогого соболя. При этом мех соболя представлен в виде «пупков», то есть мягкого меха с брюшка. Вероятно, и здесь в целом «хрепты» более почётны, чем «черева», хотя однозначно утверждать это сложно.

Ещё один любопытный факт связан со старшей невесткой Кучума Ханзаде. Её шуба «на хрептех на белых» «опушена горностаи».

Поскольку эта царевна была женой старшего сына и наследника хана, вероятно, горноста́й призван был подчеркнуть её особый статус⁷.

Подробнее всего в росписи описаны шубы трёх старших Кучумовых жён. Шуба Салтаным была из «рудо-жёлтой» камки на куницах, опушена атласом с серебром, «круг ее и по швом круживо, шолк черн с серебром». У Сьюйдеджан – шуба из белой камки «адамашки на пупках собольих опушена атласом золотным», «круг ее и по швом шолк червчат да чорн с золотом». У Яндевлет – шуба «из камки адамашки на белых черевех кругом опушена атласом золотным», «по швом плетенки, шолк червчат с золотом». Из этого описания видно, что общий «колорит» шубы первой жены был золотым, а второй – серебряным. Пуговицы на шубе Салтаным были «корольковыми», то есть из кораллов, а на шубах двух следующих жён – серебряными. Наконец, в нарядах двух первых жён Кучума и его старшей невестки присутствовало сочетание чёрного с золотом.

Итак, можно думать, что в колорите и материале всех пожалованных одежд сообразно статусу одариваемых соблюдалась определённая символическая иерархия. Цветовая иерархия выглядит следующим образом: золотой (именно золотой, а не жёлтый) – красный и белый (серебряный) – зелёный – голубой. При этом оказывается весьма значимым сочетание красного и зелёного цветов. Эта иерархия полностью соответствует общей символической последовательности цветов, характерной для культуры периода Московского царства. Особое значение золотого цвета, а также распространённость красного уже отмечались в научной литературе [Бусева-Давыдова]. Существенным было и сочетание красного и зелёного цветов, наблюдаемое на протяжении всего XVII в. [Пчелов].

В мехах можно проследить следующие иерархии: «куница – соболь – белка», «лисица – белка». Беличий мех, вероятно, считался наименее значимым. Что же касается наиболее «почётных», то здесь, по видимому, ситуация не была однозначной. Во всяком случае, возможно, меха различались по гендерному признаку – в таком варианте куница оказывалась «женским» мехом, а лисица – «мужским».

Список литературы

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею : в 5 т. СПб. : Тип. II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1841. Т. 2. 482 с.
Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. 1578–1613 гг. М. : Университет. типография, 1889. С. 108–109.

⁷ Здесь иерархии определяются на основании данного конкретного источника; в других случаях могут, вероятно, получиться иные системы: так, судя по «государеву жалованью» «грузинскому» (кахетинскому) царю и «черкасским» (кабардинским) князьям (апрель 1589 г.), иерархия мехов выглядит следующим образом: соболь – горноста́й – куница [Белокуров]. Ясак с сибирских народов собирался прежде всего соболями.

Бусева-Давыдова И. Л. Культура и искусство в эпоху перемен : Россия семнадцатого столетия. М.: Индрик, 2008. С. 58, 238–240.

Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. М. : Наука, 1989. Т. 11, стлб. 17.

Пчелов Е. В. Цветовая символика власти в русской культуре // Труды Русской антропологической школы. Вып. 10. М. : РГГУ, 2012. С. 66–84.

Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск : Наука, 1982. 318 с.

Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды : Судьба и власть. М. : АСТ ; АСТ Москва, 2006. С. 288–289.

Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М. : Восточная литература РАН, 2001. 752 с.

References

Akty' istoricheskie, sobranny'e i izdanny'e Arheograficheskoyu Kommissieyu [Historical Acta Collected and Published by the Archaeographic Commission]. (1841). Vol. 2. 482 p. Sankt Petersburg, Tip. II-go Otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. kancelarii.

Belokurov, S. A. (1889). *Snosheniya Rossii s Kavkazom* [Russian-Caucasus Relations]. Vol. 1: 1578–1613 gg. (pp. 108–109). Moscow, Universitetskaya tip.

Buseva-Davydova, I. L. (2008). *Kultura i iskusstvo v epohu peremen. Rossiya semnadcatoogo stoletiya* [Culture and Art in Times of Change: Russia in the 17th Century]. P. 58, 238–240. Moscow, Indrik.

Karamzin, N. M. (1989). *Istoriya gosudarstva Rossijskogo* [History of the Russian State]. Book 3. Vol. 11, stlb. 17. Moscow, : Nauka.

Pchelov, E. V. (2012). *Cvetovaya simbolika vlasti v russkoj kulture* [Colour Symbolism of Power in Russian Culture]. In *Trudy "Russkoj antropologicheskoy shkoly"*, Vol. 10, pp. 66–84. Moscow, RGGU.

Skrynnikov, R. G. (1982). *Sibirskaya ekspediciya Ermaka* [Yermak's Siberian Expedition]. 318 p. Novosibirsk, Nauka.

Sultanov, T. I. (2006). *Chingiz-han i Chingizid. Sudba i vlast* [Genghis Khan and Chingisids. Life and Power]. Pp. 288–289. Moscow, AST, AST Moskva.

Trepavlov, V. V. (2001). *Istoriya Nogajskoj Ordy* [The History of the Nogai Horde]. 752 p. Moscow, Izdatelskaya firma "Vostochnaya literature" RAN.

The article was submitted on 10.06.2015

**Евгений Владимирович
Пчелов,**
кандидат исторических наук,
Историко-архивный институт
Российского государственного
гуманитарного университета,
Москва, Россия
evg-pchelov@yandex.ru

Evgeny Pchelov, Dr.,
Russian State University
of the Humanities,
Moscow, Russia
evg-pchelov@yandex.ru

Heritage
Nomina
et scholae

Е. И. Убрятова

Е. И. Убрятова св кругу коллег

Heritage
Nomina et scholae

DOI 10.15826/QR.2015.4.136
УДК 811.512.1'367+811.512.157
+811.512.132

Natalia Shirobokova

A TRIBUTE TO ELIZAVETA UBRYATOVA: PROFESSIONAL LIFE AND PERSONAL DESTINY

In Russia, the name of prominent turkologist Elizaveta Ivanovna Ubryatova, at present is known mostly to specialists who study the languages spoken by the Northern peoples of the country. However, the essence of scientific research of a linguist of such a calibre includes naturally attentive and concerned attitude to the fate of the peoples residing in the North of Russia, which was especially important in the conditions of the Soviet era. Survival of the Northern peoples and their languages became for Ubryatova not only a scientific problem but also a mission of vital importance.

Ubryatova's scientific interests were not restricted to linguistic problems, she also purposefully studied the important monuments of folk literature and ethnography of indigenous peoples. This was due to her scientific breadth, social responsibility, and commitment to a supreme mastery of the research object. That is why she became the founder of the original linguistic and cultural school in the study of the history and structures of languages spoken by peoples living in the North of Russia.

The scale of her bright personality, combined with her intelligence, patience, and feminine care about colleagues and students, made her a center of attraction for researchers in this field. She launched an extensive project of publishing works devoted to folklore of the peoples who inhabited the Northern territories of Russia, and whose traditional culture became a part of the world culture as a result.

The languages of the Dolgans and Yakuts became the main topics of her research. In this article, we outline the major ideas proposed by Ubryatova in her works, viz., those concerning the origin of the Turkic languages, Dolgan and Yakut in particular, and principles of the organization of the Yakut syntax.

In her works, devoted to syntactic problems, Ubryatova determined the fundamental characteristic features of systemic organization of Turkic languages, Yakut in particular, as the ability of these languages to link language units of different levels between each other by using the same grammatical means. In Turkic languages, almost all syntactic relations between clauses can be expressed grammatically, and this linguistic phenomenon entails the existence of a diverse and advanced system of non-finite verbal forms. These important findings can be successfully generalised to embrace all Altaic languages.

Addressing a linguistic problem, Ubryatova combined her deep intuition with intensive field work and systematic theoretic investigation.

Monographs and textbooks written by Ubryatova belong to the gold reserve of Turkology and cultural linguistics.

Keywords: the Yakut language, the Dolgan language, syntax of simple and complex sentences, the ancient Turkic language, the ancient Uighur language, substrate.

Среди российских лингвистов имя Елизаветы Ивановны Убрятовой известно преимущественно специалистам, изучающим языки народов Севера. Однако суть научных изысканий лингвистов этого профиля закономерно включала в себя неравнодушное отношение к судьбе народов Севера в условиях советского времени, что для Убрятовой было не только научной, но и жизненной задачей. Елизавета Ивановна, путь которой отчасти случайно пересекся с исследованием не только языка, но и памятников фольклорной словесности и этнографии, отнюдь не случайно, а в результате научной добросовестности и стремления к идеальному знанию объекта исследования становится основателем оригинального лингвокультурологического направления в изучении истории и структуры языков народов, живущих на севере России.

Масштаб личности, яркая индивидуальность в сочетании с настоящей интеллигентностью, терпением и женской заботой об окружающих сотрудниках и учениках сделали ее центром притяжения, позволили сформировать школу, запланировать и осуществить величественный проект издания фольклора народов Севера, где самобытная культура этой территории стала частью мировой культуры. Главными в ее исследовании стали тюркские языки – долганский и якутский. В статье прописаны основные тезисы работ Убрятовой по темам «Происхождение тюркских языков» и «Принципы организации синтаксиса якутского языка». В трудах по синтаксису Елизавета Убрятова определяет особенность системной организации тюркских языков, и якутского в частности, как способность единиц разного уровня соединяться при помощи одних и тех же средств. Идея Убрятовой о том, что почти все синтаксические отношения имеют грамматические выражения, что и определяет систему глагольных форм, как показано в статье, оказалась принципиально важна не только для тюркологии. В ее лингвистических изысканиях тонкая интуиция сочеталась с огромной полевой работой и системными исследованиями каждого вопроса. Научные сочинения Убрятовой составляют золотой фонд тюркологии.

Ключевые слова: якутский язык; долганский язык; синтаксис простого и сложного предложения; древний тюркский язык; субстрат; древний уйгурский язык.

Elizaveta Ivanovna Ubryatova was born on October 27, 1907 into the family of a state employee. After graduating from the Irkutsk State University she worked for three years in the Upper-Bulayskaya School for kolkhoz youth in the Cheremhovskii district of the Irkutsk region. At the time, she wanted to do research in the field of Russian folklore. In 1932 she was offered to go to teach in the North of Russia.

Of all the proposed options – Chukotka, Kamchatka, Taimyr – she chose – Taimyr. About Taimyr Elizaveta Ivanovna knew then still very little but she liked the name of the place. Thus, in the initial national boarding school of the small polar settlement (*stanok*) Chasovnya (Chapel) of the Norilsk-Pyasinskii Nomadic Council there appeared a new teacher. In the *stanok* Chasovnya was the kolkhoz named after Red Army, the shop of integrated cooperation, and national boarding school, placed in an old chapel. A standard school building was built in 1932–1934 from local timber. From the diaries, which were kept in turn by the teachers of this school Elizaveta I. Ubryatova and Boris Ivanovich, whose family name the author of this article does not know, it is clear that in those years there was “amateur writing” on the Dolgan language. “The second day of training 1932–1933 academic year: “Boys worked well. They seriously and busily wrote the phrase in the native language (by Russian letters) *U bar* (water is),” “24 / XI Boris Ivanovich began teaching in the mother tongue. We taught the word *U* (in Russian ‘water’).” Boris belonged to the new wave of teachers who went through the workers’ school, without having good education before it. So, he knew decimal fractions, but had not even heard of the rational numbers. He first reacted cautiously toward Elizaveta Ivanovna, but later, after he had assessed her knowledge, hard work, and attitude to the students he said approvingly: “Even though you were intellectual, you were a good person.”

It was a great pleasure for children to teach their teachers Dolgan language. The pleasure was mutual. In the evenings children gathered in the bedroom telling tales. Their performance was artistic, and the audience vividly responded to all the events described in fairy tales. In the diary of Elizaveta I. she wrote: “Because of Dolgan tales I would like to know the native language.” And during her stay in the *stanok* Chasovnya she started to study Dolgan language hard. She began writing down texts in the language. Fairy tales, songs, riddles. One of the experts in Dolgan language, K. N. Suslov, told her five tales. He was a wonderful storyteller, but very demanding. He told tales for hours, and it was impossible to interrupt him. It was also impossible to get up, and it was very hard to sit for hours on the floor with legs crossed. Tales were written in pencil in school notebooks. Later, written text (about five hundred pages) served as the basis for describing language of the Norilsk Dolgans. One of these folk tales was published in the series “Folklore of Siberia and the Far East.” To learn the Dolgan language Ubryatova went to Leningrad, where she became a PhD student at the Leningrad Institute of the Northern peoples. From 1934 to 1937, she worked under the guidance of one of the greatest scientists of Russia – the member correspondent of the Academy of Sciences of USSR S. E. Malov.

1940, she defended her thesis on the language of the Norilsk Dolgans. Attending her oral PhD defense, N. K. Dmitriev had already noticed that, judging by the thesis, Dolgan – is not a dialect of the Yakut language, but a separate language. So it was approximately at that time when the Dolgan language was recognized as an independent language, and writing in the Dolgan language was created. After the defense Ubryatova joined the staff of

the Institute of Language and Thought, where she continued to work under the supervision of S. Y. Malov. In 1939, she, along with Sergei Yefimovich, went to Yakutsk to participate in the reform of the Yakut writing system. Elizaveta Ivanovna always remembered with pleasure this trip, but they were met there with suspicion. Yakut intellectuals and scientists had closely followed the process. The proposed reforms aroused strong objections, but Ubryatova was pleased with rigour with which the Yakuts defended their language. They arrived somewhere in the autumn, Elizaveta Ivanovna was wearing rubber boots, and she remembered how cold her legs were when she was stopped on the street by someone from the adherents of the Yakut writing, and someone explained to her why it was necessary to keep the existing Yakut graphics. The Yakut language became the main language which Elizaveta I. studied during her life time. Sometimes, she said: "How lucky I was that I got into the Yakut language." When others pointed out that if she were engaged in a different language, it would be just as interesting, she answered: "No, the Yakut language with its complexity, characteristics of the organization - is the most interesting language."

The studying of the Dolgan language had laid the foundations which led Ubryatova to the Yakut language.

The need to identify the origin of the Dolgan language, and the comparison of it with the Yakut language, made Elizaveta Ubryatova to think of a number of problems associated with the history of formation of not only the Dolgan language, but also Turkic languages in general. The main question which arose was as following: how could the Turkic languages spread in the foreign language environment?

Elizaveta Ivanovna Ubryatova always stressed the importance of the processes of Turkization of foreign-language peoples for understanding the history of Turkic languages. She also proposed that "secondary Turkization," i. e. the phenomenon, when some Turkic language, thanks to the dominant position of its speakers, was often used to win in interaction with related Turkic languages, was of a great importance as well.

The process of Turkization to which the Dolgans were subjected, could be observed by Ubryatova directly. The core of the Dolgan nation had been formed long before their migration to Taimyr. Distinctive features of the Turkic language of this group of Yakut were so significant that Elizaveta Ivanovna dated the beginning of formation of the Dolgan language no later than from the end of the XVI century. B. O. Dolgikh singled out nine ethnic groups which existed among the Dolgans [Долгих]. There were the Dolgans themselves, then the Evenki, Yakuts, the ethnic group of Russian peasants, who came to the Taimyr Peninsula in the 16–17 centuries from Central and Eastern parts of White Sea Coast, and Enets as well. The transition of these groups in the Dolgan language continued during the stay of Ubryatova on the Taimyr Peninsula. In Norilsk-Pyasinskii Nomadic Council there were 2–3 families in which the older generation did not speak the Dolgan language but only their own ones (Evenki, Russian); their children were bilingual, and only the third generation spoke the Dolgan language [Убрыатова, 1985a].

Shift to another language can be normally viewed as the result of ongoing ethnic process. The language in this case serves as a means of consolidating the results of such an ethno-genetic process. The process of moving people to another language is usually long and complicated. Sometime several neighboring nations can change their language, and then a new language can be developed, with a complex system of dialects or a group of related languages. According to Ubryatova, the linguistic landscape of Uzbekistan, Bashkortostan, and Khakassia can be considered as a good example of such a transition [Убрыатова, 19856, с. 45]. However, the spread of the Turkish language in the foreign language environment was not enough to form a new Turkic language or dialect. Ubryatova watched the Dolgan and Yakut cases where even a massive shift in the Yakut and Dolgan languages of foreign language population did not entail the formation of a new dialect.

Among the Dolgans, Elizaveta Ivanovna Ubryatova had the opportunity to see how the representatives of other nationalities (Evenki, Nnganasans, Enets) joined the Dolgans, adopted their way of life entirely, and moved to the Dolgan language. If they were children or teenagers, they had not even had an accent. Similar observations were made by Ubryatova among the Evenki, who switched their language to the Yakut language. Transition of some local inhabitants, who were native speakers of other languages, to the Yakut language took place perennially; however, new dialects did not appear.

The impact of language of the substrate on the superstratum manifests itself either in a long massive bilingualism, or in the situation when one or the other language becomes spoken by a whole group of the population at the same time, and what is more this group of people is living in isolation [Убрыатова, 1960а, с. 13].

Manifestation of features of the language of the substrate can reveal itself at different language levels. The most “expected” level is lexical. Ubryatova paid great attention to changes in the semantic structure of words in the languages having close interaction, synchronous or diachronic, with the languages of other families.

Changes in the semantics of the Yakut words, which are used by the Dolgans, could occur under the influence of the semantics of the same words in the Evenki language. Ubryatova was considering changes in the meaning of the word *sugun* ‘bilberry’ in the Dolgan language. This word had the same meaning in the language of the Norilsk Dolgans; however, in other groups of the Dolgan language this word meant ‘berry’ in general, and only then ‘bilberry.’ In the Evenki language the name for bilberry ‘*dikte*’ served as the name for berries in general, despite the fact that the verb *dikte-* means ‘to turn blue,’ and the word *dikteme* means ‘blue, grey-blue.’ An even more striking example of the restructuring of semantics of the word in accordance with the Evenki type gives the word *emij* ‘breast.’ In the Dolgan language it acquired another meaning, which is ‘milk,’ because in the Evenki language the word *ukun* meant ‘woman’s breast,’ ‘udder,’ ‘breast milk.’ The ancestors of the contemporary Dolgans, adopted the Turkic word *emij* and gave it all the same meanings of the Evenki word [Убрыатова, 1966, с. 57–58].

Language-substrate can reveal itself in the changing of the trend of the development of any language level: so the apprehended Yakut phonetic system, the Dolgan language “did not understand” the law of the Yakut vowel harmony. The Yakut diphthongs changed into difthongoids in Dolgan, which usually turned into wide or narrow vowels, often having the normal duration. The Yakut vowel harmony is going in accordance with the first component of a diphthong, so after *yo* the vowel *a* can occur. Changing the diphthong *yo* into a wide vowel *o*, the Dolgan language retained the Yakut sequence of vowels in the vocal chain, but this is a mechanical sequence. It reveals “the erosion of the law of vowel harmony” in Dolgan [Там же, с. 46].

The article by Ubryatova “Some ancient areal phenomena in the languages of the peoples of Siberia” is an excellent analysis of the impact of the substrate on the restructuring of the phonetic system of the Yakut language [Убрятова, 1985б, с.18–22].

Ubryatova dealt with different aspects of the history of the Yakut language:

- 1) comparison of the Yakut forms with similar forms of ancient and modern languages;
- 2) comparison of any form in various sources of the Yakut language;
- 3) comparison with unrelated forms;
- 4) studying the history of the Yakut language in the works by Bohtlingk, Radlov and others.

These studies usually lead to such outcomes as understanding the history of the individual forms and words, the formation of the individual subsystems, as well as the formation of the different systems (phonetics, the system of the verb), and – in the end – the history of the language in general.

The analysis of the form of the possessive pronoun in the Dolgan language and its corresponding forms in Yakut could be taken as a good example of the history of a single word and a single grammatical category. In the Dolgan language there is a form of the possessive pronoun, formed from the combination of the personal pronoun and the word *gien* ‘somebody’s possession,’ ‘belonging (to),’ which takes at the same time possessive affix: *min gienim* ‘mine,’ ‘belonging to me.’ In the Yakut language there are only the forms *kini kiene* ‘belonging to him’ and *kiniler kiennere* ‘belonging to them.’ These forms in Yakut are treated as a combination of personal pronouns with the particle *kiene*, which is used to form the possessive forms of nouns [Петров, с. 126]. Ubryatova identified this form in Yakut as a possessive pronoun, which only remained from the full paradigm, preserved among the Dolgans. She compared the Dolgan *min gienim* ‘my own’ with ancient Turkic *kentum* 1) (I) myself, (you) yourself, (he) himself, etc.; 2) one’s, one’s own, and Turkish *kendi* ‘self’ [Древнетюркский словарь, с. 298]. But for a long time Elizaveta I. could not explain the components *-tu- ~ -di* in the ancient personal-reflexive pronouns. It was especially difficult to explain the form *kensi* ‘self’ in the Codex Cumanicus [Grönbech, p. 138]. She suggested that *tu, tu, si* were not affixes, but could be treated as parts

of a stem. The correspondence $t \sim s$ is well known in the Turkic languages, and it is also known the loss of one of the components in the combination 'sonorant + obstruent' (cf., for example, kirgh. optur, yak. olor, turkmen. otur 'to sit'). This assumption was confirmed in the Karachai-Balkar language, where the personal-reflexive pronoun 'self' was allocated. It went back to Comana kens-i 'self', that is, it remained the stem kes-u of Comana kens-i with fallen n [Хабичев, с. 62–65]. In the monument "Exquisite gift to the Turkic language" (turk. Ettühfet-üz-Zekiyye fil-l-lûğat-it-Türkiyye. Geviren Besim Atalay., Istanbul, 1945) the very stems can be found: kand 'self; kandi 1) 'self; 2) 'he,' 'she; kans 'self; kandi 1) 'self; 2) 'he,' 'she' [Фазылов, Зияева, с. 45, 321–322].

Elizaveta Ivanovna Ubryatova showed how the interaction of the ancient Turkic language (similar to the language of Orkhon texts) with other ancient Turkic languages, through a long period of bilingualism with some Mongolian language and as a result of the spread of the language in the Tungus-speaking environment, developed the contemporary Yakut language, with all its peculiar features. Most specialists on the Yakut language were based on the ancient Chinese sources. According to these materials, the ancestors of the Yakuts, the Kurykans, were considered as members of the union of the Tele tribes. That is why these linguists believed that ancient Yakut was closely related to ancient Uighur. Ubryatova proved the closeness of the Yakut language to the language of the Orkhon monuments. In the sphere of phonetics there are: a) the presence of the velar η ; b) correspondence of $j \sim \tilde{j} \sim \eta$ in certain words; c) the occurrence of voiceless consonants in affixes after the final vowel of a stem. In the sphere of morphology there are: a) a large differentiation of the parts of speech in comparison with the modern Turkic languages; b) the structure of pair words with full parallelism of forms of the components, including verbs; c) a special system of methods for strengthening the lexical meaning of words through their repetition in the derivative form – in the Yakut language there are all types of intensifying constructions which are present in the Orkhon monuments; d) the presence of the accusative affix $-yn$ in the personal-possessive declension; e) displacement of the Turkic case system, i. e., disappearance of the genitive, rethinking the locative case into the partitive one. This can be considered as trends of development that had taken place in the language of Orkhon monuments (use of the dative instead of the locative, the locative instead of the ablative, and the inconsistent use of the genitive).

Most clearly the connection between the Orkhon and the Yakut languages can be observed in the system of verbal forms:

1) the participle in $-ar \sim -yyr$ in the Yakut language is part of the paradigm of the present tense, building the forms of the 3rd person, singular and plural;

2) Yakut preserves the affix $-max$ (< *dr.-turk.* $-duq$), which is used to create a special mood in order to express the action the commitment of which is a natural consequence of the previous one; in the grammar of the Yakut language this form is called the presumptive mood;

- 3) the Yakut language has the form in *-byt* (< *dr-turk.* мѣѣ) in active use;
- 4) Yakut preserves the form of the conditional mood in *-tar* (*dr.-turk.* *-sar*), etc.

In the syntax it can be observed that homogeneous parts of the sentence occur in the forms of the same type; the *izafet*-construction is a special characteristic of the language; the subject in subordinate clauses is characterized by use of the possessive affixes, etc. [Убръятова, 19606, с. 2–5].

The place of the Mongolian and Tungusic elements in Yakut language is defined in accordance with “line of development, which the Yakut language inherited from the ancient Turkic language, its ancestor.” The Mongolian influence reveals itself not only in a large number of lexical borrowings. According to estimates of V. I. Rassadin, in Yakut there are identified about 2500 words of Mongolian origin (for comparison: in Tuva – 2200 words, in Altai – 830, in Tofalar – approximately 500, over 400 words are found in Khakass, in Shor – 200, in the languages of Siberian Tatars – 80, and in the language of the Chulyum Turks – 40) [Рассадин, с. 91–93].

Interaction with the Mongolian language had led to a number of important transformations in the field of phonetics: 1) restoration of the consonants *dj* and *č* in the system; 2) uvular stops had been changed into fricative sounds; 3) the auslaut *s* changed into *-t* in a number of affixes; 4) Mongolian influenced the formation of the secondary long vowels and diphthongs.

The system of onomatopoeic words, with all kinds of its components, had penetrated from Mongolian into Yakut. The Mongolian loanwords make up a significant portion of verbs, indicating that there had long existed Yakut-Mongolian bilingualism, as the Turks do not normally borrow verbs.

Under the influence of Tungusic languages the following happened:

- 1) enrichment of the system of stops, which took the symmetrical form;
- 2) disappearance of the Turkic fricative, with *z*, *ž*, *š* changed into *s*;
- 3) change of *s* into *h* in the intervocalic position [Убръятова, 19606, p. 77].

In relations of these languages with Yakut Ubryatova identified three stages, which are as follows:

- 1) The period of forming the Yakut language with all special features of its grammatical structure. This is the period of long coexistence of a certain ancient people who spoke a language similar to the language of the Orkhon monuments, together with some Mongol and Tungus groups.

- 2) The change of the language of the Mongol and Tungus groups into the Turkic language. At the end of this period two main dialects of the Yakut language had developed, i. e., the one, which retained unstressed *o*, and the other one, which retained the unstressed *a*. This was related to the establishment of a new type of vowel harmony (in the language of the Orkhon monuments in the position of non-initial syllables the narrow labial vowels occurred, much more often than in the contemporary Turkic languages).

- 3) The period of the spread of the Yakut language beyond the Aldan-Lena County between the two rivers, and the formation of new groups in the regions of Vilyui, Olekma, and Kolyma.

Arguing proximity of the Turkic language, which was the basis of Yakut, to the language of the Orkhon monuments, Ubryatova also identified a number of forms that indicated a prolonged contact of the ancient Yakut language with the language of other ancient Turkic peoples who were ancient Uighurs and ancient Kirghiz.

In most classifications of Turkic languages the phonetic data was used as the basis for their comparisons. Ubryatova believed that the phonetic features were not always reliable evidence of genetic relationships between languages. Morphological features, among them a system of verbal forms, were much more stable.

Special features of the ancient Turkic-Orkhon language are well known from some of the surviving monuments. In Yakut, the basic elements of the language are not isolated, but systemic, and some forms can be only explained from other ancient Turkic languages. In contrast to ancient Turkic, the language of the ancient Uighurs who created the Uighur Khanate, and the language of the ancient Kyrgyz people, had not been reflected in the written texts, as the ancient Uighurs and Kyrgyz peoples wrote in the early stages of their history in the ancient language, which served as 'stepp koine'. The Uighur language is known from the more recent monuments which had been created on a different site that is East Turkestan. However, some Siberian languages, especially Tofalar and Tuvanian, have a number of features that resemble old written Uighur language. Elizaveta Ivanovna suggested that the language of the ancient Uighurs, who formed the Uighur khanate, was similar to the Uighur language of written texts, as traces of the language could be found in the Turkic languages of Southern Siberia "in the small but very specific phenomena that can be attributed to the grammatical structure of the ancient Uighur language" [Убрыатова, 1985а, с. 26].

All the problems, with which Ubryatova dealt, had direct access to the central theme that occupied her during her whole life. That was the systemic organization of the Yakut language [Убрыатова, 1976]. The statement of the problem had the traditional character of that time, i. e., the syntax of the Yakut language, first simple, then complex sentences.

Ubryatova recalled one conversation with S. E. Malov when she told him that she wanted to do research in Yakut syntax of the complex sentence. He began to laugh: "Well, of course, complex, all write about complex syntax, but what to do with simple." But when she showed him her work, he said, "Yes, you have the right." Regarding the relative simplicity and complexity of constructions that Ubryatova had defined as complex in the Yakut language, in Turkic studies there is still no single opinion. The debate on the status of such constructions had found extensive coverage in the second volume of her book. Whatever name we give them, we cannot but agree with the fact that they denote all the basic syntactic meanings inherent in Russian complex sentences.

The analysis of such sentences that was made by Ubryatova in the Yakut language, showed that for adequately describing them the theoretical apparatus of the syntax of a complex sentence was required [Убрыатова, 1976].

The theory, elaborated on the basis of the Yakut language, had been further developed on the material of a number of the Altaic and Ural languages in the works of M. I. Cheremisina and her followers.

The fundamental characteristic features of the systemic organization of Turkic languages, and Yakut in particular, is that the units of different language levels are linked by the same grammatical means. The syntactic constructions, simple and complex, are connected in the same way as the individual words in a simple sentence. Therefore, the first volume of Ubryatova's monograph was largely devoted to the analysis of linkage between the words in a sentence. There exist four main kinds of linkage in the Yakut language. These are as follows: government, coordination, juxtaposition, and "izafet." These means of linkage are used: 1) to link parts in a simple sentence; 2) as a means of linkage in complex (compound) sentences; 3) to link components of analytical structures. The main task of describing the syntax is to show how this phenomenon, common for all Turkic languages, works on the level of predicative constructions.

Ubryatova showed that in the Yakut language predicative constructions, connected between themselves by the same grammatical means as the words in a simple sentence, can express a variety of semantic relationships between the two events: temporal, causal, concessive, comparative, etc. She considered that in the Yakut language almost all the syntactic relations can be expressed by grammatical means. This is due to its agglutinative typology. The special structure of verbal forms is associated with this specific feature of the language. This structure reveals itself as the existence of formally opposed finite and non-finite verbal affixes.

Non-finite predicative verbal forms have the predicative power that is the ability to produce attribute to its bearer. However, they take not only affixes expressing their internal relations (coordination in person with a subject, according to the terminology of Ubryatova), but they also contain affix indicators expressing syntactic relationships between different predicative units. Therefore, the analysis of verbal forms, especially participles and converbs, is an important part of the works devoted to this problem. This is exactly the structure of a predicate unit (containing case-participial, postposition-participial, converbal, and some other forms) which becomes the basis for further studies in the formal classifications of dependent clauses in Turkic languages. In the Yakut language, subordinate clauses combine with main clauses or their components with the help of one of the four means of grammatical linkage (government, coordination, juxtaposition, or izafet). Therefore, according to these types of linkage, the 3rd Chapter of the first volume of Ubryatova's monograph was composed. In the section devoted to government, Ubryatova introduced the concept of predicative declension of participles, and showed how it differs from the declension of nouns. She studied the case forms of participles and other words in the case forms, acting as dependent predicates, and defined the types of syntactic relationships, expressed by each form. For each participle the paradigm is built individually. The existence of a specific case-participial

form of a particular participle cannot be automatically transferred to other forms. That is why the paradigm of participial declension, common for all participles, does not exist. This statement, proposed in the work by Ubryatova, formed the basis of the analysis of the polypredicative constructions in various languages of the Altaic language group.

Studies in the Altai, Khakass, Buryat, Evenki, Tuvanian, and other languages conducted by the linguists belonging to the Novosibirsk syntactic school, revealed that the predicative declension is the leading system-forming mechanism of the Altai hypotaxis. In addition to the main synthetic kinds of linkage of clauses in a compound sentence, Ubryatova considered the analytical means of expression of syntactic relationships, distributing them according to prevalence in the language. In the compound sentence they are as follows: 1) the expression of subordination in a compound sentence with the help of postpositions; 2) derivational affixes as a means of linkage; 3) conjunctions in a compound sentence.

As accurately as it was in the analysis of case-participial constructions, she revealed the originality of the use of postpositions, which functioned as a means of linkage between the predicative constructions (clauses). Ubryatova found out that not all postpositions could act in this function, and many of them have the narrowed scope of use and semantics, which is only remotely related to their normal meaning. Development of analytical means of linkage between the predicative units is most clearly represented in the complex sentence. In the Yakut language, the coordinative relationships are normally expressed by intonation, ancient conjunctions (*da*, *dagany*), case forms of the demonstrative pronoun *ol* 'that', the combination of it with postpositions and syntactic words, as well as by verbal and participial forms derived from auxiliary variants of the verbs *er-* 'to be', *buol-* 'to become', *gyn-* 'to do'. The formation of the system of conjunctions is a relatively recent process for the Yakut language. The analysis of texts by A. Y. Uvarovsky, Yakut folklore, and works by the first Yakut writers allowed Ubryatova to trace the development of the conjunctions in the Yakut language. In these sources, some conjunctions (*uonna*, *itienne*) did not exist at all, and the case forms of demonstrative pronouns and their combinations with postpositions and syntactic nouns were used to express logical connection between the separate periods of *olonkho*. Many contemporary conjunctions and conjunctive combinations could not be found in the dictionary by E. K. Pekarskii. All this indicates that the current system of conjunctions has begun to take shape in the Yakut language just recently. Its formation was due to the development needs of the written language.

This peculiarity of works by Elizaveta Ivanovna Ubryatova – the attention not only to the synchronous system of a language, but also to the process of its formation – passes through all of her works. Interest in the ancient Turkic language was determined largely by her teacher, Sergei Yefimovich Malov.

Ubryatova thought that the understanding of organizing the syntax of the Yakut language came to her during an extremely hard time. As it

happened, Elizaveta Ivanovna survived the year 1941 in Leningrad, after going through the worst months of the siege of Leningrad. However, memories of that time did not cause her only negative emotions. She worked. She translated the works of K. Grönbech, and thought about Yakut syntax. She was sure that she had found the right way to understand the description of its system. She had not even thought that that terrible period of hunger and cold could have a tragic end. She recalled how when she came into the dining room of the Academy of Sciences, where employees sometimes fed, she met an old friend, who, when she saw her, threw her on the chest, wailing: "Elizaveta Ivanovna, dear, just do not die!" Elizaveta Ivanovna was very surprised because she did not think of dying. She worked, and was sure that this work was very much needed, and she would continue to do this. But in 1942, she was taken from Leningrad in a state of severe dystrophy. In the train, one of the conductors addressed her, a young woman, as "Grandma." Emaciated, she looked much older than her years. At first, she was taken to Yelabuga, then she appeared in Alma-Ata, where she immediately began to work. Not having at hand Yakut texts she wrote an interesting article about the Yakut words in the works of Korolenko. She was closely acquainted with Kazakh scientists and friendly relations with them had carried through all her life.

She had a special relationship with S. K. Kenesbayev with whom they were k rdas, i. e. people of the same age. After the war she returned to Leningrad, but soon, joining the Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR, she moved to Moscow, where, from 1955 to 1960, she was the head of the department of the Turkic languages.

During this period the members of the sector were very active in studying the dialects of Turkic languages. Large conferences took place in Baku, Alma-Ata, Frunze, and Kazan, where scholars discussed problems that Ubryatova had already actively studied, as she believed that the dialect materials were the most important sources for writing the history of the Turkic languages, particularly the history of unwritten languages. At the same time it had been created a collective monograph "The dialects of Turkic languages," the publication of which began only recently.

In 1963, Elizaveta I. Ubryatova on a proposal made by A. P. Okladnikov and V. A. Avrorin, moved to Novosibirsk. Here she published the second book of her monograph "The syntax of a complex sentence." From that time, twenty-five years have passed, but still she is much ahead of her time. The concept of this work had become the basis of research conducted by the syntactic group of the Institute of History, Philology, and Philosophy of the Academy of Sciences of the USSR. Ubryatova said she was deeply grateful to M. I. Cheremisina, who led the study, because Maya Ivanovna read her book so attentively. Studies conducted by the syntactic group of M. I. Cheremisina showed that the ideas of the syntactic organization of the Yakut language can be successfully generalised to embrace almost all Siberian languages: Turkic, Mongolian, Tungusic-Manchu, Finno-Ugric languages, and even Paleoasiatic.

Ubryatova never considered herself a teacher, but always around her were disciples and followers. Her scientific contacts covered not only the entire Soviet Union. She maintained relationships with a number of foreign scientists. Thus, she corresponded with Anna Maria von Gabin, and G. Dërfer who presented her his books.

But the closest relationship Ubryatova had, of course, with Yakutia. The role of Elizaveta I. Ubryatova in the scientific life of Yakutia requires a separate article. She was a colleague, adviser, friend, member of numerous expeditions. It is even difficult to determine how significant the personality of Elizaveta Ivanovna Ubryatova was. We could tell about her study of ancient Turkic languages, her reading Altai runic monuments, and about her trip to Mongolia to the runic monuments, to her most beloved monument which was the monument of Toñukuk. Her concept of the origin of the Turkic languages of Southern Siberia is outside the scope of this article. Her works, in many ways ahead of her time, still remain a model not only for her students but also for students of her students.

Список литературы

- Долгих Б. О. Происхождение долган // Сибирский этнографический сборник. Т. 5. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 233 с.
- Древнетюркский словарь. Л. : Наука, 1969. 676 с.
- Петров Н. Е. Частицы в якутском языке. Якутск : Якут. книж. изд-во, 1978. 298 с.
- Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М. : Наука, 1980. 114 с.
- Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка : в 2 ч. Новосибирск : Наука СО, 1976. Ч. 2. Сложное предложение. Кн. 1, 2. Кн. 1. 214 с. Кн. 2. 160 с.
- Убрятова Е. И. Историческая грамматика якутского языка. Якутск : Изд-во ЯГУ, 1985б. 60 с.
- Убрятова Е. И. О языке долган // Языки и фольклор народов Севера. М. ; Л. : Наука, 1966. С. 41—69.
- Убрятова Е. И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов якутской АССР. М. : Изд-во АН СССР, 1960а. 151 с.
- Убрятова Е. И. Язык норильских долган. Новосибирск : Наука, 1985а. 216 с.
- Убрятова Е. И. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским. М. : Изд-во АН СССР, 1960б. 13 с.
- Фазылов Э. И., Зияева М. Т. Изысканный дар тюркскому языку. Ташкент : Фан, 1978. 450 с.
- Хабичев М. А. Местоимение в карачаево-балкарском языке. Черкесск : Карачаево-Черкесское книж. изд-во, 1961. 216 с.
- Grönbech K. Komanisches Wörterbuch. Kopenhagen : Einar Muntfsgaard, 1942. 341 S.

References

- Dolgikh, B. O. (1963). *Proishozhdenie dolgan* [Origin of the Dolgans]. In *Sibirskij e'tnograficheskij sbornik* (Vol. 5). 233 p. Moscow, AN SSSR.
- Drevnetyurkskij slovar'* [Dictionary of the Old Turkic Language]. (1969). 676 p. Leningrad, Nauka.
- Grönbech, K. (1942). *Komanisches Wörterbuch*. 341 S. Kopenhagen, Einar Muntfsgaard.
- Fazylov, E'. I. & Ziyaeva, M. T. (1978). *Izy'skanny'j dar tyurkskomu yazy'ku* [Exquisite Gift for the Turkic Language]. 450 p. Tashkent, Fan.

Habichev, M. A. (1961). *Mestoimenie v karachaevo-balkarskom yazy'ke* [The Pronoun in Karachai-Balkar Language]. 216 p. Cherkessk, Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izd-vo.

Petrov, N. E. (1978). *Chasticy' v yakutskom yazy'ke* [The Particles in the Yakut Language]. 298 p. Yakutsk, Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Rassadin, V. I. (1980). *Mongolo-buryatskie zaimstvovaniya v sibirskih tyurkskih yazy'kah* [Mongolian-Buryat Borrowing in the Siberian Turkic Languages]. 114 p. Moscow, Nauka.

Ubryatova, E. I. (1976). *Issledovaniya po sintaksisu yakutskogo yazy'ka* [Studies in the Syntax of the Yakut Language]. (Part II. *Slozhnoe predlozhenie*. Books 1–2). 214 p., 160 p. Novosibirsk, Nauka SO.

Ubryatova, E. I. (1985b). *Istoricheskaya grammatika yakutskogo yazy'ka* [Historical Grammar of the Yakut Language]. 60 p. Yakutsk, Izd-vo YaGU.

Ubryatova, E. I. (1960a). *Opy't sravnitel'nogo izucheniya foneticheskikh osobennostej yazy'ka naseleniya nekotory'h rajonov yakutskoj ASSR* [The Comparative Study of the Phonetic Features of the Language of the Population in Some Areas of the Yakut ASSR]. 151 p. Moscow, AN SSSR.

Ubryatova, E. I. (1966). *O yazy'ke dolgan* [About the Language of the Dolgans]. In *Yazy'ki i fol'klor narodov Severa* (pp. 41–69). Moscow, Leningrad, Nauka.

Ubryatova, E. I. (1985a). *Yazy'k noril'skih dolgan* [The Language of the Norilsk Dolgans]. 216 p. Novosibirsk, Nauka.

Ubryatova, E. I. (1960b). *Yakutskij yazy'k v ego otnoshenii k drugim tyurkskim yazy'kam, a takzhe k yazy'kam mongol'skim i tunguso-man'chzhurskim* [The Yakut Language in Its Relation to Other Turkic Languages, as Well as to the Mongolian and Tungus-Manchu Languages]. 13 p. Moscow, AN SSSR.

The article was submitted on 10.06.2015

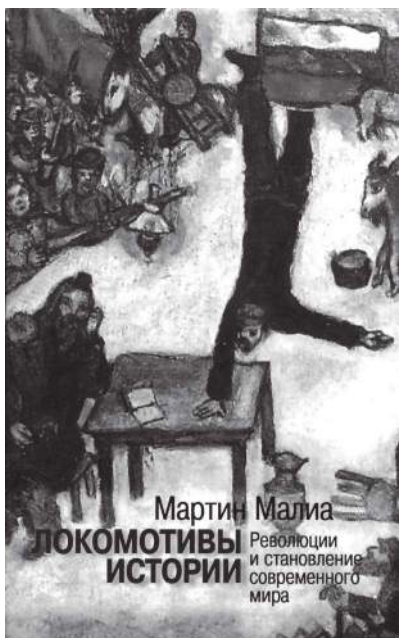
Translated by Dr. Lilia Gorelova

**Наталья Николаевна
Широбоква,**
профессор,
Институт филологии
Сибирского отделения
Российской академии наук,
Новосибирск, Россия
shirobokova_nn@mail.ru

Natalya Shirobokova,
Professor,
Institute of Philology
Siberian Branch of Russian
Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia
shirobokova_nn@mail.ru

Critica

DOI 10.15826/QR.2015.4.137

УДК 94(47+57)+316.423.3+323.27

Константин Бугров

**ЭТОТ ПОЕЗД В ОГНЕ:
ХОРОШИЕ И ПЛОХИЕ РЕВОЛЮЦИИ МАРТИНА МАЛИА**

Рец. на кн.: *Малиа, М.* Локомотивы истории : Революции
и становление современного мира. – М. : РОССПЭН, 2015. – 404 с.¹

Konstantin Bugrov

**THE TRAIN IS ON FIRE:
MARTIN MAILA'S GOOD AND BAD REVOLUTIONS**

Rev. of: *Malia, M.* (2015). *Lokomotivy istorii : Revolutsii
i stanovlenie sovremennogo mira* [History's Locomotives : Revolutions and the
Making of the Modern World]. – Moscow, ROSSPEN. – 404 p.

The review is analyzing the last work of Martin Maila, a renowned scholar of Russian history. In 'History's Locomotives' Malia tries to provide a complex historical analysis of the very phenomenon of revolution, from the Hussites to the Bolsheviks. He argues that the revolution is essentially European phenomenon and that the revolutionary process was moving from the Western part of the continent to the Eastern one, becoming more brutal in the less developed countries and reaching its culmination in the Red October. The conclusions of the book are uncompromisingly pessimistic about the legacy of Russian revolution. A special discussion is reserved for the comparative approach, which forms the core of the author's research method. However, a comparative study requires both serious preparation and accurate formulation of a problem to avoid the transformation of a comparison into an exposure.

Keywords: M. Malia; revolution; communism; history of Europe; history of ideas.

В рецензии дан анализ последней работы Мартина Малиа, известного исследователя российской истории. В «Локомотивах истории» Малиа постарался провести комплексный исторический анализ самого феномена революции, от гуситов до большевиков. Он доказывает, что революция

---

¹Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

является сугубо европейским феноменом, а также что революционный процесс движется с запада континента на восток, приобретая большую жестокость в менее развитых странах и достигнув кульминации в Красном Октябре. Выводы книги бескомпромиссно пессимистичны в отношении наследия русской революции. Отдельного разговора заслуживает прием сравнения, лежащий в основе исследования. Очевидно, что этот прием нуждается в серьезной подготовке и аккуратной постановке задач, позволяющей избежать трансформации *сравнения* в *обличение*.

Ключевые слова: М. Малиа; революция; коммунизм; история Европы; история идей.

Локомотивы истории... Строго говоря, рецензируемую книгу сам автор, известный американский русист Мартин Малиа, хотел назвать «Модель и эскалация западной революции: от гуситов до большевиков, 1415–1991 гг.» Но в 2004 г. Малиа умер, и его коллеги издали книгу под названием «Локомотивы революции», под редакцией и с предисловием Теренса Эммонса. А в 2015 г. она вышла на русском языке в издательстве РОССПЭН.

За названием, которое отсылает читателя к Марксу (правда, на обложке русского издания изображен Ленин, и, что немаловажно, вниз головой, а вот локомотива не видно) скрывается грандиозный анализ тысячи лет истории европейского революционного процесса, который Малиа рассматривает как единое целое – феномен европейской истории, резко выделяющий ее на мировом фоне. Локомотив истории следует по длинному маршруту – от гуситов до большевиков. Прокатимся на нем и мы, хотя бы на подножке.

***

В своей работе Малиа декларирует желание анализировать историю европейского революционного процесса как часть истории идей: «В XIX в. “революция” считалась проблемой политической истории. В XX в. она перешла в разряд проблем социальной истории. Через два столетия безуспешного применения обоих подходов становится ясно, что феномен революции в первую очередь должен рассматриваться в контексте изучения истории идей» (с. 18).

Центральный тезис книги Малиа – революция движется во времени и пространстве не только от «примата политической свободы» к уничтожению неравенства и от «сравнительной умеренности» к «экстремизму», но и «из передовых обществ в отсталые». По словам автора, «от экономически развитых и политически сложных “старых режимов” атлантического Запада» революционная традиция «распространилась на более простые и милитаризованные “старые режимы” Пруссии и Австрии, а также на самый незрелый и жестокий из них – российский. <...> Данный фактор также способствует радикализации революционного процесса, поскольку продвижение

современности на восток приводит к сжатию исторических стадий, а после 1917 г. – к инверсии западного развития» (с. 16). Малиа оперирует понятием «западно-восточный культурный градиент», говоря об отсталости Восточной Европы и о сложившейся на ее пространстве череде «особых путей». Автор пишет о существовании трех составляющих этого градиента: «первой Европе» – наиболее развитой западной части континента; «второй» – менее развитой центральной и восточной, включающей Германию, западно-славянские государства, Скандинавию; и «третьей» – не сложно догадаться, наименее развитой и включающей в себя громадную Россию.

Малиа – возможно, из-за декларированного стремления использовать идеи А. де Токвиля [Токвиль, 1992; Токвиль, 2008] – уделяет основное внимание роли феодального и христианского наследия, практически ничего не говоря о наследии античном. По его мнению, между 1000 и 1300 г. сложилась «средневековая матрица особой европейской цивилизации», сформировавшая первоначальный революционный импульс, направленный против церковной иерархии и приведший к возникновению миллениаристских ересей.

Почему именно тысячный год у Малиа предстает отправной точкой европейской революционной традиции? Поскольку распад Западной Римской империи избавил Европу от бесконечной автократии *à la* Византия или Китай, империя Каролингов стала стартовым моментом, «когда жители Запада стали считать себя сообществом, отличным от других сообществ, и, кроме того, когда их самосознание воплотилось в систему устойчивых общих институтов» (с. 21). Арабские походы привели к возникновению единого христианского мира, и около 1000 г. (красивая дата, кроме прочего!) возникла европейская цивилизация. К моменту старта глобальной экспансии этой цивилизации в XV в. «ее успехи намного превосходили достижения предшествующих цивилизаций» (там же). Конечно, отмечает Малиа, «сейчас в историографии подчеркивается, что Европа столь многого добилась только благодаря ограблению и порабощению других континентов. Но такое поведение присуще всем цивилизациям; зато главным образом именно европейские современные концепции демократии и прав человека, распространившись по всему миру, позволили уравновесить гордость достижениями Европы признанием ее преступлений» (там же).

Около 1000 г. на фундаменте Каролингской империи поднялся специфический «динамизм» европейской цивилизации. Малиа, ссылаясь на Марка Блока, расценивает феодализм как «договорную» систему, основанную на взаимном выполнении обязательств синьором и вассалом [см.: Блок]. Феодализм, таким образом, подорвал «идею всевластия». Благодаря падению Римской державы «духовная власть сумела заменить империю в качестве высшей силы в обществе» (с. 37). Попытки церкви христианизировать светский мир спровоцировали в качестве непредвиденного результата рост ересей –

феномен, который Малиа называет «иоахимитской революцией в представлениях о времени».

Последовавшее затем обмирщение церкви и постепенное разрушение феодальных институтов поставили под вопрос религиозное единство западного христианства; Возрождение и Реформация к XVII в. пробили в этом единстве «брешь», куда «проникла самая значительная инновационная сила из всех – научная революция XVII в.» (с. 44), растиражированная по всему континенту силами централизованного военного абсолютизма, стремившегося к рациональному упорядочению социума. В «первой» Европе новый рационализм уничтожил «старый режим» к концу XVIII в., а во «второй» и «третьей», по причине их отсталости, он продержался до начала XX в.

***

Итак, единое христианско-феодальное наследие средневековой Европы послужило основой для развертывания революционного процесса на континенте, а разная скорость развития по «западно-восточному градиенту» (проще говоря, отсталость восточной окраины Европы) обусловила возрастающий радикализм революции. Таковы вкратце исходные тезисы М. Малиа. Вдоль этих линий он и разворачивает свою аргументацию, рассматривая революцию вначале как религиозную ересь (гуситы, «полуреволюционная» Реформация, французские гугеноты, Нидерландское восстание), затем – как «классические атлантические революции» XVII–XVIII вв. в Англии, Америке и Франции. Для Америки революция – «великая удача», а для Франции – «воинствующая современность».

Однако, постулировав в начале книги подход к истории революций как к *истории идей*, Малиа в итоге все же переходит к *структурному анализу* революционных событий. Стремясь измерить степень радикальности революции, автор применяет одну и ту же модель, опирающуюся на такие категории, как «умеренность», «радикализм» и даже памятный по марксистской традиции «термидор». Таким образом, вместо изучения истории идей читателю в большинстве случаев предлагается следовать за структурированным описанием основных событий. История же идей важна для него постольку, поскольку она выводит на авансцену хорошо организованные идеологии. Так, Французской революции предшествовало «много откровенных размышлений о природе политики и общества: от “Духа законов” Монтескье до “Общественного договора” Руссо (это только самые очевидные примеры)» (с. 228). Английской же революции, по мнению автора, «не предшествовало ничего более подрывного, чем теологические и экклезиологические домыслы да теоретизирование по поводу природы существующей совокупности правовых норм – “старинной конституции”. А вот английская политическая теория возникла только по ходу и *после* революции в творчестве Гоббса, Гаррингтона и Локка» (там же).

И уж совсем странным выглядит заявление о том, что в соединенных провинциях «почти не имели распространения республиканские теории и идеология», тогда как Английская республика², «по крайней мере, породила немного республиканского теоретизирования», представленного текстами Гаррингтона (с. 152). Характерно, что время от времени стиль книги начинает напоминать примечательные образцы марксистско-ленинского исторического языка. Говоря о революции в Америке, Малиа отметит: «Этот наименее революционный по форме из современных переворотов по демократическому содержанию полностью соответствовал самым *передовым стандартам* XVIII в. (*курсив наш.* – К. Б.)».

Показательный пример: когда речь заходит о Великой французской революции и о Робеспьере, на сцене внезапно появляется «республиканская добродетель». По Малиа, очевидно, республиканская добродетель настолько прозрачна, что не заслуживает (в отличие от сенсуализма или атеизма) специального анализа: «Добродетель означала внутреннее освобождение населения от былой порочности посредством постоянной гражданской активности. Освобожденные, настоящие граждане, составляли меньшинство. Они были, так сказать, избранниками современной эпохи, единственными настоящими республиканцами. Следовательно, чистка, осуществляемая избранными среди “нечестивцев”, – не преступление против свободы, а единственная гарантия ее выживания и триумфа. В основе этого мировоззрения не лежит какой-либо великий текст или стройная теория вроде тех, что марксизм и ленинизм позже дали революционному социализму. Ближе всего к такой теории труды Руссо, предлагающие скорее некий набор эгалитарных взглядов, нежели четко сформулированную идеологию» (с. 239). На деле проблема добродетели – особого качества, одухотворяющего республику и позволяющего человеку прожить достойную жизнь в качестве «политического животного» – была одной из центральных для той республиканской традиции, о которой писали, среди прочих, Х. Арндт и Дж. Покок [Росокк]; традиции, к которой можно отнести такие имена, как Аристотель, Макиавелли или упомянутый выше Гаррингтон.

Как бы то ни было, на Французской революции «великие атлантические революции» завершились. «Чего же следовало ожидать дальше? Только попытки начать с вечно не выполняемого обещания равенства вкупе с еще более неуловимым “братством” и добиться их путем последней и совершенной революции» (с. 250). Речь идет, конечно, о социализме, а это значит, что для Малиа эпоха «хороших», умеренных революций закончилась, и последние главы книги (часть 3 – «В поисках социалистической революции») будут посвящены революциям «плохим», радикальным.

---

² Переводчики неудачно перевели слово *Commonwealth* как «Содружество».

Критике, впрочем, подвергаются не столько эти революции (или, точнее, *революция*, потому что речь идет главным образом об Октябрьской революции), сколько их идейная основа – марксизм. Сталинизм, по мнению М. Малиа, был адекватным и единственно возможным воплощением марксизма, что говорит о невозможности реализации марксистской программы, которая «под руководством ленинского авангарда спустилась на землю и оказалась всего лишь низкопробным подражанием своему капиталистическому противнику». «Марксизм на практике оказался не более чем средством модернизации отсталой страны»; впрочем, на взгляд Малиа, и эту роль марксизм выполнил не лучшим образом, поскольку «есть гораздо более эффективные – и гуманные – способы поощрения экономического развития», в их числе «ускоренная индустриализация Витте, осуществляемая при помощи международного рынка», «восточно-азиатские “тигры”» или «рыночный марксизм Дэн Сяопина в Китае» (с. 324). К тому же марксизм, ликвидируя частную собственность, провоцирует «тотальный деспотизм» и «уничтожение гражданского общества».

В конечном счете, по мнению автора, советский режим «не оставил России сколько-нибудь пригодного для дальнейшего использования наследия. Какими бы кровавыми и деструктивными ни бывали подчас английская, американская и французская революции, все они создали институты, которые дожили до наших дней, вместе с идеалами, не утратившими нравственной привлекательности, – это сочетание мы сейчас обобщенно именуем “рыночной демократией”. Русская же революция, окончательно испустив дух в 1991 г., не оставила после себя ничего, кроме нищеты, руин и горечи» (с. 325).

И хотя этот крах должен был бы убедить человечество в том, что атлантическое развитие «рыночной демократии» есть вершина прогресса человечества, и дальше расти некуда, «наследникам трех атлантических революций не стоит радоваться раньше времени». Ведь «кто знает, какое благое эгалитарное дело в следующий раз будет извращено миллениаризмом и насилием»? (Там же).

Этим назиданием и заканчивается основной текст книги³.

***

Конечно, М. Малиа камня на камне не оставляет ни от марксизма, ни от Советского Союза, ни от эгалитаризма. В общем, эти выводы не несут в себе новизны – они повторяют последние страницы его же «Советской трагедии», исторического очерка об СССР, где автор скорбел об «аффектированной метафизике всеобщей “эмансипации человека”», чреватой подрывом умеренности, и усматривал возмож-

---

³ Далее следуют еще два фрагмента из бумаг М. Малиа, в той или иной степени конкретизирующие его взгляды на европейский революционный процесс, но ничего нового не добавляющие к тому, о чем уже сказано выше.

ный новый источник подобного подрыва в «эгалитаристском» экологическом движении [Malia, 1994]! Впрочем, пафос покаяния для сегодняшнего этапа осмысления советского времени вполне банален.

Возможно, из Калифорнии и впрямь видятся только «руины, нищета и горечь». А для человека, который по пути на работу проходит сквозь конструктивистские кварталы времен первых пятилеток, руины не очень просматриваются – разве что надо где-то подштукатурить. А под штукатуркой – живая история о строителях больших заводов, раскулаченных и эвакуированных, студентах и ученых первых вузов Урала; словом, о тех людях, которые навсегда изменили социальный ландшафт Центральной Евразии.

Но оставим идеологическую полемику в стороне – в конечном счете Малиа, автор предисловия к английскому изданию «Черной книги коммунизма», никогда и не скрывал своей нелюбви к марксизму и социализму [Malia, 1999]. Конечно, анализ «последней революции» превратился в антимарксистскую диатрибу, подчас содержащую ошибки.

Ограничусь только одним примером. Вот что Малиа сообщает о революции 1905–1907 гг.: «Что касается самих революционных партий – двух социал-демократических (все же фракций РСДРП, а не партий. – К. Б.), а также неонародников, объединившихся в 1900 г. в Партию социалистов-революционеров (эсеры), – они в 1905 г. играли минимальную роль и ни в каком смысле не “вели” народ» (с. 311). Малиа утверждал, что доминирование «либералов» подтверждается «выборами 1906 г. в Думе, проведенными на основе практически всеобщего избирательного права (для мужчин) и выигранными кадетами за явным преимуществом» (с. 312). Кадеты и правда выиграла выборы 1906 г., получив 179 мест в Государственной думе первого созыва. Малиа «забыл» только, что избирательный закон 1905 г. вряд ли можно считать «всеобщим избирательным правом» и что ни одна из ведущих левых партий – ни РСДРП, ни ПСР – в тех выборах не участвовала именно по причине отсутствия всеобщего избирательного права. (Впрочем, даже и в таких условиях 97 депутатов входили в состав «трудовой группы», стоявшей левее кадетов.)

Выборы в Государственную думу второго созыва, проходившие с участием и левых партий, дали большинство «трудовой группе» (104 места), за ними шли кадеты (98 мест), а РСДРП (65 мест) и ПСР (37 мест) вместе получили больше мест, чем либералы [Аврех, Грунт; Кирьянов, Лукьянов]. Неужели это «явное преимущество»? К этому следует добавить и то, что Малиа сам опровергает себя на той же странице, отмечая, что если бы либералы смогли сокрушить монархию, то «в Учредительном собрании, избранном всеобщим голосованием, большинство составили бы жаждущие земли крестьяне, подверженные влиянию социалистов, – с таким сочетанием либералы вряд ли сумели бы совладать, оставаясь в правовых рамках» (с. 312). Так все-таки социалисты оказывали влияние на крестьян или же «не “вели” народ»?

Однако важно, что книга Малиа показывает и другое. О «классических» (в терминологии автора) революциях существует обширная литература, у них есть богатая идеологическая и интеллектуальная традиция. У Октябрьской революции такой традиции нет (пока?). На мой взгляд, важнейшая проблема, над которой заставляет задуматься книга (и почему ее действительно стоит прочесть), это проблема того, *как и в каких категориях* сейчас возможна история Октябрьской революции и созданного ей государства, чтобы не выглядеть скучной лекцией на тему преимуществ рыночной экономики, демократии и общей «умеренности».

Второе важное заключение – книга Малиа заставляет критически задуматься и о границах одного важного методологического подхода, который для историков моего поколения (для тех, чье становление пришлось на конец нулевых годов XXI в.) играл роль путеводной звезды. Это вера в компаративный подход. Рассмотрение тех или иных сюжетов российской истории в европейском (или глобальном) контексте часто предстает своеобразной панацеей на фоне распада некогда всемогущего марксизма-ленинизма.

Книга Малиа демонстрирует, как сравнительный анализ начинает играть злые шутки с историками, подсказывая такие аналогии, которые изначально не имеют объяснительной силы. Искушение подменить глубокую компаративистику дихотомией «норма / абберрация» сильно, особенно в условиях, когда при изучении смежных полей приходится прибегать к уже сложившейся историографической традиции, способной начать диктовать простые решения.

В главе об американской революции у Малиа ни разу не упоминается слово «рабство». Это не упрек: в традиции изучения войны за независимость США этот вопрос и впрямь является второстепенным. Речь лишь о том, что второстепенным он является в силу сложившейся интеллектуальной традиции: теоретически легко можно себе представить такой нарратив американской революции, в котором проблема рабства, напротив, будет оставаться в *центре внимания*. Значит, анализ подобных тем, предпринятый Малиа, страдает от того, что он не является самостоятельным, а зависит от привычных, сложившихся традиций описаний английской и американской революций. А поскольку ни та, ни другая страна не знали реставраций, кризисов и – главное! – масштабных военных вторжений на собственную территорию на протяжении последних двухсот лет, постольку и соответствующий нарратив оставался неизменным. Но для компаративной истории этот материал подходит слабо, поскольку слишком уж сильно он привязан к соответствующему историческому контексту.

И здесь уместно вернуться к тем утверждениям, которые автор представил в начале книги, а именно к тому, что к XV в. европейская цивилизация добилась ошеломительных «успехов». Что автор имел в виду? Возможно, здесь проявилась устойчивая традиция говорить

об этих самых «успехах». Сами европейцы XV в. вряд ли способны были их измерить, а их потомки из последующих столетий разглядели достижения и сформировали соответствующую интеллектуальную традицию. «Успехи» – это и есть умеренный мейнстрим либеральной рыночной демократии, который, словно опорный столб, удерживает аргументы Малиа. Но если такая интеллектуальная традиция принимается за основу аналитического инструментария, она неизбежно внесет коррективы, создавая напряжение между «колониальным» и «колонируемым», «центральным» и «периферийным», «господствующим» и, страшно сказать, «подчиняющимся». В этом смысле некорректно сравнивать Октябрьскую революцию с «классическими атлантическими»: применительно к *тем* язык «успехов» сложился давно, а применительно к *той* его больше не существует.

Парадоксально, но больший смысл имело бы сравнение, в котором российский нарратив был бы сформирован на основании официальной советской историографии – тогда можно было бы сравнивать канон с каноном. В ином же случае итоговые слова автора имеют примерно такую же ценность, как суждения о крахе Французской революции, в которых не было недостатка в 1814 г.

Кто бы рискнул их повторить сейчас?..

Список литературы

Аврех А. Я., Грунт А. Я. Государственная дума // Большая советская энциклопедия : в 30 т. Т. 7. М. : Сов. энциклопедия, 1972. Т. 7.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М. : Наука, 1986. 254 с.

Кирьянов И. К., Лукьянов М. Н. Парламент самодержавной России : Государственная дума и ее депутаты, 1906–1917. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1995. 168 с.

Токвиль А. де. Демократия в Америке. М. : Прогресс, 1992. 554 с.

Токвиль А. де. Старый порядок и революция. СПб. : Алетейя, 2008. 248 с.

Maila M. The Soviet Tragedy : A History of Socialism in Russia, 1917–1991. N. Y. : Free Press, 1994. 592 p.

Maila M. Foreword : The Crimes of Atrocity // The Black Book of Communism : Crimes, Terror, Repression / Ed. by M. Kramer. Cambridge ; L. : Harvard University Press, 1999. P. X–XX.

Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment : Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton : Princeton University Press, 1975. 602 p.

References

Avrekh, A. Ya., Grunt A. Ya. (1972). *Gosudarstvennaya Duma* [The State Duma] // *Bolschaya Sovetskaya Enciclopedia* : v 30 t. [Big Soviet Encyclopedia in 30 t.]. Vol. 7. Moscow, Sov. Enciclopeida.

Bloch, M. (1986). *Apologiya istorii, ili Remeslo istorika* [Apology of History, or the Historian's Craft]. Moscow, Nauka, 254 p.

Kiryaynov, I. K., Lukyanov, M. N. *Parlament samoderzhavnoy Rossii: Gosudarstvennaia Duma i ee deputati, 1906–1917* [The Parliament of Autocratic Russia: State Duma and Its Deputies, 1906–1907]. Perm, Izdatelstvo Permskogo Universiteta. 168 p.

Maila, M. (1999). Foreword. *The Crimes of Atrocity // The Black Book of Communism. Crimes, Terror, Repression*. Ed. by M. Kramer. Cambridge; London? Harvard University Press. p. X–XX.

Maila, M. (1994). *The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991*. New York, Free Press. 592 p.

Pocock, J. G. A. (1975). *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton, Princeton University Press. 602 p.

Tocqueville, A. de. (1992). *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Moscow, Progress. 554 p.

Tocqueville, A. de. (2008). *Starii poryadok i revolyutsia* [The Old Regime and the Revolution]. Saint-Petersburg, Aletya. 248 p.

The article was submitted on 10.06.2015

Бугров Константин Дмитриевич,
кандидат исторических наук,
Институт истории и археологии
УрО РАН,
Екатеринбург, Россия
k.d.bugrov@gmail.com

Konstantin Bugrov, Dr.,
Institute of History and Archeology
of the Ural Branch of Russian
Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia
k.d.bugrov@gmail.com

DOI 10.15826/QR.2015.4.138

УДК 930.2+930.1

Владимир Аракчеев

Дмитрий Редин

Юлия Русина

НЕ ОБЪЯСНИТЬ, А ПОНЯТЬ¹

Рец. на: Источниковедение : учеб. пособие / И. Н. Данилевский,
Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др.; отв. ред. М. Ф. Румянцева;
Нац. исслед. у-нт «Высш. школа экономики». – М. :
Изд. дом Высш. школы экономики, 2015. – 685, [3] с.

Vladimir Arakcheev

Dmitry Redin

Yuliya Rusina

TO UNDERSTAND RATHER THAN EXPLAIN

Rev. of: Istochnikovedenie : uchebnoe posobie / I. N. Danilevskiy,
D. A. Dobrovolskiy, R. B. Kazakov i dr.; отв. red. M. F. Rummyantseva;
Nac. issled. u-nt “Vysshaya shkola ekonomiki”. – Moscow :
Izd. dom Vysshay shkoly ekonomiki, 2015. – 685, [3] s.

The authors are analyzing a study book ‘Source Studies: a Tutorial’, written by a group of authors from the Higher School of Economics (Moscow) and edited by M. F. Rummyantseva. While the reviewers are polemicizing with the authors of the book in the issues of understanding the historical source, and are criticizing particular inconsistencies in descriptions of the massive of sources for studying Russian history, they nevertheless estimate the book highly. Indeed, the reviewed book is representing a milestone both in the writing of study books in history and in the research field of source studies. The reviewers are emphasizing the innovative character, structural unity, impressive theoretical level and practical importance of the book written by Moscow historians, who are understanding the historical sources in a phenomenological way, in accordance with the ideas of the school of Moscow State Institute for History and Archives, namely, of O. M. Medushevskaya and her followers.

Keywords: source studies; historical source; classification; corpus of sources; comparative source studies; historiography of source studies; cognitive history.

---

¹ Исследование поддержано программой 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02.А03.21.0006. Supported by Act 211 Government of the Russian Federation, agreement № 02.А03.21.0006

Авторы анализируют учебное пособие, подготовленное коллективом авторов НИУ Высшая школа экономики «Источниковедение: учебное пособие» под редакцией М. Ф. Румянцевой. Полемизируя с авторами по некоторым вопросам, связанным с различными подходами к пониманию исторического источника, и подвергая критике отдельные неточности в характеристике корпуса источников российской истории, рецензенты дают высокую оценку учебного пособия, определяя его как событие и определенный этап в процессе развития как учебной литературы в области исторических наук, так и самой науки источниковедения. В рецензии подчеркиваются новаторский характер, структурная целостность, высокий теоретический уровень и практическая значимость труда московских историков, трактующих источниковедение с феноменологических позиций, в русле научно-педагогической школы Московского государственного историко-архивного института, связанной с деятельностью О. М. Медушевской и ее последователей.

Ключевые слова: источниковедение; исторический источник; классификация; корпус источников; компаративное источниковедение; источниковедение историографии; когнитивная история.

Учебники писать трудно. Даже если, сознательно отказавшись от слова «учебник», заменить его словосочетанием «учебное пособие» применительно к масштабной по замыслу, исполнению и объему книге. Писать учебники – занятие неблагодарное; это известно каждому, кто брал на себя смелость или дерзость обращаться к этому жанру. Сложность написания учебного текста обусловлена прежде всего тем, что он призван сформировать у обучающихся системное представление о предмете. Современный переход от «эрудитской» модели образования к исследовательской не меняет главной целевой аудитории учебной литературы – студентов. Поэтому, хотя тенденция последних десятилетий вполне отчетливо сводится к размыванию грани между учебными и монографическими публикациями, авторам первых приходится учитывать «первородные» черты учебного сочинения и заботиться о минимально-достаточном наборе информации, специфике структуры и форм подачи материала, его выверенности и прочих унылых вещах, которые вслед за Люсьеном Февром можно наименовать «системой “трюков”» [Февр, с. 70]. Особенно трудно написать современный учебник, который бы учил, не назидая, и побуждал к мысли, а не вызывал у пользователей аллергических реакций «на пыль и нафталин».

Столь же трудно писать рецензии, а на учебные тексты – еще труднее. А на хорошие и современные учебные тексты – совсем тяжело. Рецензируя монографию коллеги, рецензент все-таки вступает с ним в заочный диалог на равных. Гуманитарное научное знание слишком вариативно и многогранно; оценки дискутирующих зависят от внутрицеховых конвенций, мировоззренческих предпочтений и исследовательских практик. Критика в этом случае предстает как сравнение (и сверка) собственных взглядов и взглядов оппонента, как рефлекс-

сия и саморефлексия, как тот самый спор, в ходе которого рождается если не сама истина, то приближение к ней. Рецензия на учебник заранее ставит рецензента в иную позицию. Создается иллюзия, что рецензент априори знает, «как надо»: «Вы вот так написали, а надо бы эдак!» Видимо, проблема в наличии своего рода жанрового канона учебника.

Перед нами – хорошее учебное пособие, скажем об этом без всяких оговорок. Нельзя не заметить, что авторский коллектив рецензируемого труда продолжает традиции источниковедческой школы, развитые еще в стенах Московского государственного историко-архивного института. Отмеченная связь проявлена в первую очередь в определении ряда ключевых позиций. И во взгляде на исторический источник как «на произведение человека и на феномен культуры», как «на продукт творчества человека и социума в широком смысле». И в определении места источниковедения в системе гуманитарного знания как интегрирующего начала гуманитаристики, как универсального метода «обращения к произведениям человека для любых гуманитарных и социальных наук». И в особом статусе источниковедения как маркера исторической науки и связующего звена внутри исторических дисциплин. Эти принципы (наряду с другими, о которых речь пойдет ниже) рефреном проходят через всю книгу и были декларированы авторами в предыдущем пособии, вышедшем в конце прошлого столетия в издательстве РГГУ, частью которого стал Московский историко-архивный институт [Источниковедение].

Фундаментальным представляется аргументированное положение авторов о важности источниковедческих знаний в общекультурном и профессиональном аспектах. В обоих случаях акцент делается на *понимании* – понимании человека другой культуры в первом и понимании природы нового знания, полученного из источников, во втором (с. 10–11)². В связи с этим заслуживает всяческой поддержки заявленный в учебном пособии принцип деления современного источниковедения на три составляющих, характеризующих его природу. Источниковедение выступает как системообразующая научная дисциплина, как метод получения нового знания о человеке и обществе и как инструмент исторического исследования. Такое восприятие источниковедения сформировало структуру пособия и обусловило, наряду с прочим, его принципиальную новизну. Новизна и востребованность учебника определены и целым рядом других качеств.

Во-первых, это четкость и обоснованность логики его композиции, что непосредственно проистекает из вышеупомянутого понимания тройственной природы источниковедения. Во-вторых, развернутая концепция закономерностей развития источниковедения в связи со сменой моделей науки (классической, неклассической, постнеклассической и неоклассической). В-третьих, понимание объекта источ-

---

² Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются в круглых скобках с указанием номеров страниц.

никоведения как *системы* видов исторических источников, изучение которых «конституировано как самостоятельный метод исследования различных социокультурных общностей» (с. 13). В-четвертых, продуктивное формулирование источниковедческого критерия периодизации исторического процесса, выводящего в новую плоскость давние дебаты о границах переходных эпох (с. 483–485). В-пятых, существенным преимуществом рецензируемого пособия по сравнению с уже бытующими в преподавательской практике учебниками является выделение в качестве самостоятельной проблемы применения метода источниковедения к изучению истории исторического знания (историографическим источникам). Широкий системный взгляд на этот вопрос, представленный в учебнике, начиная с изучения его предметного поля и завершая детальным анализом структуры источниковедческого исследования историографических источников различной типологической принадлежности, несомненно, носит инновационный характер. И, наконец, в-шестых – актуализация крайне важного в теоретико-познавательном плане вопроса замены откровенно устаревшего термина «внутренняя и внешняя критика» исторических источников понятиями «источниковедческий анализ и синтез» и «источниковедческое исследование», в связи с чем авторы вновь обращаются к фундаментальному принципу своего представления об источниковедении (определяющим смыслом которого является понимание человека другой культуры), сосредоточивая внимание на процедуре интерпретации.

Позволим, солидаризируясь с авторами, подробнее остановиться на этом сюжете. В работах советских историков 1960–1980-х гг., посвященных общетеоретическим проблемам исследования исторических источников и методике их анализа, доминировала точка зрения о двух взаимосвязанных стадиях работы с ними [см., например: Пронштейн]. Наряду с признанием того, что «последовательность аналитических операций» была воспринята марксистским источниковедением из «буржуазной науки», подчеркивалось отсутствие резкой грани между этапами внутренней и внешней критики и условность данного деления. Отмечалось, что все вопросы внешней критики источника не могут быть выяснены без изучения текста свидетельства. И. Д. Ковальченко, реже заслуженного упоминаемый в рецензируемом тексте, во втором издании своего учебника подчеркивал необоснованность выделения в источниковедческом анализе внешней и внутренней стороны, которое, на его взгляд, нарушает целостную структуру исторического источника [Ковальченко, с. 4–23]. Понятия «источниковедческий анализ», «научная критика», «источниковедческая критика» ученый использовал как синонимы. К концу XX в. вопрос о логической последовательности и наименовании приемов источниковедческого исследования оставался дискуссионным среди российских историков. Предлагалось, например, выделить три сменяющих друг друга этапа: эвристический, текстологический и гер-

меневтический [Георгиева, Георгиев]. В контексте истолкования исторического источника как явления культуры О. М. Медушевской была предложена структура источниковедческого исследования, основанная на феноменологическом подходе, закрепленная позднее в упомянутом выше учебнике, подготовленном учеными-преподавателями МГИАИ и доведенная до логического завершения в рецензируемом издании [Источниковедение].

Все в совокупности видится этапным моментом и характеристикой нового уровня в развитии учебной литературы в области не только источниковедения, но и исторического знания в целом. Теперь изменим масштаб обзора, пройдясь по отдельным разделам, частям и главам книги.

Первый раздел («Источниковедение как дисциплина исторической науки») структурирован в соответствии с заявленной авторами приверженностью представлениям о парадигмальном характере научного знания. В соответствии с этим смена источниковедческих парадигм увязана со сменой моделей науки, а изложение материала построено по принципу анализа вклада российских и зарубежных ученых в становление и институализацию источниковедения в хронологической последовательности (часть 1 – «История источниковедения»).

Начальный этап возникновения источниковедения и его развитие в рамках позитивистской парадигмы классической модели науки представлены всеми наиболее значимыми направлениями различных национальных традиций. Здесь показан важный вклад немецкой научной школы как в области развития методологии работы с источниками, так и в части прикладного источниковедения, отмечена российская скептическая школа. Последовательно проанализированы идеи И. Г. Дройзена и Э. Бернгейма, связанные с решением задач деления исторических источников и их критикой; исследовательский опыт Э. Фримана; этапные для утверждения позитивистской парадигмы труды Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса. Выделен вклад российских ученых-историков, чьи работы способствовали развитию российского источниковедения, – К. Н. Бестужева-Рюмина и Н. И. Кареева (с. 20–41).

Очерк о дисциплинарной эволюции источниковедения в неклассической модели науки сосредоточивает внимание читателя на «русской версии неокантианства» с ее «системообразующим принципом признания чужой одушевленности» (А. И. Вернадский, Б. В. Яковенко, И. И. Лапшин, В. М. Хвостов, А. С. Лаппо-Данилевский). Следует обратить внимание, что в учебном дискурсе понятие «принцип признания чужой одушевленности» встречает наибольшие трудности в освоении методологии источниковедения. В этой связи опора на широкое цитирование произведений ученых с последующим акцентом на разъяснении смыслов представляется наиболее оптимальным подходом в достижении целей обучения.

Существенное место в разделе занимает анализ концепции А. С. Лаппо-Данилевского, которая, собственно, и составила основу методологии отечественного источниковедения, базирующегося на феноменологическом понимании объекта исторического познания (исторического источника). Отправной точкой и ключевым звеном концепции является сформулированное выдающимся русским ученым определение понятия «исторический источник» как «реализованного продукта человеческой психики, пригодного для изучения фактов с историческим значением», а также созданная им теория интерпретации исторических источников (с. 42–76).

Что касается завершающего историческую часть раздела анализа развития источниковедения в XX в., то основное место авторы отделили западной исторической мысли в лице школы «Анналов» и критике проявлений позитивизма в исторической науке. Эта глава менее структурирована, чем другие, и на фоне предшествующего текста носит явно общий характер. Параграф, посвященный источниковедению в СССР, трудно оценить даже эпитетом «скромный». Он занимает лишь три с небольшим страницы (с. 86–89), основное содержание которых представляет обширная ссылка с перечнем публикаций, посвященных изучению российских исторических источников различных периодов. Конечно, в 1930-е гг. произошла серьезная деформация в развитии теоретических проблем отечественного источниковедения: утвердилось положение о необязательности документального обоснования выводов историка, постепенно был утрачен академический профессионализм, абсолютизировался партийный и классовый подход, исключались элементарные аналитические приемы в отношении советских документов и т. п. Но не стоит отрицать, что отечественное источниковедение прошло определенные этапы в своем развитии. В 1920–1980-е гг. была оформлена и получила развитие материалистическая концепция науки об источниках, сформировался ее предмет как самостоятельной отрасли научных исторических знаний. Учебные пособия М. Н. Тихомирова, С. А. Никитина, особенности учебных курсов, которые читались в МГИАИ, научная деятельность А. И. Андреева, заочная полемика Л. В. Черепнина с А. С. Лаппо-Данилевским, оживление интереса к теоретическим вопросам науки с конца 1950-х гг., дискуссии о проблеме классификации исторических источников, о статусе источниковедения как научной дисциплины 1960–1970-х гг., презентация информационного подхода И. Д. Ковальченко, публикации русских письменных источников, вклад в развитие методологии источниковедения С. О. Шмидта, С. М. Каштанова, И. Д. Ковальченко, Л. Н. Пушкарева, Б. Г. Литвака и др. – все перечисленные и еще многие другие имена и факты недопустимо исключать из того объема знаний, который следует усвоить современным студентам, получающим историческое образование. При этом недостаточен простой перечень научных публикаций. Необходим профессиональный комментарий, который поможет

высветить нюансы в оценках, трактовках и дискуссиях. Например, аналитического рассмотрения достоин источниковедческий контекст вопросов о том, какие постулаты концепции А. С. Лаппо-Данилевского принимались советскими историками, а что было отвергнуто и по каким причинам; исследовательские подходы, не изменившиеся по сути, но выступавшие под материалистической вывеской; позитивистская подохла марксистских деклараций в области методологии источниковедения и т. д.

В теоретической части первого раздела («Теория источниковедения») рассмотрены два подхода к определению понятия «исторический источник». Авторы упоминают, что эта дихотомия выделена из богатого разнообразия определений, и видят в ней мировоззренческие основы. Первое из перечисленных определений связано с именем С. О. Шмидта и вошло в научную и учебную литературу в статусе «широкой трактовки», характеризующей исторический источник как «все, откуда можно почерпнуть информацию о прошлом». Однако в основу концепции рассматриваемого пособия положено другое определение, восходящее к идеям А. С. Лаппо-Данилевского: «исторический источник – объективированный результат творческой деятельности человека / продукт культуры, используемый для изучения / понимания человека, общества, культуры как в исторической, так и в коэксистенциальной составляющих». Авторский коллектив подчеркивает «мировоззренческие, философские, этические различия и методологические следствия выбора одного из этих определений». С точки зрения авторов, на философско-мировоззренческом уровне граница между этими двумя типами определений «проходит по демаркационной линии между классической и неклассической философией». Основной вывод сторонников второго определения заключается в том, что разница между подходами прежде всего отражает «разное понимание природы исторического источника», что, в свою очередь, приводит к «различиям целеполагания в исследовательской работе и к различию способов исторического познания». Те, кто определяют источник как «всё», главной задачей историка считают «установление достоверных фактов путем так называемой критики исторического источника». «Базовой исследовательской стратегией, обусловленной пониманием исторического источника как произведения человека / продукта культуры, становится интерпретация исторического источника, цель которой – научно значимое понимание его автора как Другого, как человека иной культуры» (с. 92–95).

Рассмотрев позицию авторского коллектива, хотелось бы высказать предположение, что раскол между этими двумя подходами к определению исторического источника несколько драматизирован. Сторонники первого и второго типов определений вышли из одной школы – школы МГИАИ, и аргументы приверженцев широкой дефиниции неоднократно звучали в открытых дискуссиях на научных форумах и семинарах. С. О. Шмидт многожды подчеркивал отсутствие

противоречий между этими двумя взглядами на исторический источник именно благодаря тому, что им никогда не оспаривалось понимание источника как произведения человека³. Обращая внимание на «всё, что источает информацию», он подчеркивал, что понимание автора источника невозможно без учета всего, что влияло на деятельность последнего. Аргумент представителей широкой трактовки о положительном значении расширения источниковой базы также не кажется окончательно побежденным.

Но, говоря о рецензируемом пособии в целом, необходимо подчеркнуть, что наблюдаемая ситуация научной дискуссии вполне объективна. В свою очередь, авторский коллектив доказательно отстаивает с философских и познавательных позиций свою концепцию, опровергая ошибочность, с их точки зрения, иных подходов.

В связи с этим более важным в контексте анализа определений понятия «исторический источник» представляется другое. Если вспомнить задачи подобных изданий, то они заключаются в том, чтобы обучающийся получил представление обо всех, по возможности, актуальных взглядах на дискуссионную проблему. Поэтому большим упущением видится игнорирование информационного подхода к анализу природы исторического источника, разработанного И. Д. Ковальченко. Именно трактовка исторического источника с позиций теории информации определена концептуальной основой учебных пособий по источниковедению, вышедших из-под пера «наследников» этого направления [Голиков; Круглова и др. издания]. Эти книги неоднократно переиздавались и активно задействованы в учебном процессе, существуют признанные научные сообщества, базирующиеся в своих исследованиях именно на информационной трактовке в определении исторического источника. И. Д. Ковальченко предлагал обратиться к учению об информации, имея в виду, что все исторические источники являются носителями социальной информации. Главная идея, на которой основывался ученый, заключалась в том, что возникновение большинства исторических источников представляет собой информационный процесс. Привлечение в методологию источниковедения положений учения об информации потребовало скорректировать представления об историческом источнике, проанализировав его природу с позиций трех аспектов информации – прагматического, семантического и синтаксического. Не останавливаясь подробно на выводах Ковальченко о природе исторического источника, стоит привести здесь определение, соответствующее, кстати, довольно широко распространенной среди современных историков третьей точке зрения. Согласно «информационному подходу», «исторический источник – это все, что создано в процессе деятельности людей, несет информацию о многообразии общественной жизни и служит

---

³ Вот лишь одно из высказываний С. О. Шмидта на этот счет, характеризующее исторический источник как «память о человеческой деятельности, следы, памятники материальной и духовной культуры человека во всем ее многообразии...» [Шмидт, с. 9]. Сравним это с уже цитированным выше определением источника как «объективизированного результата творческой деятельности человека / продукта культуры».

основой для научного познания». Исторические источники, по мнению сторонников данного подхода, выполняют функцию накопления, хранения и передачи социальной информации о прошедшей действительности.

Различия между вторым и третьим подходами в определении исторического источника вызваны разным пониманием природной сути объекта исторического познания. Во втором случае это представления о прошлой действительности. В третьем – сама прошлая действительность.

Построение характеристики корпуса источников российской истории в рецензируемом пособии связано с трактовкой одной из самых сложных проблем источниковедения – с классификацией. Основной классификационной единицей в учебном пособии назван вид исторических источников, выделенный на базе критерия «единства целеполагания». Этот вид, как отмечают авторы, «соответствует той социальной функции, которую выполнял созданный человеком продукт – произведение человеческого творчества в породившей его культуре» (с. 113). Поскольку установление цели создания исторического источника – задача непростая, продуктивнее, отмечено в учебнике, определять его вид по первичной социальной функции, заданной соответствующей культурой (с. 114). Завершается раздел кратким, но емким очерком принципиально важных теоретико-методологических положений О. М. Медушевской (концепция когнитивной истории и понятие «эмпирическая реальность исторического мира»), дающих понимание возможности построения верифицируемого исторического знания и определяющих потенциальную основу полидисциплинарности гуманитарных исследований (с. 117–121).

В трудную ситуацию ставит рецензентов второй раздел пособия («Источниковедение как метод исторического познания»), точнее говоря, его первая часть («Корпус источников российской истории»), невыгодно контрастирующая как со своими «соседями», так и с другими частями и главами книги (с. 125–461).

Этот самый большой (практически половина от общего объема пособия) и по определению наименее поддающийся теоретизированию фрагмент несет очень важную миссию: он призван дать студенту полное системное представление обо всей совокупности письменных источников российской истории в их внутривидовой взаимосвязи и эволюции. Каких бы взглядов и предпочтений ни придерживались авторы тех или иных учебных текстов по источниковедению, чем бы они ни жертвовали ради доходчивости изложения или по причине дефицита средств на издание etc., они никогда не могли обойтись без включения в свой труд раздела о корпусе источников⁴.

Для краткости постараемся сгруппировать наши замечания в несколько блоков и снабдить их примерами.

---

⁴ Известны примеры, когда весь учебник, по сути, представлял собою такого рода свод, как, например, учебное пособие М. Н. Тихомирова [Тихомиров].

В первую очередь речь пойдет о недостатках определения классификационной принадлежности некоторых видов источников и связанной с этим группировкой материала в главах и параграфах. Хронологически первыми в этом ряду идут акты XI – начала XX в. (п. 1.3 и 2.4). Давая в первый раз определение актов, авторы как будто придерживаются так называемого «узкого» определения, вынося за скобки памятники законодательства, «частно-публичные документы», делопроизводственные документы и частную переписку (с. 171). Не будем полемизировать по этому поводу: в конце концов, при всей сложности определения актов авторы вольны принимать «широкое» или «узкое» их трактование, хотя даже в этом случае публично-частные акты, по крайней мере для периода Средневековья, все-таки будут подпадать под «узкое» понимание.

Проблема в другом. Характеризуя акты до XVIII в., авторы, следуя избранной схеме, не включают в число таковых законодательство, маркируя его нейтральным термином «законодательные источники» и вынося в отдельный параграф. Выделяют публично-правовые акты, к каковым относят международные договоры и договорные внутриполитические акты удельного периода (междукняжеские, княжеско-церковные, договоры князей и Новгорода, княжеские церковные уставы, уставные и жалованные грамоты), пополняя этот ряд княжескими завещаниями – духовными, наместничьими, губными, земскими, поручными и актами земских соборов XV–XVII вв. (с. 177–181, 184–185). Отмечают наличие частно-правовых актов, перечисляя ряд их разновидностей XIII–XVII вв., и публично-частных (с XV в.) – хотя, как казалось, их по авторской приверженности «узкому» толкованию акта здесь быть не должно – а также, через запятую, «распорядительно-договорные» и «распорядительные» (с. 185).

Здесь хочется остановиться и перевести дух. Зачем изобретать всю эту смесь? Благодаря колоссальной источниковедческой работе, проведенной С. М. Каштановым, его методика исследования и классификация русских актов прочно вошли в научный оборот и учебную литературу [Stolyarova, Koroleva]. Почему бы не придерживаться этой классификации, тем более что авторам пособия она известна как никому другому? Тогда бы «распорядительно-договорные» и «распорядительные» акты не встали в один ряд с публично-частными ввиду их разного расположения в классификационной иерархии, а уставные грамоты не попали бы одновременно в параграф о «законодательных источниках» (как это случилось с Двинской и Белозерской уставными грамотами) и в параграф «Акты». Тогда бы нашлось место среди актов публично-правовым актам церковных властей, о которых, как кажется, вовсе не упомянуто. И церковные княжеские уставы, вероятно, «ушли» бы в законодательные источники – ведь они как законы «устанавливают правовые нормы», тогда как акты «лишь используют законодательные нормы и не должны нарушать их» (как пояснялось на с. 171). В ситуацию с актами не вносит ясности и параграф, ха-

рактизирующий этот вид источников XVIII–XIX вв. Он вообще начинается с частно-правовых актов. Значит ли это, что с точки зрения авторов, в указанный период в России в принципе не существовало актов публично-правовых? И если таковыми по-прежнему не считать законодательство (именуемое при этом по отношению к имперскому периоду «законодательными актами», с. 264–266), то как быть с паспортами, широко вошедшими в практику с момента проведения петровской податной реформы? Не есть ли они публично-правовые акты удостоверительного вида? И едва ли можно согласиться с отсутствием публично-частных актов в этом историческом отрезке (тем более что их наличие было отмечено для предшествовавшей эпохи), благо, что эта категория была представлена очень широко в XVIII–XIX вв., например, договорами откупов и подрядов и договорами найма (контрактами) на казенную службу различных категорий иностранных специалистов.

Подобного рода недоразумения присущи и характеристикам некоторых видов источников советской поры. Два самых объемных комплекса советских исторических источников, делопроизводственные и статистические документы, объединены в один параграф, что является методически неверным, так как эти самостоятельные виды письменных источников хотя и связаны управленческой сферой (с. 399), но имеют свои специфические жизненные циклы, свое целеполагание, различные условия возникновения, содержательные характеристики и, естественно, методику исследования.

В качестве разновидностей делопроизводственной документации XX в. более или менее подробно рассмотрены нормативные документы, заявления и письма граждан, анкеты и протокольные материалы. В эту же часть попали совместные постановления партии и правительства, которые использованы в качестве показательного примера, демонстрирующего, что «наличие в них развернутых преамбул» заставляло эти документы играть «не столько делопроизводственную, сколько пропагандистскую роль» (с. 411). В данном случае необходимо уточнение позиции нормативной документации в системе делопроизводственных материалов. При наличии большого количества разнообразных форм документов рассматриваемого вида учебные цели требуют максимально четко и понятно для учащихся подходить к вопросам классификации, учитывая наличие переходных форм. Важной также является проблема ГОСТов, представления о которых обязательны для того, чтобы хорошо ориентироваться в системе, породившей делопроизводственные документы.

Второй блок замечаний может быть сведен к неравномерной презентации различных видов и видовых комплексов источников, что приводит к «исчезновению» или недостаточной характеристике одних из них и гипертрофированному представлению других.

Существенным недостатком такого рода является отсутствие параграфа о делопроизводственной документации XVI–XVII вв.

Последняя анализируется лишь с начала XVIII в. (с. 281), что создает иллюзию отсутствия таковой до этого времени. Между тем, приказная система управления впервые породила в России массовые источники: документацию приказов и их отдельных «столов», переписку приказов с воеводами и земскими старостами на местах, судебные дела, включающие челобитные, выписи, отписки, резолюции, документацию приказных и земских изб. Фонды приказов в РГАДА, фонды приказных изб в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН и других архивах насчитывают десятки тысяч документов приказного делопроизводства, изучение которых, помимо прочего, помогает понять механизм создания и других видов источников – актов и памятников законодательства. Отказавшись от анализа делопроизводственной документации XVI–XVII вв., авторы лишили себя возможности дать интегрированное описание системы документирования в допетровской России.

Нельзя согласиться с утверждением о том, что «на протяжении XVIII в. и почти всего XIX в. большая часть делопроизводственных документов возникла в системе государственного аппарата. И только в конце XIX в. в связи с акционированием промышленности и созданием монополий расширилась негосударственная сфера ведения делопроизводства» (с. 279). Трудно понять, почему в пособии, авторы которого сами являются признанными источниковедами-практиками и практикующими историками, появился этот пассаж. А как же быть с огромными архивами делопроизводства заводских и многочисленными архивами вотчинных контор XVIII в.? Да, документальное обеспечение управления в них строилось, как правило, по аналогии с государственным. Но это было по своей природе негосударственное делопроизводство, объемы которого если и не спорили с государственным, то занимали очень солидный сегмент в общем документообороте империи и, соответственно, занимают таковой в массиве соответствующих источников. Вообще делопроизводственным источникам в целом в рецензируемом пособии не очень повезло: их описание (для имперского периода) скромно уместилось на трех страницах (с. 281–283). Плюс страничка для источников специального делопроизводства, из которого оказалось кратко охарактеризовано лишь судебно-следственное (с. 284–285). Зато «повезло» адрес-календарям! На восьми (!) страницах текста в параграфе «Справочные издания» они чувствуют себя вполне вольготно, уступив подстранички младшим родственникам – «спискам» гражданских служащих, памятным книжкам и другим справочникам (с. 285–292). При всей увлекательности и полезности адрес-календарей никто не убедит нас в том, что их источниковедческая значимость и информационная ценность превзойдут весь корпус общего и специального делопроизводства имперской России.

То же и по XX в. В параграфе, посвященном законодательным документам, большое место отведено анализу классовой природы

Советов и их постепенному перерождению в бюрократическую организацию. Но документы, отражающие деятельность этих органов, вниманием обойдены. Разновидности законодательных исторических источников (декреты, конституции, кодексы, законы, указы и постановления высших органов государственной власти) рассмотрены в контексте условий их возникновения и организации функционирования. Нелишней здесь была бы классификация законодательных документов, чтобы учащиеся имели представление не только о деятельности высших органов власти. Ошибочным представляется игнорирование большой (количественно и сущностно) группы – «совместных постановлений партии и правительства».

Характеристика статистических источников ограничивается кратким экскурсом в историю организации советской статистики и небольшим перечнем статистических публикаций и мероприятий (переписей). Нет сведений о первичных и вторичных источниках статистических данных, формах учетных и отчетных документов, разновидностях материалов переписей, да и в целом система статистики, в которой принято выделять комплексы по промышленности, сельскому хозяйству, населению и трудовым ресурсам, не представлена.

Третий блок замечаний обусловлен тем, что описание некоторых видовых комплексов источников носит в большей мере эмоционально-оценочный, чем научный характер. Это касается главы, представляющей источники по истории советского периода. Она отличается публицистической тональностью и часто обличительным настроем. В результате историческим документам дана скорее политологическая, нежели источниковедческая характеристика.

Так, например, по мнению авторов учебного пособия, особенности источников новейшего времени порождены выходом на историческую арену масс. Названный социальный феномен привел к значительным «трансформациям» внутри корпуса существующих источников. Источники личного происхождения переживают «системный кризис», законодательство характеризуется прежде всего популизмом, так как его основным адресатом стали «простые люди», а не «профессиональные управленцы, юристы и экономисты», «подлинный расцвет переживает периодическая печать», в то время как делопроизводство и статистика изменились мало (с. 374–378).

Эти небесспорные положения реализованы в последующих параграфах учебного пособия и вызваны общим определением советского периода как тоталитарного, установившегося в 1917 г. и продолжавшего существовать до 1991 г.: «Облик российского общества минувшего столетия был определен тоталитарным режимом, сложившимся после большевистского переворота 1917 г. и распавшимся в конце 80-х – начале 90-х годов» (с. 377–378). Не хотелось бы упускать сложные «нюансы» советской эпохи, включившей в себя, например, и время расцвета авангарда в литературе и живописи 1920-х гг., и «разномыслие» в период послевоенного духовного подъема 1940-х,

и расцвет самиздата как «второй культуры» в «застойные» 1970-е, и т. д. Студентам-историкам, несомненно, полезно разбираться в неоднозначных процессах, имевших место в культуре советского общества и находивших отражение в исторических источниках.

Очень трудно согласиться с утверждением авторов главы о том, что «объединение характеристик периодики, публицистики и художественной литературы советского времени в одном разделе учебного пособия оправдано и единственно возможно в связи со спецификой исторической ситуации, сложившейся в России XX в.» (с. 419). Заявления о том, что в художественной литературе XX в. «грань между эстетикой и пропагандой оказалась полностью стертой» (с. 419), может ввести в заблуждение «неподготовленного читателя», каковыми часто являются современные студенты. Внушить им эту мысль – значит отрезать от широких пластов отечественной культуры. Особенно если вспомнить андеграунд в литературе позднесоветского периода, разнообразии стилей и жанров в художественной прозе и поэзии 1920-х, гонимых творцов как в публицистике, так и в литературе и т. д.

В то же время авторы учебного пособия в определенной степени сами себя опровергают, достаточно подробно проанализировав советскую художественную литературу в самостоятельном параграфе. Здесь представлены основные этапы «литературного процесса в России», официальные и запретные имена, явление самиздата и т. д. Хотелось бы отметить, что вопрос об источниковедческом значении современной художественной литературы совсем недавно был дискуссионным, поэтому разделы, посвященные ее источниковедческим характеристикам, пока не стали обязательной частью соответствующих учебников. В этой связи наличие данного раздела можно расценить как актуальное.

Удивление вызывают утверждения авторов параграфа об источниках личного происхождения. По их мнению, в советский период под напором цензуры происходят упадок культуры дневников и угасание личной переписки, которая проигрывала телефонной связи, а выход из кризиса этих жанров наметился только с появлением электронных сетей (с. 453–456). Не хочется приводить тривиальные аргументы о том, что телефон большую часть советского периода для многих семей был роскошью. Книга Н. Козловой – прекрасный пример исследования советской повседневности на основе переписки [Козлова]. Сегодня, к счастью, найдется довольно много примеров вовлечения в научную практику именно источников личного происхождения XX в. с целью исследования настроений, мнений, эстетических предпочтений и других психологических дискурсов жизни советских людей (В. Сомов, А. Лившиц, Л. Зализняк, С. Дэвис и др.).

В целом картина формирования и бытования источниковых комплексов в советское время более сложна и многогранна, не ограничена только их агитационной и пропагандистской функциями на

всех уровнях, как это, к сожалению, следует из текста главы, посвященной советским источникам. Хотелось бы увидеть в тексте анализ информационного потенциала и источниковых возможностей рассматриваемых документов, а не только неоднократные акценты на их идеологических характеристиках, которые, несомненно, важны, но в контексте серьезных герменевтических подходов и интерпретации источников.

Наконец, глава содержит то, что принято называть «досадными неточностями», приводит весь перечень которых не имеет смысла, но вовсе игнорировать их наличие непозволительно по жанру. Перечислим те, которые показались нам наиболее «колющими глаз». Так, говоря о редактировании Лицевого летописного свода XVI в., авторы упоминают отклоненную позднейшими исследователями гипотезу Д. Н. Альшица, но не пишут об авторстве принятой в настоящее время в науке гипотезы А. А. Амосова (с. 151). Следует отметить некоторые неточности в разделе о летописании: авторы говорят об отсутствии данных о летописной работе в Москве при князе Юрии (ум. 1325 г.), тут же отмечая, что первые следы такой работы датируются 1317 г. (с. 144).

В пособии приведены неверные данные о количестве сохранившихся уставных грамот наместничьего управления, таможенных и губных: утверждается, что документов таких разновидностей сохранилось 16 (с. 164). Между тем, хорошо известно, что уставных грамот наместничьего управления сохранилось 17, губных – 19, и кроме того, до нас дошли единичные экземпляры таможенных грамот [Аракчеев, с. 66–67]. Нечеткость формулировок в данной главе порождает двусмысленности и прямые ошибки в трактовке положений памятников права. Так, авторы утверждают, что постановлениями Судебника 1550 г. было запрещено обращать в холопство служилых людей (дворян и детей боярских) (с. 166). Общеизвестно, между тем, что Судебник лишь ограничивал сумму служилой кабалы для дворян и боярских детей 15-рублевым максимумом, а запрет принимать служилых людей в холопство был осуществлен лишь Статейным списком 23 июля 1641 г. и Соборным уложением 1649 г. [Соборное уложение].

В параграфе, посвященном актам доимперского периода, по меньшей мере спорной является характеристика актов земских соборов как «своеобразных договоров царей с сословиями». Общеизвестно, что большинство приговоров земских соборов (кроме избирательных актов соборов 1598 и 1613 г.) представляли собой декларации от имени верховной власти, включавшие лишь ссылки на мнения представителей сословий. И уж совершенно странным выглядит упоминание в этом контексте «крестоцеловальной записи» В. Шуйского 1606 г. (с. 186), которая, во-первых, не сохранилась (известна в пересказе), а во-вторых, была дана, скорее всего, не земскому собору, а верхушке государева двора.

Большую ценность представляет четвертый параграф, посвященный материалам государственного и вотчинного учета, писцовым и

переписным книгам, а также приходно-расходным книгам монастырей (с. 187–192). В пособии содержится обстоятельное изложение принципов описаний, дана характеристика крупнейшим валовым переписям. Отметим отдельные неверные утверждения, содержащиеся в параграфе, посвященном писцовым и переписным книгам. Авторы ограничивают верхнюю хронологическую границу составления писцовых книг 1630-ми гг., не упоминая писцовые книги 1680-х гг., когда было проведено незавершенное валовое описание земель страны. Ошибочно утверждение, что в ходе описания конца XV – начала XVI в. соха заменила местные окладные единицы, такие как обжа; на самом деле обжа входила в состав сохи до конца XVI в. Авторы пишут, что соху в разных уездах «составляло... неодинаковое количество дворов», в то время как соха в XVI в. не рассчитывалась исходя из количества дворов.

При рассмотрении советской Конституции 1977 г. утверждается, что всеобщее избирательное право было фактически ограниченным для тех, кто не состоял в партийной, профсоюзной, молодежной, кооперативной или творческой организации. В качестве примера притеснения «других общественных организаций» приводится деятельность инициативной группы «Выборы-79» (с. 385). Однако эта группа (деятельность которой сегодня изучается в контексте истории инакомыслия в СССР) не была общественной организацией в полном смысле слова, и цели ее представляли попытку создания прецедента альтернативных выборов, а не заявление себя в политической системе Советского Союза.

Значит ли это, что перечисленные недостатки сколько-либо перечеркивают качество и ценность рецензируемого пособия? Разумеется, нет. Даже подвергнутая нашей наиболее существенной критике часть «Корпус источников российской истории» вовсе не так нехороша, как может показаться. Напомним, что из трехсот с лишним страниц ее объема отмеченные нами недочеты составляют лишь малую часть. Кроме того, вторая и третья части раздела отличаются очевидными достоинствами, выгодно выделяющими рецензируемое издание из ряда многих. Они, собственно, и раскрывают сущность источниковедения как метода.

Во второй части раскрывается гносеологическая суть источниковедения через понятие «компаративного источниковедения» – фундамента сравнительно-исторического исследования. В порядке постановки проблемы авторы убедительно доказывают, что сравнение в принципе является одним из универсальных методов научного познания; полемизируют с учеными, допускавшими использование этого метода лишь по отношению к более или менее сходным объектам; анализируют применение сравнительного метода в исторических теориях XVIII–XX вв. и демонстрируют возможности компаративного источниковедения в сравнительно-исторических исследованиях, формулируя отмеченный нами в начале рецензии и чрезвычайно продуктивный источниковедческий критерий периодизации переходных исторических эпох (с. 463–503). Третья часть («Источникове-

дение историографии», с. 505–559) уже характеризовалась нами как инновационная и этапная в процессе создания источниковедческой литературы, и больше здесь добавить нечего.

Достоинство завершает пособие третий раздел «Источниковедение как инструмент исторического исследования», чрезвычайно важный как практическое руководство для будущих специалистов (с. 563–630). Превосходны главы, посвященные основным процедурам источниковедческого исследования. Опыт показывает, что во взаимосвязанной системе исследовательских процедур источниковедческого анализа и синтеза наибольшие сложности в освоении материала студентами приходится на понимание сути и результатов синтеза. В данном случае четко сформулирован результат источниковедческого синтеза как представление исторического источника в качестве социокультурного феномена, выявлено его место в видовой структуре корпуса исторических источников, порожденных определенной культурой, и возможность проведения культурологических компаративных исследований (с. 564–591). Развернутые примеры, сравнивающие формулировки исследовательских тем, существенно облегчают восприятие учебного материала. С изящной доходчивостью и элегантной простотой написана глава, разъясняющая принципы источниковедческого подхода к изучению историографических источников – анализ их происхождения и содержания и процедура деконструкции (с. 592–609). В небольших очерках раскрыты современные представления о формировании и характеристике источниковой базы научного исследования и об археографических (эдиционных, в термине авторов) практиках (с. 610–628).

В одной из последних глав учебного пособия авторы написали: «Осознанное / отрефлексированное формирование источниковой базы – неперенная характеристика строгого научного исследования» (с. 610). Наша рецензия, будучи жанром научного исследования, потенциально становится историографическим источником. Последнее же авторам, отрефлексируем свой текст и заодно попробуем подвергнуть его деконструкции. Примерно третья часть – хвалебная (несомненно, заслуженно); приблизительно такая же или чуть больше – критическая (надеемся, конструктивная), сопровождаемая дискуссией. Остальное – риторические приемы и синтаксические связи. Это, так сказать, условная статистика (разумеется, не в источниковедческом смысле этого слова). А каково же в итоге мнение авторов рецензии о пособии? Что в целом? В целом – современное высокопрофессиональное исследование, определенно знаковое и значимое событие в процессе развития как учебной литературы в области исторических наук, так и в развитии самой науки источниковедения, закономерный результат большого практического опыта и интеллектуального труда. Заслуженный успех наших коллег и друзей, доказавших, что источниковедение в единстве своих многозначностей есть то, что делает историю наукой.

Список литературы

- Аракчеев В. А. Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М.: Древлехранилище, 2014. С. 66–67.
- Георгиева Н. Г., Георгиев В. А. Историческое источниковедение: проблемы теории, истории и методики // Вестн. РУДН. Сер. История России. 2003. № 3. С. 237–263.
- Голиков А. Г., Круглова Т. А. Источниковедение отечественной истории / под общ. ред. А. Г. Голикова. М.: РОССПЭН, 2000. 437 с.
- Источниковедение истории СССР: учебник / Г. Наумова, И. Ковальченко, Л. Милов и др.; под ред. И. Д. Ковальченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. школа, 1981. 496 с.
- Источниковедение. Теория. История. Метод: Источники российской истории: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов и др. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1998. 702 с.
- Козлова Н. Н. Советские люди: Сцены из истории. М.: Европа, 2005. 527 с.
- Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1976. 468 с.
- Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л.: Наука, 1987.
- Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР: учеб. пособие. М.: Соцэкгиз, 1962. Вып. 1. С древнейшего времени до XVIII в. 495 с.
- Февр Л. Историзирующая история // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 70.
- Шмидт С. О. Источниковедение в семье гуманитарных и естественных наук // Историческая наука на рубеже веков / отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург: Волот, 2000. С. 9.
- Stolyarova L., Koroleva S. Sergey Kashtanov: Historiographer of the Russian and European Middle Ages // *Quaestio Rossica*. 2014. № 3. С. 255–280; 2015. № 1. С. 225–251.

References

- Arakcheev, V. A. (2014). *Vlast' i "zemlya": Pravitel'stvennaya politika v otnoshenii tyaglyh sosloviy v Rossii vtoroj poloviny XVI–nachala XVII veka* [The Power and the 'Land': Governmental policy towards the taxed estates in Russia in the 2nd half of 16th – early 17th centuries]. 512 p. Moscow, Drevlehranilishhe.
- Georgieva, N. G. & Georgiev, V. A. (2003). *Istoricheskoe istochnikovedenie: problemy teorii, istorii i metodiki* [Historical Source Studies: Problems of Theory, History and Methods]. In *Vestnik RUDN (Ser. Istoriya Rossii)*, 3, pp. 237–263.
- Golikov, A. G. & Kruglova, T. A. (2000). *Istochnikovedenie otechestvennoj istorii* [Source Studies in Russian history]. 437 p. Moscow, ROSSPEN.
- Koval'chenko, I. D., Naumova, G. & Milov, L. (Eds.). (1981). *Istochnikovedenie istorii SSSR: Uchebnik* [Source Studies in the History of USSR. A Tutorial] (2nd ed.). 496 p. Moscow, Vysshaya shkola.
- Danilevskij, I. N., Kabanov, V. V., Medushevskaya, O. M. & Rumyancheva, M. F. (1998). *Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossijskoj istorii: ucheb. posobie* [Source Studies: Theory. History. Method. The Sources in Russian History. A Tutorial]. 702 p. Moscow, Ros. gos. gumanit. un-t.
- Kozlova, N. N. (2005). *Sovetskie lyudi. Sceny' iz istorii* [Soviet People. Scenes from History]. 527 p. Moscow, Izd-vo Evropa.
- Pronshtejn, A. P. (1976). *Metodika istoricheskogo istochnikovedeniya* [Methods of Historical Source Studies]. 468 p. Rostov-na-Donu, Izd-vo Rostovskogo un-ta.
- Sobornoe ulozhenie 1649 goda: Tekst. Kommentarii* [Sobornoe Ulozhenie of 1649. Text. Commentaries] (1987). Leningrad, Nauka.
- Stolyarova L., Koroleva S. (2014, 2015). Sergey Kashtanov. Historiographer of the Russian and European Middle Ages // *Quaestio Rossica*. 2014. № 3. С. 255–280; 2015. № 1. С. 225–251.
- Tihomirov, M. N. (1962). *Istochnikovedenie istorii SSSR* [Source Studies in the History of USSR]. Vol. 1. S drevnejshago vremeni do XVIII v. Uchebnoe posobie. 495 p. Moscow, Soce'kgiz.

Fevr, L. (1991). *Istoriziruyushhaya istoriya* [The Historicizing History]. In Fevr, L. *Boi za istoriyu* (pp. 67–71). Moscow, Nauka.

Shmidt, S. O. (2000). *Istochnikovedenie v sisteme gumanitarny'h i estestvenny'h nauk* [Source Studies in the System of Humanities and natural Sciences]. In Redin, D. A. (Ed.) *Istoricheskaya nauka na rubezhe vekov* (pp. 4–13). Yekaterinburg, Volot.

The article was submitted on 10.06.2015

Владимир Анатольевич Аракчеев,
профессор,
Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия
arakk@rambler.ru

Vladimir Arakcheev,
Professor,
Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia
arakk@rambler.ru

Дмитрий Алексеевич Редин,
профессор,
Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия
volot@mail.ru

Dmitry Redin,
professor,
Institute of History and Archeology
of the Ural Branch of Russian
Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia
volot@mail.ru

Юлия Анатольевна Русина,
доцент,
Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург, Россия
iulia.rusina@urfu.ru

Yuliya Rusina, Dr.,
Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia
iulia.rusina@urfu.ru

СОКРАЩЕНИЯ

ABBREVIATIONS

- ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
VSNH – Vysshij sovet narodnogo hozyajstva
- ГАСО – Государственный архив Свердловской области
GASO – Gosudarstvennyj arhiv Sverdlovskoj oblasti
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv
- РГИА – Российский государственный исторический архив
RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv
- УЗТМ – Уральский завод тяжелого машиностроения
UZTM – Uralskij zavod tyazhelogo mashinostroeniya
- Школа ФЗУ – Школа фабрично-заводского ученичества
Shkola FZU – Shkola fabrichno-zavodskogo uchenichestva
- ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
CGIA SPb – Centralnyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga
- ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области
CDOOSO – Centr dokumentacii obshhestvennyh organizacij Sverdlovskoj oblasti
- AAN – Archiwum Akt Nowych
AN – Archives nationales
ANMC – Archives nationales, Minutier central des notaires de Paris
ANMT – Archives nationales du Monde du Travail, à Roubaix
BArch – Bundesarchiv
BCL – Archives de la Banque Crédit Lyonnais
BUP – Archives de la Banque de l'Union parisienne
CoCom – Coordinating Committee for Multilateral Export Controls
IIB – Internationale Investitionsbank
RGAE – Russisches Staatliches Wirtschaftsarchiv
RGW – Rat für Gegenseitige Wirtschaftshilfe

ПАМЯТКА АВТОРА

Информация о журнале

Научный журнал «Quaestio Rossica» издается с 2013 г. Учредителем и издателем журнала является ФГАОУ «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». Журнал является периодическим изданием (выходит 4 раза в год).

Журнал «Quaestio Rossica»

- зарегистрирован как научное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013);
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации серийных изданий (International Standard Serial Numbering) с присвоением международного стандартного номера ISSN 2311-911X;
- включен в объединенный каталог «Пресса России», индекс № E43166.
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета (<http://urfu.ru/science/proceedings/>) и на собственном сайте журнала (<http://qr.urfu.ru>). Журнал индексируется в *Web of Science*.

• При цитировании статей из «Quaestio Rossica» необходимо указывать DOI.

Редакционная политика журнала ориентируется на современные гуманитарные исследования, свободные от идеологических штампов, базирующиеся на использовании различных научных парадигм, введении в научный оборот новых источников. Приветствуется академический уровень подачи материала, историографическая полнота и дискуссионность. Редколлегия журнала следует правилам научного либерализма, предусматривающего публикацию мнений вне зависимости от идеологических взглядов.

Порядок приема и движения рукописи

- Журнал рассматривает научные статьи объемом не более одного учетно-издательского (авторского) листа (40 000 знаков с пробелами).
- К публикации в журнале принимаются не публиковавшиеся ранее научные статьи, обзоры и рецензии, освещающие актуальные вопросы российской *истории, филологии, культуры и искусства*, а также исследования компаративистского характера.
- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии, сопровождается аннотацией на русском и английском языках, с указанием темы и цели работы, методологии исследования, источников, основных результатов (от 350 до 500 слов), перечнем ключевых слов на русском и английском языках. Заполняется анкета автора (см. ниже).
- Страницы рукописи **нумеруются**.
- Иллюстрации к статье даются отдельным файлом в формате .jpeg с максимальным качеством (разрешение не ниже 600 dpi), с подписями на русском и английском языках, указанием места иллюстрации в статье.
- К статье прилагаются таблица со сведениями об авторах и таблица со сведениями о статье.
- Рукописи высылаются по электронному адресу журнала: qr.urfu.ru или электронным адресам редакторов соответствующих разделов, указанных на сайте журнала.
- Статьи принимаются к рассмотрению в течение всего года.
- Редколлегия уведомляет автора рукописи о том, принят или не принят к публикации материал.

Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

- **Формат бумаги** – А4 (210 x 279 мм), ориентация книжная.
- **Программа** – Word, **гарнитура** – Times.
- **Поля** – все по 2 см.
- **Размер шрифта** (кегель) – 14 (алгоритм набора: Формат – Шрифт – Размер – 14)
- **Межстрочный интервал** – полуторный (Формат – Абзац – Междустрочный – Полуторный).
- **Межбуквенный интервал** – обычный.
- **Абзацный отступ** – 1,25 (Формат – Абзац – Первая строка – Отступ – 1,25).
- **Выравнивание текста по ширине** (Формат – Абзац – Выравнивание – По ширине).
- Нумерация страниц (Вставка – Номер страницы – Внизу, справа).
- Переносы обязательны (Сервис – Язык – Расстановка переносов – Автоматическая расстановка переносов).
- Квадратные скобки – на латинской клавиатуре (переход на латиницу с помощью клавиш Shift и Ctrl, нажатых одновременно).
- **Межсловный пробел** – в один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е.*, *т. п.*, *т. д.*, *т. к.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М.*, 1995. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *А. С. Пушкин.*
- **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Н. Заболоцкого конца 1920-х – начала 1930-х гг.*
- **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941–1945 гг.*, с. 8–61.
- **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту («...» – внешние, «...» – внутренние).
- **Точка, запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: *«Наши дети – энциклопедисты по самому характеру своего мышления», – говорил Маршак¹.*
- **Римские цифры** набираются с помощью латинской клавиатуры.
- **Буква ё/Ё** заменяется буквой е/Е за исключением важных для смысла различия контекстов, например: *Всем обо всём.*
- При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.
- Не допускаются пробелы между абзацами.
- Цитирование исторических источников и художественных текстов производится на языке оригинала с переводом в примечаниях на язык статьи.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи – **рубрикационные** (заголовки, подзаголовки) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).
- Смысловые выделения в авторском тексте оформляются разрядкой (Формат – Шрифт – Интервал – Разреженный – 2).
- Короткие примеры в авторском тексте выделяются светлым курсивом, при необходимости используется полужирый курсив, например: *«Неблагозвучны громкие стечения согласных на стыке слов (пусть встреча состоится)».* Отдельные фрагменты прозаического текста выделяются мелким шрифтом с отбивками от основного текста.

Примечания и библиографические ссылки

- Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания даются по правилам оформления ссылок.
- Ссылки – затекстовые, оформляются в соответствии с национальным стандартом РФ ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка», введенным с 1 января 2009 г. Обязательны указания на количество страниц в издании и на страницы цитируемых статей. Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.
- Отсылки в тексте – в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1–3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании.

нии. Например: [Толстой, т. 4, с. 287]. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора.

• Для ссылок на электронные ресурсы используют аббревиатуру URL (Uniform resource Locator – унифицированный указатель ресурса) и дату обращения. Например: URL:<http://www.prognosis.ru> (дата обращения: 13.03.2015).

Примеры оформления списка литературы :

Полдников Д. Ю. Этапы формирования цивилистической договорной теории ius commune // Государство и право. 2012. № 6. С. 106–115.

Смирнов М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). Париж, 1930. 62 с.

РГАВМФ. Ф. 406, 418, 609, 701, 716. Р-181, Р-183, Р-187.

Босић Д. Косово. Београд, 2004. 281 с.

Bryson G. Man and Society. The Scottish Inquiry of the Eighteenth century. Princeton, 1945. 287 p.

Emerson R. The social composition of Enlightened Scotland: the Select Society of Edinburgh 1754–1764 // Studies on Voltaire and the eighteenth century, CXIV. 1973. P. 291–329.

United States Department of State // Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1941. General, The Soviet Union (1941). URL: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v01> (дата обращения: 12.07.2013).

Сведения об авторе на русском и английском языках

Фамилия / Surname	
Имя, отчество / Name, middle name	
Ученая степень, звание / Academic degree, rank	
Организация (с указанием страны и города) / The organization (with the indication of the country and city)	
Должность / Position	
Почтовый адрес и телефон места работы / Postal address and phone of a place of work	
Сфера научных интересов / Sphere of scientific interests	
E-mail	
Контактный телефон / Contact phone	
Адрес для почтовой рассылки / The address for a mailing group	

Анкета статьи (таблица РИНЦ)

ФИО автора / Author	
Организация / Organization	
Страна / Country	
Город / City	
E-mail:	
Наименование статьи / Title of article	
Аннотация / Abstract	
Ключевые слова / Keywords	
Список библиографических ссылок в алфавитном порядке	

Электронный адрес: qr.urfu.ru

Научное издание

Quaestio Rossica

№ 4, 2015

Редакторы	<i>Е. Берзина</i> <i>А. Иванова</i>
Верстка	<i>А. Матвеев</i>

Подписано в печать .12.2015. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,81.
Тираж 500 экз. Заказ № 517.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru

Иллюстрации к статьям:

Е. Ефремова. «Здесь будет город-сад»: утопический образ города
в заводской газете Уралмаша

Е. Алексеев. «Звучание тишины»: контрасты и парадоксы
сталинской эпохи в газетной графике

За тяжелое машиностроение. № 255. 1935. 7 ноября

1. Коммунистический
интернационал молодежи.
Плакат. 1934. 1 сент.

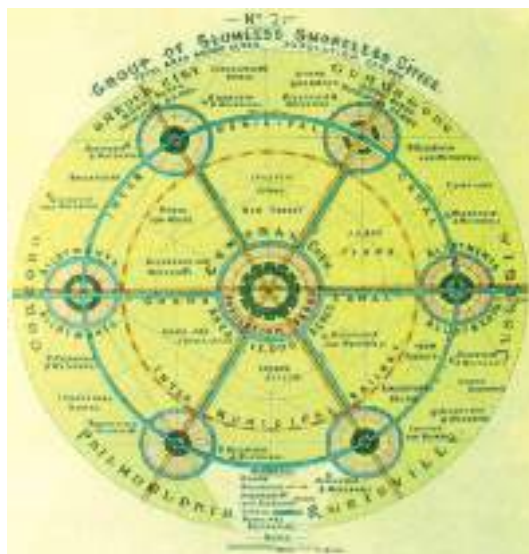

2. Привет лучшим
физкультурникам Уралмаша.
Плакат. 1934. 5 сент.

3. Международная детская неделя.
Плакат

Illustration for article:
A. Vronskaya. *The Utopia of Personality: Moisei Ginzburg's Project
for the Moscow Park of Culture and Leisure*

5. E. Howard. Group of Slumless, Smokeless Cities.
Garden Cities of To-Morrow. Sonnenschein
publishing. 1902

8. M. Ginzburg. Green City //
Строительство Москвы. 1930. № 3